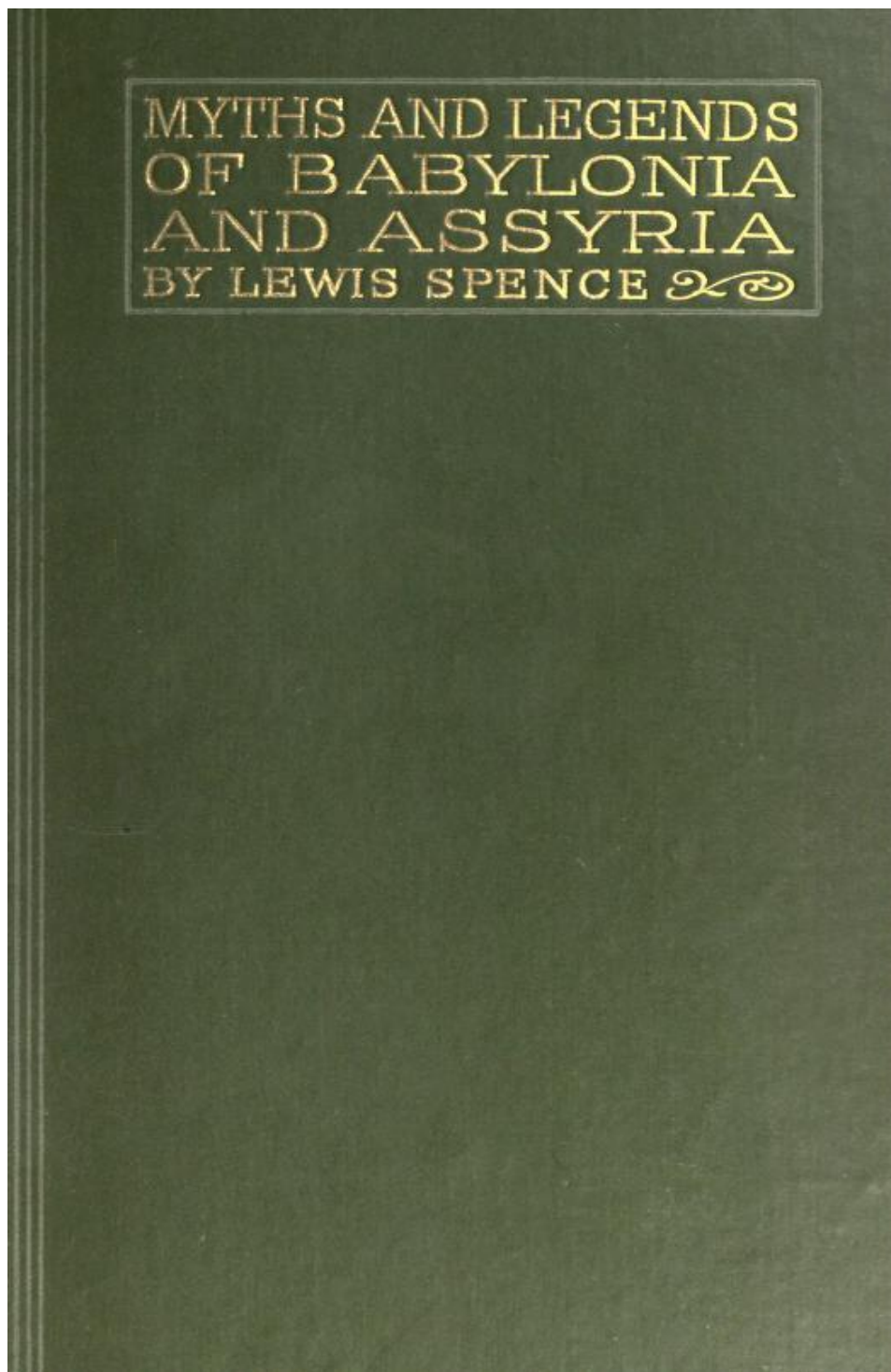

Мифы и легенды Вавилонии и Ассирии

Льюис Спенс

The Project Gutenberg eBook of Myths & Legends of Babylonia & Assyria.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Мифы и легенды Вавилонии и Ассирии

Автор: Льюис Спенс

Иллюстратор: Эвелин Пол

Дата выхода: 15 марта 2014 [eBook #45137]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Клэр Грэм и Марком Д'Хуге (<http://www.freeliterature.org>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ ***

The Project Gutenberg eBook, Myths & Legends of Babylonia & Assyria, by Lewis Spence,
Illustrated by Evelyn Paul

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <https://archive.org/details/mythslegendsofba00speniala>

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ

АВТОР ЛЬЮИС СПЕНС Ф.Р.А.И.

АВТОР "МИФОВ МЕКСИКИ И ПЕРУ" "ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ МЕКСИКИ" "ПОПОЛЬ ВУХ"
"МИФОВ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ" "МИФОВ И ЛЕГЕНД ДРЕВНЕГО ЕГИПТА" И ДР.
С ВОСЕМЬЮ ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ЭВЕЛИН ПОЛ И ТРИДЦАТЬЮ ДВУМЯ ДРУГИМИ
ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

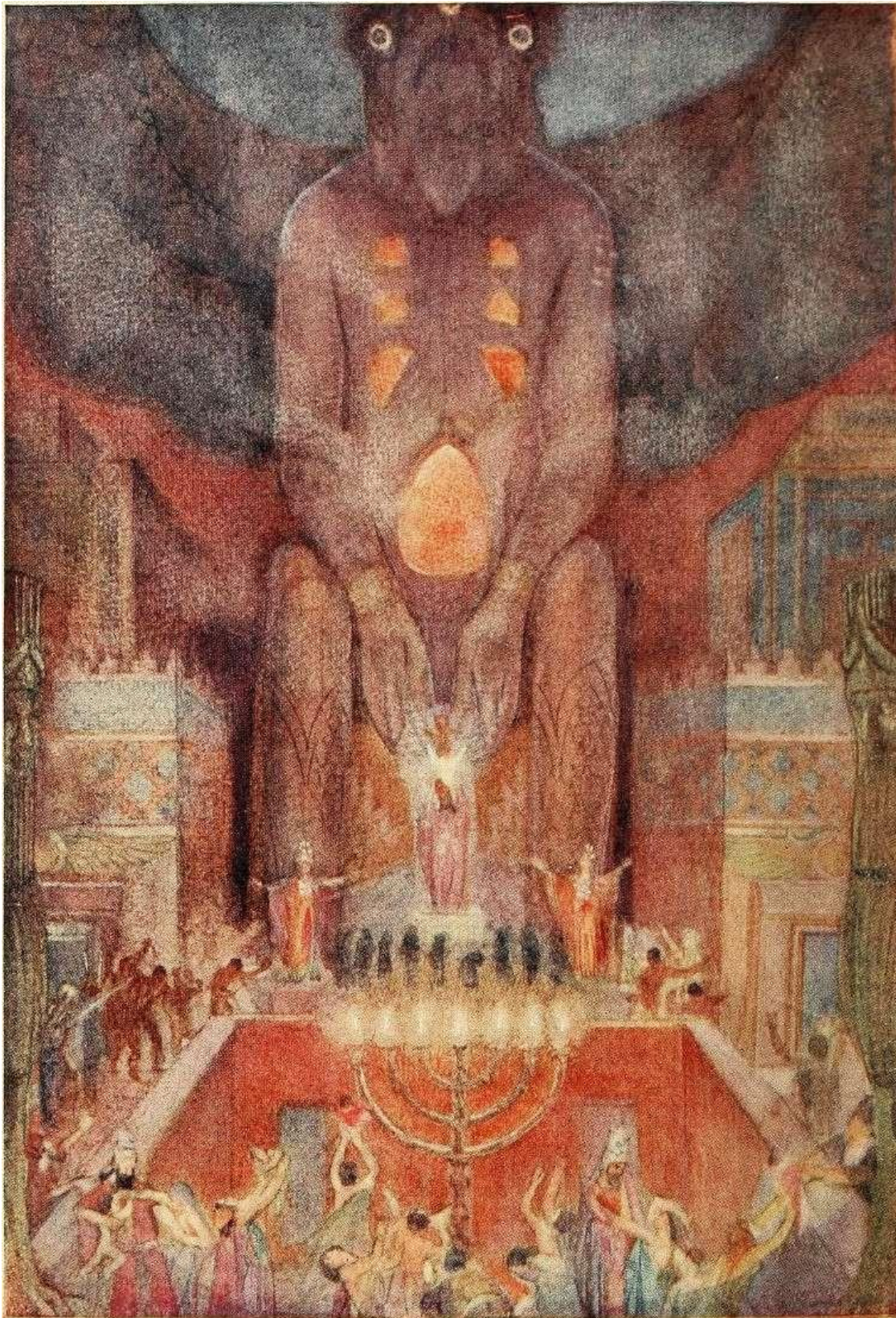

ЛОНДОН

GEORGE G. HARRAP & COMPANY, LTD.

2 & 3 PORTSMOUTH STREET KINGSWAY W.C.

1916

Штурм города с барельефа, изображающего походы Сеннахериба
Фото W.A. Mansell and Co.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги - не только дать популярное изложение религии и мифологии древней Вавилонии и Ассирии, но и извлечь и представить читателю сокровища романтики, скрытые в этой теме, особое богатство которой было признано с первых дней археологических работ в Халдее. К сожалению, за редким исключением, писатели, сделавшие эту область предметом специального изучения, редко смогли одержать победу над ограничениями, которые так часто накладываются на научные и исследовательские работы. Правда, страницы Роулинсона, Смита, Лэйарда и Сэйса время от времени оживляются картинами ассирийского великолепия и вавилонской славы - блеска, который вырывается наружу, когда занавес, скрывающий чудесное прошлое, частично приподнимается - но такие проблески являются лишь интерлюдиями в длинных исследованиях, которые слишком часто должны быть утомительными для широкого читателя.

Именно это соображение и послужило причиной подготовки данного тома. Разве не может быть написана книга, содержащая чистое золото вавилонской романтики, освобожденное от темной руды антикварных исследований? Пока все хорошо. Но золото в чистом виде, как известно, непригодно для использования, а сплав, делающий его более полезным, может ничего не убавить от его блеска. Романтика или не романтика, но в наши дни не стоит рассказывать о богах, не попытавшись определить их природу и происхождение. Как никогда раньше, романтика и знания являются необходимым условием для создания удовлетворительной книги по мифологии.

Тем не менее, предполагается, что именно современному читателю, который любит романтику древности, эта книга придется по душе. Утверждается, что большая часть халдейской романтики сосредоточена вокруг удивительной мифологии и религии этой земли; поэтому именно этим отделам халдейской истории посвящен данный том. Но не обойдена вниманием и история Вавилонии и Ассирии. Великие имена из ее летописей будут постоянно повторяться на этих страницах, в большинстве случаев сопровождаемые рассказами или легендами, которые осветят обстоятельства их карьеры и помогут сохранить их в памяти читателя. Не была забыта и библейская связь с Халдеей; читатель по ходу изложения будет часто обращаться к страницам самой живописной Книги в мире.

L. S.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВАВИЛОНИЯ И АССИРИЯ В ИСТОРИИ И ЛЕГЕНДАХ	11
II. ВАВИЛОНСКАЯ КОСМОГОНИЯ	70
III. РАННЯЯ ВАВИЛОНСКАЯ РЕЛИГИЯ	88
IV. ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ	154
V. ПОЗДНИЙ ПАНТЕОН ВАВИЛОНИИ	184
VI. ВЕЛИКИЙ БОГ МЕРОДАХ И ЕГО КУЛЬТ	199
VII. ПАНТЕОН АССИРИЙЦЕВ	203
VIII. ВАВИЛОНСКОЕ ЗВЕЗДОПОКЛОНСТВО	231

IX. ЖРЕЧЕСТВО, КУЛЬТ И ХРАМЫ	239
X. МАГИЯ И ДЕМОНОЛОГИЯ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ	257
XI. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧУДОВИЩА И ЖИВОТНЫЕ ХАЛДЕИ	289
XII. СКАЗАНИЯ О ВАВИЛОНСКИХ И АССИРИЙСКИХ ЦАРЯХ	299
XIII. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ВАВИЛОНСКОЙ И АССИРИЙСКОЙ РЕЛИГИЙ	313
XIV. СОВРЕМЕННЫЕ РАСКОПКИ В ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ	339
XV. СУМЕРКИ БОГОВ	377
ГЛОССАРИЙ И УКАЗАТЕЛЬ	381

(Расширенный ТОС - добавлен транскрипторами).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Жертвоприношение Бэлу (*Эвелин Пол*) Фронтиспис
 Нападение на город
 Базальтовая стела с выгравированным текстом Свода законов Хаммурапи
 Сеннахериб получает дань
 Смерть Сарданапала (*Л. Шалон*)
 Библиотека царя Ассур-бани-пала в Ниневии (*Фернан Л. Кесне*)
 Даниил толкует сон Навуходоносора (*Эвелин Пол*)
 Дарование привилегий Ритти-Мардуку Навуходоносором I
 Бирс Нимруд, Вавилонская башня
 Убийство Сетапо (*Эвелин Пол*)
 Семь скрижалей творения
 "Могуч был он на вид" (*Эвелин Пол*)
 Конфликт между Меродахом и Тиаватом
 Типы Эн-лиля, главного бога Ниппура, и его супруги Нин-лиль
 Иштар, как (1) богиня-мать, (2) богиня войны, (3) богиня любви
 Богиня-мать Иштар (*Эвелин Пол*)
 Ассирийская на скальной скульптура
 Ассирийский тип Гильгамеша
 Ут-Напиштим делает подношение богам (*Аллан Стюарт*)
 Небо
 Зал в ассирийском дворце (*сэр Генри Лэйард*)
 Тиглат-Пилесер I под руководством Ниниб (*Эвелин Пол*)
 Ассур-назир-пал в сопровождении крылатого мифологического существа
 Зиккураты Ану-Адада в Ашуре
 Сценическая башня в Самарре
 Раскопанные руины храма Э-Сагилы
 Изгнание демонов болезней
 Глиняный предмет, напоминающий овечью печень
 Мифологическое существо с орлиной головой
 Взятие Саррапану Тиглатом-Пилесером II (*Эвелин Пол*)
 Роковое затмение (*М. Довастон, Р.В.А.*)
 Шалманесер I высыпает пыль из завоеванного города (*Амброз Дадли*)
 Брачный рынок (*Эдвин Лонг, Р.А.*)
 Королевская охота

Илия одерживает победу над жрецами Ваала (Эвелин Пол)
Черный обелиск Шалманесера II
Очертания курганов в Нимруде (сэр Генри Лэйард)
Дворцы Нимруда (Джеймс Фергюсон)
Работа раскопщиков в Вавилоне
Руины Вавилона
Висячие сады Вавилона (М. Довастон, R.V.A.)

ГЛАВА I: ВАВИЛОНИЯ И АССИРИЯ В ИСТОРИИ И ЛЕГЕНДАХ

Для наших отцов до почти столетия назад Вавилон был не более чем могущественным именем - гигантским скелетом, чьи ребра то тут, то там выступали из песков Сирии в виде колоссальных руин башен и храмов. Но теперь серая пелена, скрывавшая от глаз остатки сияния и блеска ее древнего великолепия, в некоторой степени рассеялась, и благодаря трудам группы ученых и исследователей, чьи жизни и работа должны быть отнесены к самым романтическим отрывкам в истории человеческих усилий, мы имеем возможность увидеть чудесную панораму человеческой цивилизации, как она развивалась в долинах Тигра и Евфрата.

Имя "Вавилон" несет в себе отзвук глубокого, таинственного заклинания, такого, которое можно произнести в недрах тайных храмов. Оно пробуждает в воображении тысячи отголосков. Он хранит музыку, более богатую, чем музыка Египта. Вавилон, Вавилон - звучное очарование этого слова подобно строке из великого эпоса. Оно падает на ухо историка, как далекий гром. За величиим Рима и красотой Греции он вырисовывается как огромная и густая тьма, над которой время от времени вспыхивают потоки неопределенного света, когда полузабытые короли и жрецы, завоеватели и тираны, полубоги и могучие строители проходят сквозь мрак из неизвестности в неизвестность - иногда в полном блеске исторического признания, но чаще в полусвете и частично облегченном сумраке неопределенности. Другие фигуры, опять же, движутся, как призраки, в полной и абсолютной темноте, и они, безусловно, наиболее многочисленны из всех.

Но дух Вавилона - это не мягкая и манящая вещь, красноречиво говорящая о восточных чудесах или заряженная восхитительным очарованием Востока. Скорее, он суров и силен, пронизан судьбой и эпичен в своем напряженном осознании предназначения. В вавилонской истории есть только две значимые фигуры - солдат и жрец. Мы имеем дело с расой суровой и строгой, расой строгих религиозных приверженцев и завоевателей, римлян Востока, но не лишенной воображения, ибо вавилоняне и ассирийцы происходили из той породы, которая дала миру его величайшие религии, иудаизм, христианство и магометанство, расой, не лишенной чувства тайны и науки, ибо Вавилон был матерью астрологии и магии и положил начало изучению звезд; И, наконец, коммерция, ведь первые настоящие финансовые операции и первые дома обмена были основаны в тени ее храмов и дворцов.

Границами земли, где расы Вавилонии и Ассирии развили одну из самых замечательных и оригинальных цивилизаций в мировой истории, являются две могучие реки Западной Азии, Тигр и Евфрат, причем Ассирия отождествляется с более северной и гористой частью, а Вавилония - с более южной, которая склоняется к равнине и болотистой местности. Обе

территории были населены людьми одной расы, за исключением того, что ассирийцы приобрели черты населения, проживающего в холмистой местности, и в некоторой степени смешались с хеттами и аморитами. Но и те, и другие были ответвлениями древнего семитского племени, эпоху прихода которого на землю установить невозможно. В древнейших обнаруженных надписях мы видим, как эти семитские переселенцы враждуют с коренным населением страны, аккадцами, с которыми им впоследствии пришлось смешаться и чьи верования, магические и оккультные представления они впоследствии включили в свои собственные.

Аккадцы

Кто же были аккадцы, которых вытеснили вавилонские семиты, но с которыми они в итоге смешались? Велики и горьки споры, которые велись вокруг расового родства этого народа. Одни считали, что они сами были семитского происхождения, другие - что они принадлежали к расе, более близкой к монголам, саамам и баскам. В такой книге, как эта, целью которой является изложение вавилонской мифологии, нет необходимости следовать за сторонниками обеих теорий в темные глубины, куда их завел конфликт. Но есть вероятность, что аккадцы, которые обычно изображаются на своих памятниках как безбородый народ с косыми глазами, были связаны с той великой монгольской семьей, которая протянула щупальца из своего первоначального дома в центральной Азии в замерзшие регионы Арктики, на север Европы, в Турецкую империю, да, пожалуй, и в самую Америку! Аккадский язык по своим языковым особенностям и особенно по своей грамматической структуре обнаруживает сходство с урало-алтайской группой языков, которая охватывает турецкий и финский, и это само по себе является хорошим доказательством того, что люди, говорившие на нем, принадлежали к этому этническому подразделению. Но вопрос этот непростой, и можно было бы исписать страницы, а то и тома, приводя аргументы за и против такого мнения.

Однако именно от аккадцев вавилонские семиты получили зародыши своей культуры; можно утверждать, что этот аборигенный народ проложил им дорогу к цивилизации. Они не только обучили новоприбывших семитов искусству письма и чтения, но и сильно укрепили их религиозные убеждения и настолько внушили им мысль о святости их собственной веры, что позднее вавилонское жречество сохранило среди них старый аккадский язык как священный, подобно тому как римское жречество сохранило использование мертвой латинской речи. Действительно, правильное произношение аккадского языка было абсолютной необходимостью для успешного исполнения религиозного ритуала, и мимоходом странно заметить, что вавилонские жрецы составляли новые религиозные тексты на разновидности аккадского, как монахи Средневековья составляли свои труды на собачьей латыни - с таким рвением религиозные люди во все века цеплялись за культ древнего, мистического и полузабытого, неизвестного вульгарному человеку.

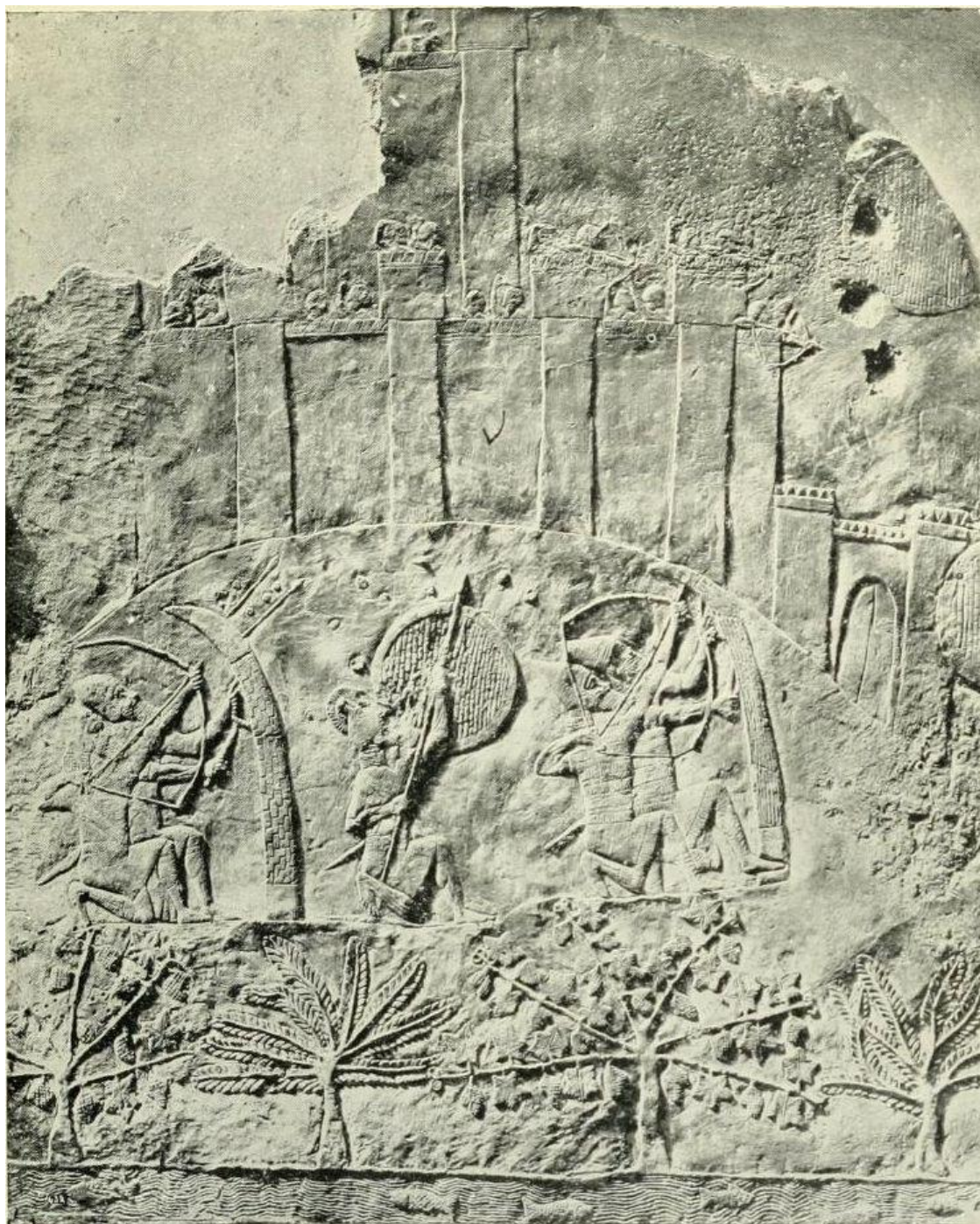
Когда мы впервые сталкиваемся с вавилонской цивилизацией, мы видим, что она сгруппировалась вокруг двух ядер - Ниппура на севере и Эриду на юге. Первое выросло вокруг святилища бога Эн-лиля, властвовавшего над призрачными духами-анималистами, которые по его приказу могли выдавать себя за друзей или врагов людей. Более "цивилизованное" божество властвовало в Эриду, где обитал Эа, или Оаннес, бог света и мудрости, который использовал свои знания о целительском искусстве на благо своих жертв. Из вод Персидского залива, откуда он поднимался каждое утро, он принес знания обо всех видах ремесел и торговли, искусств и производств для своего младенческого города, даже о мистическом и сложном искусстве нанесения письменных знаков на глину. Из старой легенды до нас дошла прекрасная картина того, как этот рожденный морем мудрец

ежедневно просвещает жизнь маленького белого города у вод . Семиты обладали глубокой и почти инстинктивной любовью к мудрости. В писаниях, приписываемых Соломону, и в богатых и удивительных псалмах Давида - этих глубоких шахтах песен и мудрствований - мы снова и снова находим восхваление мудрости. И все же мало найдется народов, среди которых любовь к учености, эрудиции и религиозной мудрости культивировалась бы больше ради нее самой, чем у евреев.

Эти довольно разные культуры Севера и Юга, работающие к общему центру, встретились и слились в период, предшествующий началу истории, и мы даже видим, что город Ур, откуда пришел Аврам, был ближайшим соседом Эриду, колонизированным Ниппуром! Тем не менее культура Эриду преобладала, и ее самым могущественным ответвлением стал конечный центр евфратской цивилизации - Вавилон. Первые основатели города, несомненно, были выходцами из Шумера - выражение "шумерский" вошло в моду среди современных ученых вместо более древнего "аккадского" и поэтому взаимозаменяемо с ним.

Семитские завоеватели

Вероятно, примерно в период слияния цивилизаций Эриду и Ниппура в страну пришли семиты. Есть основания полагать, что, как и в случае с семитскими иммигрантами в Египте, они пришли из Аравии. Семит с готовностью принял шумерскую цивилизацию, процветавшую в долине Евфрата, и адаптировал шумерскую систему письма к своему языку, о чем будет сказано позже. Но и сами шумеры не отказались от заимствований из богатого семитского языка, и многие из самых ранних шумерских текстов, с которыми мы сталкиваемся, сильно семитизированы. Но хотя семиты, по-видимому, проникли на территорию Шумера через Эриду и Ур, первые определенные сведения об их присутствии мы находим в памятниках более северной части этой территории, в так называемом Аккаде, по соседству с Багдадом, где они основали небольшое царство примерно так же, как джуты основали королевство Кент. Самые ранние памятники, однако, происходят из Лагаша, современного Тель-ло, примерно в тридцати милях к северу от Ура, и повествуют о взаимоотношениях верховного жреца этого места с другими соседними сановниками. Жрецы Лагаша становились царями, и их завоевания простирались за пределы Вавилонии до Элама на востоке и на юг до Персидского залива.

Штурм города с барельефа, изображающего походы Сеннахериба - Фото W. A. Mansell and Co.

Вавилонский завоеватель

Но первой великой семитской империей в Вавилонии была империя, основанная знаменитым Саргоном Аккадским. Как и в случае со многими популярными героями и монархами, чьи деяния запечатлены в песнях и рассказах - например, Персеем, Эдипом, Киром, Ромулом и нашим королем Артуром, - ранние годы Саргона прошли в неизвестности. Саргон, по сути, один из "роковых детей". По легенде, он родился в сокрытии и, подобно Моисею, был отправлен в ковчеге из камыша на воды Евфрата, где был спасен и воспитан неким Акки, земледельцем. Но время его признания наконец пришло, и он получил корону

Вавилонии. Его внешние завоевания были обширны. Четыре раза подряд он вторгся в Сирию и Палестину, которые ему удалось объединить в единую империю с Вавилонией. Доведя свои победы до края Средиземного моря, он воздвиг на его берегах статуи самого себя в подтверждение своих завоеваний. Он также покорил Элам и северную Месопотамию и подавил восстание некоторого масштаба в своих собственных владениях. Его сын, Нарам-Син, присвоил себе титул "Царь четырех зон" и расширил империю, оставленную ему отцом, проникнув даже в Аравию. На памятнике, найденном Ж. де Морганом в Сузах, он изображен торжествующим над покоренными эламитами. Он видит, как его копье проходит через распростертое тело воина, чьи руки подняты вверх, как бы умоляя о пощаде. Его головной убор украшен рогами, символизирующими божественность, ведь ранние вавилонские цари были прямыми наместниками богов на земле.

Даже в это сравнительно раннее время (ок. 3800 г. до н. э.) ресурсы страны были хорошо освоены ее семитскими завоевателями, а освоение шумерской цивилизации позволило им добиться значительного прогресса в просвещенных искусствах. Некоторые из их работ по созданию барельефов и даже менее сложное, но не менее трудное ремесло огранки драгоценных камней относятся к лучшим достижениям вавилонского искусства. Не было у них недостатка и в более утилитарных областях. Они построили дороги через наиболее важные части империи, по которым служба постов перевозила сообщения через определенные промежутки времени, а письма, передаваемые по ним, скреплялись глиняными печатями с именем Саргона.

Первая библиотека в Вавилонии

Саргон также известен как первый основатель вавилонской библиотеки. Эта библиотека содержала произведения удивительного характера, учитывая период, в который она была создана. Одна из них называлась *"Наблюдения Бэла"* и состояла не менее чем из семидесяти двух книг, посвященных астрономическим вопросам значительной сложности; в ней были зарегистрированы и описаны появления комет, соединения Солнца и Луны, фазы планеты Венера, а также зафиксировано множество затмений. Эта замечательная книга была переведена на греческий язык вавилонским историком Бероссом, и она свидетельствует о великой древности вавилонской астрономической науки даже в эту раннюю эпоху. Другой знаменитый труд, хранящийся в библиотеке Саргона, посвящен предзнаменованиям, способам их наведения и толкования - очень важной стороне вавилонской магиго-религиозной практики.

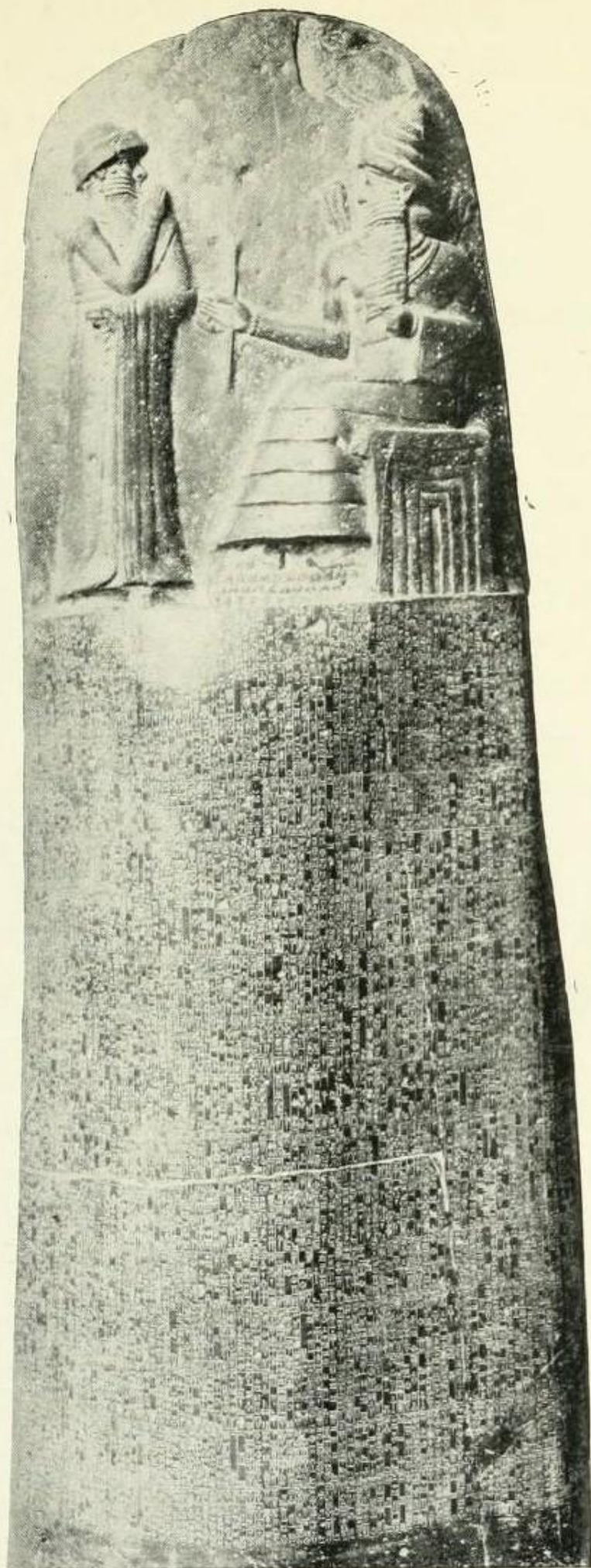
Среди завоеваний этого великого монарха, чье великолепие проглядывает сквозь тени древности, как далекие вспышки оружия в туманный день, был прекрасный остров Кипр. Даже воображение не может устоять перед достоверным утверждением, что пять тысяч семьсот лет назад кили вавилонского завоевателя рассекли волны Средиземного моря и высадили на берег цветущего Кипра суровых семитских воинов, которые, нагрузившись добычей, воздвигли статуи своему царственному вождю и вернулись с добычей. В одном из кипрских храмов де Чеснола обнаружил, в самых нижних сводах, гематитовый цилиндр, который описывал своего владельца как слугу Нарам-Сина, сына Саргона, так что определенная степень связи должна была поддерживаться между Вавилонией и далеким островом, так же как ранний Египет и Крит были связаны друг с другом узами культуры и торговли.

Гудеа

Но империя, которую основал Саргон, была обречена на скорый крах. Очаг власти был перенесен на юг, в Ур. В царствование Дунги, одного из монархов, правивших из этой южной

области, великий вассал трона, Гудеа, выделяется как один из самых примечательных персонажей ранней вавилонской древности. Этот Гудеа (ок. 2700 г. до н. э.) был верховным жрецом Лагаша, города, расположенного в тридцати милях к северу от Ура, и прославился как покровитель архитектурных и смежных искусств. Он разграбил западную Азию в поисках строительных материалов. Аравия поставляла ему медь для украшений, Амамские горы - кедровое дерево, каменоломни Ливана - камень, а пустыни, прилегающие к Палестине, - богатые камни всех видов для декоративных работ, а районы на берегах Персидского залива - древесину для обычных строительных целей. В пользу его архитектурных способностей свидетельствует план его дворца, измеренный в масштабе, который вырезан на коленях одной из его статуй в Лувре.

В этом очерке нет намерения детально проследить за событиями в истории Вавилонии и Ассирии. Цель состоит в том, чтобы изобразить и описать обстоятельства, поступки и время самых выдающихся фигур, самых типичных и характерных правителей. Следуя этому плану, мы надеемся, что сможем представить читателю более верную и подлинную картину цивилизации, мифы о которой мы собираемся изучить, чем если бы мы тратили место и время на описание правления царей, во время пребывания которых на троне не зафиксировано ни одного важного события.

Базальтовая стела с выгравированным текстом Свода законов Хаммурапи. Сцена изображает царя, получающего законы от Шамаша, бога Солнца - фото W. A. Mansell and Co.

Хаммурапи Великий

Как и предыдущая, династия Ура пала, и арабские или ханаанские захватчики узурпировали царскую власть примерно так же, как цари-пастухи захватили суверенитет Египта. Последующее чужеземное иго, иго Элама, было сброшено Хаммурапи, возможно, самым знаменитым и популярным именем в вавилонской истории. Этот блестящий, мудрый и политичный монарх не ограничился простым изгнанием ненавистных эламитов, а продвинулся в дальнейших завоеваниях с таким успехом, что на тридцать втором году своего правления (2338 г. до н. э.) он превратил Вавилонию в единую монархию со столицей в самом Вавилоне. Под заботливым присмотром Хаммурапи вавилонское искусство и литература развернулись и расцвели с пышностью, удивительной для созерцания на таком расстоянии. Удивительно также отметить, насколько полно ему удалось сварить в единое целое различные элементы империи, которую он создал для себя. Он так уверенно объединил свои завоевания, что Вавилонская держава в том виде, в каком он ее оставил, просуществовала неразделенной почти пятнадцать сотен лет. Благополучие подданных всех рас было его постоянной заботой. Никто из тех, кто был уверен в справедливости его дела, не боялся обращаться к нему. Правовой кодекс, который он сформулировал и который остается его величайшим притязанием на аплодисменты потомков, является памятником мудрости и справедливости. Если Саргона можно считать Артуром вавилонской истории, то Хаммурапи, несомненно, является ее Альфредом. Обстоятельства жизни этих двух монархов представляют собой совершенно аналогичную картину. Оба в ранние годы освободили свою страну от иноземного ига, оба ввели юридический кодекс, были покровителями литературы и внимательно относились к нуждам своих подданных.

Если великий народ часто вырабатывал правовой кодекс, отличавшийся безупречными достоинствами, то известны случаи, когда такой институт служил для того, чтобы сделать народ великим, и, вероятно, не будет несправедливостью по отношению к семитам Вавилонии сказать о них, что кодекс Хаммурапи сделал их теми, кем они были. Копия этого всемирно известного кодекса была найдена в Сузах Ж. де Морганом и сейчас хранится в Лувре.

Вавилонская династия, которую вавилонские хронологи называют "Первой династией Вавилона", в свою очередь пала, и утверждается, что ее место заняла шумерская династия из одиннадцати царей. Их правление продолжалось 368 лет - утверждение, которое, очевидно, можно подвергнуть сомнению. Сами они были свергнуты, и Кандис (ок. 1780 г. до н. э.) основал касситскую династию в горах Элама, которая продержалась почти шесть столетий. Этим чужеземным монархам не удалось удержать большую часть азиатских и сирийских территорий, которые платили дань Вавилону, и суверенитет Палестины был также потерян для них. Именно в эту эпоху жрецы Асшура на севере приняли титул царя, но, судя по всему, они в какой-то степени подчинялись Вавилону. Ассирия постепенно росла в могуществе. Ее народ был более выносливым и воинственным, чем любящий искусство и религию вавилонский народ, и мало-помалу они на слабость южного царства, пока в конце концов дело трагического масштаба не дало им право на прямое вмешательство в вавилонскую политику.

Придворное убийство

Обстоятельства, потребовавшие этого вмешательства, ничем не отличаются от убийства сербского царя Александра и его королевы Драги, которое произошло 3000 лет спустя.

Касситский царь Вавилонии женился на дочери ассирийского царя Ассур-Юбаллида. Но этот брак не встретил одобрения у касситской фракции при дворе, которая убила царя-жениха. За этот жестокий поступок быстро отомстил Ассур-Юбаллидх Ассирийский, отец невесты, монарх с активными и государственными качествами, автор знаменитой серии писем к Амен-Хетепу IV Египетскому, найденных в Тель-эль-Амарне. Он ввел карательную армию в Вавилонию, сверг с трона претендента, поставленного на него касситской фракцией, и заменил его отпрыском законного царского рода. Этот царь, Бурна-буриас, царствовал более двадцати лет, и после его смерти ассирийцы, все еще номинально остававшиеся вассалами вавилонской короны, объявили себя независимыми от нее. Не довольствуясь такой революционной мерой, при Шалманесере I (1300 г. до н. э.) они заявили о своем сюзеренитете над Тигро-Евфратским регионом и распространили свои завоевания даже на пределы далекой Каппадокии, подчинив своему игу хеттов и другие многочисленные конфедерации. Сын Шалманесера, Тукульти-ин-Аристи, взял город Вавилон, убил его царя Битиясу и тем самым полностью разрушил притязания древнего государства на главенство. Он царствовал в Вавилоне около семи лет, когда столкнулся с народным восстанием, которое, судя по всему, возглавил его собственный сын, Ассур-назир-пал, который убил его и посадил на трон Хадад-надин-ахи. Этот царь завоевал и убил ассирийского монарха своего времени, Бел-кудур-узур, последнего представителя старой ассирийской царской династии, смерть которого вызвала необходимость основать новую династию, пятым монархом которой стал знаменитый Тиглат-Пилесер I.

Тиглат-Пилесер

Тиглат-Пилесер, или Тукульти-Пал-Э-Сана, чтобы передать его полный ассирийский титул, вступил на престол около 1120 года до н. э. и вскоре начал активную завоевательную карьеру, которая сделала его имя одним из самых известных в воинственной летописи Ассирии. За кампаниями в верховьях Евфрата против поселившихся там чужеземцев последовало завоевание хеттов в Субарти, на ассирийской территории. Продвигаясь на север к озеру Ван в стране курдов, он затем повернул свои руки на запад и захватил Малатию. Каппадокия и арамейцы Северной Сирии почувствовали на себе силу его оружия, и в этот раз он проник даже до истоков Тигра. Он оставил после себя характер великого воина, великого охотника и великого строителя, восстановив полуразрушенные храмы Асхура и Хадада или Риммона в городе Асхур.

Только после правления Ассур-назир-пала III (ок. 883 г. до н. э.) мы снова можем с некоторой степенью уверенности взяться за нить ассирийской истории. В это царствование художественное развитие, по-видимому, шло быстрыми темпами; но нельзя сказать об Ассур-назир-пале, что при нем культура шла рука руку с гуманностью: записи о его жестокостях длинны и отвратительны. Его преемник, Шалманесер II, обладал неутолимой жаждой военной славы и за время своего тридцатипятилетнего правления сверг великую конфедерацию сирийских вождей, в которую входил Ахав, царь Израиля. Во второй половине своего правления он был потревожен восстанием своего старшего сына. Но его второй сын, Самси-Раммон, пришел на помощь отцу, и его верная преданность обеспечила ему престолонаследие в 824 году до нашей эры.

Семирамида Великая

Вероятно, именно в правление этого монарха жила царица, известная в легендах как Семирамида. Это было бы поистине удивительно, если бы магия ее имени не связывалась восточным воображением с романтикой. Семирамида! Это имя сверкает и переливается жемчужинами легенд и песен. Миф, магия и музыка окружают ее, как сказочные моря

окружают райский остров. Это центральная роза в венчике легенды, она была закреплена в музыке, возможно, самой божественной и мелодичной, которую когда-либо создавала песенная душа Италии - но не более прекрасной, чем она сама. Введем в железную цепь ассирийской истории золотое звено легенды об этой Елене Востока и, выслушав вымыслы о ее величии, попытаемся снять покровы, скрывающие от глаз ее реальную личность, и взглянуть на нее такой, какой она была - Саммурамат Вавилонской, царица и фаворитка Самси-Раммона, которая сокрушила собранные армии Медии и Халдеи, и чья слава выгравирована на колонне, которая, излагая историю ее завоеваний, описывает ее во всей простоте как "женщину из дворца Самси-Раммона, царя мира".

Легенда гласит, что Нинус, царь Ассирии, покорив вавилонян, направился в Армению с целью покорить народ этой страны. Но ее политичный царь Варсанес, не имея возможности встретить его вооруженной силой, добровольно подчинился, сопроводив это столь роскошными подарками, что Нинус был умиротворен. Но, неутолимый в своем стремлении к завоеваниям, он обратил свой взор на Медию, которую быстро покорил. Следующим его стремлением было подчинить своей власти территорию между Танаисом и Нилом. Эта великая задача занимала его не менее семнадцати лет, к тому времени ему покорилась вся Азия, за исключением Бактрии, которая все еще сохраняла свою независимость. Заложив фундамент города Ниневии, он решил выступить против бактрийцев. Его армия имела поистине мифические размеры, так как, по слухам, его сопровождали 7 000 000 пехотинцев, 2 000 000 конных воинов, а также 200 000 колесниц, оснащенных косами.

Именно во время этой кампании, говорит Диодор Сикул, Нинус впервые увидел Семирамиду. Ее точное легендарное или мифическое происхождение неясно. Некоторые авторы утверждают, что она была дочерью богини-рыбы Атариатис, или Деркетто, и Оаннеса, вавилонского бога мудрости, о котором уже упоминалось. Атариатис была богиней Аскалона в Сирии, и после рождения ее дочь Семирамида была чудесным образом вскормлена голубями, пока ее не нашел некий Симмах, царский пастух, который воспитал ее и выдал замуж за Оннеса, или Менона, одного из полководцев Нина. Он пал от собственной руки, и тогда Нинус взял Семирамиду в жены, поскольку глубоко восхищался ею со времен ее поведения при взятии Бактрии, где она сильно отличилась. Вскоре после этого Нинус умер, оставив сына по имени Ниньяс. Во время несовершеннолетия сына Семирамида приняла правление, и первым великим делом ее стало погребение мужа, которого она похоронила с большой пышностью и воздвигла над ним курган высотой не менее мили с четвертью и шириной, после чего построила Вавилон. Закончив строительство этого города, она отправилась в Медию и везде оставляла следы своего могущества и щедрости. Она возводила огромные сооружения, формировала озера и разбивала сады огромных размеров, особенно в Хаонии и Экбатане. Одним словом, она сравняла холмы с землей и возвела курганы огромной высоты, которые на века сохранили ее имя. После этого она вторглась в Египет и завоевала Эфиопию с большей частью Ливии; исполнив свое желание и не найдя врага, который мог бы с ней справиться, за исключением Индийского королевства, она решила направить свои силы туда. У нее была армия из 3 000 000 пеших, 500 000 конных и 100 000 колесниц. Для переправы через реки и сражения с врагом на воде она закупила 2000 кораблей, которые должны были быть построены так, чтобы их можно было разнести на куски для удобства перевозки: эти корабли были построены в Бактрии людьми из Финикии, Сирии и Кипра. На них она вступила в морское сражение с индийским царем Страбробатом и при первой же стычке потопила тысячу его кораблей. После этого она построила мост через реку Инд и проникла в самое сердце страны. Здесь ее настиг Страбробат. Обманутый многочисленным видом ее слонов, он поначалу уступил, так как, испытывая недостаток в этих животных, она раздобыла шкуры 3000 черных быков, которые, правильно сшитые и

набитые соломой, выглядели как множество слонов. Все это было сделано так естественно, что даже настоящие слоны индийского царя были обмануты. Но в конце концов уловка была раскрыта, и Семирамида была вынуждена отступить, потеряв большую часть своей армии. Вскоре после этого она передала правление своему сыну Ниньясу и умерла. По мнению некоторых авторов, она была убита его рукой.

Именно благодаря исследованиям берлинского профессора Леманн-Хаупта было восстановлено истинное личное значение Семирамиды. До 1910 года считалось, что легенды Диодора и других авторов полностью опровергнуты, а Семирамида рассматривалась как чисто мифическая фигура. Олд Брайант в своей книге *"Античная мифология"*, опубликованной в начале прошлого века, доказывает легендарный статус Семирамиды к собственному удовлетворению. Он говорит: "Следует признать, что большинство историков представляют Семирамиду женщиной и описывают ее как великую принцессу, правившую в Вавилоне; но есть писатели, которые в силу своего положения обладали возможностями лучшего интеллекта, и у них она упоминается как божество. Сирийцы, говорит Афинагор, поклонялись Семирамиде, и добавляет, что она считалась дочерью Дерката и той же самой, что и Сурия Деа..... Считается, что Семирамида родилась в Аскалоне, потому что там Атаргату поклонялись под именем Дагона, и там сохранились те же памятники, что и в Иераполе и Вавилоне. Эти памятники относились к истории, главным символом которой была голубка. Именно по этому поводу говорили, что она была изменена на голубя, потому что ее всегда изображали и поклонялись ей под этой формой..... Из вышесказанного, я думаю, ясно, что Семирамида была эмблемой, и что ее имя было соединением Sama-ramas, или ramis, и означало "божественный знак", тип провидения, и как военный прапор (поскольку он использовался в качестве такового), он может быть с некоторой широтой интерпретирован как "штандарт Всевышнего". Он состоял из фигуры голубя, который, вероятно, был окружен радужной оболочкой, поскольку эти две эмблемы часто изображались вместе. Всех, кто ходил под этим штандартом или оказывал почтение этой эмблеме, называли семарим или саморим. Этот титул присваивался всем, кто имел этот знак отличия". И многое другое, характерное для мифотворчества XVIII и начала XIX веков. Легко понять, как миф оказался занят именем ассирийской царицы, чьи подвиги, несомненно, вызывали энтузиазм не только у самих ассирийцев, но и у окружающих их народов. Как любое великое произведение в древней Британии приписывалось Мерлину или Артуру, так и такие памятники, которые не могли быть объяснены иначе, приписывались Семирамиде. Западная Азия монументально красноречива о ее имени, и даже Бехистунские надписи Дария были поставлены ей в заслугу. Геродот утверждает, что в ее честь были названы одни из ворот Вавилона и что она возвела искусственные берега, ограничившие реку Евфрат. Слава о ней дошла до средневековья, а армяне называли район вокруг озера Ван Шамирамагерд.

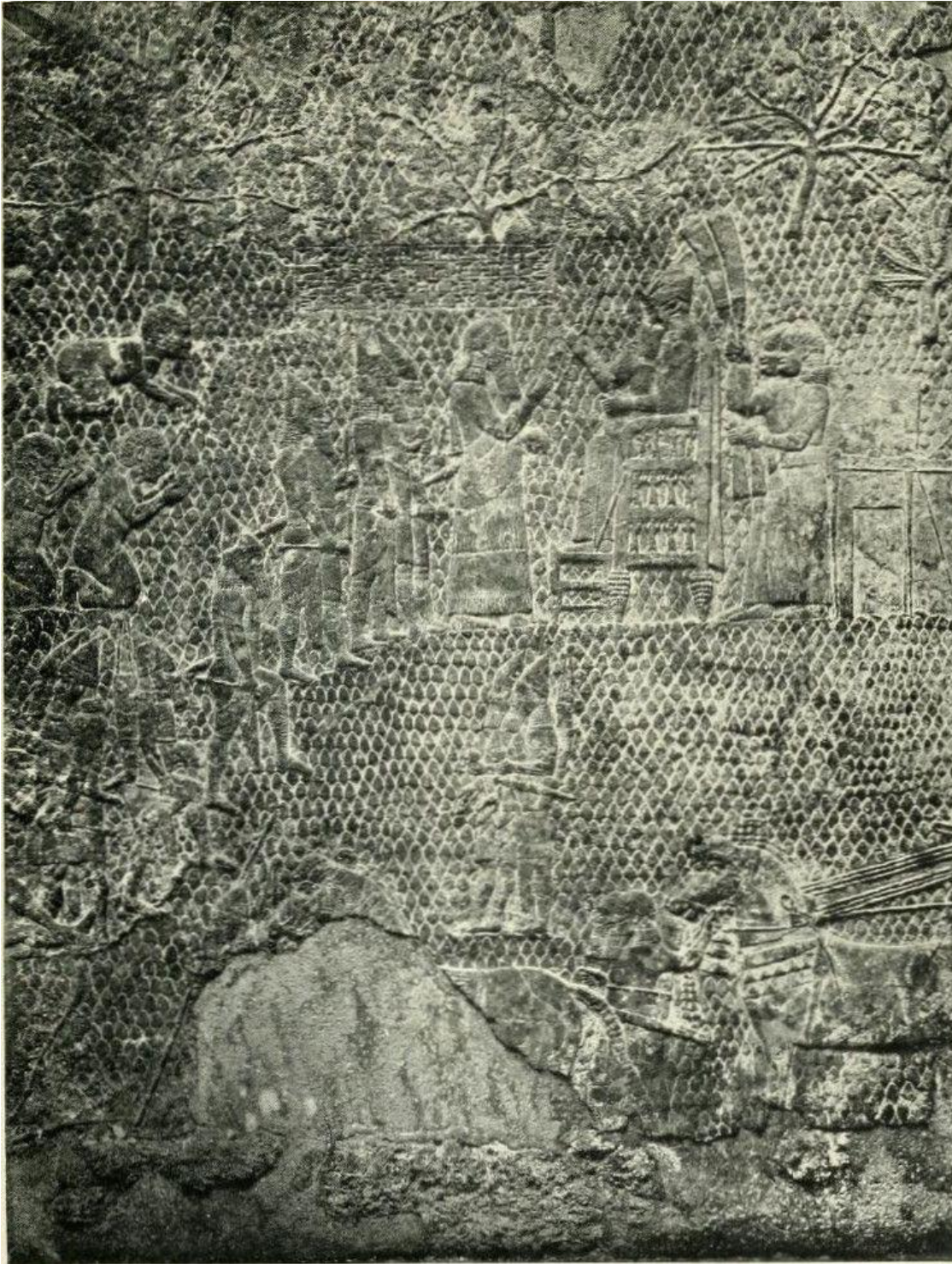
Мало сомнений в том, что ее слава смешалась со славой богини Иштар: она обладает теми же атрибутами Венеры, голубь - ее эмблема, а ее история так неразрывно переплелась с историей вавилонской богини, что в конце концов она стала ее разновидностью. История Семирамиды - это триумфальное подтверждение того, как с помощью определенных мифических процессов человек может достичь ранга бога или богини, ведь Семирамида изначально была очень реальной. В колонке, обнаруженной в 1909 году, она описывается как "женщина из дворца Самси-раммона, царь мира, царь Ассирии, царь четырех четвертей мира". Это посвящение указывает на то, что Семирамида, или, чтобы дать ей ассирийский титул, Саммурамат, очевидно, обладала огромным влиянием на своего мужа, Самси-раммона, и что, возможно, как царица-мать это влияние продолжалось более одного царствования, так что легенда о том, что после регентства в течение сорока двух лет она

передала царство своему сыну, Ниньясу, может иметь под собой некоторое основание. Похоже, что она вела войну с медами и халдеями. История о том, что, отказавшись от власти, она превратилась в голубя и исчезла, может означать, что ее имя, Саммурамат, было легко связано с ассирийским словом *summat*, означающим "голубь"; а для человека с ее последующей легендарной славой легко объяснима мифическая связь с Иштар.

Вторая Ассирийская империя

Период, известный как Вторая Ассирийская империя, начался с правления Тиглата-Пилесера III, который организовал большую схему управления провинциями. Этот план, по-видимому, был первым прогнозом феодальной системы, поскольку каждая провинция платила фиксированную дань и предоставляла военный контингент.

Были предприняты огромные усилия, чтобы сделать армию как можно более неодолимой с целью навязать ассирийское господство всему известному миру. Тиглат захватил Армению, победил медяков и хеттов, овладел морскими портами Финикии и торговыми путями, соединявшими их с центрами ассирийской торговли, и, наконец, завоевал Вавилон, где в 729 году до н. э. получил власть над "Азией". Через два года он умер, но его преемник, Шалманесер IV, продолжил начатую им политику. Однако ему оставалось жить всего пять лет, так как в конце этого срока царскую власть в Вавилоне захватил узурпировавший ее полководец Саргон, претендовавший на роль потомка Саргона Великого из Аккада. Он был убит в 705 году до н. э., а его сын Сеннахериб, известный по Библии, похоже, не смог вести дела с таким же благоразумием или умением, как его отец. Он возмутил религиозные чувства народа, сровняв с землей город Вавилон из-за восстания горожан. Кампания, которую он предпринял против Езекии, царя Иудеи, ознаменовалась полным провалом. Езекия заключил союз с филистимскими князьями Аскалона и Экрона, но, увидев, что его египетские союзники разбиты в битве при Эльтеке, попытался откупиться от захватчиков многочисленными подарками, хотя и безуспешно. Чудесное избавление Иерусалима от войск Сеннахериба, описанное в Писании и воспетое Байроном в его *"Еврейских мелодиях"*, похоже, имеет под собой реальную основу. Похоже, что ассирийская армия подверглась нападению и была почти уничтожена чумой, из-за которой Сеннахериб был вынужден вернуться в Ниневию, но маловероятно, что это явление произошло в течение одной ночи. В конце концов Сеннахериб был убит двумя своими сыновьями, которые, совершив это преступление, бежали в Армению. Из всех ассирийских монархов он был, пожалуй, самым напыщенным и наименее приспособленным к правлению. По его приказу были построены большой дворец в Ниневии и великая стена этого города, восемь миль в окружности.

Сеннахериб получает дань из дворца в Ниневии - фото W. A. Mansell and Co.

Его сын и преемник Эсар-Хаддон начал свое правление с того, что вернул священное изображение Меродаха в его святилище в Вавилоне, который он восстановил. Он был торжественно провозглашен царем в восстановленном храме Меродаха, и во время его правления и Вавилония, и Ассирия наслаждались спокойствием и довольством. В 670 году до н. э. началась война с Египтом, и египтяне трижды терпели поражение с большими потерями. Ассирийцы вошли в Мемфис и установили протекторат над частью страны. Через два года Египет восстал, и Эсар-Хаддон, шедший на подавление вспышки, погиб в пути - его судьба напоминала судьбу Эдуарда I, который умер в пути, чтобы одолеть шотландский народ, восставший против его узурпации.

Сарданапал Великолепный

На смену Эсар-хаддону пришел Ассур-бани-пал, известный в греческой легенде как Сарданапал. Насколько легендарное описание его совпадает с историческим, сказать трудно. В первом случае говорится, что он был последним царем Ассирии и тридцатым по счету после Ниниаса. Сладострастный и развращенный, он, похоже, был идеальным примером *сладострастного царя*. Население завоеванных провинций, отвращенное его экстравагантностью, восстало, и армия под предводительством Арбация, сатрапа Медеи, и Белесиса, вавилонского жреца, окружила его в Ниневии и угрожала его жизни. Однако Сарданапал, отбросив свою лень, предпринял такую энергичную защиту, что два года вопрос оставался под вопросом. В этот момент река Тигр вышла из берегов и подорвала часть городской стены, открыв доступ вражеской армии. Сарданапал, видя, что сопротивление безнадежно, собрал своих жен и сокровища в своем дворце, а затем поджег его, так что все погибли.

Смерть Сарданапала.-Л. Шалон - Copyright, Braun and Co.

По странному совпадению, судьба, которую легенда приписывает Сарданапалу, вероятно, была той, которая действительно постигла брата Ассур-бани-пала, Самас-сум-юкина. Вполне вероятно, что самосожжение Сарданапала - это всего лишь легендарное изложение хорошо известного в семитской религии обряда, который практиковался в Тарсе вплоть до времен

Дио Хризостома и память о котором сохранилась в других греческих легендах, особенно в легендах о Геракле-Мелькарте и царице Дидо. В Тарсе ежегодно устраивался праздник и возводился костер, на котором сжигали чучело местного Геракла или Ваала. Это ежегодное празднование смерти бога в огне, вероятно, произошло от более древнего обряда, в котором сжигали настоящего человека или священное животное, представляющее божество. В *"Золотой ветви"*^[1] содержится поучительный отрывок, касающийся мифа о Сарданапале. Сэр Джеймс Фрейзер пишет: "Кажется, нет никаких сомнений в том, что имя Сарданапал - это лишь греческий способ обозначения Ашшурбанапала, имени величайшего и почти последнего царя Ассирии. Но записи о реальном монархе, которые стали известны в последние годы, мало способствуют басням, связанным с его именем в классической традиции. Они доказывают, что он был далеко не таким слабоумным слабаком, каким казался грекам более позднего времени, а воинственным и просвещенным монархом, который нес оружие Ассирии в дальние страны и способствовал развитию науки и литературы у себя дома. И хотя историческая реальность царя Ашшурбанапала подтверждена не хуже, чем Александра или Карла Великого, неудивительно, что мифы, словно облака, сгустились вокруг великой фигуры, вырисовывающейся на бурном закате ассирийской славы. В легендах о Сарданапале наиболее ярко выделяются две черты: его экстравагантное распутство и насильственная смерть в пламени большого костра, на котором он сжег себя и своих наложниц, чтобы спасти их от попадания в руки своих победоносных врагов. Говорят, что этот женоподобный царь с раскрашенным лицом и в женских нарядах проводил дни в уединении гарема, прят пурпурную шерсть среди наложниц и предавался чувственным наслаждениям; в эпитафии, которую он приказал высечь на своей могиле, он написал, что все дни своей жизни он ел, пил и забавлялся, помня, что жизнь коротка и полна проблем, что судьба неопределенна и что другие скоро будут наслаждаться благами, которые он должен оставить позади. Эти черты мало похожи на портрет Ашшурбанапала как в жизни, так и в смерти; ведь после блестящей завоевательной карьеры ассирийский царь умер в преклонном возрасте, на пике человеческих амбиций, с миром дома и триумфом за границей, восхищением подданных и ужасом врагов. Но если традиционные характеристики Сарданапала плохо гармонируют с тем, что мы знаем о реальном монархе с таким именем, то они достаточно хорошо согласуются со всем, что мы знаем или можем предположить о шуточных царях, которые вели короткую жизнь и веселились во время пиршеств Сакейи, азиатского эквивалента Сатурналий. Мы можем почти не сомневаться, что в большинстве своем такие люди, когда смерть смотрела им в лицо в конце нескольких дней, стремились заглушить заботы и заглушить страх, безумно погружаясь во все мимолетные радости, которые все еще предлагались под солнцем. Когда их краткие удовольствия и острые страдания заканчивались, и их кости или прах смешивались с пылью, что может быть естественнее, чтобы на их могилах - тех курганах, в которых люди не без оснований видели могилы любовников Семирамиды - были высечены строки, подобные тем, что традиция вложила в уста великого ассирийского царя, чтобы напомнить невнимательному прохожему о краткости и суетности жизни?"

По мнению сэра Джеймса Фрейзера, реальный Сарданапал мог быть одним из тех шутовских царей, которые вели короткое, но веселое существование, прежде чем жертвоприношение положило конец их дружеской карьере. Аналогичные примеры мы имеем в жертвоприношении Сандана в Тарсе и представителя мексиканского бога Тескатлипоки. Таким образом, легенда о Сарданапале - это искаженное воспоминание о смерти величественного царя, принесенного в жертву во имя бога.

Когда настоящий Ассур-бани-пал сменил Эсар-хаддона на посту царя Ассирии, его брат Самас-сум-юкин был назначен наместником Вавилонии, но вскоре после этого он заявил о

своих правах на царствование, возродил старый шумерский язык в качестве официального языка вавилонского двора и начал восстание, которое потрясло Ассирийскую империю от одного конца до другого. Между северной и южной державами началась великая борьба, и в конце концов Вавилон был вынужден сдаться из-за голода, а Самас-сум-юкин был предан смерти.

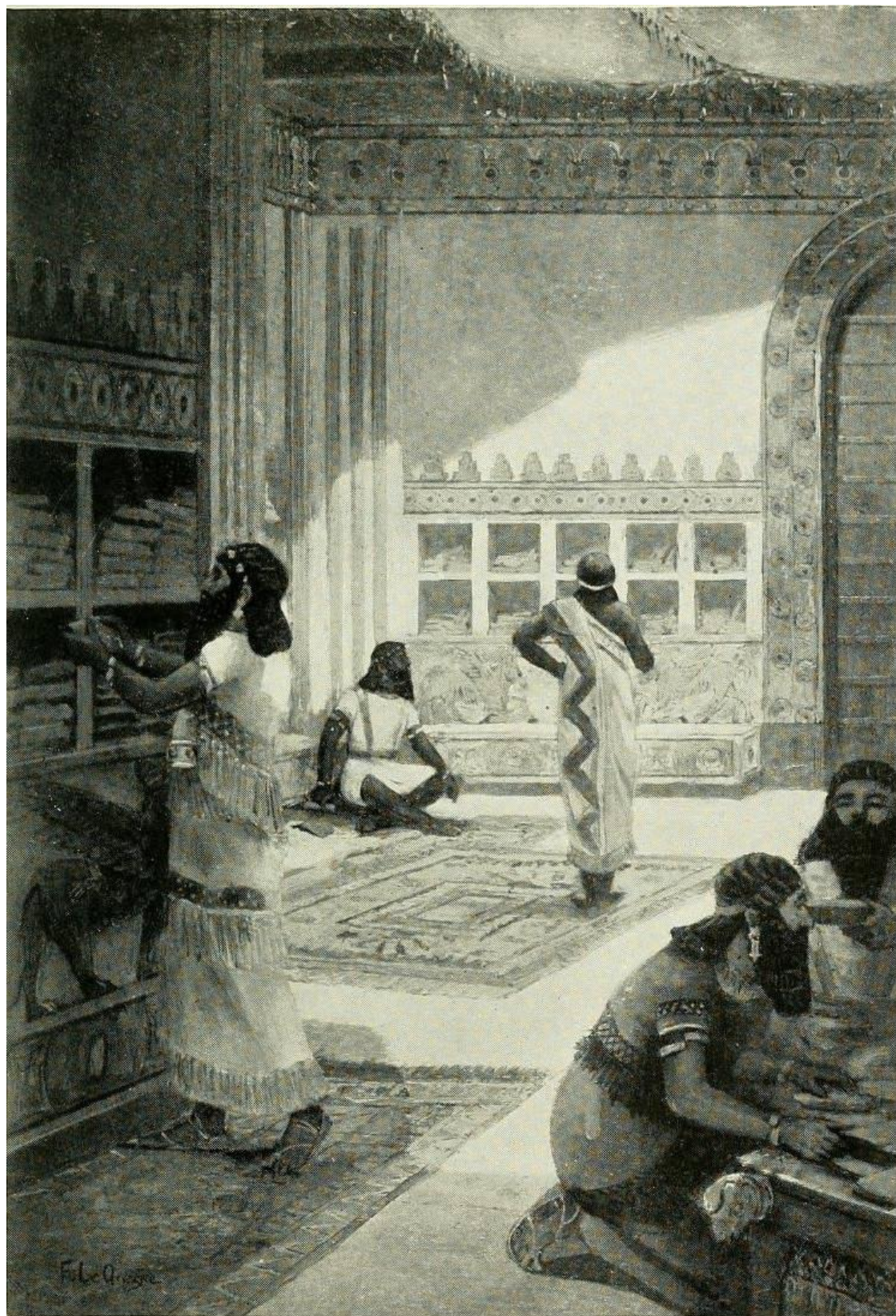
Ассур-бани-пал, подобно Сарданапалу, своему легендарному коллеге, оказался окружен врагами. Покорив Элам и Вавилонию, он столкнулся с набегами полчищ скифов, которые хлынули на его границы. Ему удалось победить и убить одного из их вождей, Дугдамма, которого в одной из надписей он называет "конечностью сатаны", но вскоре после этого он умер сам. Его империя уже находилась в состоянии упадка, и просуществовать ей оставалось недолго.

Первая великая библиотека

Но если Ассур-бани-пал был слабохарактерным и вялым в управлении, то он был первым великим покровителем литературы. Именно его великолепной библиотеке в Ниневии мы обязаны практически всем, что сохранилось от литературы, созданной в Вавилонии. Он видел, что южная часть его империи была гораздо более интеллектуальной и культурной, чем Ассирия, и отправил многочисленных писцов в храмовые школы юга, где они тщательно копировали из их архивов все литературные диковинки - гимны, легенды, медицинские предписания, мифы и ритуалы - все это вошло в огромную библиотеку в Ниневии. Благодаря трудам Лэйярда и Рассама они были восстановлены. Это самый необычный пример антикварного рвения в эпоху, которую мы считаем недалекой от зарождения поддающейся проверке истории. Около двадцати тысяч фрагментов кирпича, на которых запечатлены результаты исследований Ассур-бани-пала, хранятся в Британском музее, и это, вероятно, лишь часть всей его коллекции. Ассур-бани-палу приписывают политические мотивы, по которым он собрал такую большую библиотеку. Утверждается, что он хотел сделать Ассирию центром религиозного влияния империи. Это сильно расходится с мнением, которое видит в нем царя, преисполненного идеей сохранить и удержать все лучшее, что было в древневавилонской литературе на севере и на юге, и иметь рядом с собой для личного пользования те записи, которые, как показывают многие обстоятельства, он очень хотел получить. Так, мы видим, что он посылал чиновников со специальными миссиями, чтобы получить копии определенных произведений. Знаменательно также, что Ассур-бани-пал поместил свою коллекцию в библиотеку, а не в храм - факт, который опровергает теорию о том, что его собрание литературы имело религиозно-политическую основу.

Последние цари Ассирии

После смерти Ассур-бани-пала скифам удалось проникнуть в Ассирию, через которую они пробились вплоть до границ Египта, а остатки ассирийской армии укрылись в Ниневии. Конец был уже близок. Последним царем Ассирии, вероятно, был Син-сар-искин, греческий Саракос, который царствовал несколько лет и даже сообщил нам через надписи, что намеревался восстановить разрушенные храмы своей страны. Однако началась война с Вавилонией, и на помощь вавилонянам пришел Киаксарес, скифский царь Экбатаны. Ниневия была захвачена скифами, разграблена и разрушена, и Ассирийской империи пришел конец.

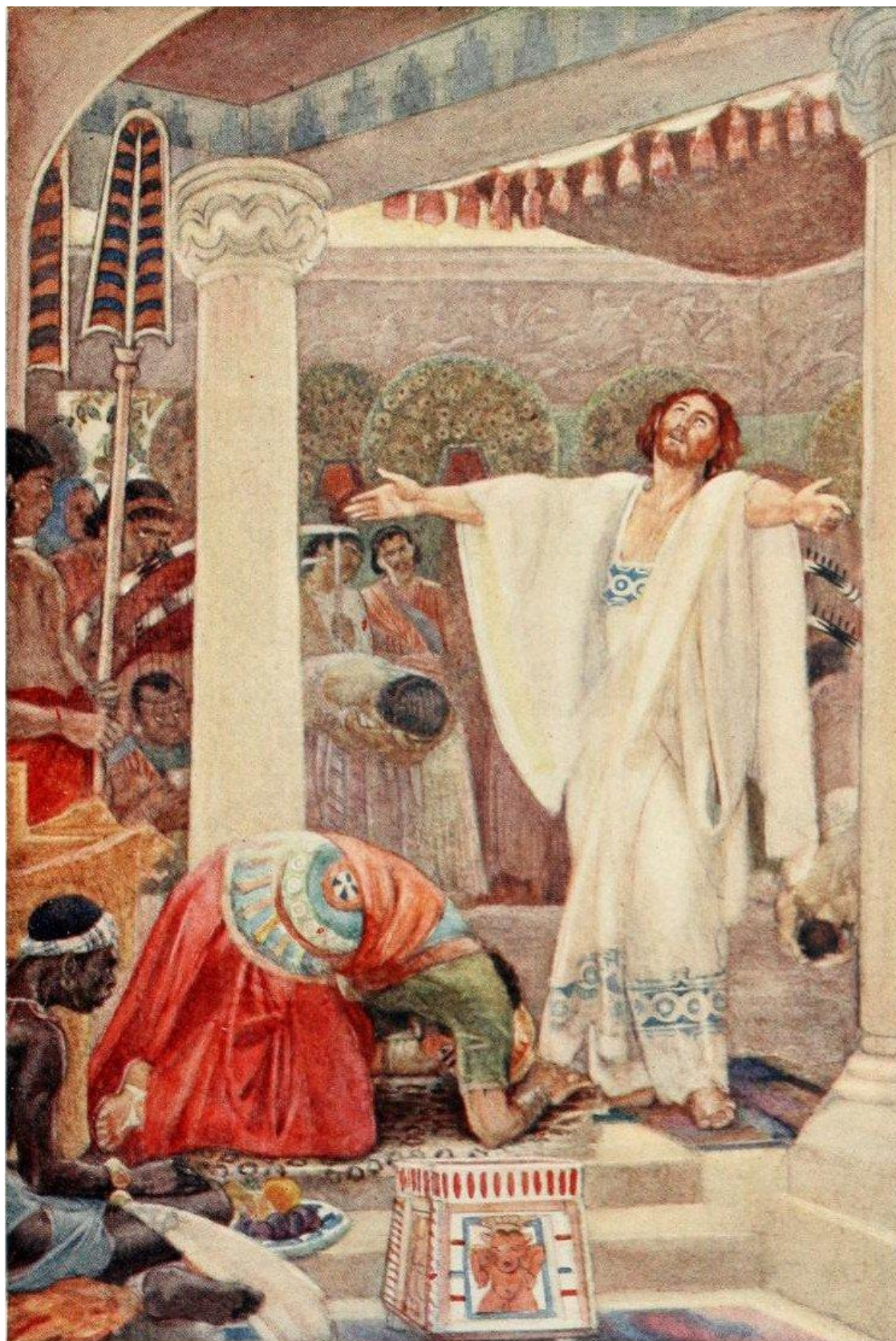
Библиотека царя Ассур-бани-пала в Ниневии. Фернан Ле Кесне - С разрешения издательства Hutchinson and Co.

Навуходоносор

Но, как ни странно, старый очаг власти, Вавилон, все еще процветал в некоторой степени. Сверхчеловеческими усилиями Навуходоносор II (или Навуходоносор), правивший в течение сорока трех лет, распространил штандарт Вавилонии по всему миру. В 567 году до н. э. он вторгся в Египет. В одном из своих походов он пошел на Иерусалим и предал смерти его царя Иехонию, но царь, которого вавилонский монарх поставил на его место, был свергнут, а царская власть передана Седекии. Седекия поднял восстание в 558 году до н. э., и Иерусалим снова был взят и разрушен, главные жители уведены в плен в Вавилон, а город был низведен до ничтожного состояния. Это первое изгнание евреев продолжалось семьдесят лет. История этого плена и обращения Навуходоносора с еврейскими изгнанниками наглядно описана в Книге пророка Даниила, которого вавилоняне называли Белтешаззаром. Даниил отказался есть мясо вавилонян, вероятно, потому, что оно не было приготовлено по еврейскому обряду. Он и его спутники ели мякоть и пили воду, и с этим дела обстояли лучше, чем у вавилонян с крепкими блюдами и винами. Царь, узнав об этом обстоятельстве, послал за ними и нашел их гораздо лучше осведомленными, чем все его маги и астрологи. Навуходоносор видел сны и сообщил вавилонским астрологам, что если они не смогут истолковать их, то будут разрублены на куски, а их дома разрушены, тогда как если они истолкуют видения, то будут пользоваться большим уважением. Они ответили, что если царь расскажет им свой сон, то они покажут его толкование; но царь сказал, что если бы они были мудрыми людьми, то знали бы сон, не требуя, чтобы им его рассказывали, и когда некоторые из придворных астрологов ответили, что эта просьба неразумна, он сильно разгневался и приказал всех их убить. Но в ночном видении тайна была открыта Даниилу, который умолял не уничтожать вавилонских мудрецов и, отправившись к одному из придворных, предложил истолковать сон. Он рассказал царю, что во сне увидел великий образ, яркость и форма которого были ужасны. Голова этого образа была из чистого золота, грудь и руки из серебра, а остальные части из меди, кроме ног, которые были из железа, и ступней, которые были частью из этого металла, частью из глины. Но был брошен в него камень, который ударил изображение по ногам его, и оно разлетелось на куски, а ветер унес остатки. Камень, поразивший его, превратился в большую гору и наполнил всю землю.

Затем Даниил перешел к толкованию. Царь, по его словам, представлял собой золотую голову изображения; серебряная - низшее царство, которое поднимется после смерти Навуходоносора; а третья часть - медная, которая будет властвовать над всей землей. Четвертая династия от Навуходоносора будет крепкой, как железо, но поскольку пальцы на ногах образа были частично из железа, частично из глины, то и царство должно быть частично крепким, а частично сломанным. Навуходоносор был так потрясен толкованием, что пал на лицо свое и поклонился Даниилу, говоря ему, как велика его честь перед Богом, который мог открыть ему такие тайны; он поставил его правителем всей провинции Вавилона и сделал его начальником над всеми мудрецами этого царства.

Но три спутника Даниила - Шадрах, Мисах и Авденаго - отказались поклониться золотому изображению, которое установил царь, и он приказал бросить их в огненную печь, через которую они прошли невредимыми.

Даниил толкует сон Навуходоносора.- Эвелин Пол.

Это обстоятельство еще больше обратило сердце Навуходоносора в сторону Бога Израиля. Второй сон, который ему приснился, он попросил Даниила истолковать. Он сказал, что видел посреди земли дерево высотой более естественной, которое цвело и было очень сильным,

так что достигало до небес. Плоды этого дерева были так обильны, что обеспечивали мясом всю землю, а листва так обильна, что полевые звери имели под ним тень, а птицы небесные обитали посреди него. С неба спустился дух и громко воззвал, требуя срубить дерево, разбросать его листья и плоды, но оставить его корни в земле, окружив их полосой из железа и меди. Затем, приказав обращаться с деревом, как с человеком, голос духа продолжал просить, чтобы оно было омочено росой небесной и чтобы его удел был со зверями на траве земной. "Да изменится сердце его от человеческого, - говорил голос, - и дано будет ему сердце зверя; и да пройдут над ним семь времен".

Тогда Даниил сильно встревожился. Некоторое время он молчал, пока царь не умолил его взяться за ум и заговорить. Дерево, объявил он, представляло самого Навуходоносора, и то, что произошло с ним в видении, сбудется и с великим царем Вавилона. Он будет изгнан из среды людей, и его жилищем станут полевые звери. Он будет питаться травой, как волы, и будет мокрым от росы небесной, и семь раз пройдут над ним, пока он не узнает и не признает, что Всевышний правит в царстве человеческом и дает его, кому хочет.

Через двенадцать месяцев после этого Навуходоносор находился посреди своего дворца в Вавилоне и хвастался тем, что он совершил за время своего правления, когда раздался голос с неба, говорящий: "О царь Навуходоносор, тебе сказано: царство отходит от тебя", и тотчас же Навуходоносор был изгнан из человека и стал есть траву, как вол, и тело его было влажно от росы небесной, и волосы его стали как орлиные перья, а ногти - как птичьи когти.

По окончании срока испытаний Навуходоносор поднял глаза к небу и, восхваляя Всевышнего, признал свое господство над всей землей. Так завершилось наказание хвастуна.

С некоторой долей вероятности можно утверждать, что суд над Навуходоносором был связан со странной болезнью, известной как ликантропия, от греческих слов *lukos* - волк и *anthropos* - человек. Она развивается как разновидность истерии и характеризуется убеждением жертвы в том, что она превратилась в животное. Появляется тяга к странной пище, больной бегают на четвереньках. Среди примитивных народов такой припадок приписывается сверхъестественным силам, а чеснок или лук - обычный бич вампиров - прикладывается к ноздрям.

Дарование Навуходоносором I привилегий Ритти-Мардуку, знаменитому вавилонскому полководцу - фото W. A. Mansell and Co.

Последний из вавилонских царей

Набонид (555-539 гг. до н. э.) - последний из вавилонских царей, человек очень религиозный и с античными вкусами. Он хотел восстановить храм бога Луны в Харране и вернуть те изображения богов, которые были перенесены в древние святилища. Но сначала он хотел выяснить, будет ли эта процедура одобрена богом Меродахом. Для этого он обратился к авгурам, которые вскрыли печень овцы и извлекли оттуда благоприятные предзнаменования. Но в другой раз он вызвал враждебность бога и, кстати, жрецов Э-Сагила, отдав предпочтение богу солнца перед великим вавилонским Белем. В одной из надписей он рассказывает, что при восстановлении храма Шамаша в Сиппаре ему с большим трудом удалось откопать старый камень фундамента, и что, когда его наконец откопали, он затрепетал от благоговения, прочитав на нем имя Нарам-сина, который, по его словам, правил за 3200 лет до него. Но судьба ждала его, так как Кир Персидский вторгся в Вавилонию в 538 году до нашей эры и, разбив туземную армию при Описе, двинулся к Вавилону, в который вошел, не нанеся ни одного удара. Набонид скрывался, но его убежище было обнаружено. Кир, выдав себя за мстителя Бел-Меродаха за обиды, нанесенные богу несчастным Набонидом, покорил народ, который был очень зол на своего монарха за попытку перенести многие изображения богов из провинций в столицу. Кир возвел себя на вавилонский престол и примерно за год до смерти (529 г. до н. э.) передал царскую власть своему сыну Камбису. Ассиро-вавилонская история на этом прекращается и сливается с персидской. Вавилония восстановила свою независимость после смерти Дария. Возник царь, назвавший себя Навуходоносором III, который правил около года (521-520 гг. до н. э.), по истечении которого персы вновь вернулись в качестве завоевателей. Второе восстание в 514 году до н.э. привело к частичному разрушению стен, и в итоге великий город Вавилон стал не более чем каменоломней, из которой были построены Селевкия и другие города.

История Беросса

Будет интересно ознакомиться хотя бы с одним из древних авторитетов по вавилонской истории. Бероссус, жрец Бэла в Вавилоне, живший около 250 г. до н. э., составил на основе местных документов историю своей страны, которую опубликовал на греческом языке. Его труды погибли, но выдержки из них сохранились у Иосифа и Евсевия. В работе Беросса много мифов, особенно когда он касается вопросов космологии, истории потопы и т. д.; кроме того, "факты", которые он выставляет перед нами как историю, не могут быть согласованы с теми, что записаны на памятниках. Похоже, он действительно выстроил свою историю так, чтобы она точно заполнила предполагаемый период в 36 000 лет, начиная с сотворения человека и заканчивая завоеванием Вавилона Александром Македонским. Бероссус рассказывает о некоем Сисутре,^[2] чья история будет подробно описана в другой главе. Затем он рассказывает легенду о появлении рыбчеловека или рыбобога Оаннеса из вод Персидского залива. Действительно, он упоминает о трех подобных существах, которые, одно за другим, явились, чтобы обучить вавилонян искусству и письму.

Рассказ Беросса о потопе

Более важным является его рассказ о потопе. Существует не одна вавилонская версия потопы: та, что содержится в *эпосе о Гильгамеше*, приведена в главе, посвященной этой поэме. Поскольку рассказ Беросса не менее важен, мы приведем его своими словами,

прежде чем комментировать: "После смерти Ардата на престол вступил его сын (Сисутр) и царствовал восемнадцать сари. В его время произошел великий потоп, история которого излагается следующим образом. Божество Кронос явилось ему в видении и предупредило, что в пятнадцатый день месяца Деций произойдет потоп, в результате которого человечество будет уничтожено. Поэтому он велел ему записать историю начала, хода и окончательного завершения всех вещей вплоть до настоящего времени и надежно похоронить эти записи в Городе Солнца в Сиппаре. Затем он приказал Сисутру построить судно, взять в него своих друзей и родственников и вверить себя глубине. Тот беспрекословно повиновался и, взяв на борт все необходимое для поддержания жизни, взял с собой и все виды животных, которые либо летают, либо бродят по поверхности земли. Спросив у божества, куда ему плыть, он получил ответ: к богам, на что вознес молитву о благе человечества. Так он послушался божественного наставления; и судно, которое он построил, было в длину пять стадий, а в ширину - две. В него он положил все, что приготовил, и в последнюю очередь перевез туда свою жену, детей и друзей. После того как потоп прошел по земле и со временем утих, Сисуф выпустил из судна несколько птиц, которые, не найдя ни пищи, ни места для отдыха, снова вернулись к нему. По прошествии нескольких дней он послал их во второй раз, и теперь они вернулись с ногами, испачканными грязью. В третий раз он испытал этих птиц, но они больше не возвращались к нему, и тогда он решил, что поверхность земли теперь выше воды. Поэтому, проделав в судне отверстие и обнаружив, что судно пригнуто к склону горы, он немедленно покинул его, взяв с собой жену, детей и лоцмана. Сисуфр немедленно воздал поклонение земле и, соорудив алтарь, принес жертвы богам. Когда все это было исполнено, Сисуфр и те, кто вышел из судна вместе с ним, исчезли. Оставшиеся в сосуде, обнаружив, что остальные не возвращаются, вышли с многочисленными причитаниями и непрерывно призывали имя Сисутра. Его они больше не видели, но в воздухе слышали его голос, который утешал их быть почтительными к богам, а также сообщил им, что именно благодаря своей набожности он был переведен жить к богам, что его жена и дети вместе с лоцманом удостоились такой же чести. К этому он добавил, чтобы они как можно скорее отправились в Вавилонию и разыскали в Сиппаре письма, которые должны были стать известны всему человечеству. Место, где это произошло, находилось в Армении. Остальные, услышав эти слова, принесли жертвы богам и, сделав круг, отправились в Вавилонию". Бероссус добавляет, что в его время остатки сосуда можно было увидеть на одной из Коркирейских гор в Армении; люди соскабливали битум, которым он был покрыт снаружи, и использовали его в качестве противоядия от яда или амулета. Таким образом они вернулись в Вавилон; найдя письма в Сиппаре, они начали строить города и возводить храмы, и таким образом Вавилон был снова заселен.

Аналогии с мифом о потопе

Интересно отметить, что Сисуфр, герой этой истории о потопе, был десятым вавилонским царем, так же как Ной был десятым патриархом. Птицы, которых посылает Сисутр, напоминают ворона и голубя, посланных Ноем; но есть несколько американских мифов, в которых представлена эта концепция.

Птицы и звери во многих космологиях служат ядром нового мира, который возникает из вод, поглотивших старый. Возможно, это бобр или мускусная крыса, которые ныряют в пучину и поднимают кусок грязи, постепенно превращающийся в просторный континент; но иногда птицы несут это ядро в своих клювах. В рассматриваемом нами мифе они возвращаются с грязью на ногах, что, очевидно, выражает ту же идею. Были предприняты попытки показать, что между вавилонской и древнееврейской историей существует большое различие. Несомненно, эти две истории имеют общее происхождение.

Первая вавилонская версия мифа датируется примерно 2000 годом до н. э., а ее текст, очевидно, заимствован из еще более древней таблички. Представляется вероятным, что она, в свою очередь, была обязана еще более архаичной версии, которая, вероятно, повествовала о самом раннем типе мифа. В нем, возможно, рассказывалось о том, как Земля и ее обитатели не понравились Творцу, и он решил воссоздать все заново. Поэтому был вызван великий океанский дракон, чтобы затопить мир, после чего Создатель заново вылепил его и поселил на нем выжившего и его семью в качестве предков новой человеческой расы. Возможно также, что великий морской дракон или змей, убитый Творцом, залил землю своей кровью, когда умирал: на этот счет существует миф индейцев алгонкинов. В одном из старых клинописных текстов год потопа называется "годом разъяренного змея". Мудрец, укрывшийся в корабле или ковчеге, предупрежден сном о грядущем потопе. В некоторых мифах североамериканских индейцев его предупреждают дружелюбные животные. Гора, как место убежища для ковчега, также довольно часто встречается в мифах.

В главе II мы рассмотрели миф о сотворении мира, найденный в Беросе, и на этом закончили ту часть его истории, которая имеет хоть какое-то значение.

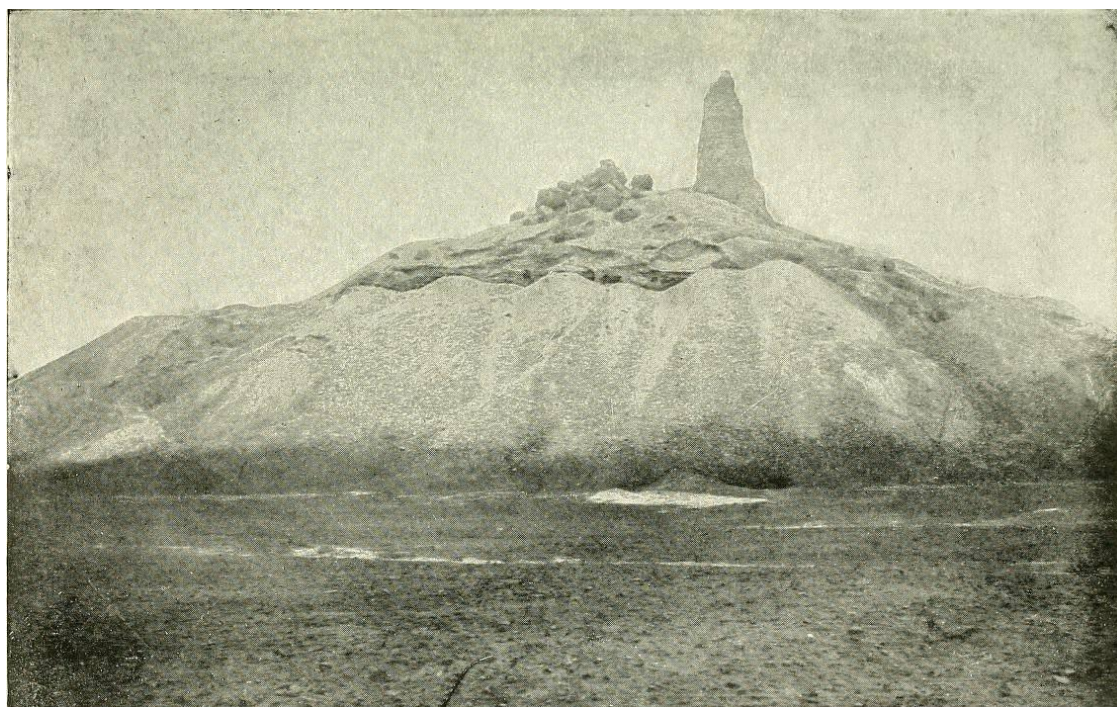
Вавилонская археология

Примерно до середины девятнадцатого века наши знания об истории и древностях Вавилонии и Ассирии были крайне скудными. Глубоко интересная серия раскопок, которые раскрыли обстоятельства этих древних цивилизаций перед почти недоверчивыми глазами ученой Европы, подробно описана в конце этого тома. Здесь же можно коротко сказать, что труды Лэйарда и Ботты в Ниневии убедили антикваров в том, что останки великой цивилизации ждут своего открытия. Раскопки библиотеки Ассур-бани-пала, произведенные Лэйардом, стали первым большим шагом к реконструкции древней жизни двух царств. За ним последовали Опперт и Лофтус, но систематические раскопки в стране еще предстояло провести. Эти работы, как мы увидим, начал Джордж Смит из Британского музея, но, к сожалению, он умер по дороге домой из Востока. Его работу в Ниневии взял на себя г-н Ормузд Рассам, которому удалось обнаружить таблицы с надписями и бронзовые ворота с барельефами. Через несколько лет после этого г-н Рассам обнаружил местоположение храма бога солнца Сиппара в Абу-Хаббе к юго-западу от Багдада. Важной находкой де Сарзека стали диоритовые статуи Гудеа, патеси или правителя Лагаша, около 2700 г. до н. э., камень для которых, судя по надписям на них, был привезен с Синайского полуострова. Пенсильванский университет в 1889 году направил мистера Дж. Хейнса на раскопки в Ниппур, где он обнаружил остатки великого храма Эн-лиль, в центре которого находится курган из кирпичей с именами Саргона Аккадского и его сына Нарам-сина. Немецкая экспедиция 1899 года исследовала руины Вавилона, дворец Навуходоносора и городище Асхур.

Вавилонская башня

Было предпринято много попыток связать легенду о смешении языков с некоторыми разрушенными башнями в Вавилонии, особенно с башней Э-Сагила, великим храмом Меродаха, и некоторые замечания по поводу этой интереснейшей истории могут быть неуместны в данный момент. Миф не встречается в самой Вавилонии, и в своей лучшей форме может быть обнаружен в Священном Писании. В библейской истории нам рассказывают, что в каждом регионе был один язык и один способ речи. Когда люди двинулись на запад от своего первоначального дома на Востоке, они наткнулись на равнину в земле Шинар, где и поселились. В этом регионе они начали строительство, возвели город и

заложили фундамент башни, вершина которой, как они надеялись, будет достигать самого неба. Судя по всему, это сооружение было построено с целью служить великим ориентиром для людей, чтобы они не были рассеяны по лицу земли. Господь сошел посмотреть на город и башню и решил, что, поскольку все они говорят на одном языке, это дает им чрезмерную власть, и что то, что они себе вообразили, при таких условиях они смогут осуществить. Поэтому Господь рассеял их оттуда по всей земле, и строительство башни прекратилось, и она стала называться "Вавилонской", потому что в том месте единый язык людей был смешен. Конечно, это всего лишь родное название Вавилона, которое в переводе означает "врата бога" и не имеет такой этимологии, как утверждают Писания, - евреи путают свой глагол *balal* "путать или сбивать с толку" со словом *babel*. Эта история, несомненно, была навеяна одной из храмовых башен Вавилона. В связи с иудейской религией мы снова и снова видим, что все, что смахивает на самонадеянность или неестественное стремление, решительно осуждается. Так, амбициозная попытка построить Вавилонскую башню показалась бы древним евреям отвратительной. Странно, но эти древние башни, или *зиккураты*, как их называли вавилоняне, должны были служить связующим звеном между небом и землей, как и минарет магометанской мечети.

Бирс Нимруд, Вавилонская башня Из книги *"Ниппур, или Исследования и приключения на Евфрате"* Дж.

Легенда о смешении языков встречается и в других народных преданиях, помимо вавилонского. Она встречается в Центральной Америке, где рассказывается, что Кселхуа, один из семи гигантов, спасшихся от потопа, построил великую пирамиду Чолула, чтобы осадить небеса. Однако сооружение было разрушено богами, которые обрушили на него огонь и сбили с толку язык строителей. Ливингстон обнаружил подобный миф у африканских племен в районе озера Нгами, а некоторые австралийские и монгольские народы обладают схожей традицией.

Нимрод, могучий охотник

Странно, что рассеяние племен в Вавилоне связано с именем Нимрода, который в библейской и вавилонской традиции фигурирует как могучий охотник. Епифаний утверждает, что с самого основания этого города (Вавилона) сразу же начались заговоры, смута и тирания, которые возглавлял Нимрод, сын Хуса Эфиопа. Вокруг этой тусклой легендарной фигуры разгорелось множество научных споров. Прежде чем мы рассмотрим его легендарное и мифологическое значение, давайте посмотрим, что говорят о нем легенды и Священное Писание. В Книге Бытия (гл. х, 8 и далее) он упоминается как "могучий охотник перед Яхве, почему и сказано: как Нимрод, могучий охотник перед Господом". Он также был правителем великого царства. "Началом царства его был Вавилон, и Эрех, и Акад, и Калнех в земле Синар. Из той земли вышел Ассур" (то есть по принуждению Нимрода) "и построил Ниневию" и другие великие города. В Писании Нимрод упоминается как потомок Хама, но это может быть следствием прочтения имени его отца как *Куш*, которое в Писании указывает на цветную расу. Возможно, имя *Каш* и должно относиться к касситам.

Таким образом, получается, что сыновья Куша или Чуса, касситы, согласно легенде, не участвовали в общем разделении человеческого рода после падения Вавилона, а под руководством самого Нимрода остались там, где были. После рассеяния Нимрод построил Вавилон и укрепил территорию вокруг него. Говорят также, что он построил Ниневию и вторгся в земли Асхура, так что в конце концов заставил Асхура покинуть эти территории.^[3] Греки дали ему имя Неброд или Неброс и сохранили или придумали множество историй о нем и его отступничестве, а также о башне, которую он якобы воздвиг. Его описывают как гигантского человека с могучей фигурой и созерцателя всего божественного; его последователей представляют такими же самонадеянными и властными. На самом деле он показался грекам очень похожим на одного из их собственных Титанов.

Нимрода отождествляли и с Меродахом, вавилонским богом-покровителем, и с Гильгамешем, героем одноименного эпоса, и с Орионом, и с другими. Это имя, по словам Петри, даже встречается в египетских документах XXII династии как "Немарт".

Нимрод, по-видимому, один из тех гигантов, которые гневаются на богов, как и титаны из греческого мифа и йотунны из скандинавских сказаний. На самом деле все они - земные боги, беспорядочные силы природы, которые были побеждены богами, стоящими за закон и порядок. Производное имени Нимрод может означать "мятежник". Во всех поздних легендах, например, в тех из них, которые приводит Филон в своей "*De Gigantibus*" (название, доказывающее, что Нимрод по традиции был связан с расой великанов), он предстает как вероломный и ненадежный. Теория о том, что он - Меродах, не имеет под собой реальных оснований ни в науке, ни в вероятности. На самом деле легенда о Нимроде кажется гораздо более архаичной, чем любая часть традиции, связанная с Меродахом, который действительно является богом не очень большой древности.

Аврам и Нимрод

Многие еврейские легенды связывают Аврама с Нимродом, мифическим вавилонским царем. Согласно легенде, Аврам изначально был идолопоклонником, и сохранилось множество историй о его обращении. Иудейское предание гласит, что Отец Верных первоначально следовал занятию своего отца Тераха, которое заключалось в изготовлении и продаже изображений из глины, и что, будучи совсем молодым, он посоветовал своему отцу "оставить пагубное ремесло идолопоклонства, которым он навязывал себя миру".

Еврейские раввины рассказывают, что однажды, когда его отец Терах отправился в дальнее путешествие, продажа изображений была возложена на него, и случилось так, что человек, выдававший себя за покупателя, спросил его, сколько ему лет. "Пятьдесят лет", - ответил патриарх. "Какой же ты негодяй, - сказал тот, - что в таком возрасте обожаешь вещь, которой всего один день от роду!" Аврам был поражен, и восклицание старика так подействовало на него, что когда вскоре женщина принесла немного муки в жертву одному из идолов, он взял топор и разбил их на куски, сохранив только самый большой, в руку которого и вложил топор. Терах вернулся домой и поинтересовался, что означает этот хаос. Аврам ответил, что божества поссорились из-за подношения, которое принесла женщина, и тогда самое большое из них схватило топор и уничтожило остальные. Терах ответил, что он, должно быть, шутит, так как невозможно, чтобы неодушевленные статуи могли так действовать; и Аврам тут же возразил отцу на его же слова, показав ему нелепость поклонения ложным божествам. Но Терах, которого, похоже, это не убедило, отдал Аврама Нимроду, жившему тогда на равнине Синар, где был построен Вавилон. Нимрод, тщетно увещевая Аврама поклоняться огню, приказал бросить его в горящую печь, воскликнув: "Пусть твой Бог придет и вытащит тебя". Как только Харан, младший брат Аврама, увидел судьбу патриарха, он решил присоединиться к религии Нимрода; но когда он увидел, что его брат вышел из огня невредимым, он воззвал к "Богу Аврама", из-за чего его в свою очередь бросили в печь, и он сгорел. Однако один писатель приводит другую версию смерти Харана. Он говорит, что пытался выхватить идолов Тераха из пламени, в которое их бросил Аврам, и в результате сгорел заживо.

Персидская версия

Персидские мусульмане утверждают, что патриарх, родившийся в Халдее, после того как Бог явил себя ему, отправился в Мекку и построил там знаменитую Каабу или храм. Вернувшись домой, он публично объявил себя пророком Божиим и специально сообщил об этом Нимроду, царю Халдеи, который поклонялся огню. Аврам встретил Нимрода в городе Месопотамии под названием Урга, впоследствии Карамит, а ныне Диарбекр, в котором находился большой храм, освященный огнем, и публично умолял царя отказаться от идолопоклонства и поклониться истинному Богу. Нимрод посоветовался со своими мудрецами и спросил, какого наказания заслуживает такой богохульник, и они посоветовали предать его огню. Приказали приготовить кучу дров, положили на нее Аврама, но, к их изумлению, огонь не разгорелся. Нимрод спросил жрецов о причине этого явления, и они ответили, что ангел постоянно летает вокруг кучи и не дает дровам разгореться. Царь спросил, как можно прогнать ангела, и они ответили, что это можно сделать только с помощью какого-то страшного обряда. Их совету последовали, но ангел все равно не унимался, и Нимрод в конце концов изгнал Аврама из своих владений.

Мусульмане также рассказывают, что царь начал войну с патриархом и, выступив в поход, послал к нему человека с таким сообщением: "О Абрам! Настало время сражаться; где твоё войско?" Аврам ответил: "Оно придет немедленно", и тут же появилось огромное, затмевающее солнце облако мошек, которое пожрало воинов Нимрода до самых костей.

На Востоке сохранилось еще одно предание, специально относящееся к бросанию Аврама в огненную печь в Вавилоне по приказу Нимрода, которое, похоже, является искаженной историей освобождения трех евреев, записанной Даниилом, - Нимрод просто заменен Навуходоносором, поскольку нет никаких доказательств того, что Аврам когда-либо был в Вавилоне. "Нимрод, - говорится в книге, - во сне увидел звезду, поднимающуюся над горизонтом, свет которой затмил свет солнца". Прорицатели, с которыми он советовался, предсказали, что в Вавилоне должен родиться ребенок, который вскоре станет великим

князем, и что у него (Нимрода) есть причины бояться его. Ужаснувшись такому ответу, Нимрод отдал приказ искать такого младенца. Однако, несмотря на эту предосторожность, Адна, жена Азара, одного из охранников Нимрода, спрятала ребенка в пещере, устье которой старательно закрывала, а когда вернулась, сообщила мужу, что он погиб.

Адна тем временем регулярно приходила в пещеру, чтобы покормить младенца, но всегда находила его сосущим кончики своих пальцев, один из которых давал ему молоко, а другой - мед. Это чудо удивило ее, и, поскольку ее беспокойство о благополучии ребенка было значительно облегчено, а также потому, что она видела, что Небеса взяли на себя эту заботу, она просто довольствовалась тем, что время от времени навещала его. Вскоре она заметила, что за три дня он вырос настолько, насколько обычные дети растут за месяц, так что не прошло и пятнадцати лун, как он стал выглядеть на пятнадцать лет. Теперь Адна рассказала своему мужу Азару, что сын, от которого она избавилась и которого считала мертвым, жив и что Бог чудесным образом обеспечил ему пропитание. Азар немедленно отправился в пещеру, где нашел сына, и попросил мать отнести его в город, так как намеревался представить его Нимроду и поставить при дворе.

Вечером Адна вывела его из норы и повела на луг, где паслись стада скота. Это было совершенно новое зрелище для юного Аврама, который с любопытством изучал их природу, и мать рассказала ему об их названиях, назначении и свойствах. Аврам продолжил свои расспросы и пожелал узнать, кто производит этих животных. Адна сказала ему, что у всего есть Господь и Творец. "Кто же, - сказал он, - произвел меня на свет?" "Я", - ответил Адна. "А кто твой Господь?" - спросил Аврам. Она ответила: "Азар". "А кто господин Азара?" Она сказала ему: Нимрод. Он хотел было продолжить свои расспросы, но она остановила его, сказав, что из-за опасности не следует заниматься другими делами. Наконец он подошел к городу, жители которого, по его мнению, были глубоко погружены в суеверие и идолопоклонство. После этого он вернулся в свой грот.

Однажды вечером, когда он направлялся в Вавилон, он увидел сияние звезд, и среди них Венеру, которую многие обожали. Он сказал себе: "Возможно, это Бог и Творец мира"; но, заметив через некоторое время, что эта звезда зашла, он сказал: "Это, конечно, не может быть Создатель вселенной, ибо невозможно, чтобы он был подвержен таким изменениям". Вскоре после этого он заметил полную Луну и подумал, что, возможно, это и есть Автор всего сущего; но когда он увидел, что эта планета тоже опускается за горизонт, его мнение о ней было таким же, как и в случае с Венерой. Наконец, недалеко от города он увидел толпу людей, поклоняющихся восходящему солнцу, и у него возникло искушение последовать их примеру, но, увидев, как это светило убывает, как и все остальные, он пришел к выводу, что это не его Творец, не его Господь и не его Бог. Азар представил своего сына Аврама Нимроду, восседавшему на возвышенном троне в окружении множества прекрасных рабынь обоего пола. Аврам спросил отца, кто этот человек, столь возвышающийся над остальными. Азар ответил: "Царь Нимрод, которого эти люди признают своим богом". "Это невозможно, - ответил Аврам, - чтобы он был их Богом, поскольку он не так красив и, следовательно, не так совершенен, как все те, кто его окружает".

Пользуясь случаем, Аврам завел со своим отцом разговор о единстве Бога, который впоследствии привлек его к большим спорам с главными людьми при дворе Нимрода, которые никак не хотели соглашаться с провозглашенными им истинами. Нимрод, узнав об этих спорах, приказал бросить его, как мы уже упоминали, в горящую печь, из которой он вышел, не получив ни малейшего вреда.

Фрагменты вавилонской истории, или, скорее, исторического романа, встречаются в сочинениях ранних авторов, помимо Бероса. Один из них можно найти в *"Вавилонике"* Иамблиха, произведении, охватывающем не менее шестнадцати книг, написанном уроженцем Халхиса в Сирии, который был сильно увлечен таинственной древней жизнью Вавилонии и Ассирии и умер около 333 г. н.э. Все, что осталось от того, что явно является романом, который, возможно, был основан на исторической вероятности, - это эпитома *"Вавилоники"* Фотия, которая, будучи еще более сжатой, выглядит следующим образом:

Привлеченный ее красотой и полагаясь на свою огромную силу, Гармус, царь Вавилона, решил жениться на Синонис, деве необыкновенной красоты. Однако она уже была влюблена в другого, Роданеса, и всячески препятствовала Гармусу. О ее привязанности стало известно царю, но это не изменило его решимости, и, чтобы предотвратить любую попытку бегства влюбленных, он назначил двух евнухов, Дамаса и Саку, следить за их передвижениями. Наказанием за небрежность было лишение ушей и носа, и евнухи понесли это наказание. Несмотря на их бдительность, влюбленные сбежали. Однако Дамаса и Саку поставили во главе войска и отправили на поиски беглецов. Их неустанные поиски были не единственной заботой влюбленных, так как в поисках убежища у пастухов на лугу они столкнулись с демоном - сатиром, который в облике козла преследует эту часть страны. Этот демон, к ужасу Синонис, стал оказывать ей всякие странные, фантастические знаки внимания и в конце концов заставил ее и Роданеса покинуть защиту пастухов и укрыться в пещере. Здесь они были обнаружены Дамасом и его войсками и, должно быть, попали бы в плен, если бы не своевременное появление и нападение роя ядовитых пчел, которые разбили евнухов. Когда беглецы снова остались одни, они попробовали и съели немного пчелиного меда и почти сразу же потеряли сознание. Позже Дамас снова напал на пещеру, но, обнаружив, что влюбленные все еще без сознания, оставил их там умирать.

Со временем, однако, они пришли в себя и продолжили бегство в страну. Один человек, который впоследствии отравил своего брата и обвинил их в этом преступлении, предложил им убежище. Только самоубийство этого человека спасло их от серьезных неприятностей и, возможно, захвата, а из его дома они забрели в компанию разбойников. Тут на них снова набросились войска Дамаса и сожгли их жилище дотла. В отчаянии беглецы выдали себя за призраков людей, которых разбойник убил в своем доме. Их уловка удалась, и преследователи снова сбились со следа. В следующий раз они наткнулись на похороны молодой девушки и стали свидетелями ее очевидного возвращения к жизни почти у дверей усыпальницы. В этой усыпальнице Синонис и Роданес спали в ту ночь, и Дамас и его солдаты снова сочли их мертвыми. Однако позже Синонис попытался избавиться от их погребальных пелен и был арестован за это. Сорахх, магистрат округа, решил отправить ее в Вавилон. В отчаянии она и Роданес приняли яд, которым они запаслись на такой случай. Однако их охранники предвидели это, в результате чего вместо яда им подменили снотворное, и через некоторое время влюбленные, к своему изумлению, проснулись и обнаружили, что находятся в окрестностях Вавилона. Охваченная такой чередой несчастий, Синонис нанесла себе ножевое ранение, хотя и не смертельное. Сорахх, узнав об этом, проникся состраданием и согласился на побег своих пленников.

Убийство Сетапо. Эвелин Пол.

После этого влюбленные отправились в новую череду приключений, еще более захватывающих, чем предыдущие. Храм Венеры (Иштар), расположенный на одном из

островов Евфрата, стал их первым пунктом назначения после побега из плена Соракха. Здесь рана Синониса была залечена, после чего они нашли убежище у деревенского жителя, дочь которого согласилась отдать несколько безделушек, принадлежавших Синонису. При этом девушку приняли за Синониса, и весть о том, что Синониса видели в окрестностях, была немедленно отправлена в Гармус. Продавая безделушки, девушка так встревожилась подозрительными вопросами и манерами покупателей, что со всей возможной быстротой поспешила домой. На обратном пути ее любопытство возбудили звуки сильного волнения, доносившиеся из соседнего дома, и, войдя внутрь, она с ужасом обнаружила мужчину, который лишал себя жизни, убив свою хозяйку. Испуганная и забрызганная кровью, она бросилась обратно в дом своего отца. Выслушав рассказ девушки, Синонис поняла, что спастись ей и Роданесу можно только бегством. Они сразу же собрались в путь, но перед тем как отправиться в путь, Роданес поцеловал крестьянку. Синонис, узнав о его поступке по крови на губах, пришла в ярость от ревности. В порыве ярости она попыталась заколоть девушку, но, получив отпор, бросилась в дом Сетапо, богатого вавилонянина с дурной репутацией. Сетапо принял ее слишком радушно. Поначалу Синонис делала вид, что рада его настроению, но со временем она отступила от своего отношения к Роданесу и стала искать способ сбежать. С вечера она поила Сетапо вином, пока он не опьянел, а ночью убила его и с первыми лучами рассвета покинула дом. Однако рабы Сетапо преследовали ее, догнали и отдали под стражу, чтобы она ответила за свое преступление.

Весь Вавилон вместе со своим царем радовался новости о находке Синониса. Так велик был восторг Гарма, что он повелел освободить всех пленников во всех своих владениях, и Синонис разделил это всеобщее благодеяние. Тем временем собака Роданеса вынюхала дом, в котором крестьянка стала свидетельницей самоубийства любовника, убившего свою любовницу, и пока животное пожирало останки женщины, отец Синониса прибыл в тот же дом. Подумав, что изуродованное тело принадлежит его дочери, он похоронил его, а на могиле сделал надпись: "Здесь покоится прекрасная Синонис". Через несколько дней мимо проходил Роданес и, прочитав надпись, добавил к ней: "И еще прекрасная Роданес". От горя он закололся бы, если бы крестьянка, ставшая причиной ревности Синониса, не помешала ему, рассказав, кто на самом деле там похоронен.

Во время этих приключений Соракх был заключен в тюрьму за то, что позволил любовникам бежать, и это, а также угроза нового наказания, побудило его помочь вавилонским офицерам разыскать Роданеса. Так через некоторое время Роданес снова оказался в плену и по приказу Гармуса был прибит к кресту. При виде его царь заплясал, обезумев от мстительной радости, и в это время к нему прибыл гонец с известием, что Синонис вот-вот будет обручена с царем Сирии, во владения которого она сбежала. Роданес был снят с креста и поставлен во главе вавилонской армии. Эта кажущаяся перемена в судьбе на самом деле была продиктована вероломством Гармуса, поскольку некоторые низшие офицеры получили от Гармуса приказ убить Роданеса, если он победит сирийцев, и привезти Синонис живой в Вавилон. Роданес одержал убедительную победу, а также вернул себе расположение и доверие Синониса. Офицеры Гармуса, вместо того чтобы подчиниться его приказу, провозгласили победителя царем, и все закончилось для влюбленных благополучно.

Клинопись

То, как древняя клинопись Вавилонии и Ассирии была расшифрована и возвращена в мир науки и письма, можно считать великим триумфом человеческого разума. Название "клинопись" является наиболее подходящим, поскольку каждый иероглиф или знак состоит из клина или комбинации клиньев. Как и большинство восточных языков, она пишется слева

направо. Впервые клинопись была замечена европейцем сравнительно рано - в 1470 году н.э., когда венецианский путешественник Иосафат Барбаро увидел ее вырезанной на платформе Рахмет в Персии. Другой итальянец, Пьетро делла Валле, проезжая этим путем в 1621 году, скопировал несколько знаков, которые отправил обратно в Италию, а сэр Джон Шарден точно воспроизвел надпись, найденную в Персеполисе в 1711 году. Было очевидно, что на этой надписи было написано три отдельных языка, и с тех пор было установлено, что это персидский, вавилонский и сусианский. В 1765 году Нибур посетил Персеполис и менее чем за месяц скопировал все тексты, которые были готовы к расшифровке. Вернувшись в Данию, он занялся изучением того, что записал в Персеполисе, и разделил небольшие надписи на три класса, которые он назвал I, II и III, а не на три языка. Обнаружив, что класс I включает в себя всего сорок два знака, он расставил их по порядку, и впоследствии к ним почти ничего не пришлось добавлять. Решив, что язык знаков записан алфавитными символами, он был вынужден прервать работу. Но двое других ученых оказались более удачливыми, чем он. Тиксен обнаружил, что определенный диагональный знак используется для разделения слов, и правильно определил буквенные знаки для "a", "d", "u" и "s". Хантер из Копенгагена был более внимателен к проверке исторических данных, чем Тиксен, и смог четко определить авторов надписей, находящихся перед ним. Он также самостоятельно определил косой клин как разделитель слов и понял значение знака, обозначающего букву "b". Но после этих достижений казалось, что сделать больше ничего нельзя. Следует помнить, что до этого времени исследователям не было оказано такой помощи, как в случае с египетскими иероглифами, когда греческая надпись была найдена рядом с египетской.

Grotefend

Но человек, обладающий величайшей природной изобретательностью, решился бороться с трудностями, которые представляла клинопись. Георг Гротефенд взялся за эту задачу в начале девятнадцатого века. Исходя из предположения, что надписи представляют собой три языка и что один из них - древнеперсидский, он взял две надписи, которые, по его мнению, были персидскими, и, поместив их рядом, обнаружил, что некоторые знаки часто повторяются. Это указывало ему на возможность того, что их содержание было схожим. Одно слово очень часто встречалось в надписях, но оно имело две формы, более длинную и более короткую, и Гротефенд, приняв предложение Хантера, решил, что в короткой форме оно означает "царь", а в длинной - "короли"; таким образом, соединение двух знаков означало "царь королей". В обеих надписях, изученных Гротефендом, он обнаружил, что за выражением "царь царей" следует одно и то же слово, которое, по его мнению, означает "великий". Но никаких конкретных фактов, подтверждающих эти гипотезы, не было. Обратившись к некоторым сасанидским надписям, которые недавно были расшифрованы, он обнаружил, что на сайте неизбежно встречается выражение "великий царь, царь царей", и это укрепило его во мнении, что оно присутствует в изученных им надписях. Если это так, подумал он, то два текста, за которыми он наблюдал, должны были быть созданы двумя разными царями, поскольку их имена вначале не совпадали. Более того, имя, с которого начинался текст № I, появляется в третьей строке текста № II, после слова, предположительно означающего "царь", и другого, которое могло означать "сын". Таким образом, Гротефенд пришел к выводу, что в этих двух надписях он имеет имена триады правителей: сына, отца и деда. Обратившись к списку Ахеменидской династии в попытке найти три имени, которые бы соответствовали условиям, он выбрал имена Ксеркса, Дария и Гистаспеса. Предположив, что имя в начале надписи I - это Дарий, он счел себя вправе перевести текст I как "Дарий, великий царь, царь царей, сын Гистаспеса", а текст II - как "Ксеркс, великий царь, царь царей, сын Дария". Полагая, что персидское написание имени Дарий будет Дархеуш, он наложил буквы этого имени на буквы клинописи. Последующие

исследования показали, что имя следовало читать как Дарьявуш, но Гротефенду, по крайней мере, удалось обнаружить буквы "д", "а", "р" и "ш".

Но на этом открытия Гротефенда практически закончились. Бурнуф, тщательно изучив персидские географические названия, сумел расшифровать большое количество знаков персидского алфавита, а профессор Лассен из Бонна, используя аналогичные средства, достиг аналогичной цели. Эти два независимых достижения вызвали ожесточенный спор о приоритете открытия, но система Лассена оказалась более совершенной, так как он выяснил, что древнеперсидские знаки были не полностью алфавитными, а частично слоговыми, то есть некоторые знаки представляли собой слоги, а не буквы. Это означало, что система Гротефенда, которая была почти без гласных, теперь в значительной степени была заполнена необходимыми гласными.

Роулинсон

В этот момент некий майор Генри Роулинсон, служащий Ост-Индской компании, хорошо знавший персидский язык, отправился в Персию с целью помочь организовать там туземную армию. Он был далек от книг, и когда он начал копировать некоторые клинописные тексты, это было вызвано глубоким личным интересом. Он совершенно не знал о том напряженном труде, который был затрачен на них в Европе, и работал совершенно независимо от всякой помощи. Странно, но он работал почти так же, как и Гротефенд. Он почти сразу понял, что имеет дело с тремя языками, и, будучи человеком с большими природными данными, вскоре сгруппировал знаки в правильном порядке. Как ни странно, он применил к текстам те же имена - Гистаспес, Дарий и Ксеркс, что и Гротефенд, - и обнаружил, что они отвечают одинаково. Обратив свое внимание на надпись Дария в Бехистуне, расположенную высоко в живой стене скалы, Роулинсону удалось скопировать ее часть с большим риском для себя. В 1838 году он направил свой перевод первых двух абзацев персидского текста, содержащего генеалогию Дария, в Лондонское королевское азиатское общество. Этот подвиг произвел огромную сенсацию, и он получил все основные работы по этой теме и много корреспонденции от европейских ученых. Однако он был олицетворением терпения и не хотел публиковать написанные им работы по этой теме, так как считал, что лучше подождать, пока он не проверит свои выводы и, возможно, не сделает новых открытий. Но в 1840 году он был отправлен в Афганистан с политической миссией и не возвращался в Багдад в течение трех лет, и только в 1846 году он опубликовал серию мемуаров в *Journal of the Royal Asiatic Society*, в которых представил миру перевод персидского текста из Бехистуна. Это было удивительное достижение, поскольку, в отличие от тех, кто работал над этой темой в Европе, он не знал языков, родственных персидскому, и все же превзошел всех других ученых в своих результатах.

Но за расшифровку второго и третьего языков еще предстояло побороться. В 1844 году Вестергаард, работая по образцу Гротефенда, атаковал второй язык. Он выбрал имена Дария, Гистаспеса и Ксеркса и сравнил их с эквивалентами в персидских текстах. Таким образом он обнаружил ряд знаков и с их помощью попытался прописать слоги или слова. Полагая, что письмо частично алфавитное, а частично слоговое, он дал языку название мединский. Моррис, у которого была копия второй транскрипции бехистунского текста, сделанная Роулинсоном, расшифровал почти весь текст. Вскоре после этого язык был назван сусианским. Расшифровка третьего из трех языков, найденных в Персеполисе, подверглась нападкам со стороны Лёвенштерна и преподобного Эдварда Хинкса, ирландского священника. Этот язык был чисто ассирийским. Хинкс боялся ошибиться, и пока он убеждал себя, что каждый его шаг не был ложным, Лонгперье опубликовал в 1847 году перевод всего текста. Он смог прочитать его только по аналогии с другими текстами; он

не смог указать формы самих ассирийских слов. Но Роулинсон снова пришел на помощь исследователям, и было показано, что большое количество знаков являются идеографическими. Это открыло дорогу группе других исследователей, которые совместными усилиями сумели разгадать сложную письменность.

Происхождение клинописи

Эта своеобразная система письма возникла в Вавилонии, ее изобретателями были шумеры или несемитские народы, населявшие эту страну до ее заселения вавилонянами. Она возникла на основе рисуночного письма, и некоторые из наиболее значимых пиктографических знаков до сих пор можно проследить в их клинописных эквивалентах. Ранние рисунки были начертаны на камне, но со временем в качестве носителя для письма была выбрана мягкая глина, и оказалось, что прямые линии, нанесенные на этот носитель, имеют форму клина. Поэтому рисунки утратили свой первоначальный характер и стали представлять собой просто условные группы клиньев. Множественное число представлялось удвоением знака, а термин мог быть усилен добавлением определенного штриха: так, знак "дом", если к нему добавить четыре маленьких штриха, означал "большой дом" и так далее. Эта письменность плохо подходила для ассирийского языка, поскольку изначально не была предназначена для семитского языка. Она состоит из простых слогов, состоящих из гласных или гласных и согласных, идеограмм или знаков, выражающих целое слово, и закрытых слогов, таких как *бит* или *бал*. Опять же, многие знаки имеют более чем одно слоговое значение, и они могут использоваться как идеограммы, так и фонетически. Как и в египетской письменности, детерминативы используются для обозначения класса, к которому принадлежит слово: так, определенный знак ставится перед именами людей, другой - перед названиями территорий, а третий - перед именами богов и священных существ. Эпоха, в которую впервые начали использовать эту письменность, датируется, вероятно, примерно 4500 годом до н.э., и она сохранялась до I века до н.э. Ассирийцы использовали ее примерно с 1500 года до н.э. до начала VI века до н.э. Таким образом, эта древняя форма письма использовалась сначала шумерами, затем их вавилонскими и ассирийскими завоевателями, а затем персами, которые в конце концов свергли вавилонскую и ассирийскую империи.

Священная литература Вавилонии

Литература, которую донесла до нас эта своеобразная и индивидуальная письменность, в основном религиозная, магическая, эпическая и легендарная. Последние три категории рассматриваются в других разделах, поэтому здесь мы рассмотрим только первый класс - религиозные писания. Они обычно написаны на семито-вавилонском языке без каких-либо следов аккадского влияния, и нельзя сказать, что они демонстрируют какое-то особое природное красноречие или литературное мастерство. В обращении к богу солнца, которое начинается достаточно благородно с высокого апострофа к золотому светилу дня, мы обнаруживаем, что постепенно опускаемся в атмосферу почти смехотворной тупости. Молящийся желает, чтобы бог солнца освободил его от обычных забот о семье и домашних хлопот, перечисляя заклинания против всех своих родственников, чтобы они не наложили свой "запрет" на него. В другой, написанной на аккадском языке, кающийся обращается к Губарре, Меродаху и другим богам, желая, чтобы они обратили на него свой благосклонный взор и чтобы его мольба дошла до них. Как ни странно, молитва горячо умоляет, чтобы ее произнесение *принесло богам пользу*, чтобы их сердца успокоились, их печень утихла и они радовались, как отец и мать, родившие детей. Это не так уж странно, когда мы рассматриваем природу этих гимнов, многие из которых приближаются к границе чистой магии, то есть очень похожи на заклинания. Мы также обнаруживаем, что те из них, в которых

обращаются к более древним божествам, таким как бог огня Гиби, более магичны по своей тенденции, чем те, которые обращены к более поздним богам, когда, вероятно, было развито более высокое чувство религиозного чувства. Действительно, не будет лишним сказать, что некоторые из этих ранних гимнов могли служить целям более поздних заклинаний. Большинство этих "магических" гимнов, по-видимому, исходили из этого чрезвычайно древнего очага религии, Эриду, и, вероятно, являются реликвиями того времени, когда магия и религия еще почти не различались ни в жреческом, ни в народном сознании.

Гимн Адару

Прекрасный гимн Адару описывает грохот бури в бездне, "голос" бога:

Ужас перед великолепием Ану посреди небес.

Боги, как говорится, призывают Адара, он спускается, как потоп, чемпион богов, обрушивающийся на враждебную землю. Нуску, посланник Мул-лила, принимает Адара в храме и обращается к нему со словами хвалы:

Колесница твоя - как голос грома.

К поднятию рук твоих обращена тень.

Духи земли, великие боги, возвращаются к ветрам.

Многие гимны помогают нам лучше понять точную природу богов, определяя их обязанности и должности и даже иногда описывая их внешний вид. Так, в гимне Небо он упоминается как "верховный посланник, связывающий все вещи воедино", "писец всего, что имеет имя", "поднимающий высший стилус", "директор мира", "обладатель трости авгура", "путешественник по чужим землям", "открыватель колодцев", "плодоносящий кукурузу" и "бог, без которого орошаемые земли и каналы не поливаются". Именно на основе таких текстов мифолог может понять истинное значение многих божеств древних народов.

Гимн Нуску в образе бога огня также описателен и живописен. Он упоминается как "мудрый князь, небесное пламя", "тот, кто низвергает ужас, чья одежда - великолепие", "сильный бог огня", "возвышающий горные вершины" и "возносящий факел, просветитель тьмы".

Такие описательные гимны - самое ценное, что только может быть в руках благоразумного студента, изучающего мифы и сравнительную религию.

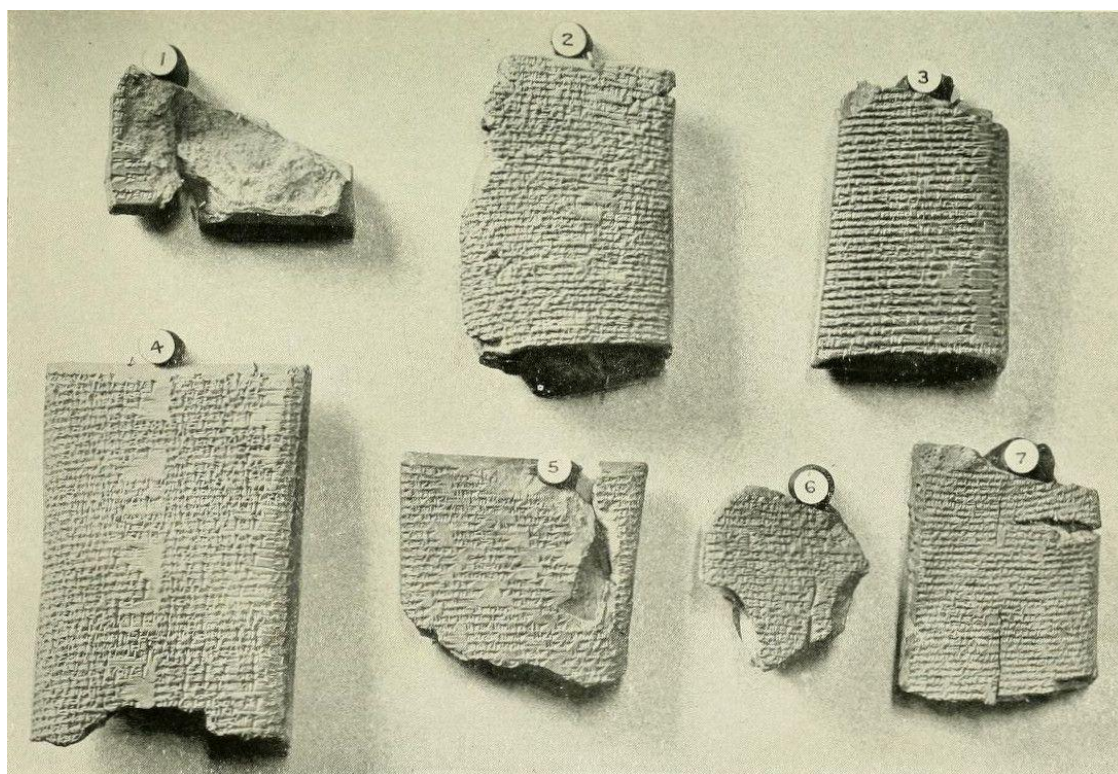
[1] Том iii, с. 167. Второе издание. (С любезного разрешения издательства "Макмиллан и Ко").

[2] Ут-Напиштим.

[3] Этот отрывок, однако, был истолкован некоторыми библейскими учеными как означающий, что "Нимрод вышел из этой земли в Ассур" (или Ассирию) "и построил Ниневию". См. Bryant, *Antient Mythology*, vol. vi, pp. 191-2-3.

Вавилонский миф о сотворении мира

Немногие мифы о сотворении мира представляют больший интерес, чем те, которые имеют литературное подтверждение. Их немного, например, история сотворения в Бытие, те, что можно найти в египетских папирусах, и те, что содержатся в *Пополь Вух* майя из Центральной Америки. В таком рассказе мы можем проследить историю сотворения мира от первого смутного представления о формировании мира до отшлифованной и окончательной попытки жреческой касты дать теологическую интерпретацию намерениям творческого божества; и это, возможно, в большей степени относится к мифу о сотворении мира, который зародился среди старого аккадского населения Вавилонии, чем к любому другому, известному мифологической науке. В рассказе Бытия о сотворении мира было обнаружено, что две различные версии были слиты в единую историю; сказание о сотворении мира в *Пополь Вух*, безусловно, является составным мифом; аналогичные подозрения могут возникнуть и в отношении аналогичных мифов Скандинавии и Японии. Но в случае с Вавилонией мы можем быть убеждены, что на эту древнюю историю не могли повлиять никакие другие влияния, кроме тех, которые оказывали расы, населявшие территорию Вавилонии, и что, хотя критический анализ доказал, что она состоит из материалов, взятых из нескольких источников, эти источники не являются чужими, и они не подверглись изощренной обработке со стороны какого-либо чужеземного мифографа или интерполятора.

Семь скрижалей Творения. Фото W. A. Mansell and Co.

Похоже, что вавилонская космогония была почерпнута из различных источников, но в окончательном виде она содержится в так называемых "Семи скрижалях творения", привезенных из библиотеки Ассур-бани-пала в Ниневии и хранящихся сейчас в Британском музее. Время от времени они дополнялись более поздними находками, но мы можем считать, что в этой записи мы имеем окончательное официальное развитие вавилонской веры,

созданное жрецами Вавилона, после того как этот город стал метрополией империи. Основной целью "Семи скрижалей" была запись ужасающей битвы между Бэлом и драконом, а рассказ о сотворении мира был вставлен в качестве вступления. Это, несомненно, самая важная находка, касающаяся вавилонской религии, которая до сих пор была обнаружена. Прежде чем выдвигать какие-либо критические догадки по этому поводу, давайте изложим историю, которую она должна рассказать.

Как и во многих других мифах о сотворении мира, хаотическая тьма царит над водным пространством; неба и земли еще не было. Не существовало ничего, кроме первобытного океана, Момму Тиават,^[1] из плодородных глубин которого появилось все живое. Воды не были разделены, как во времена человека, на моря, реки или озера, но все были заключены в одну огромную и бездонную пучину. Не существовало ни бога, ни человека: их имена были неизвестны, а судьбы не определены. Будущее было столь же мрачным, как и мрак, лежавший над могучей пропастью хаоса. Ничего не было задумано и не обсуждалось.

Рождение богов

Но вот во тьме произошло волнение, и возникли великие боги. Сначала появились Лахму и Лахаме, а много эпох спустя - Ансар и Кисар, составные части имен которых означают "Воинство Неба" и "Воинство Земли". Эти последние имена мы можем принять за символы духов небес и земли соответственно. Через много дней после этого родился их сын Ану, бог небес.

Здесь следует пояснить, что имя Тиават представляет собой параллель с ветхозаветным выражением *T'hom* или "глубина". Практически то же слово используется в ассирийском языке в форме *Tamtu*, обозначающей "глубокое море".^[2] Читатель помнит, что в первой главе Бытия дух Божий обитал на поверхности глубины. Слово и идея, заложенная в нем, в равной степени семитские, но, как ни странно, имеют аккадское происхождение. Ведь представление о том, что водная бездна является источником всего сущего, возникло у поклонников морского бога Эа в Эриду. Они называли глубины *апсу*, или "домом знаний", где, как предполагалось, обитал их бог-покровитель, и это слово имело аккадское происхождение. Эта *апсу*, или "бездна", в силу анимистических представлений, преобладавших в раннеаккадские времена, стала персонифицироваться как женщина, которую считали матерью Эа. Помимо имени Апсу, она была известна и под другим именем: ее называли Зигарун, "небо" или "мать, породившая небо и землю"; и, похоже, у нее была форма или вариант, в котором она также была богиней-землей. Но ни в одной из своих форм она представляла не существующую землю или небо, а первобытную бездну, из которой они обе были созданы.

В этом месте повествование имеет многочисленные недостатки, и за его продолжением мы должны обратиться к Дамасию, последнему из неоплатоников, который родился в Дамаске около 480 г. н.э. и которого большинство ассириологов считают имевшим доступ к ценным письменным или традиционным материалам. Он был автором работы под названием *"Сомнения и решения первых принципов"*, в которой он утверждает, что за Ану следовал Бел (мы сохранили вавилонскую форму имен, а не греческие названия Дамасия) и Эа, бог Эриду. "От Эа и Даукины, - пишет он, - родился сын по имени Белос или Бел-Меродах, которого вавилоняне считали творцом мира". От Дамасия мы больше ничего не можем узнать, а дефектный характер таблички не позволяет нам с какой-либо степенью уверенности продвигаться дальше, пока мы не дойдем до имени Нудиммуд, которое, по-видимому, является просто вариантом имени Эа. Из неясных отрывков можно понять, что Тиават и Апсу, когда-то бывшие одним целым, или, скорее, изначально представлявшие вавилонскую и

аккадскую формы глубокого, теперь рассматриваются как супруги - Тиават как женщина, а Апсу, когда-то бывшая женщиной, в данном случае - как мужчина. У них есть сын, Мумис или Мумму, имя, которое в свое время, кажется, было дано Тиавату, так что в этих изменениях мы можем проследить руку позднего мифографа, который с меньшим мастерством и большим легкомыслием, чем в большинстве мифов, взял на себя ответственность за создание трех божеств из одного. Возможно, переписчик прекрасно понимал, что его литературные усилия должны увязаться с народной верой или народными предрассудками, и ни в одну эпоху и ни в одно время жреческая изобретательность не была неспособна справиться с такой задачей, о чем свидетельствуют многие мифы, в которых видны следы поздних изменений. Но, останавливаясь на этом вопросе, священство должно признать, что такие изменения не всегда исходили от них, а были делом рук поэтов и философов, которые по эстетическим или рациональным причинам брали на себя труд переделать мифы своей расы в соответствии с велениями более приятного вкуса или в интересах "разума".

Мрачная троица

Эти трое - Тиават, Апсу и Мумму - образовывали троицу, которая не испытывала никаких симпатий к "высшим богам".^[3] Сами они, как божества первобытной эпохи, несомненно, рассматривались теологическим мнением более позднего времени как темные, сомнительные и неудовлетворительные. Известно, что во многих странах ранние, элементарные боги приобрели дурной запах в более поздние времена; возможно, аккадское происхождение этой троицы не способствовало их популярности среди вавилонского народа. Как бы то ни было, чужие и исконные боги во все времена воспринимались захватчиками и завоевателями с недоверием, как творцы магии и сеятели зла, и даже если одному из них было дано вавилонское имя, оно могло быть использовано не в благожелательном смысле. В то время как верховные боги относились к богам бездны с недоверием, темные божества хаоса заняли по отношению к божествам света позицию, которую можно сравнить разве что с саркастическим тоном, который мильтоновский Сатана принимает по отношению к Силе, ввергнувшей его во тьму. Апсу был самым ироничным из всех. Он заявил, что ему нет покоя, пока новоприбывшие обитают на небесах: их путь - не его путь, как и путь Тиавата, который, если Апсу олицетворял обожеествленный сарказм, проявлял свирепую язвительность, гораздо более непреодолимую, чем ирония ее товарища. Трио обсуждало, как им избавиться от тех существ, которые желали царствования света и счастья, и в этих обсуждениях Мумму, сын, был главной движущей силой. Здесь Скрижали снова несколько подводят нас, но в дальнейшем мы узнаем достаточно, чтобы убедиться, что проект Мумму заключался в открытой войне против богов небес.

В связи с этой кампанией Тиават вместе со своими спутниками провела самые тщательные приготовления. Она трудилась не покладая рук. Из вод великой бездны, над которой она властвовала, она вызвала самых страшных чудовищ, сильно напоминающих тех, с которыми пришлось бороться египетскому богу света Гору в его войне с Сетом. Из глубин появились гигантские змеи, вооруженные жалами, с которых капал самый смертоносный яд; драконы огромной формы подняли свои головы над потоком, их огромные челюсти были вооружены целыми рядами грозных зубов; гигантские собаки неопишущей дикости; люди, частично похожие на скорпионов; Люди-рыбы и бесчисленные другие ужасные существа были созданы и сформированы в батальоны под командованием бога по имени Кингу, которого Тиават называла своим "единственным мужем" и которому она обещала править небесами и судьбой, когда его могучая рука устранил ненавистных богов света.

Введение этого существа в качестве мужа Тиават, по-видимому, указывает либо на слияние легенд, либо на интерполяцию какого-то отрывка, популярного в вавилонских преданиях. В этот момент Апсу исчезает, как и Мумму. Может быть, в этот момент за рассказ взялся писец или мифограф, который не согласился со своим предшественником в описании Тиавата, Апсу и Мумму, первоначально одного, как трех отдельных божеств? Это объяснило бы расхождение, но суть его неясна, а поспешные выводы на основании незначительных данных обычно обречены на провал. Продолжая наше повествование, Тиават, как и ее соратники, решила сохранить в своих руках источник всего живого - великую глубину, над которой она стояла во главе.

Но боги неба отнюдь не были успокоены, ибо знали о недоброжелательности, которую питала к ним Тиават. Узнали они о ее заговоре, и велик был их гнев. Первым об этом узнал Эа, бог воды, и рассказал об этом Ансару, своему отцу, который наполнил небеса своими гневными криками. Ансар обратился к другому своему сыну, Ану, богу неба. "Поговори с великим драконом, - призвал он его, - поговори с ней, сын мой, и гнев ее утихнет, а ярость исчезнет". Повинуясь, Ану отправился в царство Тиавата, чтобы поговорить с ней, но чудовище так яростно зарычало на него, что он в ужасе отвернулся от нее и ушел. Следующим к ней пришел Нудиммуд, но без особого успеха. В конце концов боги решили, что один из них, по имени Меродах, должен взять на себя задачу борьбы с ужасным Тиаватом. Меродах попросил, чтобы было написано, что он должен победить, и это было ему дано. Тогда ему была дана власть над всей вселенной, и чтобы проверить, перешла ли к нему величайшая сила, перед богами была положена одежда, и Меродах произнес слова, повелевающие ей исчезнуть. Она тут же исчезла и не появилась. Снова заговорил бог, и одеяние вновь появилось перед глазами обитателей небес. Часть эпоса, в которой описывается вновь обретенная слава Меродаха, чрезвычайно красноречива. Нам говорят, что никто из богов не может теперь превзойти его в могуществе, что место их сбора стало его домом, что они передали ему верховную власть и даже просят, чтобы к тем, кто возлагает на него свое упование, он был милостив. Они молят^[4], чтобы он излил душу хранителя зла, и, наконец, вручают ему в руки чудесное оружие, с помощью которого он должен оборвать жизнь Тиавата. "Пусть ветры разносят ее кровь по тайным местам", - восклицают они, желая, чтобы воды этого источника зла были рассеяны далеко и широко. Могущественным выглядел он, когда вышел на бой. Он нес на спине свой огромный лук; он триумфально размахивал своей массивной булавой. Он пустил перед собой молнию; он наполнил свое тело быстротой; он создал огромную сеть, чтобы заключить в нее морского дракона. Затем одним словом он создал ужасные ветры и бури, вихри, штормы, всего семь, чтобы сбить Тиавата с толку. Ураган был его оружием, и он ехал на колеснице судьбы. Его шлем пылал от ужаса, и вид его был ужасен. Кони, привязанные к его колеснице, стремительно мчались к пропасти, их пасти пенились ядовитой пеной. В тот день Меродах, сопровождаемый всеми добрыми пожеланиями богов, отправился в путь.

"Могуч он был на вид" - Эвелин Пол.

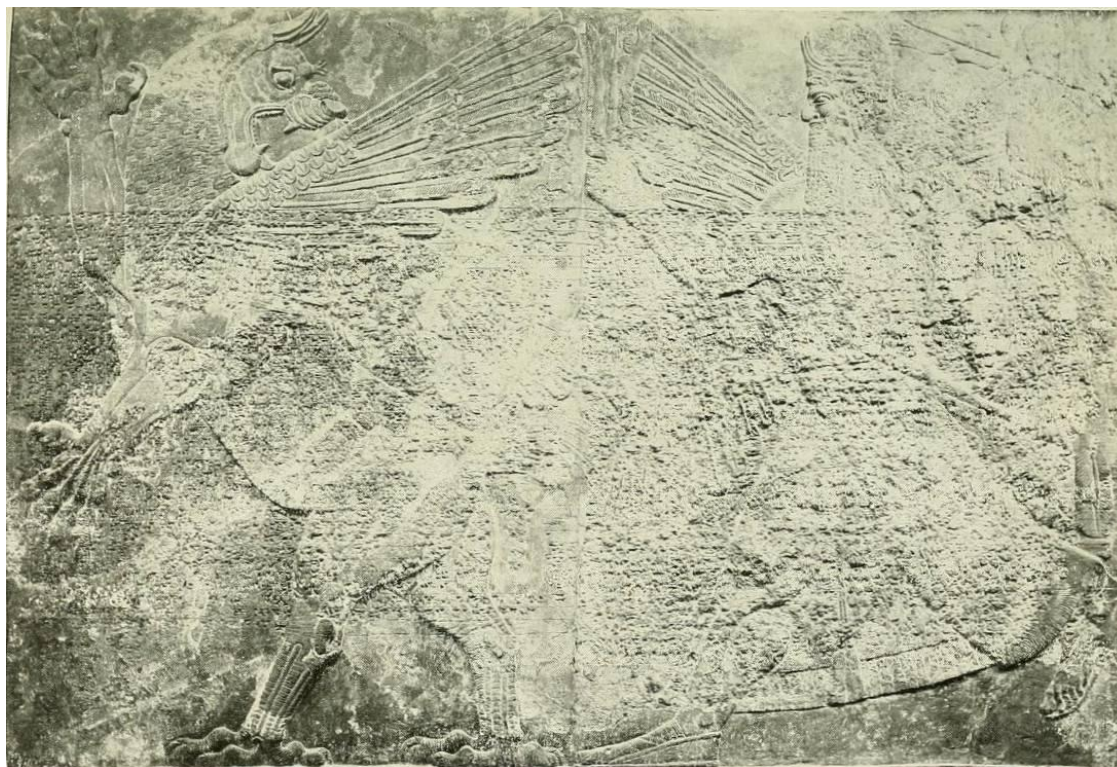
Вскоре он подошел к убежищу Тиавата, но при виде чудовища остановился, и не без оснований: там сидела великая дракона, ее чешуйчатое тело все еще сверкало водами

бездны, из глаз и ноздрей вырывалось пламя, а из широко раскрытой пасти вырывались такие ужасающие звуки, которые напугали бы любого, кроме самого храброго из богов. Меродах упрекнул Тиават за ее мятеж и в конце вызвал ее на поединок. Как и драконы всех времен, Тиават, по-видимому, была сведуща в магии и обрушила на своего противника самые мощные заклинания. Она произнесла множество заклинаний. Но Меродах, не обращая на это внимания, набросил на нее свою огромную сеть и вызвал злой ветер, который он послал перед этим, чтобы она не могла закрыть рот. Буря пронеслась между ее челюстями и не дала им раскрыться; она ворвалась в ее тело и сотрясла его. Меродах взмахнул своей булавой, могучим ударом сокрушил ее огромные бока и убил ее. Он бросил ее труп и встал на него; затем он вырезал ее злое сердце. И наконец, он поверг все чудовища, преследовавшие ее, так что они задрожали, повернулись и обратились в бегство. Их он тоже поймал в свою сеть и "держал в рабстве". Кингу он связал и забрал у него скрижали судьбы, которые были даны ему убитым Тиаватом, что, очевидно, означает, что бог более позднего поколения вырывает власть над судьбой у более ранней иерархии, подобно тому как одна земная династия может свергнуть и заменить другую. Северный ветер унес кровь Тиавата в тайные места, и при виде этого Эа, сидящий высоко в небесах, очень обрадовался. Затем Меродах отдохнул и подкрепился, и, когда он отдыхал, в его голове возник план. Поднявшись, он содрал с Тиават чешуйчатую кожу и разрубил ее на части. Мы уже видели, что северный ветер унес ее кровь, что, вероятно, символизирует распределение рек по земле.^[5] Затем Меродах взял две части ее огромного тела и одной из них сделал покрывало для небес. Затем Меродах разделил верхние и нижние воды, сделал жилища для богов, установил огни на небе и предписал их регулярное течение.

Как поэтично сказано в табличке, "он зажег небо, установив верхнюю твердь, и заставил Ану, Бэла и Эа населять ее". Затем он основал созвездия как станции для великих богов и ввел год, установив три созвездия для каждого месяца и поместив свою собственную звезду Нибиру как главный светильник на небосводе. Затем он вызвал новолуние, Наннару, и передал ему власть над ночью, предоставив ему день отдыха в середине месяца. В этот момент происходит еще одно увечье, и мы узнаем, что сеть Меродаха, которой он поймал Тиавата, была помещена на небо в виде созвездия вместе с его луком. Ветры также были связаны или укрощены и размещены в нескольких точках компаса; но весь отрывок очень неясен, и, несомненно, информация, представляющая огромный интерес, была утеряна в результате искажения таблички.

Мы, вероятно, не ошибемся, если будем рассматривать миф о борьбе Меродаха и Тиавата как объяснение первобытного противостояния света и тьмы. У самых примитивных народов солнечный герой на определенном этапе своей карьеры должен столкнуться с ужасным драконом или змеем, который угрожает самому его существованию. Во многих случаях это чудовище охраняет сокровище, которое мифологи поколения назад почти неизменно объясняли как золото, рассыпающееся по небу в час заката. Приписывание солнечных характеристик всем истребителям драконов и им подобных было слабостью старой школы мифологии, сродни ее умозаключениям, основанным на филологических основаниях; но критика, направленная против солнечной теории, а она была весьма обширной, не всегда была уместной, а во многих случаях просто бесполезной. На самом деле солнечная теория пострадала из-за филологических аргументов, с которыми она была связана, и ни критики, ни читатели не смогли провести между ними различия. Но мы должны постоянно помнить, что попытки разъяснить или объяснить мифы с помощью какой-либо одной системы или одной жесткой и быстрой гипотезы бесполезны. С другой стороны, почти все системы, которые до сих пор пытались прояснить или распутать термины мифа, могут быть применены к определенным типам мифов. История о драконе практически универсальна: в Китае это

чудовище, которое временно проглатывает солнце во время затмения; в Египте это великий змей Апеп, который сражался с Ра и Гором, солнечными героями; в Индии это змей Вритра, или Ахи, которого побеждает Индра; в Австралии и некоторых частях Северной Америки место дракона занимает большая лягушка. В истории о Беовульфе последним подвигом героя является убийство ужасного огнедышащего дракона, охраняющего спрятанную сокровищницу; в этой схватке Беовульф получает смертельную рану. В "Саге о Вольсунгах" жадный Фафнир превращается в дракона и погибает от руки Сигурда. Их не следует путать с чудовищами, вызывающими засуху и мор. Здесь мы имеем дело с чудовищем, глотающим солнце.

Конфликт между Меродахом и Тиаватом. Фото W. A. Mansell and Co.

В скрижалях говорится о сотворении человека; боги, как утверждается, так восхищались творениями Меродаха, что пожелали увидеть, как он исполнит еще больше чудес. Теперь у богов не было никого, кто бы поклонялся им или воздавал им почести, и Меродах предложил своему отцу, Эа, создать человека из своей божественной крови. Здесь скрижали снова подводят нас, и мы должны обратиться к рассказу халдейского писателя Бероса, сохраненному не менее чем тремя авторами классической эпохи. Бероссус утверждает, что некая женщина Талатт (то есть Тиават) имела множество странных существ по своей воле. Белус (то есть Бел-Меродах) напал на нее и рассек надвое, образовав из одной половины землю, а из другой - небо, и уничтожив всех существ, над которыми она властвовала. Затем Меродах обезглавил себя, и, когда потекла его кровь, другие боги смешали ее с землей и сформировали из нее человека. От этого обстоятельства человечество стало разумным, в нем есть искра божественного. Затем Меродах разделил тьму, отделил небо от земли и упорядочил детали всей вселенной. Но животные, которых он создал, не смогли вынести света и погибли. Затем следует отрывок, в котором говорится о создании звезд, солнца и

луны, а также пяти планет, и, судя по повторению, что творений было два, первое было неудачным, и Меродах как бы предпринял первую попытку, усовершенствовав процесс во втором творении. Конечно, можно предположить, что Бероссус, возможно, опирается на два противоречащих друг другу рассказа, или что те, кто цитирует его, вставили второй отрывок.

Шумерское заклинание, снабженное семитским переводом, несколько дополняет наши знания об этой космогонии. В нем говорится, что вначале ничего еще не существовало, ни один из великих городов Вавилонии еще не был построен, более того, не было никакой земли, ничего, кроме моря. И только после того, как вены Тиавата были прорезаны, рай и бездна были разделены, и Меродах создал богов. Он также создал *аннунаков*, или богов земли, и основал чудесный город, в котором они могли обитать. Затем с помощью богини Аруру были созданы люди и, наконец, растительность, деревья и животные. Затем Меродах воздвиг великие храмы Эреха и Ниппура. Из этого рассказа мы видим, что вместо того, чтобы называть Меродаха сыном богов, его считают их создателем. В библиотеке Ниневии также была обнаружена копия таблички, написанной для великого храма Нергала в Кутхе. Предполагается, что сам Нергал сделал заявление, которое в ней содержится. Он рассказывает, как появились носители хаоса и смятения. Сначала, как и в других историях, царил небытие, затем великие боги создали воинов с телами птиц и людей с лицами воронов. Они основали им город на земле, и Тиават, великий дракон, вскормил их. Их воспитали среди гор, и под присмотром "владычицы богов" они сильно выросли и стали могучими героями. У них было семь царей, которые правили шестью тысячами людей. Их отцом был бог Бенани, а матерью - царица Мелили. Этих существ, которых можно было бы назвать прирученными богами зла, Нергал утверждает, что уничтожил.^[6] Таким образом, все повествования сходятся во мнении о первоначальном хаотическом состоянии Вселенной. Они также согласны с тем, что силы хаоса и тьмы были уничтожены богом света.

Скрижали творения написаны на семитском языке и упоминают великий круг богов как уже полностью сформировавшийся и имеющий полный состав. В них упоминаются даже более поздние божества. Это означает, что ее следует отнести к сравнительно позднему периоду, но в ней есть элементы, которые свидетельствуют о том, что она является поздней редакцией гораздо более ранней композиции - ведь основные элементы в ней, как уже говорилось, имеют чисто аккадское происхождение, что отбрасывает дату ее первоначальной формы к очень примитивному периоду. В ней, как легко заметить, очень задействована космогония. Ее характеристики показывают, что изначально она была местной и, конечно же, вавилонской по своему вторичному происхождению, но время от времени она дополнялась, чтобы те боги, которые позднее были приняты в вавилонский пантеон, могли быть объяснены и учтены с ее помощью; Но легенда о сотворении мира, возникшая в Вавилоне, местная народная сказка, известная и понятная людям, никогда не была полностью оттеснена более значительным и отшлифованным эпосом, который, возможно, был известен и оценен только в литературных и эстетических кругах и имел такое же отношение к более скромным народным историям, какое *"Потерянный рай"* Мильтона имеет к средневековым легендам об изгнании сатаны с небес.

Хотя в вавилонской мифе о сотворении мира легко различить влияние глубокой древности, очевидно, что в той форме, в которой он дошел до нас, он был изменен таким образом, чтобы Меродах получил всю заслугу за поражение Тиавата вместо Эн-лиля или божества, которое было его предшественником в качестве монарха богов. Джастроу считает, что вся космологическая сказка была создана из рассказа о конфликте с первобытным чудовищем и истории о восстании против Эа; что эти две сказки слились воедино, и что первая снова делится на три версии, одна из которых возникла в Уруке, а две другие - в Ниппуре в разные

эпохи. Первая из них прославляет завоевание Ану над Тиаватом, вторая возвеличивает Ниниба как завоевателя, а третья заменяет его Эн-лилем. Таким образом, мы видим, как бог завоевательной или популярной династии мог получить полный миф, созданный для него, и как, наконец, могущественный Меродах из Вавилона мог заменить целую линию божеств в качестве центральной фигуры мифа, который, должно быть, был популярен среди несметных поколений аккадцев и вавилонян.

Типы вавилонской космологии

Теперь мы должны рассмотреть точную природу вавилонской космологии и ее место среди других мифов о сотворении мира. Как и космологические труды большинства примитивных или варварских народов, она носит характер не столько мифа о сотворении мира, сколько рассказа об эволюции из хаоса и установлении физических законов. Примитивный ум не может понять идею создания чего-то из ничего, и вавилоняне и аккадцы не отличались в этом отношении от других рас, находящихся на той же стадии развития. В каком бы направлении мы ни смотрели, изучая космологии варварских или полукцивилизованных народов, мы обнаруживаем полную неспособность выйти за рамки идеи о том, что материя творения уже находится в руках творческого агентства, и что для формирования мира ему нужно лишь извлечь материал для него из кишаших глубин или убитого тела враждебного чудовища. Не только идея создания земли и воды из небытия кажется первобытному уму абсурдной, но и человек должен быть создан из пыли, грязи, глины или крови самого творческого бога. И все же Меродах мог принести одежду из небытия и вернуть ее обратно, просто сказав слово! Почему же теология, допускающая возможность такого явления, не довела свою концепцию до логического конца и не подтвердила вероятность того, что бог способен создать целую вселенную таким же образом? Возможно, этот шаг был слишком смелым для отдельного человека перед лицом целой теологической коллегии, и в любом случае то, что вавилонским теологам показалось бы вполне осуществимым магическим актом, когда речь идет об одежде, не может быть применено к созданию земли и всего, что на ней находится. Таким образом, вавилонская космология стоит на одном уровне с космологией Скандинавии, Китая и многих индейских племен Северной Америки, но не достигает столь высокого уровня воображения, как космология Древнего Египта, Индии или майя Центральной Америки, в некоторых из которых достаточно голосового повеления бога, чтобы сотворить землю и окружающие ее воды.

Создание солнца, луны и других небесных тел, как будет более подробно показано далее, имеет большое значение в вавилонском мифе. Звезды, по-видимому, были прикреплены к небесной тверди, как к ткани. Через нее ежедневно проходило солнце, в функции которого входило наблюдение за движением других небесных тел. Луна также имела свой фиксированный курс, а некоторые звезды, как предполагалось, двигались по картине ночи с большей или меньшей регулярностью. Небеса с обоих концов охранялись большими воротами, через одни из которых солнце проходило после восхода из океана, а при заходе покидало небеса через противоположный портал.

Земной мир представлялся как огромная полая структура, покоящаяся на "глубине". Более того, похоже, что он рассматривался как остров, плавающий в пучине вод. Такое представление о земном мире отнюдь не было свойственно вавилонянам, но разделялось ими со многими народами древности.

Человек, происходящий из крови самого Меродаха, считался непосредственно небесного происхождения. Существовала и более древняя традиция, согласно которой в создании человека Меродаху помогала богиня Аруру, которая в эпосе о Гильгамеше фигурирует как

создательница Эабани из куска глины. Мы также находим древнее поверье, что человечество обязано своим происхождением богу Эа, но когда Меродах сместил этого бога политически, он, конечно же, "взял на себя" весь его послужной список и творческие деяния, а также его власть и суверенитет. В Ниппуре на Бэла смотрели как на создателя человека. Но эти верования, вероятно, возникли в более отдаленные времена и окончательно угасли с приходом к полному и непререкаемому могуществу великого бога Меродаха.

Связь с легендой об Ионе

Некоторые мифологи видят в истории об Ионе скрытую аллюзию на обстоятельства вавилонской космологии. Иона, как мы помним, был призван в Ниневию, чтобы пророчествовать против нее, но, отправившись в Иоппию (место действия более позднего мифа о Персее и Андромеде), корабль, на котором он плыл, попал в шторм, и он сам посоветовал морякам выбросить его за борт. Они так и сделали, и "огромная рыба" проглотила его. Утверждается, что эта "рыба" - всего лишь морская форма Тиавата, дракона хаоса, а три дня и ночи, которые Иона провел внутри нее, - это "зимние месяцы".^[7] Это кажется не совсем ясным. По мнению финикийцев, Геракл спускался в брюхо рыбы и выходил оттуда через три дня. Имя Ионы можно сравнить с именем Оаннеса или Эа. В индуистской *Вишну-пуране* бог любви, брошенный в море, проглатывается рыбой, подобно кольцу Гигеса. Существовало ли в Иоппии местное морское чудовище, вариант Тиавата, и является ли оно тем же самым в мифе об Ионе, что и в сказании о Персее? По словам Павсания, считалось, что фонтан в Иоппии приобрел свой цвет от крови морского чудовища, убитого Персеем. Значит, чудовище, поджидавшее Персея у Иоппии, было богиней тьмы Тиават, а Иона - не кто иной, как Эа или Оаннес, ее смертельный враг, бог света, которого она, согласно мифу, проглатывала в серые зимние месяцы?

[1] Другое написание - Тиамат.

[2] Sayce, *Hibbert Lectures*, p. 374.

[3] О котором мы слышим впервые.

[4] Во многих мифологиях мы видим, как боги молятся и приносят жертвы друг другу, и даже божествам, предположительно более высоким, чем они сами, и неизвестным человеку или лишь угадываемым им. Так, ведийские боги постоянно приносят жертвы один другому, и есть много американских примеров такого поклонения богу за богом.

[5] См. Pinches, *The Religion of Babylonia and Assyria*, p. 39.

[6] Этот рассказ утверждается как слабая версия той части истории о сотворении мира, в которой говорится о создании хозяина бездны. Тот факт, что Нергал утверждает, что он уничтожил этих чудовищ, может дать нам основания полагать, что миф в данном случае был отредактирован таким образом, чтобы предоставить монарху возможность похвастаться.

[7] *Библейские народные предания*, Лондон, 1884. Аноним.

Начало вавилонской религии

Истинное начало религии - это та эпоха в ее истории, когда ей удастся, в силу местных или национальных обстоятельств и окружения, а также расового гения, освободиться от тех чисто анимистических влияний, которые характерны для ранней веры и из которых вышли все великие религии, если они не смогли полностью освободиться от ассоциаций, которые в силу их древности и того влияния, которое они оказывают на сознание человечества, особенно трудно отбросить. Так, чувство национальности и достижение высокого стандарта праведности способствовали формированию еврейской религии. Необходимость военной эффективности и, следовательно, жертвоприношений богам формировала настоящую, хотя и ужасную религию в древней Мексике, когда вторгшиеся испанцы положили конец отвратительному маскараду трагедии. Озарение и медитация придали ведической религии Индии атмосферу этической экзальтации. Таким образом, каждая раса в свойственной ей манере и в соответствии с тенденциями своего особого гения развила подходящую религию из первоначальной анимистической основы.

Однако если мы хотим обнаружить основы какой-либо системы или культа, если мы хотим раскопать религиозную почву, как мы раскопали бы почву археологическую, в надежде прийти к основанию какой-либо конкретной веры, мы должны взяться за эту работу так же тщательно, как антиквар, который с киркой в руках прокладывает себе путь к самым низким фундаментам дворца или храма. Самые ранние религиозные представления вавилонян - то есть после прихода этого народа в страну, омываемую Тигром и Евфратом, - несомненно, были окрашены религиозными представлениями несемитских шумеров, которых они нашли в этой стране. Они переняли алфавит этой расы, и это служит убедительным доказательством того, что семиты-иммигранты, будучи неграмотным народом, естественным образом приняли бы если не всю, то большую часть религии более культурных людей, которых они застали на этой земле.

Здесь нет необходимости подробно описывать природу анимистических верований. Это было сделано во многих других томах этой серии и так подробно, что здесь достаточно кратко указать, что анимизм - это состояние мысли или веры, при котором человек считает все во вселенной наряду с собой обладателем "души", "духа" или, по крайней мере, воли. Таким образом, ветер, вода, животные, небесные тела - все они живут, движутся и имеют свое бытие, и из-за страха перед ними или восхищения ими человек умиротворяет или обожает их, пока в конце концов почти бессознательно не возвышает их до состояния божества. Есть ли у нас основания полагать, что древние семиты Вавилонии считали вселенную населенной богами или богинями такого типа? Доказательств того, что они так считали, не так уж мало.

Духи и боги

Духи кишели в древней Вавилонии, о чем читатель узнает, когда ознакомится с главой, посвященной магическим представлениям этой расы. И здесь важно отметить, что определяющий или символический письменный знак для "духа" тот же, что и для "бога". Таким образом, бог и дух должны были иметь в Вавилонии общее происхождение. Однако способ, с помощью которого мы можем провести различие между богом и духом, очень прост. В исторических текстах приводятся списки "официальных" богов, в то время как духи и демоны в них не фигурируют. Но это не значит, что в Вавилонии не было попыток

систематизировать веру в духов, ведь как великие боги вселенной были распределены по своим должностям, так и духи были наделены почти аналогичными полномочиями. Так, *аннунаки*, возможно, считались духами земли, а *игиги* - духами неба. Так, по крайней мере, они обозначены в надписи Рамманнирари I. Эта группировка, очевидно, сохранилась с анимистических времен, когда, возможно, духи, объединенные в эти два класса, были единственными "богами" вавилонян или шумеров, и из их рядов могли произойти некоторые из великих богов будущих времен. В любом случае они относятся к очень раннему периоду вавилонской религии и играют в ней немаловажную роль почти до самого конца. Бог Ану, древнейшее из вавилонских божеств, считался отцом обеих компаний, но их услугами пользовались и другие боги. Похоже, они не очень-то расположены к человечеству. Ассирийские цари имели обыкновение обращаться к ним, когда хотели внушить народу страх перед своим величием, и из этого можно сделать вывод, что они вызывали особый страх у низших слоев населения - ведь люди часто держатся за старшие культы и старшие пантеоны, несмотря на нововведения церковных политиков или религиозные эксцентричности царей. Тем не менее, не может быть никаких сомнений в истинно анимистическом характере ранней вавилонской религии. Так, в ранних надписях можно прочесть о духах различных болезней, духе южного ветра, духах тумана и т.д. *Бит-или*, или священные камни, отмечающие место пребывания бога, вероятно, были связующим звеном между фетишем и идолом, сохранившимся даже после того, как был создан полноценный идол.

Была ли вавилонская религия семитской по типу?

Уже говорилось, что на религию древнего Вавилона, вероятно, оказали большое влияние те несемитские народы, которых вавилоняне-семиты застали в стране, когда пришли в нее. Тогда возникает вопрос (и он очень важен), насколько религия древней Вавилонии и Ассирии соответствовала характеру той группы религий, которая была названа "семитской". Классическим высказыванием по этому вопросу, вероятно, является мнение покойного профессора Робертсона Смита, который в своей книге *"Религия семитов"* (стр. 13) пишет:^[1] "Преобладающее мнение ассириологов сводится к тому, что цивилизация Ассирии и Вавилонии не была чисто семитской, и что древнее население этих стран содержало большой досемитский элемент, влияние которого особенно заметно в религии и в священной литературе клинописных записей. Если это так, то очевидно, что клинописный материал должен использоваться с осторожностью в наших исследованиях типа традиционной религии, характерной для древних семитов. Идея о том, что Вавилония является лучшей отправной точкой для сравнительного изучения священных верований и практики семитских народов, получила распространение в последнее время, и на первый взгляд кажется правдоподобной из-за большой древности монументальных свидетельств. Но в подобных вопросах древность и примитивность не являются синонимами; и мы не должны искать наиболее примитивную форму семитской веры в регионе, где общество не было примитивным. В Вавилонии, судя по всему, и общество, и религия были основаны на слиянии двух рас, а потому были не примитивными, а сложными. Более того, официальная система вавилонской и ассирийской религии, как она известна нам из жреческих текстов и общественных надписей, несет на себе явные следы чего-то большего, чем народная традиционная вера; она была искусственно сформирована жречеством и государственным управлением во многом так же, как и официальная религия Египта; то есть она в значительной степени является искусственным сочетанием в имперских целях элементов, взятых из ряда местных культов. По всей вероятности, реальная религия масс всегда была намного проще официальной системы; и в более поздние времена кажется, что как по религии, так и по расе Ассирия мало чем отличалась от соседних арамейских стран. Эти

замечания не ставят под сомнение огромное значение клинописи для истории семитской религии; монументальные данные ценны для сравнения с тем, что мы знаем о вере и поклонении других семитских народов, и особенно ценны потому, что в религии, как и в других вопросах, цивилизация долины Евфрата-Тигра оказала большое историческое влияние на большую часть семитской области."

Тотемизм в вавилонской религии

Признаки тотемизма нередки в вавилонской, как и в других религиозных системах. Многие боги изображены верхом на спинах определенных животных, что почти наверняка указывает на то, что в свое время они сами обладали формой животного, на котором ехали.

Религиозный консерватизм, вероятно, не потерпел бы немедленного отказа от тотемной формы, поэтому было принято решение постепенно "убирать" ее на полку. Но некоторые боги сохраняли животную форму до сравнительно поздних времен. Так, бог солнца Киса имел форму орла, а Иштар брала в любовники коня, орла и льва - несомненно, богов, которые были представлены в лошадиной, аквилонской и леонической формах. Рыбья форма Оаннеса, бога мудрости, несомненно, является реликтом тотемизма. Некоторые из старых идеографических изображений имен богов красноречиво говорят о тотемической связи. Так, имя Эа, бога глубин, выражается идеограммой, означающей "антилопа". Об Эа говорят как об "антилопе глубин", "похотливой антилопе" и так далее. Как бог воды, он также был связан со змеей, универсальным символом текущих потоков. Странному богу Узу, вероятно, выжившему аккадцу, поклонялись в образе козла. Бог солнца из Ниппура, Адар, был связан со свиньей и назывался "повелителем свиней". Меродах, возможно, был богом-быком. В ранней астрономической литературе мы находим упоминание о нем как о "быке света". Бог бури Зу, как видно из его мифа, сохранил свой птицеподобный облик. Другое имя штормовой птицы - Лугальбанда, бог-покровитель города Марад, расположенного недалеко от Сиппара. Как и Прометей - тоже некогда бог-птица, о чем свидетельствует множество аналогичных мифов, - он похитил с небес священный огонь для служения и умственного просветления человека.

Великие боги

В той фазе, в которой она впервые становится известной нам, вавилонская религия не семитская и не аккадская, а семитско-аккадская: то есть элементы обеих религиозных форм настолько перемешаны в ней, что их невозможно отличить одну от другой; но очень мало достоверного можно сообщить об этом теновом времени. Каждое мелкое государство (а их было много в ранней Вавилонии) имело свое собственное божество-покровитель, а оно, в свою очередь, управляло рядом меньших богов. Когда все эти пантеоны складывались вместе, как это происходило в более поздние времена, они представляли собой, возможно, самое большое собрание богов, известное любой религии. Самыми выдающимися из этих племенных божеств, как их справедливо можно назвать, были Меродах, которому поклонялись в Вавилоне; Шамаш, которому поклонялись в Сиппаре; Син, бог луны, правивший в Уре; Ану, властвовавший над Эрехом и Дер; Эа, легендарный Оаннес, чьим городом был Эриду; Бел, правивший в Ниппуре, или Ниффуре; Нергал из Кутхи; и Иштар, богиня Ниневии. Народы нескольких провинций отождествляли своих выдающихся богов друг с другом, и когда Ассирия стала соперничать с Вавилонией, ее главное божество, Ашшур, естественно, отождествлялся с Меродахом.

Типы Эн-лиля, главного бога Ниппура, и его супруги Нин-лиль из книги *"Религиозные верования и практика в Вавилонии и Ассирии"* профессора Морриса Джастроу с разрешения издательства G. P. Putnam's Sons.

В главе о космологии мы рассмотрели, как Меродах получил власть над небесами. Было показано, что приход этого бога к власти произошел сравнительно недавно. До времен

Хаммурапи господствовал пантеон, довольно сильно отличающийся от того, который описан в поздних надписях. В те более примитивные времена главными богами были Бел или Эн-лиль, Белит или Нин-лиль, его царица, Нин-гирсу, Эа, Нергал, Шамаш, Син, Ану и другие менее значительные божества. Действительно, существует резкое различие между до- и послехаммурабовскими типами религии. Попытки сформировать пантеон предпринимались и до Хаммурапи, но его возвышение Мерадаха, покровителя Вавилона, во главе вавилонского пантеона было призвано разрушить их. Взгляд на состояние великих богов до времен Хаммурапи поможет нам понять их последующее развитие.

Бел

О Бэле, или, чтобы дать ему более раннее имя, Эн-лиле, говорится в очень ранних надписях, особенно в надписях из Ниппура; в этом городе он был божеством-покровителем. Его описывали как "владыку нижнего мира", и, похоже, было приложено немало усилий, чтобы составить определенное представление о его положении и атрибутах. Его имя также переводилось как "повелитель тумана". Тиглат-Пилесер I присвоил Мерадаху титул "Бел" около 1200 года до н. э., после чего его стали называть "старшим Бэлом". Главным местом его поклонения был Ниппур, где название его храма, Э-Кур или "дом-гора", стало применяться к святилищу по всей Вавилонии. К нему также обращались как к "владыке бури" и "великой горе", а его супруга Нин-лил упоминается как "владычица горы". Джастроу справедливо заключает, что "есть серьезные основания предполагать, что его первоначальный город находился на вершине какой-то горы, как это обычно бывает в случае со штормовыми божествами..... Однако, поскольку в долине Евфрата нет гор, напрашивается вывод, что Эн-лиль был богом народа, чей дом находился в горной местности, и который принес своего бога с собой, когда пришел в долину Евфрата".[2]

Эн-лиль, несомненно, относится к классу временных божеств, обитающих на горных вершинах. Не найдено ни одного текста, в котором бы он упоминался как божество красного цвета. Сверкание молний сквозь облака, окутывающие горные вершины, обычно порождает в сознании первобытного человека веру в то, что бог, скрытый завесой пара, имеет красный оттенок и быстр в движениях. Вторая табличка текста, известного как "Плач бури", упоминает Эн-лиля как бога бури. Обращаясь к нему, он говорит: "Дух, который не побеждает зла, дух, у которого нет матери, дух, у которого нет жены, дух, у которого нет сестры, дух, у которого нет брата, который не знает места пребывания, злой дух-убийца, который опустошает склад, который разрушает стойло, который сметает сына и мать, как тростник. Как огромный потоп, он сносит жилища, поглощает провизию дома, повсюду поражает человечество и злобно топчет урожаи земли. Преданные храмы он опустошает, преданных людей страдает, того, кто облачился в одеяние величия, дух низводит холодом, того, кто на широких пастбищах, голодом низводит. Когда Эн-лиль, владыка земель, взывает на закате, в просторную святыню доносится грозное слово: "Разрушай!"

Ниппур, город Энлиля, был шумерского происхождения, поэтому мы должны связать самый ранний культ Энлиля с шумерскими аборигенами. Многие из его меньших имен указывают на такой вывод. Но он значительно превзошел все местные условия и, помимо всего прочего, был богом, способствующим развитию растительности. Некоторые авторитеты считают, что, поскольку Эн-лиль считался богом растительности, изменения произошли из-за его перемещения из горного района в более ровные окрестности. На самом деле, было бы трудно найти бога, владеющего силой ветра и дождя, который не был бы покровителем сельского хозяйства, но как он посылает благотворные дожди, так же он может разрушать и опустошать, как мы видим из предыдущего текста. Шум бури был назван его "словом". Вероятно, из-за того, что он был очень древним богом, в некоторых местностях его считали

создателем мира. Огромный крылатый бык ассирийского искусства вполне может представлять Эн-лиля: ни один символ не может лучше символизировать бурю, которая, по мнению вавилонян, безудержно металась по стране и городу, опрокидывая своей жестокостью даже башни и храмы и повергая в прах жалкие тростниковые хижины низшей касты.

Слово *lil*, которое встречается в имени En-lil, означает "демон", поэтому En-lil может означать "главный демон". Это говорит об очень ранней, анимистической природе бога. Существуют и другие предания о нем как о боге войны, но они настолько туманны, что едва ли заслуживают внимания. В триединстве, состоявшем из Бэла, Эа и Ану, он считается "богом земли", то есть земля - его сфера, и к нему иногда обращаются как к "Бэлу, владыке земель".

Мы находим упоминание о "слове" бога ветра или бури в "*Пополь Вух*" киче Центральной Америки, где Хуракан (божество, от имени которого мы, вероятно, получили слово "ураган") пронесся над лицом первобытной глубины, озвучивая свои приказы.

Бел и дракон

Живописная легенда о Бэле и драконе, которая содержится в апокрифах и была в свое время приложена к Книге Даниила, показывает нам, как Бэлу поклонялись в Вавилоне, и как он должен был принимать человеческий облик, пожирать пищу и вести себя совсем как человек. Легенда гласит, что вавилоняне каждый день возносили идолу Бэла двенадцать больших мер муки, сорок овец и шесть сосудов вина. Персидский царь Кир, свергнувший Вавилонское царство, ежедневно ходил поклоняться Бэлу и спросил Даниила, почему он не поступает так же. Пророк ответил, что его религия не позволяет ему поклоняться идолам, а только живому Богу, сотворившему небо и землю.

Тогда Кир сказал: "Не думаешь ли ты, что Бел - живой Бог? Разве ты не видишь, как много он ест и пьет каждый день?"

Тогда Даниил улыбнулся и сказал: "Царь, не обманывайся, ибо он только глина внутри и медь снаружи, и не может ничего ни есть, ни пить".

Кир очень разгневался и, призвав своих жрецов, сказал им: "Если вы не скажете мне, кто это, пожирающий эти расходы, то умрете, но если вы покажете мне, что их пожирает Бел, то Даниил умрет, ибо он произнес хулу на Бела", - и Даниил с радостью согласился.

Было бы удивительно, если бы провизия не исчезла, ведь нам говорят, что жрецов Бэла было триста десять человек и у них было много жен и детей. Итак, Кир и Даниил отправились в храм Бэла, и жрецы попросили их благословить мясо и вино перед Бэлом, закрыть дверь и запечатать ее печатью самого царя, заявив, что если они придут на следующий день, то обнаружат, что Бэл съел всю провизию.

Но они позаботились о том, чтобы обезопасить себя: сделали тайный вход под большим столом в храме, которым постоянно пользовались, чтобы вкушать яства, поставленные перед идолом.

И Кир сделал, как просили жрецы, поставив мясо и вино перед статуей Бэла, а Даниил велел своим слугам принести пепла, которым они посыпали весь храм в присутствии царя; затем они вышли, затворили дверь и запечатали ее царской печатью.

А ночью жрецы со своими женами и семьями вошли в храм тайным ходом и быстро съели провизию.

Утром Кир и Даниил пришли в храм, царь снял печати и открыл дверь, а когда увидел, что все провизия исчезла, воскликнул громким голосом: "Велик ты, Бел, и нет с тобой никакого обмана".

Но Даниил рассмеялся и, преградив царю путь в храм, попросил его посмотреть на мостовую и хорошо отметить, чьи шаги он там видит.

И Кир ответил: "Я вижу шаги мужчин, женщин и детей".

Он тут же позвал жрецов, которые, увидев, что их хитрость раскрыта, показали ему тайный ход в храм; в гневе Кир убил их и отдал Бел во власть Даниила. Пророк быстро уничтожил идола и храм, в котором он находился.

В этом храме находился большой дракон, которому поклонялись жители Вавилона, и царь сказал Даниилу: "Неужели и ты скажешь, что это из меди, ибо вот! он живет, ест и пьет, поэтому ты должен поклоняться ему!"

Но Даниил покачал головой и сказал Киру: "Дай мне слово, о царь, и я убью этого дракона без меча и посоха".

Тогда Даниил взял смолу, жир и волосы, сварил все это вместе и сделал из них большие куски. Он положил их в пасть дракона, и вскоре дракон разорвался на части.

Вавилонский народ сильно разгневался на эти действия и обратился к Киру с просьбой отдать Даниила им, иначе они уничтожат его и все, что ему принадлежало. И, продолжает легенда, Кир, опасаясь за свою корону, отдал Даниила народу, который бросил его в логово львов, где он пробыл шесть дней. В логове находились семь львов, у которых отобрали пищу, чтобы они были еще свирепее, а в апокрифе, который значительно отличается от того, что приводится в шестой главе Книги пророка Даниила, говорится, что ангел Господень взял некоего пророка по имени Аввакум, который собирался отнести кашу жнецам, и, взяв его за волосы на голове, перенес из Палестины в Вавилон вместе с пищей, которую положил к ногам Даниила. Даниил принял пищу, а Хаббакук был доставлен обратно в Палестину тем же путем, каким пришел.

На седьмой день Кир пришел в чертог, чтобы оплакать Даниила, и когда он заглянул туда, Даниил был там. Кир был так впечатлен силой Бога Даниила, что решил поклоняться Ему и в будущем, и, схватив тех, кто способствовал бросанию еврейского пророка в лог, бросил их ко львам, и они были съедены в одно мгновение.

Бельтис

Бельтис, или Нин-лиль, жена Эн-лиля, разделяла его власть над Ниппуром, где у нее был храм, восходящий в древности к Первой династии Ура. Как уже говорилось, ее также называли "владычицей горы", и в этом качестве у нее было святилище в Гирсу, квартале Лагаша. В некоторых надписях она описывается как "мать богов". Имя Белтис означало "госпожа", и в этом качестве оно было присвоено ей как "госпоже", но впоследствии его стали давать и многим другим богиням.

Храм Бел

В 1876 году мистер Джордж Смит обнаружил вавилонский текст, в котором содержится замечательный рассказ о храме Бэла в Вавилоне. Этот храм, чудо Вавилона, был основан в то время, когда город еще не имел большого значения, но его строение сохранилось до времен Геродота и Страбона, которые предоставили нам сведения о нем. Первый утверждает, что он состоял из восьми ступеней или башен, расположенных одна над другой и образующих пирамиду, причем святая святых располагалась на самой высокой ступени из всех, а высота всего здания составляла около 600 футов - весьма сомнительное измерение.

В клинописной табличке размеры внешнего двора указаны как 1156 футов в длину и 900 футов в ширину. Прилегающий двор, двор Иштар и Замамы, был размером 1056 футов на 450 футов и имел шесть ворот, которые пропускали верующих в храм: Большие ворота, ворота восходящего солнца, смотрящие на восток, Великие ворота, ворота Колоссов, с огромными фигурами на флангах, ворота канала и ворота башни-вида.

Далее описывается обнесенное стеной пространство, платформа или *бирут*, ориентированная так, чтобы смотреть на четыре кардинальные точки. Внутри него находилось здание, название которого не поддается расшифровке. Оно было каким-то образом связано с зиккуратом или великой башней, вокруг основания которой располагались храмы главных богов, обращенные к одной или другой из четырех главных точек компаса.

На восточной стороне группы стоял большой храм размером 117 футов на 67 футов в ширину, содержащий не менее шестнадцати святилищ, главные из которых были посвящены Небо, сыну Бэла, и его жене Ташмит. На севере находились храмы Эа и Нуску, первый из которых имел 142 фута в длину и 50 футов в ширину, а второй - квадрат в 58 футов в каждую сторону. На юге находилось святилище Бэла и Ану размером 117 футов на 50 футов.

О назначении зданий на западной стороне великой башни можно только догадываться. Однако известно, что кушетка Бэла и его золотой трон, о которых упоминает Геродот, находились в одном или другом из зданий с этой стороны. Диван, как говорят, имел размеры 15 футов на 6 футов 8 дюймов.

В центре возвышался великий Зиккурат, поднимавшийся ступень за ступенью, его стороны были обращены к кардинальным точкам. Первая ступень была 300 футов в квадрате и 110 футов в высоту и была украшена контрфорсами. Вторая - 260 футов в квадрате и 60 футов в высоту, третья - 200 футов в квадрате и 20 футов в высоту до седьмой ступени, которая была 80 футов в длину, 70 футов в ширину и 50 футов в высоту. Таким образом, вся высота Зиккурата составляла 300 футов, что в точности равнялось ширине основания, или только половину высоты, приписываемой ему Геродотом.

По поводу возможного места расположения этого храма мистер Смит говорит: "Единственные руины, существующие сейчас в Вавилоне или вблизи него, которые можно предположить как храм Белуса, - это курган и ограда Бабила, причем руины вполне соответствуют описанию этих сооружений у греческих авторов и в надписях. Стороны здания обращены к кардинальным точкам, как и в надписи; остатки двух ныне существующих сторон ограды указывают на окружность, примерно равную греческому измерению и немного превышающую ту, что указана в надписи; но следует помнить, что точная длина вавилонских мер неизвестна, и существуют различные мнения даже относительно длины греческого стадиона, а нынешние остатки стены требуют тщательного измерения для более точного определения их длины и размеров, которые они указывают. На другом берегу

Евфрата стоит руина Бирс Нимруд, также состоящая из ограда, различных храмов и храмовой башни; но она представляет собой место храма Небо в Борсиппе, и ее углы, вместо сторон, обращены к кардинальным точкам, а ни один из ее известных размеров не совпадает с соответствующим пунктом в надписи. Курган Бабила, который лучшие авторитеты уже отождествляют с храмом Белуса, теперь состоит из нижней ступени башни и руин зданий вокруг нее".[3]

Однако рассказ Геродота о храме Бэла не был полностью ложным. Он говорит: "У него были медные ворота, и он имел по две стадии в каждую сторону, будучи четырехугольным; в середине храма была построена массивная башня, стадион в высоту и ширину, и на этой башне была поставлена другая, и еще одна, и еще, и еще, и так до восьми башен всего. Подъем был снаружи и осуществлялся извилистым проходом вокруг всех башен; примерно на половине подъема есть площадка и места для отдыха, где поднимающиеся могут отдохнуть; а в самой высокой башне находится большой храм, а в храме - большая кровать, хорошо обставленная, и рядом с ней золотой стол; Но в нем нет статуи, и ночью в нем никто не живет, кроме одной деревенской женщины, которую бог выбрал из всех остальных, как говорят халдеи, которые являются жрецами этого бога."

Сэр Х.К. Роулинсон обнаружил и перевел надпись, в которой царь Навуходоносор хвастается тем, что отремонтировал и достроил эту башню в честь своего бога Меродаха. Здание под названием "Ступени семи сфер", которое было чудом Борсиппы, было построено прежним царем. Он завершил сорок два амма (высоты), но не закончил голову. С течением времени она пришла в негодность; не позаботились о выходе вод, и дождь и сырость проникли в кладку; корпус из жженого кирпича выкрошился, и террасы из сырцового кирпича лежали грудями. Тогда Меродах, мой великий повелитель, склонил мое сердце к ремонту здания. Я не стал менять его местоположение и не разрушил фундаментную платформу, но в удачный месяц и в благоприятный день я взялся за восстановление террас из сырцового кирпича и корпуса (храма) из жженого кирпича. Я укрепил его фундамент и установил титулярную запись в тех частях, которые я восстановил. Я приложил руку свою, чтобы воздвигнуть его и закончить его вершины. Как было в прежние времена, так я возвысил его голову".

Нергал

Нергал был богом-покровителем Кутхи, расположенной к востоку от Вавилона. Он был богом чрезвычайно древнего происхождения, и первая надпись, упоминающая его, датируется примерно 2700 годом до н. э. Он упоминается в Ветхом Завете (2 Царств xvii 30) как идол, которого вавилоняне, вновь заселившие Израиль, привезли с собой. Похоже, что он был тесно связан с неземным миром и практически является главой его пантеона. Судя по всему, он был богом мрака и смерти, и его имя может означать "владыка великого обиталища", то есть могилы. Его город, Кутха, возможно, был известен как место погребения. Он ассоциируется у нас с мором и голодом, но имеет и солнечное значение. Это действительно солнце в его злобной форме, свирепое и разрушительное, ведь в мифе солнце может быть как злым, так и добрым. Таким образом, мы видим, что солнечная сила изображается в виде свирепого воина, истребляющего тысячи и десятки тысяч людей. Опять же, вполне возможно, что солнечное божество имеет связь с подземным миром, ведь солнце должно проходить через этот мрачный регион ночью. Таким образом, мы видим, как Нергал мог сочетать в себе столько, казалось бы, противоречивых качеств. Как бог мертвых он имеет в своем распоряжении множество демонов, и, возможно, именно они исполняют его приказы, распространяя мор и войны. Где бы он ни был, насильственная смерть следует за ним по пятам. Иногда его называют "богом огня", "бушующим королем", "тем, кто горит" и

"жестоким", и он отождествляется с яростью пламени. В этом отношении он совсем не похож на скандинавского Локи, который олицетворяет злобу огня.

Дибарра

Дибарра, вероятно, был вариантом Нергала, в его обличье солнечного разрушителя. О нем рассказывается следующий странный миф:

"Сыны Вавилона были как птицы, а ты - их соколиный охотник. Ты поймал их в сеть, заключил в нее и уничтожил, о воин Дибарра. Покинув город, ты вышел наружу и, приняв облик льва, вошел во дворец. Люди увидели тебя и схватились за оружие".

Так говорил Ишум, верный слуга Дибарры, начиная рассказ о хаосе, устроенном в долине Евфрата богом войны и чумы. "Не щадите никого", - такова суть его повелений своим спутникам. "Не испытывайте ни страха, ни жалости. Убивайте молодых и старых и лишите Вавилон всех его сокровищ".

Соответственно, против первого города было отправлено большое войско, чтобы выполнить эти указания, и началась битва с луком и мечом, которая закончилась столь плачевно для воинов и жителей, что их кровь текла "как потоки воды по городским улицам". Свидетелем этого поражения был вынужден стать великий владыка Меродах, бессильный помочь или предотвратить его. Разгневанный своей беспомощностью и охваченный яростью, он проклинал своих врагов до тех пор, пока, как говорят, не потерял сознание от горя.

С этой сцены опустошения Дибарра переключил свое внимание на Эрех, назначив других людей из своего войска, чтобы постигла этот город судьба Вавилона. Иштар, богиня Эреха, увидела, как ее преданный город подвергается разграблению, грабежу и кровопролитию, и ей пришлось пережить агонию бездействия, которую испытал Меродах. Ничто из того, что она могла сделать или сказать, не могло остановить жестокость мести Дибарры.

"О воин Дибарра, ты расправляешься с праведными, ты расправляешься с неправедными; кто грешит против тебя, того ты расправляешь, а кто не грешит против тебя, того ты расправляешь".

Эти слова Ишум, слуга Дибарры, использовал в последующем обращении к богу войны. Он знал, что жажда битв и кровопролития его господина все еще не удовлетворена, а сам он планировал войну, более страшную, чем все, что ему доводилось вести, - конфликт не только мирового масштаба, но и охватывающий сами небеса. Поэтому, чтобы заручиться согласием Дибарры на ужасные разрушения, которые он предвидел, он продолжал потворствовать его воинственным наклонностям.

Он сказал: "Яркость Шуль-пандду я уничтожу, корень дерева я вырву, чтобы оно больше не цвело. Против жилища царя богов я пойду".

Все это бог-воин слушал с растущим удовольствием, пока, воодушевленный словами своего мирмидона, не воскликнул с внезапной яростной решимостью: "Морское побережье против морского побережья, Субарту против Субарту, ассирийцы против ассирийцев, эламиты против эламитов, касситы против касситов, сутейцы против сутейцев, кутейцы против кутейцев, луллубиты против луллубитов, страна против страны, дом против дома, человек против человека. Брат не должен проявлять милосердия к брату; они должны убивать друг друга".

"Иди, Ишум, - добавил он позже, - исполни слово, которое ты произнес, согласно твоему желанию".

И Ишум с готовностью повиновался, "направив свой лик на гору Хи-хи". Там, с помощью бога Сиби, непревзойденного воина, он атаковал и уничтожил все виноградники в лесу Хашур и, наконец, город Инмармаон. Эти последние злодеяния разбудили Эа, бога человечества, и наполнили его гневом", хотя какое отношение он занял к Дибарре, неизвестно.

"Слушайте все мои слова, из-за греха я раньше замышлял зло, сердце мое разгневалось, и я сметал народы".

Так защищался Дибарра, когда в конце концов его умилоствовали и собрали всех богов на совет с ним. Ишум, изменив тактику, убеждал Дибарру в необходимости умиротворить богов, которых он разгневал.

"Умиротвори, - сказал он, - богов земли, которые разгневаны. Пусть процветают фрукты и кукуруза, пусть горы и моря приносят свои плоды".

Как и прежде, Дибарра слушал Ишума, и в завершение совета богов он пообещал процветание и защиту тем, кто окажет ему подобающую честь.

"Тот, кто прославляет мое имя, будет править миром. Кто провозгласит славу моего могущества, тот не будет иметь соперников. Певец, воспевающий мои деяния, не погибнет от моровой язвы, царям и вельможам будут приятны его слова. Писатель, сохранивший их, спасется от вражеской хватки; в храме, где народ провозглашает Мое имя, Я открою ему слух. В доме, где установлена эта скрижаль, пусть бушует война и бог Сиби творит хаос, меч и мор не коснутся его - он будет жить в безопасности. Пусть эта песня звучит вечно и длится вечно. Пусть все земли услышат ее и провозгласят мое могущество. Пусть жители всех мест научатся прославлять мое имя".

Шамаш

Шамаш, бог солнца, был одним из самых популярных божеств вавилонского и ассирийского пантеона. Первое упоминание о нем мы находим в царствование Э-Анна-Тума, или около 4200 года до н. э. Он называется сыном Сина, бога луны, что, возможно, связано с тем, что солнечный календарь сменил лунный в Вавилонии, как и практически во всех цивилизациях любого уровня развития. Надписи уделяют должное внимание его статусу великого повелителя света, и в них он называется "осветителем областей", "повелителем живых существ", "милостивым к землям" и т. д. Предполагается, что он распахивает врата утра и поднимает голову над горизонтом, освещая своими лучами небо и землю. Ему приписывалось знание справедливости и несправедливости, а также добродетель праведности, и он считался судьей между добром и злом, ведь поскольку свет солнца проникает повсюду и ничто не может укрыться от его лучей, нет ничего странного в том, что оно должно символизировать справедливость. Шамаш стоит во главе надписи с законами Хаммурапи, и здесь он выступает как символ справедливости. Городами, в которых ему поклонялись, были Сиппар и Ларса, где его святилище было известно как Э-Баббара, или "сияющий дом". Ларса, вероятно, была более древним из этих двух центров, но со времен Саргона Сиппар стал более важным, а во времена Хаммурапи занимал место сразу после Вавилона. На самом деле, похоже, что он в какой-то степени угрожал господству столицы, а Набонид, последний царь Вавилона, как мы помним, оскорбил Меродаха и его жрецов тем, что слишком охотно обратил внимание на Шамаш. Однако на протяжении всей вавилонской

истории Шамаш сохранял свою популярность и был, пожалуй, единственным богом солнца, который не был поглощен Меродахом. Аналогичное явление можно наблюдать и в древней Мексике, где различным солнечным божествам не удалось вытеснить или поглотить Тотека, древнего бога солнца. А вот Шамашу удалось поглотить множество мелких местных богов солнца, и мы действительно находим его имя, используемое как имя солнца во всех семитских землях. Было несколько солнечных божеств, таких как Нергал и Ниниб, которых Шамаш не поглотил, вероятно, по той причине, что они олицетворяли различные фазы солнца. Есть основания полагать, что и в древности Шамаш не был полностью благодетельным солнечным божеством, а, подобно Нергалу, мог иногда выступать в роли воина. Но в более поздние времена он считался богом, который несет свет и жизнь всему сотворенному, и от которого зависит все в природе - от человека до растений. Его супругой была Аа, которой поклонялись в Сиппаре вместе с ним. Ее культ, по-видимому, был очень древним, но она не обладает каким-либо особым характером. Предполагалось, что она принимает солнце после его захода, и на основании этого обстоятельства утверждалось, что она, возможно, представляет "двойное солнце", из-за увеличенного диска, который он представляет на закате; но это объяснение, возможно, слишком аллегорично. Джастроу считает, что она могла произойти от бога солнца из города, расположенного по другую сторону Евфрата от Сиппара. "Такое слияние двух изначально мужских божеств в комбинацию мужского и женского, как бы странно это нам ни казалось, - говорит он, - соответствует отсутствию резкого различия между мужским и женским в древнейших формах семитских религий. В старой клинописи один и тот же знак используется для обозначения "господина" или "госпожи", когда речь идет о божествах. Иштар фигурирует у семитов и как мужчина, и как женщина. Секс был в первую очередь вопросом силы; более сильный бог считался мужским, более слабый - женским".

Эа

Эа был третьим из великой вавилонской триады богов, в которую входили Ану, Эн-лиль и он сам. Он был богом вод и, как и Ану, назывался "отцом богов". Как бог бездны он, по-видимому, был также божеством мудрости и оккультной силы и, таким образом, аллегорически ассоциировался с идеей глубины или глубины. Он был отцом Меродаха, который советовался с ним по самым важным вопросам, связанным с его царствованием богов. К нему обращались люди всех сословий, желающие пролить свет на свое ремесло или бизнес. Так, он был богом ремесленников вообще - кузнецов, камнерезов, моряков и всякого рода мастеров. Он также был покровителем пророков и провидцев. Поскольку бездна - это место, где, как предполагалось, произрастают семена всего сущего, он, по-видимому, способствовал размножению всех видов животных. Предполагалось, что он живет рядом с Ану, который обитает на полюсе эклиптики. Его главный храм находился в Эриду, который в свое время, до того как воды отступили, стоял на берегу Персидского залива. Мы уже видели, что Эа под своим греческим именем Оаннес должен был принести жителям Эриду знания и культуру. С ним связано множество запутанных мифов, и, похоже, он в какой-то мере вошел в вавилонский миф о потопе. Александр Полигистор, Аполлодор и Евсевий, копируя Бероса, утверждают, что он поднялся из моря для выполнения своей цивилизаторской миссии, а Абиден говорит, что во времена Даона, царя-пастуха города Пантибиблona (что означает "город, где собирались книги"), "Аннедат снова появился из Эрутрийского моря, в том же виде, что и те, кто показывался раньше, имея форму рыбы, смешанную с формой человека. Затем царствовал Аэдорах из Пантибиблona в течение восемнадцати сари. В его дни из моря Эрутра появился еще один человек, подобный вышеупомянутому, имевший такую же сложную форму между рыбой и человеком: его звали Одакон". Из замечаний Аполлодора следует, что эти существа были посланниками Оаннеса, но все отрывки очень туманны.

Главный отрывок из фрагментов Беросса, касающийся Оаннеса, гласит, что: "В первый год из части Эрутрейского моря, граничащей с Вавилонией, появилось животное, наделенное разумом, которое называли Оаннес". По рассказам Аполлодора, все тело животного было похоже на тело рыбы; под головой у него была другая голова, а внизу - ноги, похожие на человеческие, приделанные к хвосту рыбы. Его речь также была членораздельной и человеческой; его изображение можно было увидеть во времена Беросса. Это существо днем беседовало с людьми, но в это время не принимало пищи; оно давало им представление о письме, науке и всякого рода искусствах. Он научил их строить дома, основывать храмы, составлять законы, объяснил им принципы геометрического знания. Он научил их различать семена земли, показал им, как собирать плоды; короче говоря, он обучил их всему, что могло бы смягчить нравы и очеловечить человечество. С тех пор его наставления были столь универсальны, что ничего существенного в них не добавилось. Когда солнце садилось, по обычаю этого существа, оно снова погружалось в море и проводило всю ночь в глубине". После этого появились и другие существа, подобные Оаннесу, о которых Бероссус обещает рассказать, когда перейдет к истории царей.

Письмена Оаннеса

"Кроме того, - говорит Полигистор, - Оаннес писал о порождении человечества, об их различных образах жизни и гражданском устройстве; суть его слов такова: "Не было ничего, кроме тьмы и водной бездны, в которой обитали самые отвратительные существа, порожденные двояким принципом. Люди появлялись с двумя крыльями, некоторые - с четырьмя, и с двумя лицами. У них было одно тело, но две головы: одна - мужская, другая - женская. В своих органах они были одновременно и мужчинами, и женщинами. Другие человеческие фигуры были с ногами и рогами козлов. У одних были лошадиные ноги, у других - конечности лошади сзади, а третьи были похожи на людей и напоминали гиппоцентавров. Там же разводились быки с головами людей; и собаки с четырехчастными телами и хвостами рыб. Также лошади с головами собак: люди и другие животные с головами и телами лошадей и хвостами рыб. Короче говоря, были существа с конечностями всех видов животных. К ним добавлялись рыбы, рептилии, змеи и другие удивительные животные, которые принимали форму и облик друг друга. Все эти изображения сохранились в храме Белуса в Вавилоне. Человек, который, как предполагалось, руководил ими, носил имя Оморка. На халдейском языке это имя звучит как Thalath; греки передают *его как thalassa*, море; но, согласно наиболее вероятной теории, оно эквивалентно *selene*, луне. При таком положении вещей пришел Белус и разделил женщину-существо на части: из одной ее половины он создал землю, а из другой - небеса. В то же время он уничтожил животных в бездне. Все это, по словам Беросса,^[4] было аллегорическим описанием природы. Поскольку вся вселенная состояла из влаги, а животные в ней постоянно порождались, вышеупомянутое божество (Белус) отрубило себе голову, после чего другие боги смешали кровь, вытекшую из нее, с землей, и из нее образовались люди. По этой причине они стали разумными и наделены божественным знанием. Этот Белус, которого люди называют Дисом, разделил тьму, отделил небеса от земли и привел вселенную в порядок. Но недавно созданные животные, не выдержав преобладания света, погибли. Тогда Белус, увидев огромное пространство, совершенно необитаемое, хотя по природе своей очень плодотворное, приказал одному из богов отрубить ему голову; когда она была снята, они должны были смешать кровь с земной почвой, а из нее сформировать других людей и животных, которые были бы способны переносить свет. Белус также создал звезды, солнце и луну, а также пять планет".

Этот миф, рассказанный Эа или Оаннесом о сотворении мира, имеет очень близкое отношение к мифу о Меродахе и Тиавате, описанному в главе II. Нечасто можно встретить бога-рыбу, выступающего в роли культурного героя, хотя в мексиканском мифе мы находим некое божество, упоминаемое как "старый бог-рыба нашей плоти". Аллегорическая мифология увидела бы в Эа героя, прибывшего из другой эпохи на судне, которое тонуло в волнах, высадившегося на берегах Персидского залива и научившего его грубых обитателей культуре высшей цивилизации. Очень мало сомнений в том, что Эа каким-то образом тесно связан с легендой о потопе Ноя. Например, существует шумерский текст, в котором, похоже, описывается корабль Эа, поскольку упоминаются бревна, из которых были построены его различные части, а спасенные им беженцы состояли из самого Эа, его жены Даукины, Меродаха и Инеша, лоцмана Эриду, а также Нин-иги-нагир-сира.

Конечно, вавилонянам казалось естественным рассматривать Персидский залив как великую бездну, из которой исходит все сущее. Как справедливо замечает Джастроу: "В слове Эа, имеющем более духовный характер, чем слово Эн-лиля, он повелевает, и то, что он задумал, воплощается в жизнь - полностью благодетельная сила, которая благословляет поля и исцеляет человечество. Его самая яркая черта - любовь к человечеству. В конфликтах между богами и человечеством он неизменно выступает на стороне последнего. Когда боги по приказу Эн-лиля, "бога бури", решают устроить потоп, чтобы уничтожить человечество, Эа открывает секрет своему любимцу Ут-Напиштиму (Ню), который спасает себя, свою семью, и свое имущество на корабле, который ему велено построить".^[5] Олицетворяемые им воды - это не бурный и коварный океан, а оросительные ручьи и торговые каналы. Этим он сильно отличается от бога Эн-лиля, "владыки небес", обладающего столькими атрибутами разрушения. Эа своим благосклонным образом препятствует целям буйного бога бури, что сильно разгневало Энлиля, и считается, что этот миф говорит о соперничестве, которое, возможно, когда-то существовало между двумя религиозными центрами - Эриду и Ниппуром, городами Эа и Энлиля соответственно. Эа в красноречивой манере умоляет Эн-лиля не устраивать новый потоп и просит, чтобы вместо такого массового уничтожения человека наказали, послав львов и шакалов, голод или мор. Энлиль прислушивается к его речи, его сердце тронут, и он благословляет Утнапиштима и его жену. Если этот миф - жреческое произведение, то он доказывает улучшение отношений между церковными властями в Эриду и Ниппуре. У Эа было много других имен, главное из которых, Нин-а-Гал, означающее "бог великой силы", указывало на его покровительство кузнечному искусству. Его также называли Эн-ки, что описывает его как "владыку земли", по которой текут его воды. В такой стране, как Вавилония, земля и вода тесно связаны, поскольку под этой почвой воду всегда можно найти на расстоянии нескольких футов: таким образом, недра земли - это владения Эа.

История Адапы и южного ветра

Вот история Адапы, сына Эа, который, если бы не послушался приказа своего отца, мог бы стать божеством и обрести бессмертие.

Однажды, когда Адапа в своей лодке ловил рыбу, подул внезапный и злой южный ветер, расстроил лодку и выбросил рыбака в море. Когда ему удалось добраться до берега, Адапа поклялся отомстить Южному ветру, который так жестоко использовал его.

"Шуту, демон, - кричал он, - я протяну руку и сломаю твои крылья. Ты не останешься безнаказанной за это злодеяние!"

Отвратительное чудовище смеялось, паря в воздухе над ним, хлопая огромными крыльями по своему неуклюжему телу. Адапа в ярости бросился на нее, схватил ее крылья и сломал их, так что она больше не могла летать над широкой землей. Затем он пошел своей дорогой и рассказал отцу о том, что сделал.

Прошло семь дней, и Ану, владыка небес, ждал прихода Южного ветра. Но Шуту не приходил; дожди и наводнения задерживались, и Ану стал проявлять нетерпение. Он призвал к себе своего министра Илабрата.

"Почему Шуту пренебрегает своим долгом?" - спросил он. "Что случилось, что она не отправляется в путь?"

Илабрат низко поклонился, отвечая: "Слушай, о Ану, и я скажу тебе, почему Шуту не летает за границу. У Эа, владыки глубин и творца всего сущего, есть сын по имени Адапа, который сокрушил и сломал крылья твоей служанке Шуту, так что она больше не может летать".

"Если это правда, - сказал Ану, - призови юношу ко мне, и пусть он ответит за свое преступление".

"Да будет так, о Ану!"

Когда Адапа получил повестку явиться на небо, он сильно затрепетал. Нелегко было отвечать перед великими богами за злодеяния их слуги, демона Шуту. Тем не менее он начал готовиться к путешествию, и перед тем, как отправиться в путь, его отец Эа наставлял его, как он должен вести себя в собрании богов.

"Сын мой, не облакайся в золотые одежды, но облачись в одежды мертвых. У небесных врат ты найдешь Таммуза и Гишзиду, охраняющих путь. Поприветствуй их с должным почтением, поручая тебе, обнажив голову и выказав им все свое почтение. Если ты найдешь благосклонность в их глазах, они будут хорошо отзываться о тебе перед Ану. А когда ты будешь стоять в пределах небес, надень одежду, которую тебе дадут, и помажь голову маслом, которое тебе принесут. Когда же боги предложат тебе еду и питье, не прикасайся к ним, ибо еда будет "Мясом смерти", а питье - "Водой смерти"; пусть ни то, ни другое не попадет в твои уста. Ступай же, сын мой, и помни эти мои наставления. Будь скромн, и все будет хорошо".

Адапа попрощался с отцом и отправился в путь на небо. Он нашел все так, как предсказывал отец; Таммуз и Гишзида приняли его у дверей божественного жилища, и столь смиренным было поведение Адапы, что они прониклись к нему состраданием. Они ввели его в присутствие Ану, и он низко склонился перед великим богом.

"Я пришел по твоему зову", - сказал он. "Смилуйся надо мной, о Всевышний!"

Ану хмуро посмотрел на него.

"О тебе говорят, - ответил он, - что ты сломал крылья Шуту, Южного ветра. Что ты за человек, который осмелился уничтожить Шуту в своем гневе? Разве не знаешь ты, что люди страдают от недостатка пропитания, что трава поникает, а скот лежит изможденный на палящей земле? Скажи мне, зачем ты это сделал?"

"Я был на море и ловил рыбу, - сказал Адапа, - и подул сильный южный ветер, расстроил мою лодку и бросил меня в воду. Поэтому я схватил ее крылья и сломал их. И вот! Я пришел просить у тебя прощения".

Тогда Таммуз и Гишзида, божества, чью благосклонность Адапа завоевал у небесных врат, вышли вперед и преклонили колени у ног своего царя.

"Будь милостив, о Ану! Адапа подвергся тяжким испытаниям, и теперь он воистину смирен и раскаивается. Пусть его обращение с Шуту будет забыто".

Ану выслушал слова Таммуза и Гишзиды, и гнев его утих.

"Встань, Адапа, - сказал он ласково, - твой вид радует меня. Ты видел внутренность этого нашего царства, а теперь ты должен навсегда остаться на небе, и мы сделаем тебя богом, подобным нам. Что скажешь ты, сын Эа?"

Адапа низко склонился перед царем богов и поблагодарил его за помилование и за обещание стать богом.

Тогда Ану повелел устроить пир и поставить перед Адапой "Мясо жизни" и "Воду жизни", ибо, только вкушая и выпивая их, он мог обрести бессмертие.

Но когда пир был накрыт, Адапа отказался от трапезы, ибо помнил наставления своего отца на этот счет. Так он молча сидел за столом богов, и тогда Ану воскликнул:

"Что теперь, Адапа? Почему ты не ешь и не пьешь? Если ты не вкусишь от еды и воды, поставленных перед тобой, ты не можешь надеяться жить вечно".

Адапа понял, что обидел своего божественного хозяина, и поспешил объяснить. "Не гневайся, могущественный Ану. Мой господин Эа повелел, чтобы я не преломлял хлеб и не пил воду за твоим столом. Не отвращай от меня своего взгляда, умоляю тебя".

Ану нахмурился. "Неужели Эа опасается, что я стану искать твоей жизни, предлагая тебе смертоносную пищу? Воистину, тот, кто так много знает и обучил тебя стольким искусствам, однажды посрамлен!"

Адапа хотел было заговорить, но владыка небес заставил его замолчать.

"Мир!" - сказал он; затем обратился к своим помощникам: "Принесите одежду, чтобы он мог одеться, и масло, чтобы помазать ему голову".

Когда повеление царя было исполнено, Адапа облачился в небесное одеяние и помазал голову маслом. Затем он обратился к Ану следующим образом:

"О Ану, я приветствую тебя! От привилегии божества я, конечно, откажусь, но никогда не забуду той чести, которую ты хотел бы мне оказать. В моем сердце навсегда останутся слова, которые ты произнес, и память о твоей доброте я навсегда сохраняю. Не вини меня слишком сильно, молю тебя. Мой господин Эа ждет моего возвращения".

"Воистину, - сказал Ану, - я не осуждаю твоего решения. Пусть будет так, как ты хочешь. Иди, сын мой, и мир с тобой!"

И вот Адапа вернулся в обитель Эа, повелителя мертвых, и там много лет жил в мире и счастье.

Вместе с Эн-лилем и Эа Ану составляет вселенскую триаду. Его называют "отцом богов", но, по-видимому, он происходит от еще более древних божеств. Его имя редко встречается в надписях до времен Хаммурапи, но те упоминания, которые встречаются о нем, похоже, уже закрепили за ним положение владыки неба. Его культ был особо связан с городом Эрех. Вполне вероятно, что в ранние времена он был первоначальным шумерским отцом неба, поскольку его имя - это всего лишь форма шумерского слова, означающего "небо". Этой идее способствует и то, как его имя первоначально писалось в надписях, поскольку символ, обозначающий его, обычно используется для обозначения "неба". Таким образом, очевидно, что Ану когда-то считался простором небес, как и "небесные отцы" многих первобытных народов. Некоторые авторы, пишущие об Ану, придерживаются мнения, что бог неба - это "абстракция". "Народная фантазия, - говорит Джастроу, - имеет дело с реальностью и с олицетворенными силами, действие которых можно увидеть и почувствовать. Поэтому идея о том, что существует сила, отождествляемая с небесами в целом, символом которых является лазурное небо, была бы столь же незначительной, как и идея о том, что она олицетворяет землю в целом или водные объекты в целом". Достаточно указать на вытекающие отсюда последствия, чтобы понять, что концепция триады богов, соответствующих трем теоретическим подразделениям вселенной, - это немного заученная спекуляция. Она пахнет школой. Кроме того, концепция бога неба соответствует сравнительно раннему периоду, когда места богов располагались на небе, а сами боги отождествлялись со звездами". [6] Поверхностное знакомство с природой анимизма и мифами о небе у примитивных и варварских народов привело бы нас к выводу, что дело обстоит как раз наоборот. В мифах египтян, полинезийцев и североамериканских индейцев само небо непосредственно персонифицировано. Египетская мифологическая иллюстрация изображает небо в женском облике, поскольку в египетском мифе небо - мать, а земля - отец всего сущего. Лэнг показал, что отец-небо часто персонифицируется как "увеличенный неестественный человек" среди рас, не имеющих теологических школ. Мы не говорим, что объединение Ану, Эа и Энлиля в триаду не является "немного научным предположением", но утверждать, что ранний анимизм не персонифицировал сначала небо, землю и море, крайне опрометчиво. Когда Девкалион и Пирра в греческом мифе спросили богов, как им лучше пополнить землю человеческим родом, им было велено бросить "кости своей матери" позади себя, и эти кости они интерпретировали как камни и скалы и действовали соответствующим образом. Так бы истолковал этот совет первобытный человек во всем мире, ведь повсеместно он считает ту самую почву, по которой ходит, великой матерью, породившей его предков, из чьей пыли или глины они были созданы, и которая до сих пор питает и хранит его.

Далее Джастроу утверждает, что "Ану изначально был олицетворением какой-то определенной силы природы, и все указывает на то, что этой силой было солнце на небесах". Исходя из этой точки зрения, мы вполне понимаем, как великий небесный светильник должен был быть отождествлен с небесами в искусственно созданной теологической системе, так же как Эн-лиль стал в этой системе обозначением земли и области над землей, рассматриваемой как единое целое". [7] Сам факт того, что в древнейшие времена Ану отождествлялся с просторами неба и что символ, используемый для его обозначения, означал "небо", говорит против этого предположения. Опять же, теория страдает от отсутствия аналогии. В какой еще мифологии можно найти бога неба, который в свое время имел солярное значение? Может быть и наоборот. Некоторые боги неба обрели солярную связь благодаря своей власти над всем пространством небес, так же как они обрели власть над молниями и ветром. Но мы не можем вспомнить ни одного божества, изначально

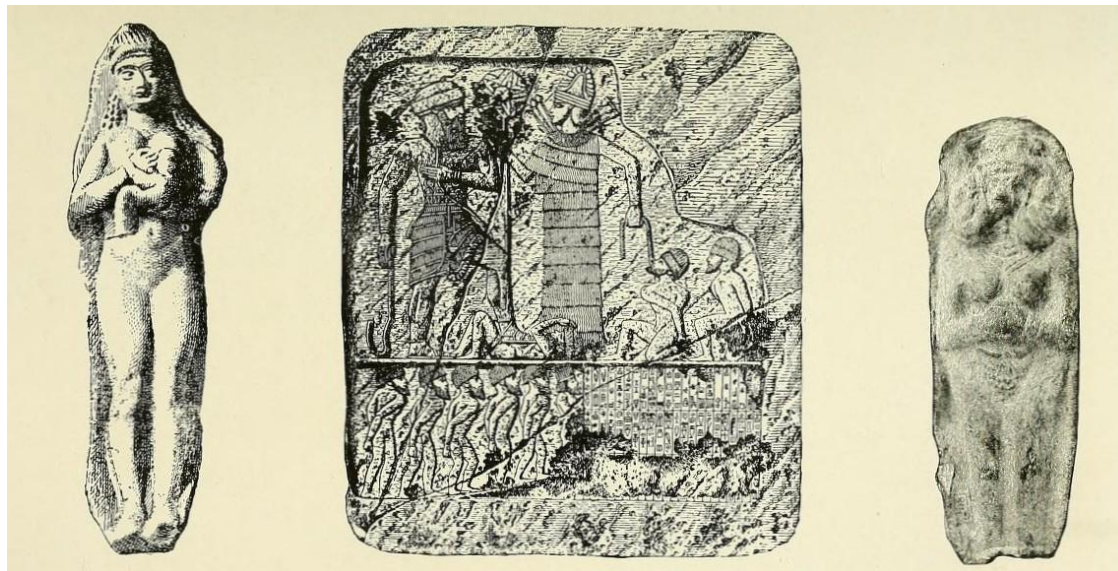
обладавшего ярко выраженными солнечными качествами, которое впоследствии заняло положение небесного бога.

Ану считался главой триады и отцом Эн-лиля. Нам говорят, что богиня Аруру впервые создала человека по образу и подобию Ану, который, таким образом, должен был достичь антропоморфного состояния. Судя по всему, он также считался покорителем первобытного хаоса. Его супругой была Анату, вероятно, более поздняя женская форма.

Иштар

Иштар, несомненно, была богиней семитского происхождения и символизировала плодородие земли. Она была "великой матерью", которая способствовала развитию растительности и сельского хозяйства. Вероятно, ее культ зародился в Эрехе, а в течение веков и при многих изменениях в названиях распространился по всей длине и ширине Западной Азии и даже в Греции и Египте. Вполне вероятно, что ряд меньших богинь, таких как Нана и Анунит, могли слиться в концепции этого божества, и что меньшие местные божества того же характера, что и она сама, могли взять ее имя и способствовать росту ее репутации. К ней часто обращаются как к "матери богов", и действительно, имя "Иштар" стало общим обозначением "богини". Но это были более поздние почести. Когда ее культ сосредоточился в Эрехе, он быстро распространился во многих направлениях, и, как уже было сказано, менее значительные культы, вероятно, охотно отождествляли себя с культом великой матери-земли, так что со временем ее поклонение стало больше, чем вавилонским культом. Действительно, везде, где можно было встретить людей семитской речи, существовало поклонение Иштар. Как Аштерот, или Астарт, она была известна ханаанеям, финикийцам и грекам, и есть некоторая вероятность того, что культ Афродиты также берет свое начало в культе Иштар. Позже мы узнаем, может ли она быть Эстер из Писания. Астрологически она отождествлялась с планетой Венера, но вокруг нее было так много атрибутов, взятых от других богинь, с которыми она отождествлялась, что они грозили затмить ее настоящий характер, который был характером великой и плодородной матери. В особенности ее отождествление с Нин-лиль, супругой Эн-лиль, бога бури, грозило изменить ее настоящую природу, поскольку в этом обличье она считалась богиней войны. Богиня плодородия или любви редко добивается такого признания. Боги, имеющие сельскохозяйственное значение, почти всегда являются богами войны, но это потому, что они приносят оплодотворяющие грозовые облака и поэтому владеют молниеносной стрелой или копьем. Но Иштар - это именно богиня класса Персефоны или Исиды, и ее отождествление с битвой следует считать чисто случайным. В более поздние времена в Ассирии она была задумана как супруга Асхура, главы ассирийского пантеона, в те времена, когда бог или богиня, не дышащая войной, была малопригодна для такого народа, как ассирийцы, постоянно занятого в военных действиях, и это обстоятельство, естественно, повышало ее репутацию как воинственного божества. Но сейчас нас интересует ее первоначальный характер, ведь в некоторых текстах мы видим, что, не имея возможности защитить себя, Иштар и ее имущество становятся добычей дикого Эн-лиля, бога бури. "Его слово послало меня вперед, - жалуется она, - и как только оно приходит ко мне, оно повергает меня на землю". Непосвященный враг вошел в мой двор, возложил на меня свои немытые руки и заставил меня дрожать. Протянув руку, он поразил меня страхом. Он сорвал с меня одежду и одел в нее свою жену; он сорвал с меня драгоценности и надел их на свою дочь. Как трепещущий голубь на бревне я сидел. Как бегущая птица, я быстро вылетела из своей щели. Из храма моего, как птица, вылетела я". Такова жалоба Иштар, которая в данном случае выглядит совершенно беспомощной перед врагом.

Миф, который лучше всего иллюстрирует ее характер, рассказывает о ее путешествии в Аралу, подземный мир.

1. Иштар, богиня-мать.-2. Иштар как богиня войны.-3. Иштар, богиня любви.
Из книги *"Религиозные верования и практика в Вавилонии и Ассирии"* профессора Морриса Джастроу.
С разрешения издательства G. P. Putnam's Sons.

Спуск Иштар в Аид

Поэма, которая в существующем виде состоит из 137 строк, написанных клинописью, кажется незавершенной. В ней нам не сообщается, с какой целью богиня отправилась в "Дом невозвращения", но из различных легенд и заключительной части самой поэмы мы узнаем, что она отправилась туда в поисках своего жениха Таммуза, бога солнца Эриду. Важность мифа об Иштар и Таммузе отчасти заключается в том, что, попав на запад в Грецию через Финикию, он послужил основой для классических мифов типа Адониса-Аттиса, которые до сих пор дают мифологам повод для бесконечных спекуляций. Мифологическое значение поэмы и упоминаемых в ней лиц будет рассмотрено позже; теории, касающиеся первобытного статуса Таммуза и Иштар, многочисленны и разнообразны, и не одна из них достаточно правдоподобна, чтобы потребовать тщательного изучения. Поэтому рассмотрение мифа можно отложить до тех пор, пока мы не рассмотрим саму вавилонскую историю и некоторые из ее основных вариантов и аналогов.

Таммуз и Иштар

Миф о Таммузе - очень древний, он датируется, возможно, 4000 годом до нашей эры или даже раньше. И Таммуз, и Иштар изначально были несемитскими, имя первого божества происходит от аккадского Dumu-zī, "сын жизни" или "единственный сын", возможно, сокращение Dumu-zī-arsu, "отпрыск духа глубин", как указывает профессор Сейс. Дух глубин - это, конечно, бог воды Эа, а Таммуз, очевидно, олицетворяет солнце, хотя, как мы увидим, он не просто солнечное божество, а бог, объединяющий в себе атрибуты различных

ведомственных божеств. Древний аккадский гимн обращается к Таммузу как к "пастуху и повелителю, мужу Иштар, владычицы небес, владыке подземного мира, повелителю пастушьего места"; как к зерну, которое лежит на лугу неполитым, не приносящим зеленой травы; как к саженцу, посаженному в безводном месте; как к саженцу, вырванному с корнем. Профессор Сайс отождествляет его с Даоном, или Даосом, который, по мнению Беросса, был шестым царем Вавилонии в мифический период. Таммуз - пастух неба, а его стада и отары, как и стада святого Ильи в славянском фольклоре, - это облачный скот и ворсистые испарения небес.

Иштар с ранних времен ассоциируется с Таммузом как его супруга, как, впрочем, и Меродах, Ассур и другие божества. Однако она ни в коем случае не является простым отражением мужского божества, а обладает собственной индивидуальностью, отличающейся от всех других вавилонских богинь и свидетельствующей о ее несемитском происхождении. Примечателен широко распространенный характер поклонения Иштар. Ни одно из вавилонских или ассирийских божеств не было принято в пантеоны стольких чужеземных рас. От Персидского залива до Геркулесовых столбов ее почитали как великую мать всего живого. Ее отождествляют с Даукиной, женой Эа, и поэтому она является матерью Таммуза, а также его супругой. Эта двойственная связь может объяснить то, что появляется в более поздних мифах греков, где Смирна, мать Адониса, также является его сестрой. Иштар иногда считалась дочерью бога неба Ану, а иногда - ребенком лунного божества Сина. Ее поклонение в Вавилонии было всеобщим и со временем вытеснило поклонение самому Таммузу. Любовь Иштар к Таммузу представляет собой ухаживание богини плодородия за богом солнца весеннего времени; бог убит неумолимым летним зноем, и мало сомнений в том, что Иштар входит в Аралу в поисках своего молодого мужа. Стихотворение, которое мы собираемся кратко рассмотреть, посвящено только части мифа - истории спуска Иштар в Аралу. Она открывается следующим образом: "В страну невозврата, в область тьмы, Иштар, дочь Сина, обратила свой слух, даже Иштар, дочь Сина, обратила свой слух, в обитель тьмы, жилище Иркаллы, в дом, чей вошедший не выходит, на дорогу, откуда путник не возвращается, в дом, чьи обитатели не видят света, в область, где пыль - их хлеб и их пища - грязь; Они не видят света, они живут во тьме, они одеты, как птицы, в одежду из перьев. На дверь и засов упала пыль". Мораль, содержащаяся в этом отрывке, мрачна для смертного человека: тот, кто входит в страшные пределы Аралу, не выходит оттуда, он обречен вечно пребывать в окутывающей тьме, его пропитание - грязь и пыль. Упоминание о пыли, которая лежит "на дверях и засовах", вносит особую мрачную и тоскливую ноту; как и другие примитивные расы, древние вавилоняне рисовали потусторонний мир не как место награды или наказания, а скорее как слабое отражение земного мира, область тьмы и пассивного страдания, которая должна была представлять собой крайне непривлекательную перспективу для энергичного человеческого существа. Одевание из перьев вызывает некоторое недоумение. Почему мертвые должны носить одежду из перьев? Разве что бог солнца, отождествляемый в некоторых своих аспектах с орлом, спускается в подземный мир в одежде из перьев, и поэтому смертные, которые следуют за ним, должны появляться в нижних областях в подобном обличье. Приведенное выше описание вавилонского Аида совпадает с тем, что дала во сне Эабани храмовая дева Ухут (эпос "Гильгамеш", табличка VII).

У ворот Аралу

Подойдя к воротам Аралу, Иштар принимает угрожающий вид и грозит выломать дверь и разбить засовы и решетки, если ее сразу же не впустят. Хранитель ворот пытается успокоить разгневанное божество и идет сообщить о ее присутствии Эреш-ки-галу (Аллату), хозяйке Аида. Из его слов следует, что Иштар отправилась в путь в поисках воды жизни, чтобы

вернуть к жизни своего мужа Таммуза. Аллату встречает известие о появлении сестры горькой тирадой, но все же приказывает хранителю впустить ее, что тот и делает.

Войдя в мрачные чертоги, Иштар должна пройти через семь ворот, у каждого из которых она освобождается от какого-нибудь предмета одежды или украшения (очевидно, по древнему обычаю Аралу), пока, наконец, не оказывается совсем без одежды. У первых ворот хранитель снимает с нее "могучий венец головы"; у вторых - серьги; у третьих - ожерелье; у четвертых - украшения груди; у пятых - драгоценный пояс; у шестых - браслеты; у седьмых - набедренную повязку. Богиня не расстается с ними только под протестом, но страж ворот на все ее вопросы отвечает словами: "Входи, о госпожа, таково повеление Аллату". Наконец божественная путница предстает перед богиней подземного мира, которая проявляет к ней скудную любезность, приказывая демону чумы Намтару поразить ее с головы до ног болезнью - в глаза, бока, ступни, сердце и голову.

На время заточения Иштар в пределах Аралу все плодородие на земле приостанавливается, как в животном, так и в растительном царстве. Об этом катастрофическом положении дел богам сообщает их посланник Пап-сукал, который сначала рассказывает историю Шамашу, богу солнца. Шамаш плачет, рассказывая об этом Эа и Сину, богам земли и луны соответственно; но Эа, чтобы исправить бесплодие земли, создает существо по имени Ашушу-намир, которое посылает в подземный мир, чтобы потребовать освобождения Иштар. Аллату приходит в ярость, когда требование выдвигается "от имени великих богов", и проклинает Ашушу-намира страшным проклятием, обрекая его на обитание во мраке подземелья, а пищей ему служат городские отбросы. Тем не менее она не может устоять перед силой колдовства, поэтому приказывает Намтару, демону чумы, освободить аннунаков, или земных духов, и посадить их на золотой трон, а на Иштар вылить воды жизни. Намтар повинует; по словам поэмы, он "разрушил крепко построенный дворец, сокрушил порог, на котором лежали камни света, велел духам земли выйти, на золотой трон посадил их, на Иштар он вылил воды жизни и привел ее". Затем Иштар проводят через семь ворот Арула, у каждого из них она получает тот предмет одежды, которого была лишена. Наконец она выходит в земной мир, который возвращается в свое обычное русло. Далее следуют несколько строк, обращенных к Иштар, возможно, демоном чумы или хранителем ворот. "Если она (Аллату) не дала тебе того, за что заплатила выкуп, верни ей Таммуза, жениха твоей юности. Окропи его чистыми водами и драгоценным маслом. Наденьте на него пурпурное одеяние, а на руку его - кольцо из хрусталя. Пусть Самхат (богиня радости) войдет в печень....". Эти строки достаточно ясно указывают на то, что Иштар спустилась в Аид, чтобы добыть воды жизни и тем самым оживить своего жениха Таммуза. В поэме не говорится о том, увенчалось ли ее поручение успехом, но нам остается только догадываться, что да. Остается еще несколько строк поэмы, которые, однако, не продолжают повествование, а образуют своего рода эпилог, обращенный, возможно, к слушателям сказки. В этой части упоминаются плакальщики, "плачущие мужчины и плачущие женщины", погребальный костер и сжигание благовоний, очевидно, в честь бога Таммуза.

Иштар и Персефона

Как уже было сказано, миф о Таммузе и Иштар послужил основой для некоторых мифов классической Греции и Рима. Финикийская Астарт (Ашторет), развитие Иштар, со временем стала Афродитой греков, божеством, играющим в легенде об Адонисе роль, аналогичную роли Иштар в истории о Таммузе. Само имя Адонис происходит от *Адони* ("мой господин"), слова, которым финикийские поклонники Таммуза приветствовали заходящее солнце. Миф

об Адонисе, пожалуй, наиболее тесно связан с мифом о Таммузе, поскольку его главные герои являются признанными аналогами персонажей вавилонской легенды, а рассказ о нисхождении Иштар в Аид можно рассматривать как продолжение греческой истории или, скорее, ее ранний вавилонский вариант. Вкратце эта история выглядит следующим образом: Адонис был плодом протиестественного союза между сирийским царем Тиасом и его дочерью Смирной (Миррой). Тиас преследовал принцессу, намереваясь лишить ее жизни за преступление, но жалость богов превратила ее в дерево, из которого по истечении десяти месяцев родился Адонис. Говорят, что кабан рассек ствол дерева своим клыком, и таким образом божественный младенец смог увидеть свет. Афродита, очарованная красотой ребенка, отдала его на попечение Персефоны, которая так полюбила своего подопечного, что впоследствии отказалась от него. Богини обратились к Зевсу, который постановил, что Адонис должен проводить шесть месяцев в году с Афродитой и шесть с Персефой в подземном мире; или, по другой версии, четыре месяца с Афродитой и четыре с Персефой, а остальные четыре - в его собственном распоряжении. После этого он был убит вепрем, посланным против него Артемидой (которая, кстати, была развитием Иштар). Можно отметить, что Афродита, которая, как и Иштар, выступает в роли богини любви и красоты, также тесно ассоциируется с подземными областями, возможно, потому, что она была отождествлена с вавилонской богиней в ее путешествии в Аид в поисках своего супруга.

С Адонисом схож бог Аттис, который, согласно одной из версий мифа, также был убит вепрем. После смерти он превращается в сосну, а из его крови распускаются фиалки. Он любим богиней-матерью Кибелой, которая оплакивает его безвременную кончину.

В легенде об Адонисе есть признаки некоторого дублирования. Персефона, или Прозерпина, которая здесь соответствует Аллату вавилонского варианта, фигурирует в другом известном мифе как прототип Таммуза. Когда ее уносит в чертоги Плутон, ее мать, Церера, не хочет, чтобы кукуруза росла, пока ее дочь остается в плену. Подобно Иштар, ищущей своего супруга, богиня-мать ищет свое дитя с плачем и причитаниями. Съев гранатовое зерно, Прозерпина в конце концов вынуждена проводить четыре (или шесть) месяцев в году со своим темным похитителем в качестве его супруги.

Еще один миф, имеющий сходство со сказанием о Таммузе и Иштар, - египетский, в котором речь идет о поисках Исида. Бог Осирис убит в результате махинаций своего брата Сета (который, будучи отождествлен в других местах с черным боровом, напоминает вепря, убившего Адониса и Аттиса), и его тело, заключенное в сундук, брошено в Нил. После этого сундук выбрасывают волны, а вокруг него чудесным образом вырастает тамарисковое дерево. Тем временем Исида, жена и сестра Осириса, путешествует туда-сюда в поисках его останков, которые в свое время находит. Однако сундук у нее похищает Сет, который, взяв оттуда тело Осириса, разрывает его на четырнадцать частей, которые разбрасывает по земле. Исида продолжает свои поиски, пока не находит все части и не хоронит их.

Эти сказки были мифическими коррелятами определенных ритуальных практик, призванных вызвать смену времен года и другие природные явления с помощью симпатической магии. На плечи первобытного человека ложится бремя великого долга: своими обрядами, заклинаниями и магическими искусстваами он должен помогать Вселенной в ее течении. Его эзотерические пьесы, олицетворяющие таинственный факт роста, необходимы для обеспечения всходов кукурузы; его чары и заклинания необходимы даже для восхода солнца; не имея гарантии науки, что одно время года будет следовать за другим в надлежащем порядке, он проходит через сложное представление, символизирующее упадок и возрождение растительности, полагая, что только так можно сохранить

естественный порядок. Силой симпатической магии он видит, как его ничтожные усилия связаны с могущественными результатами, которые следуют за ними.

Таково происхождение ритуала праздника Таммуза, который, возможно, существовал еще до появления самого мифа. Представление о смерти и воскресении бога, будь то в мифе или в ритуале, несомненно, имело сезонное значение, поэтому дата его праздника варьировалась в разных местностях. В Вавилонии его отмечали в июне, показывая тем самым, что божество было убито яростным солнечным жаром, сжигавшим всю весеннюю растительность. Таким образом, пребывание Иштар в Аиде занимало засушливые месяцы лета. В других странах с более умеренным климатом зима считалась бы врагом Таммуза. Интересный рассказ о празднике Таммуза приводится арабским автором, писавшим в десятом веке, и цитируется сэром Джеймсом Фрейзером в его *"Золотой ветви"*. "Таммуз (июль). В середине этого месяца проходит праздник эль-Бугат, то есть плакальщиц, и это праздник Та-юз, который отмечается в честь бога Та-юз. Женщины оплакивают его, потому что его господин так жестоко убил его, перемолол его кости на мельнице, а затем развеял их по ветру. Женщины (во время этого праздника) не едят ничего, что было перемолото на мельнице, а ограничивают свой рацион размоченной пшеницей, сладкой викой, финиками, изюмом и тому подобным". Материал для этого описания был предоставлен сирийцами из Харрана. О любопытной легенде, связанной с траурными обрядами, будет сказано позже.

Плач по Таммузу

Характерной чертой ритуала Таммуза являются причитания, из которых сохранилось несколько серий. В более поздние времена, по-видимому, плач "плачущих мужчин и плачущих женщин" был вызван другой причиной. Они оплакивали уже не смерть Таммуза, а уход Иштар в небытие, и поэтому в храмах стала читаться легенда о ее путешествии в Аралу. Сэр Джеймс Фрейзер предполагает, что ритуальный аналог мифа о Таммузе-Иштар мог включать в себя обливание водой чучела бога, что соответствовало обливанию его водой жизни, чтобы вернуть его к жизни. Если это действительно было частью ритуала Таммуза, мы можем считать, что это было предназначено для заклинания дождя.

Аналогичным образом греческий праздник Адония символизировал смерть и воскрешение Адониса. Этот праздник длился два дня; в первый день изготавливались изображения Адониса и Афродиты, которые клались каждое на серебряную кушетку; на второй день эти изображения женщины бросали в море вместе с "садами Адониса", как их называли - горшками, наполненными землей, в которые втыкали срезанные цветы. Считается, что этот обряд должен был означать возрождение растительности под воздействием дождя. Люди, участвовавшие в нем, предавались таким причитаниям, какие произносили поклонники Таммуза в Вавилонии, рвали на себе волосы и били себя в грудь. В Александрии и Афинах праздник Адониса приходился на летнее время, в Библие - на весну, а в Финикии - на сезон, когда река Нахр Ибрагим (ранее называвшаяся Адонисом) сносила с гор Ливана красную землю, в которой благочестивые люди видели кровь убитого Адониса. На празднике Адонии использовались золотые коробочки с миррой, сжигались благовония и приносились в жертву свиньи. Свиней приносили в жертву и Осирису, чей культ, как уже было показано, имел много общего с культом Таммуза и Адониса. Египетский бог был брошен своими врагами в воды Нила; возможно, этот миф тоже имел ритуальный аналог, предназначенный в качестве талисмана для вызывания дождя.

Уже было отмечено, что толкования мифа о путешествии Иштар в Аралу многочисленны и разнообразны. Перечисленные выше варианты служат каждый для того, чтобы пролить свет на другой, и на основе их сопоставления мы можем прийти к удовлетворительному

заклучению. Для начала, однако, следует помнить, что, когда культ любого божества достиг достаточно развитой стадии, невозможно отнести его к какому-то одному отделу природы, сказать, что он бог солнца, бог дождя, бог кукурузы, поскольку он может обладать атрибутами всех этих богов. Присваивая какому-либо богу ведомственное обозначение, мы стремимся выразить лишь его примитивные или преобладающие характеристики.

Богиня-мать Иштар - Эвелин Пол.

Аллегорическая интерпретация мифа

Подлинно аллегорическое объяснение мифа о нисхождении Иштар в Аид изображало бы Иштар как богиню плодородия, ищущую в подземном мире своего мужа, бога солнца, убитого ледяным дыханием зимы. Во время ее пребывания в подземных областях все плодородие на земле прекращается, чтобы возобновиться только после ее возвращения в качестве радостной невесты весеннего солнца. Сдача ее одежды и драгоценностей у семи ворот Аралу олицетворяет постепенное увядание растительности на земле, а возобновление ее одеяний - растущую красоту и зелень, которые знаменуют ее возвращение. Другая гипотеза отождествляет Иштар с Даукиной, богиней земли, женой Эа и, следовательно, матерью, а также супругой Таммуза. Согласно этой точке зрения, Иштар олицетворяет не плодородие земли, а саму землю, лишенную украшений из цветов и листьев с наступлением зимы или, по-разному, с испепеляющим зноем лета. Воды жизни, которыми она орошает и восстанавливает своего мужа, [8] - это оживляющие дожди, которые даруют богу-солнцу его юную силу и славу. Против этой точки зрения было выдвинуто предположение (например, сэром Джеймсом Фрейзером), что "в годовом ходе солнца в умеренном и тропическом поясах нет ничего, что могло бы навести на мысль, что половину или треть года оно мертво, а другую половину или две трети - живо".

В качестве альтернативы предполагается, что Таммуз - бог растительности, а Иштар удваивает его роль. Убийство Таммуза и путешествие Иштар, таким образом, представляют собой два разных мифа, каждый из которых символизирует упадок и последующее возрождение растительности. Можно вспомнить и другие примеры, когда два мифа одного класса сливались в один. Эта точка зрения, таким образом, представляет некоторые элементы вероятности; не только Таммуз, но и большинство его вариантов, по-видимому, имеют растительное значение, в то время как тип Иштар открыт для интерпретации по тому же принципу. Так, Адонис ассоциируется с мировым деревом, из ствола которого он родился, Осирис - с тамариском, используемым в ритуалах, связанных с его культом, а Аттис после своей смерти превратился в сосну. Сам Таммуз представлялся обитающим посреди великого мирового дерева, корни которого уходили в подземный мир, а ветви достигали небес. Этим деревом, по-видимому, был кедр, к которому древние вавилоняне относились с особым почтением. Одна из особенностей, которая заставляет нас отождествлять божества этого класса, как мужские, так и женские, с богами растительности, - это их связь с луной. Осирис считается, и не без оснований, богом луны; Афродита в одном из своих аспектов является лунным божеством, а Прозерпина и финикийская Ашторет имеют сходное значение. Сама Иштар, правда, никогда не отождествлялась с луной, которая в Вавилонии была мужским божеством; но она ассоциировалась с ним как его дочь. Среди примитивных народов считается, что луна оказывает сильное влияние на растительность и вообще на все виды роста и продуктивности. Поэтому ассоциация бога с луной указывает на то, что он также связан с растительностью и плодородием. Вскользь можно отметить, что некоторые авторитеты придают лунное значение истории о нисхождении Иштар в Аид и родственным мифам. Считается, что пребывание богини в Аралу символизирует лунное затмение или, возможно, период между убыванием старой луны и появлением новой. Но, как уже говорилось, древние вавилоняне видели в ночном светиле мужское божество, так что любые лунные характеристики, связанные с Иштар, должны рассматриваться как второстепенные.

Иштар, Таммуз и растительность

Если признать, что Иштар и Таммуз - божества растительности, то можно еще больше сузить их сферу, связав их, в частности, с кукурузой. Адонис и Афродита связаны с ростом урожая. Церера, которая запрещает кукурузе всходить, пока ее дочь находится в царстве Плутона,

несомненно, является матерью кукурузы, и Прозерпина, очевидно, имеет ту же природу. Осирис был культурным божеством, которое принесло кукурузу в Египет. Его изображение в храме Исиды в Филе изображает кукурузные стебли, растущие из его мертвого тела - тело Осиписа (зерно) разрывается на части, разбрасывается по земле, а части закапываются (или сажаются) в землю, когда из них прорастает кукуруза. Более того, от самого Таммуза жестоко избавился его повелитель, который "размолот его кости на мельнице, а затем развеял их по ветру" - явно в противовес тому, как поступают с кукурузой. Арабский писатель рассказывает, что Таммуз был жестоко убит несколько раз, но всегда оживал - история, напоминающая "*Джона Барлейкорна*" Роберта Бернса, сама, возможно, основанная на мифах.

Не наводят ли эти примеры на мысль об анимистическом объяснении? Божества типа Таммуза, по-видимому, символизируют кукурузное зерно и ничего более - срубленное, избитое, зарытое в землю и, наконец, возрожденное к жизни. Кто же тогда эти богини, также отождествляемые с кукурузой, которые ищут в подземном мире возлюбленного или ребенка, пытаясь со слезами выкупить кукурузу из темной земли? Не являются ли они первобытными кукурузными духами, вселяющимися в стоящее зерно анимистическими духами, обреченными после сбора урожая на тоскливые скитания по земле, пока прорастание кукурузы снова не даст им возможность материализоваться?

Истории об изувечении и рассеивании тел Таммуза и Осиписа, а также о многочисленных смертях первого бога дают основание для еще одного объяснения мифа о Таммузе. Сэр Джеймс Фрейзер выдвигает теорию о том, что "Плачи" древних вавилонян предназначались не для оплакивания увядания растительности, а для сожаления о жестоком обращении с зерном во время жатвы, и приводит в этой связи балладу *Джона Барлейкорна*, которая, как нам говорят, была основана на ранней английской поэме, вероятно, мифологического происхождения.

Однако наиболее вероятно, что миф о Таммузе и Иштар имеет составную природу, как уже было указано. Возможно, миф о боге солнца и богине земли был наложен на раннюю основу мифа о духе кукурузы, ищущем кукурузу. Несомненно, Иштар в своем нисхождении в Аралу олицетворяла землю, лишенную растительного покрова. Затем, со временем, она могла стать символом самой растительности или плодородия, которое ее порождало, и таким образом приобрела бы новые атрибуты, и новые элементы вошли бы в мифы о ней. Только рассматривая ее как составное божество, можно достичь понимания принципов, лежащих в основе этих мифов.

Иштар и Эсфирь

Мы уже задавались вопросом, не связана ли каким-то образом история Эстер из Священного Писания с богиней Иштар. Рассказывая о еврейском празднике Пурим, сэр Джеймс Фрейзер говорит (*Golden Bough*, vol. iii, p. 153): "Из отсутствия всякого упоминания о Пуриме в более древних книгах Библии мы можем сделать справедливый вывод, что этот праздник был учрежден или завезен к евреям сравнительно поздно. Этот же вывод подтверждает и сама Книга Эстер, которая явно была написана с целью объяснить происхождение праздника и предложить мотивы для его соблюдения. Ведь, по словам автора книги, праздник был установлен в память об избавлении евреев от большой опасности, которая угрожала им в Персии во времена правления царя Ксеркса. Таким образом, мнение современных ученых о том, что праздник Пурим, отмечавшийся евреями, был поздним и имел восточное происхождение, подтверждается традицией самих евреев. Изучение этой традиции и способа празднования праздника позволяет предположить, что

Пурим - это не что иное, как более или менее замаскированная форма вавилонского праздника Сакæа или Закмук..... Но далее, когда мы исследуем повествование, которое претендует на объяснение учреждения Пурима, мы обнаруживаем в нем не только сильнейшие следы вавилонского происхождения, но и некоторые необычные аналогии с теми самыми чертами сакейского праздника, которые мы здесь более непосредственно рассматриваем. Книга Эсфирь рассказывает о судьбе двух людей - визиря Хамана и презируемого еврея Мордехая - при дворе персидского царя. Мордекай, как нам рассказывают, нанес смертельную обиду визирю, который готовит высокую виселицу, на которой надеется увидеть своего врага повешенным, а сам рассчитывает получить высший знак благосклонности царя, получив разрешение надеть царскую корону и царские одежды и в таком наряде шествовать по улицам, сидя на собственном коне царя и в сопровождении одного из благороднейших принцев, который должен возвестить народу о его временном возвышении и славе. Но хитроумные интриги лукавого визиря не удалась и привели к прямо противоположному результату; царские почести, на которые он рассчитывал, достались его сопернику Мордехая, а сам он был повешен на виселице, которую приготовил для своего врага. В этой истории мы, кажется, обнаруживаем реминисценцию, более или менее запутанную, Зоганов из Сакейи, другими словами, обычай наделять частного человека знаками отличия царской власти на несколько дней, а затем предавать его смерти на виселице или кресте.....

"Филологический анализ имен этих четырех персонажей убедительно подтверждает эту точку зрения. Библейские ученые, похоже, уже признали, что имя Мордекай, не имеющее никакого значения на иврите, - это не что иное, как слегка измененная форма имени Мардук или Меродах, имени главного бога Вавилона, чьим великим праздником был Закмук; кроме того, общепризнанно, что Эстер аналогичным образом эквивалентна Иштар, великой вавилонской богине, которую греки называли Астартой и которая более знакома английским читателям как Аштарот. Происхождение имен Хамана и Вашти менее определено, но некоторые авторитеты склонны принять мнение Иенсена, что Хаман идентичен Хамману или Хомману, национальному богу эламитов, и что Вашти подобным образом является эламским божеством, вероятно, богиней, чье имя встречается в надписях."

Лэнг об истории Эсфири

Комментируя эту теорию, Лэнг в своей книге *"Магия и религия"* (стр. 161) говорит: "Имя Мордекай напоминает Мардука, Эстер - Иштар, Хаман - Хаммана, эламского бога, а в надписях встречается божественное имя, похожее на "Вашти" и, вероятно, имя эламской богини". Таким образом, человеческие персонажи Эсфири находятся под угрозой слияния с вавилонскими и эламскими богами. Но чтобы этого не произошло, мы должны помнить, что Мордекай - настоящее имя реального исторического еврея из плена, одного из спутников Неемии при возвращении из изгнания в Иерусалим. Опять же, Эстер, как мне кажется, является коронным именем еврейской жены Ксеркса в Книге Эстер: "Хадасса, то есть Эстер". В библейской истории она скрывает свое еврейское происхождение. Хадасса, - говорит Нёльдеке, - не просто выдумка автора "Эсфири". Хадасса, как говорят, означает "миртовая ветвь", и девочек до сих пор называют миртовыми. Эсфирь, по-видимому, была вымышленным именем после смешанного царского брака. Если реального исторического еврея можно назвать Мордекаем, что, как мы знаем, так и есть, то еврейку, будь то в действительности или в этой Книге Эсфирь, которая, как говорит доктор Джастроу, "имеет, конечно, некоторое историческое основание", можно назвать Эстер..... Но если Мордекай - это историческое имя реального еврея того времени, а Эсфирь может быть и, вероятно, является именем, которое могла бы носить еврейка, то нет уверенности в том, что Вашти - это

имя эламской богини. И все же Вашти как богиня совершенно необходима для аргументации мистера Фрейзера. Происхождение имен Хамана и Вашти, - говорит он, - менее определено, но некоторые авторитеты склонны принять мнение Иенсена, что Хаман идентичен Хамману или Хомману, национальному богу эламитов, и что Вашти - эламское божество, вероятно, богиня, чье имя встречается в надписях".

Таким образом, видно, что факты, касающиеся этих имен, делают такое объяснение, предложенное сэром Джеймсом Фрейзером, довольно опасным. Хаман, согласно его теории, представлял бы умирающего бога, а Мордекай играл бы роль возрождающегося бога растительности. Ланг выдвигает противоположную теорию, согласно которой Хаман или Хамман был богом-завоевателем эламитов, что объясняет то, что его бичевали и вешали в насмешку. Этот Хумман, по его мнению, возможно, был эламским богом растительности.

Нин-Гирсу

Гирсу был частью города Лагаш, и имя Нин-Гирсу означает "Владыка Гирсу". Боги часто властвовали над городскими кварталами, один из самых известных примеров - Уицилопочтли, который правил той частью города Теночтитлан, называемой Мексикой, которая впоследствии дала название всей общине. Гирсу изначально был городом и влился в Лагаш, поэтому его бог, вероятно, был древнего происхождения. Нин-Гирсу часто называют "воином Бэла" - тем, кто прорвался сквозь враждебные ряды, чтобы помочь поклонникам великого бога неземного мира. Однако, как и многие другие божества-бойцы, он руководил местным сельским хозяйством, и в связи с этим был известен как Шул-гур, "Владыка кукурузных куч". Его даже отождествляют с Таммузом.

Бау

В древних надписях, особенно в Гудеа, Урбау и Уру-кагине, богиня Бау упоминается как великая мать человечества, которая восстанавливает здоровье больных. Ее называют "главной дочерью Ану", и, похоже, она в какой-то степени играет роль судьбы. В ее характере есть и сельскохозяйственная сторона. Гудеа был особенно предан ей и оставил запись, что она "наполнила его красноречием". Ее храм находился в Уру-Азагге, квартале Лагаша, и как богиня этого района она, конечно, должна была вступить в тесный контакт с Нин-Гирсу. Действительно, о ней говорят как о его супруге, а когда Уру-Азагга стала частью Лагаша, Бау была назначена богиней-хранительницей этого города и получила титул "Мать Лагаша". Ее отождествляли с первобытными водными глубинами, первобытным хаосом, и это отождествление было основано на сходстве между именем Бау и древнееврейским *bohu*, словом "хаос", но доказательств, подтверждающих эту догадку, нет. Близкой к ней формой кажется Га-тум-дуг, богиня, которая, вероятно, имеет общее происхождение с Бау и определенно каким-то образом связана с водой - возможно, с облаками.

Наннар

Наннар был богом луны в Уре, городе, откуда пришел Аврам, и с этим местом он был связан так же, как Шамаш с Сиппаром, то есть Ур был его главным, но не единственным центром поклонения. Почему именно в Уре он разместил свою главную резиденцию, сказать трудно. Название Ур означает "свет", так что, возможно, на месте этого города существовало святилище, посвященное Наннару, которое и стало его ядром. В вавилонской мифологии солнце считалось порождением луны, и легко понять, как эта концепция возникла в сознании расы, склонной к астрономическим исследованиям. Во всех цивилизациях лунный метод исчисления времени предшествует солнечному. Фазы луны считаются более достоверными и за ними легче следить, чем за более непонятными изменениями более

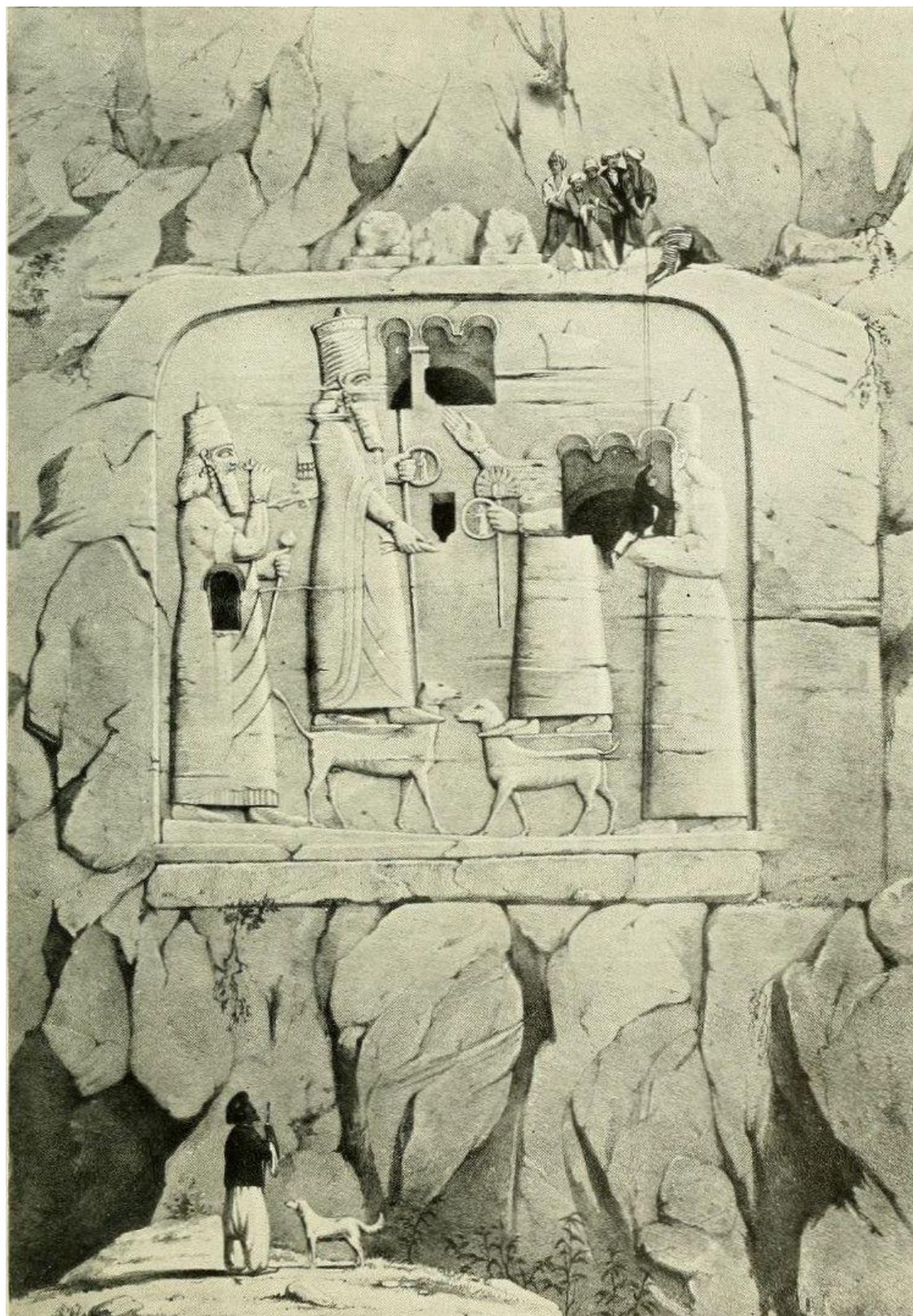
яркого светила, поэтому в очень ранние времена луне придавалось большее значение, чем солнцу. На вавилонских цилиндрах луна обычно изображается с полумесяцем на голове и длинной, ниспадающей бородой цвета лазурита - примерно такого же оттенка, какой имеют ее лучи в более теплых широтах. Наннара часто называли "телицей Ану", из-за рога, который луна показывает в определенной фазе. Многие монархи, среди которых Нур-Рамман и Син-иддина, с удовольствием занимались поддержанием и восстановлением его храма.

Наннар в упадке

Но, как это случается со многими богами, Наннара стали отождествлять с каким-то земным героем - он даже упоминался как сатрап Вавилонии при медийском монархе Артайосе - личность, неизвестная истории. Ктесий передает нам весьма косвенный рассказ о нем следующим образом:[9]

"Был на службе у царя медян перс по имени Парсонд, охотник, активный воин, пеший и на колеснице, знатный в совете и в поле, пользовавшийся влиянием у царя. Парсонд часто уговаривал царя сделать его сатрапом Вавилона вместо Наннароса, который носил женские одежды и украшения, но царь всегда откладывал это прошение, так как оно не могло быть выполнено без нарушения обещания, данного его предком Белесису. Наннарос узнал о намерениях Парсонды и попытался обезопасить себя от них и отомстить. Он пообещал большие награды поварам, находившимся в царской свите, если им удастся схватить Парсонду и выдать его. Однажды Парсонд в пылу погони заблудился далеко от царя. Он уже убил много кабанов и оленей, когда погоня за диким ослом занесла его на большое расстояние. Наконец он наткнулся на поваров, которые занимались приготовлениями к царскому столу. Измученный жаждой, Парсонде попросил вина; ему дали его, позаботились о его лошади и пригласили принять пищу - приглашение пришлось по душе Парсонде, который весь день охотился. Он велел послать захваченного им осла к царю и сообщить своим слугам, где он находится. Затем он ел разные яства, поставленные перед ним, обильно пил превосходное вино и, наконец, попросил своего коня, чтобы вернуться к царю. Но к нему привели прекрасных женщин и стали уговаривать остаться на ночь. Он согласился, и как только, одолеваемый охотой, вином и любовью, он погрузился в глубокий сон, повара связали его и привели к Наннаросу. Наннарос упрекнул Парсонда в том, что тот называет его бесхарактерным человеком и стремится получить его сатрапию; он должен благодарить царя за то, что сатрапия, дарованная его предкам, не была у него отнята. Парсонд ответил, что считает себя более достойным этой должности, так как он более мужественен и более полезен царю. Но Наннарос поклялся Бэлом и Милиттой, что Парсондес должен быть мягче и белее женщины, позвал евнуха, который следил за женщинами-игроками, и велел ему обрить тело Парсондеса, каждый день купать и помазывать его, надевать на него женскую одежду, заплетать ему волосы по женскому образцу, красить его лицо и поместить его среди женщин, играющих на гитаре и поющих, чтобы он научился их искусству. Так и было сделано, и вскоре Парсондес играл и пел за столом Наннароса лучше, чем любая из женщин. Тем временем царь медян приказал повсюду искать Парсонду; а так как его нигде не могли найти и ничего о нем не было слышно, он решил, что лев или другой дикий зверь убил его на охоте, и оплакивал его потерю. Парсонда семь лет жила в Вавилоне как женщина, когда Наннарос приказал бичевать евнуха и жестоко с ним обращался. Этого евнуха Парсондес большими подарками убедил удалиться в Медию и рассказать царю о постигшем его несчастье. Тогда царь отправил послание с приказом Наннаросу выдать Парсонду. Наннарос заявил, что никогда его не видел. Но царь послал второго гонца с приказом предать Наннароса смерти, если он не выдаст Парсондеса. Наннарос принял посланца царя; когда принесли еду, вошли 150 женщин, из которых одни играли на гитаре, а

другие дули в флейту. По окончании трапезы Наннарос спросил царского посланника, кто из всех женщин красивее и лучше всех играет. Посланник указал на Парсонду. Наннарос долго смеялся и сказал: "Это та, кого ты ищешь", - и отпустил Парсонду, которая на следующий день вернулась домой с посланником к царю на колеснице. Царь был поражен его видом и спросил, почему он не избежал такого позора смертью. Парсонд ответил: "Чтобы я мог снова увидеть тебя и с твоей помощью отомстить Наннаросу, что никогда не удалось бы мне, если бы я лишил себя жизни". Царь пообещал ему, что его надежда исполнится, как только он прибудет в Вавилон. Но когда он прибыл туда, Наннарос стал защищаться, утверждая, что Парсонд, хотя и ничем не обиженный им, злословил его и пытался получить сатрапию над Вавилонией. Царь указал на то, что он сам стал судьей в своем деле и назначил наказание унижительного характера; через десять дней он вынесет ему приговор за его поведение. В ужасе Наннарос поспешил к Митраферну, евнуху, имевшему наибольшее влияние на царя, и пообещал ему самое щедрое вознаграждение: 10 талантов золота и 100 талантов серебра, 10 золотых и 200 серебряных чаш, если он сможет убедить царя сохранить ему жизнь и оставить его в сатрапии Вавилонии. Он был готов дать царю 100 талантов золота, 1000 талантов серебра, 100 золотых и 300 серебряных чаш, дорогие одежды и другие подарки; Парсонде тоже должен был получить 100 талантов серебра и дорогие одежды. После долгих уговоров Митраферн убедил царя не приказывать казнить Наннароса, так как он не убивал Парсонду, а потребовать от него вознаграждение, которое он готов был выплатить Парсонде и царю. Наннарос в благодарность бросился в ноги царю, но Парсонд сказал: "Проклят тот, кто первым принес золото людям; из-за золота я стал посмешищем для вавилонян".

Ассирийская наскальная скульптура из книги *"Памятники Ниневии"* сэра Генри Лэйарда.

Невозможно сказать, какой мифологический смысл скрыт в этой истории. Лунный бог пытается феминизировать несчастного врага. Значит ли это, что Парсонде попал под влияние лунного бога, то есть стал лунатиком?

Аралу, или Эрес-ки-Гал

Божества подземного мира, области мертвых, обычно имеют более позднее происхождение, чем божества небес. [10] Они часто являются богами более древней и дискредитировавшей себя религии и отнесены к "холодным теням противостояния", обитая там так же, как мертвые, как предполагается, "обитают" в могиле. Существует легенда об Аралу, которая была обнаружена среди других текстов в Тель-эль-Амарне. По преданию, однажды боги устроили пир, на который пригласили Аралу, одновременно извиняясь, что не могут спуститься к ней, и сожалея, что она не может подняться к ним. В затруднении они попросили ее послать гонца, чтобы он принес ей те яства, которые выпали на ее долю. Она выполнила просьбу, и когда гонец прибыл, все боги встали, чтобы оказать ему честь ради его госпожи - все, кроме Нергала. Гонец ознакомил Аралу с этим оскорблением, и она, сильно разгневанная, отправила его обратно в жилище богов просить, чтобы провинившегося отдали в ее руки, чтобы она могла его убить. После некоторого обсуждения боги попросили посланника вернуть того, кто обидел темную богиню, и, чтобы посланнику было легче его обнаружить, все боги собрались вместе. Но Нергал остался в стороне. Однако его отсутствие было обнаружено, и он был отправлен в мрачное царство Аралу. Но он и не думал вкушать смерть. И в самом деле, Аралу оказалась на волосок от гибели: Нергал схватил ее за волосы, стащил с трона и приготовился отрубить ей голову. Она умоляла дать ей возможность говорить, и когда ее просьба была удовлетворена, она предложила себя в жены своему завоевателю вместе с владениями, которыми она владела. Нергал согласился на ее предложение, и они поженились.

Нергал - это солнце, которое, как и Осирис, проходит ночью через мрачный подземный мир, и в этом образе ему приходится побеждать силы смерти и могилы. Однако редко можно встретить солнечного героя, связавшего себя узами брака с одной из inferнальных сил, хотя в центральноамериканском *"Пополь Вух"* один из исследователей подземного мира женится на дочери одного из его владык, а Персефона, богиня кукурузы, вынуждена стать супругой владыки Аида.

Дагон

Дагон, упоминаемый в Писании, был, как и Оаннес, богом-рыбой. Кроме того, что ему поклонялись в Эрехе и его окрестностях, его почитали в Палестине и иногда среди самих евреев. Но именно на крайнем юге Палестины его поклонение достигло наибольшей значимости. У него были храмы в Ашдоде и Газе, и, возможно, его поклонение распространилось на запад вместе с поклонением Иштар. Обоим поклонялись в Эрехе, и там, куда проникал культ одного из них, вероятно, находили и обряды другого.

Дагон - его имя; морское чудовище, вверху человек.
И нисходящая рыба,

по выражению Мильтона, представляет собой один из самых драматичных примеров в Ветхом Завете падения узурпировавшего власть идола.

"И взяли филистимляне ковчег Божий и принесли его из Эбен-езера в Ашдод".

"Взяв ковчег Божий, филистимляне внесли его в дом Дагона и поставили его у Дагона.

"И когда они из Ашдода встали рано на другой день, то увидели, что Дагон повержен лицом своим на землю пред ковчегом Господним. И взяли Дагона, и поставили его на место его.

"И когда они встали рано утром на другой день, вот, Дагон повержен лицом своим на землю пред ковчегом Господним; и голова Дагона и обе ладони рук его были отсечены на пороге; только пень Дагона остался у него.

Поэтому ни жрецы Дагона, ни все, входящие в дом Дагона, не ступают на порог Дагона в Ашдоде до сего дня".

"Но рука Господа была тяжела на Ашдодцев, и Он истребил их, и порастил их эмеродами, Ашдод и берега его.

"И увидели жители Ашдода, что это так, и сказали: ковчег Бога Израилева не останется у нас, ибо рука Его тяжка на нас и на Дагона, бога нашего".

Таким образом, в библейской истории от Дагона остался только "обрубок" или рыбий хвост. На некоторых ниневитских скульптурах этого божества голова рыбы образует нечто вроде митры на голове человека, а тело рыбы выглядит как плащ или накидка на его плечи и спину. Для изучающего мифологию это верный признак того, что бог, украшенный таким образом, находится в процессе перехода от животного к человеческому облику.^[11]

Нириг, или Эну-Ресту

Это божество упоминается в одной из надписей как "старший из богов". Он пользовался особой благосклонностью царей Ассирии, и мы находим его имя в составе нескольких их текстов. В одной поэме он назван "сыном Бэла" и описан как созданный "по подобию Ану". Говорят, что он едет против богов своих врагов на колеснице из ляпис-лазури, и его натиск полон ярости бури. Бел, его отец, приказывает ему отправиться в храм Бэла в Ниппуре. Здесь его встречает Нуску, посланник Бэла, одаривает его и смиренно просит не беспокоить бога Бэла, его отца, в его жилище и не пугать богов земли. Из этого отрывка следует, что Нириг был готов занять место Бэла, своего отца, но то, что он когда-либо это сделал, маловероятно. Будучи божеством бури, он также является богом войны, но он был разбрасывателем семян по горам, поэтому имел также сельскохозяйственное значение. Странно, что в Вавилонии боги-бури обладают теми же функциями и атрибутами - войны и сельского хозяйства, что и божества дождя, грома, грозы, ветра и дождя в других местах - обстоятельство, красноречиво свидетельствующее о силе климатических условий в создании мифа. В Месопотамии свирепые песчаные бури, должно быть, создали у людей представление о диком и неуступчивом божестве, скорее разрушительном, чем благотворном, о чем свидетельствуют многие гимны и родственные тексты.

Мы вкратце рассмотрели старших богов вавилонского пантеона. Вавилонянам еще предстояло принять других, в некоторых случаях более внушительных богов, как мы увидим в следующих главах.

[1] Отрывок цитируется с любезного разрешения господ А. и К. Блэков.

[2] *Religious Belief in Babylonia and Assyria*, p. 69.

[3] *Athenæum*, 12 февраля 1876 года.

- [4] Полигистор продолжает говорить. Отрывок несколько неясен и, конечно, относится к мифу о Меродахе и Тиавате - Бел представляет Меродаха, а Тиавата - "женщину-существо".
- [5] *Религиозные верования в Вавилонии и Ассирии*, стр. 88.
- [6] *Религиозные верования в Вавилонии и Ассирии*, с. 81.
- [7] *Религиозные верования в Вавилонии и Ассирии*, стр. 82.
- [8] В других местах окропляют саму Иштар. См. [с. 130](#).
- [9] Перевод из "*Хиббертских лекций*" профессора Сайса, с. 157.
- [10] Эти божества подземного мира не следует путать с богами бездны, о которых подробно говорилось в главе II. Первая группа - это боги мертвых, вторая - боги первобытных вод.
- [11] При жертвоприношении тотемное или символическое животное бога часто расчленяется, а шкура надевается на жреца, который таким образом олицетворяет бога. В древней Мексике жрецы Центеотля носили кожу женщины, ежегодно приносимой в жертву этой богине.
-

ГЛАВА IV: ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ

Поскольку вполне вероятно, что материалы эпоса о Гильгамеше, великой мифологической поэмы Вавилонии, первоначально относятся к более древней эпохе вавилонской мифологии, уместно описать и рассмотреть ее, прежде чем переходить к более позднему развитию халдейской религии.

Эпос о Гильгамеше стоит в одном ряду с вавилонским мифом о творении как одно из величайших литературных произведений древней Вавилонии. Основным элементом его композиции является конгломерат мифов, почерпнутых из различных источников, с возможным субстратом из исторических фактов; все это сплетается в непрерывное повествование вокруг центральной фигуры Гильгамеша, принца Эреха. В настоящее время невозможно установить дату, когда эпос был впервые написан. Наши знания о нем почерпнуты главным образом из изуродованных фрагментов, хранящихся в библиотеке Ассур-бани-пала, но из внутренних и других свидетельств мы узнаем, что некоторые из традиций, воплощенных в эпосе, имеют гораздо большую древность, чем его правление. Так, табличка, датируемая 2100 годом до н. э., содержит вариант истории о потопе, вставленный в XI табличку эпоса о Гильгамеше. Вероятно, эта и другие части эпоса существовали в устной традиции до того, как были записаны на бумаге, то есть в далекий шумерский период.

Ассур-бани-пал был энтузиастом и практичным покровителем литературы. В своей огромной библиотеке в Ниневии (ядро которой было вывезено Сеннахерибом из Калаха) он собрал обширную коллекцию томов, глиняных табличек и папирусов, большинство из которых были вывезены в качестве трофеев из завоеванных земель. Он также нанял писцов для копирования старых текстов, и, очевидно, именно так было написано существующее издание эпоса о Гильгамеше. Из фрагментов, хранящихся сейчас в Британском музее, следует, что во времена Ассур-бани-пала было сделано не менее четырех копий поэмы. Им не позволили долго оставаться нетронутыми. Великая Ассирийская империя уже клонилась к

упадку; вскоре Ниневия была захвачена, а ее библиотека рассеяна, грабительские полчища сожгли драгоценные рулоны папируса, а глиняные таблички погребли под обломками дворца, в котором они хранились.

Там им суждено было пролежать более 2000 лет, пока раскопки сэра А. Х. Лэйарда, Джорджа Смита и других не вынесли их на свет. Действительно, двенадцать табличек эпоса о Гильгамеше (вернее, их фрагменты, которые удалось обнаружить) сильно повреждены; часто весь смысл отрывка скрывается из-за пробелов в тексте, а это, когда речь идет о прекрасных мифологических разъяснениях, дело нелегкое. Однако за последние годы наука сравнительного религиоведения продвинулась настолько далеко, что мы, вероятно, лучше понимаем истинное мифологическое значение эпоса, чем сами древние вавилоняне, которые видели в нем лишь рассказ о странствиях и подвигах национального героя.

Эпос, в центре которого находится древний город Эрех, повествует о приключениях получеловека-полубожества Гильгамеша, царя Эреха. Два других персонажа занимают видное место в повествовании - Эабани, который, очевидно, олицетворяет первобытного человека, и Ут-Напиштим, герой вавилонского мифа о потопе. Каждый из этих троих, по-видимому, первоначально был героем отдельной группы традиций, которые со временем более или менее естественно вошли в две другие.

Первый и самый важный из этой троицы, герой Гильгамеш, возможно, когда-то был реальной личностью, хотя о нем ничего не известно в историческом плане.^[1] Возможно, основой для повествования послужили подвиги какого-то древнего царя Эреха. Его имя (в течение некоторого времени условно читавшееся как *Гисдубар* или *Издубар*, но теперь ставшее известным как *Гильгамеш*^[2]) предполагает, что он был не вавилонянином, а эламитом или касситом по происхождению, и из указаний, содержащихся в самой поэме, мы узнаем, что он завоевал Эрех (или освободил город от осаждающих сил) в самом начале своей авантурной карьеры. Высказывалось также предположение, что он был идентичен библейскому Нимроду, как и тот, был героем древнего Вавилона; но других оснований для такого предположения нет.

На этом исторический аспект Гильгамеша исчерпан. Легче установить его мифологический характер. В этом отношении он является олицетворением солнца. По сути, он представляет собой слияние великого национального героя с мифическим существом. На протяжении всего эпоса встречаются указания на то, что Гильгамеш отчасти божественен по своей природе, хотя ничего конкретного на этот счет не говорится. В народном повествовании его связь с солнечным богом завуалирована, но очевидно, что он имеет некоторое отношение к богу Шамашу, которому он посвящает свои поклонения и который выступает в качестве его покровителя и защитника.

Рождение Гильгамеша

Среди традиций, касающихся его рождения, есть и та, которую передает Илиан (*Historia Animalium*, XII, 21) о Гильгамосе (Гильгамеше), внуке Соккароса. Соккарос, который, согласно Бероссу, был первым царем, воцарившимся в Вавилонии после потопа, был предупрежден с помощью гадания, что его дочь должна родить сына, который лишит его трона. Решив расстроить замыслы судьбы, он закрыл ее в башне, где за ней пристально наблюдали. Но со временем она родила сына, и ее слуги, зная, как разгневан будет король, узнав об этом событии, сбросили ребенка с башни. Но не успел он упасть на землю, как его подхватил орел

и унес в сад, где его нашел крестьянин и позаботился о нем. А когда он вырос до зрелого возраста, то стал царем вавилонян, предположительно узурпировав трон своего деда.

Перед нами миф, явно имеющий солярное значение, во всех отношениях соответствующий определенному типу солнечных легенд. Не может быть случайностью, что он оказался связанным с личностью Гильгамеша. Все в эпосе также согласуется с верой в то, что Гильгамеш - бог солнца: его связь с Шамашем (который, возможно, был его отцом в традиции, переданной Илианом, а также орлом, спасшим его от смерти), тот факт, что в поэме не упоминается его отец, хотя его мать упоминается неоднократно, и предположение, что он больше, чем человек, на протяжении всего эпоса.

Учитывая ключ к его мифическому характеру, нетрудно увидеть в его приключениях ежедневный (или ежегодный) ход солнца, восходящего в полную силу в полдень (или в середине лета) и опускающегося к западному горизонту, чтобы в свое время вернуться в обитель людей. Как и все солнечные божества, как и само солнце, его рождение и происхождение окутаны тайной. Он, действительно, один из "роковых детей", как Саргон, Персей, или Артур. Когда он впервые появляется в повествовании, он уже взрослый герой, правитель и (казалось бы) угнетатель Эреха. Его мать, Римат-белит, - жрица в храме Иштар, и через нее он происходит от Ут-Напиштира, уроженца Шурипака, героя вавилонской легенды о наводнении. В начале повествования он знакомится с диким человеком Эабани, изначально предназначенным богами для его уничтожения, но с которым в итоге завязывает крепкую дружбу. В дальнейшем они сражаются с чудовищем Хумбабой, которого побеждают, а также священного быка, посланного против них Ану. До конца VI таблички их завоевательная и триумфальная карьера не прерывается; Гильгамеш растет в силе, как солнце, приближающееся к зениту. Однако на VII скрижали его удача начинает идти на убыль. Эабани умирает, убитый, несомненно, гневом Иштар, чью любовь Гильгамеш с презрением отверг; и герой, оплакивая смерть друга и страшась, что и сам погибнет так же, решает отправиться на поиски своего предка Ут-Напиштира (который, как единственный выживший после потопа, получил от богов обожествление и бессмертие) и узнать от него секрет вечной жизни. Его дальнейшие приключения не носят того триумфального характера, как предыдущие подвиги. Он отправляется на гору Заката, встречается с людьми-скорпионами и пересекает Воды Смерти. Ут-Напиштим преподает ему урок, что все люди должны умереть (сам он - исключение в исключительных обстоятельствах), и хотя после этого он дает Гильгамешу возможность съесть растение жизни, эта возможность упущена. Однако Ут-Напиштим излечивает Гильгамеша от болезни, которой он заразился, очевидно, во время перехода через Воды Смерти, и он наконец возвращается в Эрех. В этих событиях мы видим постепенное опускание солнца в подземный мир через Гору Заката. Солнце не может обрести бессмертие, остаться навечно в стране живых; оно должно пройти через Воды Смерти и пребывать в подземном мире. Однако возвращение Гильгамеша в Эрех знаменует собой новый рассвет. Это вечная борьба дня и ночи, лета и зимы; тьма может победить свет, но свет снова выйдет победителем. Состязание бесконечно.

Некоторые авторитеты усматривают в разделении эпоса на двенадцать табличек связь с месяцами года или знаками зодиака. Такая связь, вероятно, существует, но если учесть, что искусственное деление эпоса на скрижали едва ли соответствует естественному делению поэмы, то кажется вероятным, что астрологическое значение первого было придано эпосу писцами Ниневии, которые, очевидно, приложили немало усилий, чтобы уместить его в двенадцать скрижалей. Об астротеологическом значении самого повествования (одним из важнейших его аспектов) мы, возможно, сможем судить, когда рассмотрим его в деталях.

Самым важным из различных мифологических пластов, лежащих в основе мифа о Гильгамеше, вероятно, является тот, что касается Эабани, который, как уже было сказано, представляет собой тип первобытного человека, живущего среди полевых зверей как один из них. Но он также, по мнению некоторых авторитетов, является формой бога солнца, как и сам Гильгамеш. Подобно герою Эреха, он поднимается к зениту своих сил в триумфальном движении, а затем спускается в подземный мир. Однако он не исчезает из виду, а живет в памяти своего друга Гильгамеша, и в XII табличке он на время появляется из подземного мира (то есть его призрак, или *утукку*), что в тусклом и теневом виде может символизировать ежедневное восстановление солнца.

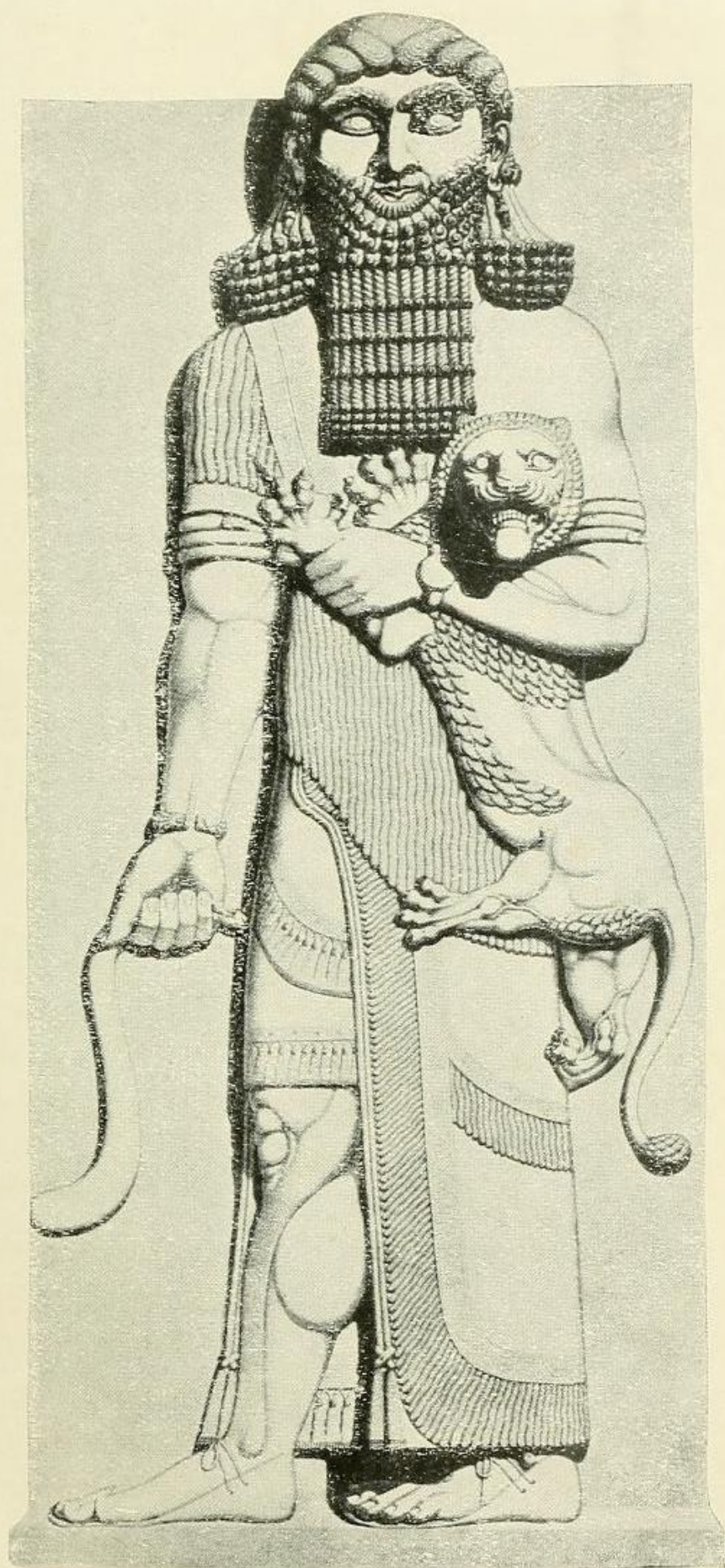
Другой важный пласт мифа - это миф об Ут-Напиштиме, вавилонском Ное; но в то время как мифы Эабани и Гильгамеша, хотя все еще различимые, стали полностью слиты, история о потопе, героем которой является Ут-Напиштим, была телесно вставлена в XI таблицу эпоса, будучи рассказанной Гильгамешу самим Ут-Напиштимом. Когда он впервые появляется в повествовании, он обладает атрибутами и силами бога, получив их за свою верность богам во время потопа, от вод которого он один из всего человечества спасся. Цель его повествования в эпосе о Гильгамеше, по-видимому, заключается в том, чтобы указать герою на то, что только самые исключительные обстоятельства, поистине уникальные обстоятельства, могут спасти человека от гибели.

Другими отдельными частями эпоса являются битва с чудовищем Хумбабой, эпизод любви Иштар к Гильгамешу, поединок со священным быком Ану и поиски растения жизни. Все они, независимо от их происхождения, естественным образом вошли в историю о Гильгамеше. Но помимо различных исторических и мифических элементов, представленных здесь, здесь также присутствует определенное количество вавилонской религиозной доктрины, которая в некоторой степени очевидна в XI табличке (которая указывает на мораль, что все люди должны умереть), но вдвойне в XII табличке, где тень Эабани появляется перед Гильгамешем, рассказывает о несчастьях непогребенных мертвецов или тех, о ком не позаботились после смерти, и прививает заботу об умерших как единственное средство, с помощью которого они могут избежать тяжких бед, грозящих им в подземном мире.

Рассмотрим подробнее эпос Гильгамеша в том виде, в каком он дошел до нас в разбитых фрагментах. Первая и вторая скрижали сильно изуродованы. Сохранилось несколько фрагментов, относящихся то к одной, то к другой из них, но нелегко сказать, где заканчивается I-я и начинается II-я. Один из фрагментов, по-видимому, содержит самое начало I скрижали - своего рода общее предисловие к эпосу, включающее перечень преимуществ, которые можно извлечь из его чтения. После него идет фрагмент, право которого на включение в эпос сомнительно. В нем описывается осада города Эрах, но нет упоминания о Гильгамеше. Ужасное состояние Эреха во время осады живописно описано так: "Овцы (топчут) своих детенышей, коровы (переворачивают) своих телят. Мужчины плачут, как звери, а девы скорбят, как голуби. Боги Эреха с крепкими стенами превратились в мух и жужжат на улицах. Духи крепостного Эреха превращаются в змей и скользят в норы. Три года враги осаждали Эрах, и двери были заперты, и засовы расстреляны, а Иштар не поднимала головы на врага". Если этот фрагмент действительно является частью эпоса о Гильгамеше, то у нас нет возможности выяснить, был ли Гильгамеш осаждающим, снимал ли он осаду и вообще принимал ли участие в этом деле.

Гильгамеш как тиран

Теперь мы подошли к настоящему началу поэмы, начертанному на фрагменте, который некоторые авторитеты относят к началу II таблички, но который, скорее всего, является частью I. В этой части мы видим Гильгамеша в двойной роли правителя и угнетателя Эреха - последнее, очевидно, не противоречит характеру героя. Здесь нет ни упоминаний об осаде, ни сведений о приходе Гильгамеша, хотя, как уже было сказано, он, вероятно, пришел как завоеватель. В пользу этого мнения говорит его невыносимая тирания по отношению к жителям Эреха. Он заставляет юношей служить ему на строительстве великой стены и уводит самых красивых девиц к своему двору; он "не оставил ни сына отцу, ни девы герою, ни жены мужу". В конце концов его суровость вынудила людей обратиться к богам, и они взмолились богине Аруру, чтобы та создала могучего героя, который будет защищать их дело и страхом перед которым Гильгамеш будет вынужден умерить свою суровость. Сами боги присоединили свои молитвы к молитвам угнетенного народа, и в конце концов Аруру согласилась создать защитника против Гильгамеша. "Услышав эти слова (так говорится в повествовании), Аруру мысленно зачала мужчину (по образу и подобию) Ану. Аруру омыла руки, отломила кусок глины и бросила его на землю. Так она создала Эабани, героя". Когда создание этого чемпиона было завершено, он стал похож на дикого горного человека. "Все тело его было (покрыто) волосами, он был одет в длинные волосы, как женщина. Волосы его были пышны, как у бога кукурузы. Он знал (не) землю и ее обитателей, он был одет в одежды, как бог поля. С газелями он ел травы, со зверями утолял жажду, с водными существами его сердце радовалось". На рисунках на цилиндрических печатях и в других местах Эабани изображен как своего рода сатир, с головой, руками и телом человека, а рогами, ушами и ногами зверя. Как мы уже видели, он представляет собой тип человека-зверя, своего рода Калибана, живущего вместе с полевыми зверями и совершенно не знающего, что такое цивилизация.

Ассирийский тип Гильгамеша, найденный в Хорсабаде, из книги *"Религиозные верования и практика в Вавилонии и Ассирии"* профессора Морриса Джастроу - с разрешения издательства "G.P. Putnam's Sons".

Обольщение Эабани

Далее в поэме появляется новый персонаж - охотник Цайду, который, по всей видимости, был создан богами, чтобы привести к встрече Гильгамеша и Эабани. Как он впервые встречается с Эабани, не совсем ясно из изуродованного текста. По одной версии, царь Эрех, узнав о замысле богов по его свержению, послал Цайду в горы на поиски Эабани с указанием во что бы то ни стало заманить его в ловушку и привести в Эрех. В другом прочтении эта встреча описывается как чистая случайность. Как бы то ни было, Цайду вернулся в Эрех и рассказал Гильгамешу историю своей встречи, поведав о силе и быстроте дикаря, а также о его необычайной застенчивости при виде человека. К этому времени становится очевидным, что Гильгамеш знает или догадывается о цели, для которой предназначен Эабани, и намеревается сорвать божественные планы, предвосхитив встречу между собой и диким человеком. Поэтому он велит Цайду вернуться в горы, взяв с собой Ухут, одну из священных женщин храма Иштар. По его замыслу, Ухут своими хитростями должна убедить Эабани вернуться с ней в Эрех. Так охотник и девушка отправились в путь. "Они пошли по прямой дороге и на третий день достигли обычного места питья Эабани. Тогда Цайду и женщина спрятались. Один день, два дня они таились у питейного заведения. Со зверями (Эабани) утолял жажду, с тварями вод радовалось его сердце. Тогда Эабани (подошел)..." Последующая сцена описана довольно подробно. Ухут не составило труда околдовать Эабани ловушками своей красоты. Шесть дней и семь ночей он ничего не помнил из-за своей любви к ней. Когда же он вспомнил о своих газелях, о своих стадах и пастухах, то обнаружил, что они уже не следуют за ним, как прежде. Тогда он сел у ног Ухут, пока она рассказывала ему об Эрехе и его царе. "Ты красив, о Эабани, ты подобен богу. Зачем ты ходишь по равнине со зверями? Пойдем, я отведу тебя в Эрех с крепкими стенами, в светлый дворец, жилище Ану и Иштар, во дворец Гильгамеша, совершенного в силе, который, подобно горному быку, властвует над людьми". Перспектива показалась Эабани восхитительной. Он жаждал дружбы Гильгамеша и заявил, что готов последовать за женщиной в город Эрех. И вот Ухут, Эабани и Цайду отправились в путь.

Гильгамеш встречается Эабани

Когда они достигли Эреха, шел праздник Иштар. Эабани задумал, что должен сразиться с Гильгамешем, прежде чем сможет назвать этого героя своим другом, но, получив предупреждение (во сне ли, или от Ухута, неясно), что Гильгамеш сильнее его и к тому же любимец богов, он благоразумно воздержался от боя. Тем временем Гильгамешу тоже приснился сон, который, по толкованию его матери Римат-белит, предвещал приход Эабани. Та часть поэмы, в которой рассказывается о встрече Гильгамеша и Эабани, к сожалению, не сохранилась, но из фрагментов, составляющих прерванное повествование, мы узнаем, что они встретились и стали друзьями.

Следующие по порядку фрагменты эпоса, по-видимому, относятся ко II табличке. В них Эабани оплакивает потерю своей прежней свободы и осыпает проклятиями храмовую деву, которая заманила его сюда. Однако в дело вмешивается бог солнца Шамаш (возможно, в другом сне или видении; Они играют важную роль в повествовании) и, показывая ему преимущества, которые он извлек из своего пребывания в местах цивилизации, пытается

различными обещаниями и уговорами заставить его остаться в Эрехе: "Теперь Гильгамеш, твой друг и брат, даст тебе большой диван для сна, даст тебе тщательно приготовленный диван, даст тебе место по левую руку от себя, и цари земли будут целовать твои ноги." Этим, видимо, Еабани удовлетворен. Он перестает оплакивать свое положение в Эрехе и спокойно принимает свою судьбу. В оставшихся фрагментах таблички мы видим его озабоченным очередным сном или видением, а перед завершением этой части эпоса герои планируют экспедицию против чудовища Хумбабы, хранителя обители богини Ирнины (разновидности Иштар) в Кедровом лесу.

В сильно изуродованной III табличке два героя отправляются посоветоваться с жрицей Римат-белит, матерью Гильгамеша, и через нее просят защиты у Шамаша в предстоящей экспедиции. Старая жрица советует сыну и его другу, как поступить, и после их ухода мы видим ее одну в храме, с воздетыми к богу солнца руками, призывающей благословение на Гильгамеша: "Зачем ты смутил сердце сына моего Гильгамеша? Ты возложил на него руку свою, и он уходит в дальний путь, к жилищу Хумбабы; вступает в бой, исхода которого не знает; идет по неизвестной ему дороге. Пока он не придет и пока не вернется, пока не достигнет Кедрового леса, пока не убьет страшного Хумбабу и не избавит землю от всего зла, которое ты ненавидишь, пока не наступит день его возвращения - пусть Айя, твоя суженая, твое великолепие, вернет его к тебе". Этим достойным и красивым обращением заканчивается скрижаль.

Чудовище Хумбаба

IV табличка посвящена описанию чудовища, с которым героям предстоит сразиться. Хумбаба, которого Бел назначил охранять кедр (*т. е.* один конкретный кедр, который кажется более высоким и святым, чем остальные), - это существо самого ужасающего вида, само присутствие которого в лесу делает тех, кто входит в него, слабыми и бессильными. Когда герои приближаются, Еабани жалуется, что у него слабые руки и нет сил, но Гильгамеш говорит ему ободряющие слова. Следует отметить, что слово Хумбаба имеет эламское происхождение, что позволило некоторым авторитетам отождествить чудовище с эламской династией, которая в древности господствовала в Эрехе и пришла в упадок около 2250 года до н. э. Трудно, если не невозможно, установить связь между мифической встречей и определенным историческим событием; но можно по крайней мере предположить, что присвоение чудовищу эламского имени доказывает наличие определенной вражды между Эламом и Вавилоном.

Следующие фрагменты вводят нас в V табличку. Герои, достигнув "зеленеющей горы", остановились, чтобы осмотреть Лес кедров. Когда они вошли в лес, смерть Хумбабы была предсказана одному из них, или обоим, во сне, и они поспешили на битву. К сожалению, текст самого поединка не сохранился, но из контекста мы узнаем, что героям удалось убить Хумбабу.

Любовь Иштар к Гильгамешу

В VI табличке, повествующей о любви Иштар к Гильгамешу и об убийстве священного быка, победа снова ждет героев, но здесь все же есть ключ к несчастьям, которые впоследствии постигнут их. По возвращении в Эрах после разрушения Хумбабы Гильгамеш был громко провозглашен. Сняв испачканную и окровавленную одежду, которую он носил во время битвы, он оделся, как подобает монарху и завоевателю. Иштар увидела царя в его царственном великолепии, цветы победы еще свежи на его челе, и ее сердце устремилось к нему в любви. В трогательных и соблазнительных выражениях она просила его стать ее женихом, обещая, что если он войдет в ее дом "во мраке кедра", то получит всевозможные

добрые дары - его стада и отары увеличатся, его кони и волы будут вне конкуренции, река Евфрат будет целовать его ноги, а цари и принцы будут приносить ему дань. Но Гильгамеш, зная кое-что о прошлом этой капризной богини, с презрением отверг ее ухаживания и стал поносить ее. Он насмеялся над ее отношением к бывшим возлюбленным - Таммузу, жениху ее юности, к которому она плакала из года в год; орлу Алалу; льву, совершенному в силе, и коню, славному в бою; пастуху Табулу и Исуллану, садовнику ее отца. Над всеми этими людьми она жестоко издевалась и обращалась, и Гильгамеш понял, что подобное обращение будет и с ним, если он примет предложенную богиней любовь. Божество сильно разгневалось на такой отпор и вознеслось на небо: "И пошла Иштар перед Ану (отцом своим), перед Ану она пошла и сказала: "О отец мой, Гильгамеш следит за мной; Гильгамеш сосчитал мои гирлянды, мои гирлянды и мои опоясания". В основе истории о любви Иштар к Гильгамешу, очевидно, лежит некий природный миф, возможно, миф о весеннем приливе; Гильгамеш, бог солнца или герой, перенявший его атрибуты, сватается к Иштар, богине плодородия, великой матери-богине, управляющей весенней растительностью. В пересказе ее прежних любовных походов мы находим упоминание мифа о Таммузе, в котором Иштар убила своего супруга Таммуза, и другие мифологические фрагменты. Возможно также, что в этой части повествования есть астрологический смысл.

Бык Ану

Продолжение истории: В гневе и унижении Иштар обратилась к своим отцу и матери, Ану и Анату, и попросила первого создать могучего быка и послать его против Гильгамеша. Ану сначала отказывался, заявляя, что если он сделает это, то на земле наступит семилетнее бесплодие; но в конце концов он согласился, и на битву с Гильгамешем был послан огромный бык Алу. Часть текста, в которой рассказывается о сражении, сильно изуродована, но, судя по всему, конфликт был жарким и продолжительным, и небесное животное в конце концов уступило удару меча Гильгамеша. Иштар смотрит на это в бессильном гневе. "Тогда Иштар взойшла на стену крепкостенного Эреха; взойдя на вершину, она произнесла проклятие, (говоря): "Проклят Гильгамеш, который вызвал мой гнев и убил небесного быка". Затем Эабани навлекает на себя гнев божества: "Когда Эабани услышал эти слова Иштар, он вырвал внутренности быка и бросил их перед ней, говоря: "Что касается тебя, то я завоюю тебя и поступлю с тобой так же, как поступила с ним"". Иштар была вне себя от ярости. Гильгамеш и его спутник посвятили большие рога быка богу солнца и, омыв руки в реке Евфрат, вновь вернулись в Эрах. Когда триумфальная процессия проходила через город, жители вышли из своих домов, чтобы воздать почести героям. Остальная часть таблички посвящена большому пиру, который устроил Гильгамеш в честь своей победы над быком Алу, и дальнейшим видениям Эабани.

VII и VIII таблички чрезвычайно фрагментарны, и большая часть сохранившегося текста допускает различные прочтения. Возможно, что к VII табличке относится описание подземного мира, данное Эабани во сне храмовой девой Ухут, которую он проклял в предыдущей табличке и которая после этого умерла. Описание совпадает с тем, что дается в другом древнем тексте - мифе о нисхождении Иштар в Аид, и, очевидно, воплощает народное поверье о подземном мире. "Спустишься со мной в дом тьмы, обитель Иркаллы, в дом, откуда не выходит входящий, на путь, с которого нет возврата, в дом, чьи обитатели лишены света, где пыль - их пища, а земля - их благо. Они одеты, как птицы, в одежду из перьев; они не видят света, они живут во тьме".

Смерть Иабани

Это зловещее видение, по-видимому, было предвестием смерти Иабани. Вскоре после этого он заболел и умер через двенадцать дней. Способ его смерти неясен. Одно из прочтений изуродованного текста представляет Эабани как раненого, возможно, в бою, и умершего от последствий ранения. В другом варианте он говорит своему другу Гильгамешу: "Я проклят, друг мой, я не умру, как тот, кто был убит в бою". Расхождения в тексте объясняются разрывами. Последнее прочтение, вероятно, является правильным; Эабани сильно обидел всемогущую Иштар, и проклятие, поразившее его до основания, вероятно, принадлежит ей. В современной фольклорной фразеологии он умер от дзю-дзюцу. Смерть героя завершает VIII табличку.

В IX табличке мы видим Гильгамеша, оплакивающего потерю своего друга.

Поиски Гильгамеша

В сердце Гильгамеша тоже поселился страх смерти, и он решил отправиться на поиски своего предка Ут-Напшима, который мог бы указать ему путь к спасению. Сразу же приведя свое решение в исполнение, Гильгамеш отправился в обитель Ут-Напшима. По пути ему пришлось пройти через горные ущелья, страшные из-за присутствия диких зверей. От их власти его избавил лунный бог Син, который позволил ему безопасно преодолеть горные перевалы.

В конце концов он подошел к горе, которая была выше остальных, и вход в которую охраняли люди-скорпионы. Это была Машу, гора Заката, которая находится на западном горизонте, между землей и подземным миром. "Тогда он подошел к горе Машу, ворота которой каждый день охраняют чудовища; спины их возвышаются до небесных валов, а передние части простираются под Аралу. Ворота Машу охраняют люди-скорпионы; они вселяют ужас в людей, и смотреть на них - смерть. Велико их великолепие, ибо оно переполняет горы; от восхода до заката они охраняют солнце. Гильгамеш увидел их, и лицо его потемнело от страха и ужаса, а дикость их облика лишила его чувств". Когда Гильгамеш подошел ко входу в гору, путь ему преградили эти люди-скорпионы, которые, уловив в нем отпечаток божественности, не окинули его взглядом, а спросили о цели его приближения к горе Машу. Когда Гильгамеш ответил на их расспросы, рассказав, как он хочет достичь обители своего предка Ут-Напшима и узнать там секрет вечной жизни и молодости, люди-скорпионы посоветовали ему повернуть назад. По их словам, перед ним лежала область густой тьмы; в течение двенадцати *касбу* (двадцати четырех часов) он должен был пройти сквозь густой мрак, прежде чем снова выйти на свет дня. Поэтому они отказались пропустить его. Но Гильгамеш умолял, "со слезами", говорится в повествовании, и в конце концов чудовища согласились пропустить его. Миновав врата Горы Заката (в силу своего характера солнечного божества), Гильгамеш в течение двенадцати *касбу* проследовал через область густой тьмы. К концу этого периода темнота становилась все менее выраженной; наконец наступил день, и Гильгамеш оказался в прекрасном саду или парке, усаженном деревьями, среди которых было дерево богов, так очаровательно изображенное в тексте: "Драгоценные камни оно приносило в качестве плодов, ветви свисали с него, прекрасные на вид. Верхушка дерева была из ляпис-лазури, и оно было усыпано плодами, которые ослепляли взор смотрящего". Приостановившись, чтобы полюбоваться красотой сцены, Гильгамеш направил свои шаги к берегу.

В X табличке описывается встреча героя с морской богиней Сабиту, которая при приближении того, "кто имел вид бога, в чьем теле была скорбь, и кто выглядел так, словно совершил долгое путешествие", удалилась в свой дворец и заперла дверь. Но Гильгамеш, зная, что ее помощь необходима, чтобы привести его к жилищу Ут-Напиштира, рассказал ей о своих поисках и в отчаянии пригрозил выломать дверь, если она не откроет ему. Наконец Сабиту согласилась выслушать его, пока он спрашивал дорогу к Ут-Напиштиру. Морская богиня, как и люди-скорпионы, поняла, что Гильгамеша не отвести от его поисков, и в конце концов велела ему отправиться к Адад-Эа, паромщику Ут-Напиштира, без помощи которого, по ее словам, было бы бесполезно продолжать его миссию. Адад-Эа, посоветовавшись с Гильгамешем, тоже посоветовал ему отказаться, но герой, продолжая свой план запугивания, стал разбивать лодку паромщика своим топором, и тогда Адад-Эа был вынужден уступить. Он отправил своего потенциального пассажира в лес за новым рулем, после чего оба отплыли.

Гильгамеш и Ут-Напиштим

Ут-Напиштим очень удивился, когда увидел, что Гильгамеш приближается к берегу. Герой тем временем тяжело заболел, так что не мог выйти из лодки, но свои вопросы о вечной жизни он адресовал стоявшему на берегу божественному Ут-Напиштиру. Герой потопа был крайне опечален и объяснил, что смерть - общий жребий человечества, "и человеку не дано знать, в какой час рука смерти обрушится на него - Аннунаки, великие боги, вершат судьбу, и с ними Мамметум, творец судьбы, и они определяют смерть и жизнь, но дни смерти не известны".

Повествование продолжается без перерыва до XI скрижали. Гильгамеш с достойным прощенья скептицизмом выслушивает банальности своего предка. "Я вижу тебя, Ут-Напиштим, твой облик не отличается от моего, ты похож на меня, ты не иной, чем я; ты похож на меня, твое сердце крепко для битвы... как ты вошел в собрание богов; как ты обрел жизнь?"

Миф о потопе

В ответ Ут-Напиштим вводит историю о вавилонском потопе, которая, рассказанная без перерыва, образует отдельное и законченное повествование и сама по себе является мифом исключительного интереса. Предположительно, предупреждение о потопе пришло к Ут-Напиштиру в видении. Голос бога сказал: "Ты, человек из Шуриппака, сын Убара-Туту, снеси дом твой, построй корабль, оставь имущество твое, береги жизнь твою! Брось свое имущество, спаси свою жизнь и принеси живое семя всякого рода на корабль". Сам корабль должен был быть тщательно спланирован и построен в соответствии с указаниями Эа. После слов бога Ут-Напиштим пообещал повиноваться божественному приказу. Но он все еще был в недоумении, как ему ответить людям, когда они спросят о причине его приготовлений. Поэтому Эа подсказал ему, как он должен ответить: "Бел изгнал меня, ибо он ненавидит меня". Цель этого ответа кажется ясной, хотя оставшиеся несколько строк довольно обрывисты. Эа намеревается, чтобы Ут-Напиштим рассеял подозрения людей, заявив, что цель его строительства корабля и последующего отплытия - избежать гнева Бэла, который он должен изобразить как обрушившийся на него одного. Он должен пророчествовать о приходе дождя, но представлять его не как разрушительный потоп, а как знак процветания, которое Бел дарует народу Шуриппака, возможно, благодаря его (Ут-Напиштира) уходу оттуда.

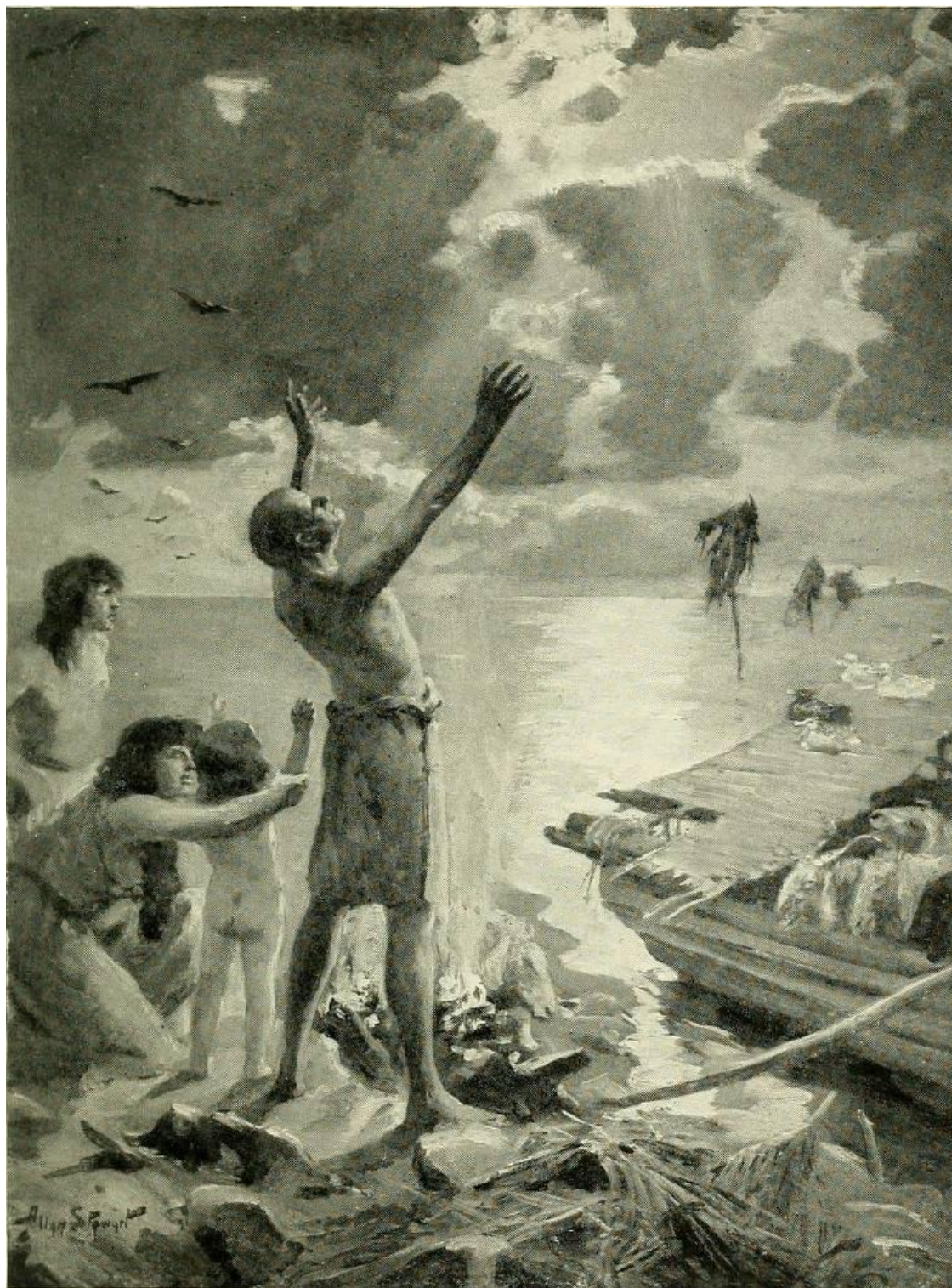
Вавилонский ковчег

Ут-Напиштим нанял много людей для строительства корабля. В течение четырех дней он собирал материал и строил корабль; на пятый - спускал его на воду; на шестой - грузил; на седьмой день он был закончен. На корпусе шириной 120 локтей была построена большая палуба высотой 120 локтей, разделенная на шесть этажей, каждый из которых был разделен в свою очередь на девять комнат. Снаружи корабль был пропитан битумом, а внутри - смолой. В честь завершения строительства корабля Ут-Напиштим устроил большой пир, подобный тому, который принято было устраивать в Новый год; были зарезаны волю, приготовлено огромное количество вина и масла. По приказу Эа Ут-Напиштим перенес в корабль все свое имущество, серебро и золото,^[3] живое семя всякого рода, всю свою семью и домочадцев, скот и полевых зверей, ремесленников, все, что принадлежало ему.

Сильный дождь на закате стал для Ут-Напиштима знаком войти в корабль и запереть дверь. Всю ночь шел дождь, а с рассветом "поднялась с горизонта черная туча. Рамман посреди них гремел, а Набу и Мардук шли впереди, они прошли, как гонцы, через горы и равнины. Урагал разогнал якорный канат. Туда отправился Ниниб, и он заставил бурю разразиться. Аннунаки несли пылающие факелы и ярким светом их освещали землю. Вихрь Раммана поднялся в небеса, и весь свет превратился во тьму". В течение целого дня на земле царили тьма и хаос. Люди больше не могли видеть друг друга. Сами боги на небесах были напуганы и сбились в кучу, "как гончие псы", плача и оплакивая свою долю в гибели человечества. Шесть дней и ночей бушевала буря, но на седьмой день дождь прекратился и потопа пошла на убыль. Тогда, говорит Ут-Напиштим, "я взглянул на море и громко заплакал, ибо все человечество снова превратилось в глину. Вместо полей передо мной лежало болото. Я открыл окно, и свет упал мне на щеку, я склонился, я сел, я заплакал; по щеке моей текли слезы. Я взглянул на мир, и вот все - море".

Птицы-посланники

В конце концов корабль остановился на вершине горы Ницир. Существует несколько вариантов прочтения этой части текста, например: "Через двенадцать (дней) показалась земля"; или "На расстоянии двенадцати (касбу) показалась земля"; или "В двенадцати (локтях) над водой показалась земля". Как бы то ни было, корабль оставался на горе шесть дней, а на седьмой Ут-Напиштим выпустил голубя. Но голубка не нашла места для отдыха и вернулась обратно. Тогда он послал ласточку, которая тоже вернулась, не найдя места для отдыха. Наконец был послан ворон, и так как к этому времени воды начали стихать, птица приблизилась к кораблю, "пробираясь и крича", но не вошла в судно. Тогда Ут-Напиштим вывел своих домочадцев и все свое имущество на открытый воздух и принес в жертву богам тростник, кедровое дерево и благовония. Благоухающий запах благовоний дошел до богов, и они, "как мухи", говорится в повествовании, собрались вокруг жертвоприношения. Среди них была Иштар, владычица богов, которая подняла ожерелье, подаренное ей Ану, и сказала: "Что это за боги! Драгоценные камни из лазурита, что на моей шее, я не забуду! Эти дни я запечатлела в своей памяти, и никогда не забуду их! Пусть боги придут на жертвоприношение, но Бел не придет на жертвоприношение, так как он отказался просить совета и послал потоп, и отдал мой народ на погибель".

Ут-Напиштим приносит жертву богам - Алан Стюарт
С разрешения издательства "Хатчинсон и Ко".

Бог Бел очень разгневался, узнав, что смертный человек пережил потоп, и поклялся, что Ут-Напиштим должен погибнуть. Но Эа защищал свой поступок, спасая любимца от гибели, указывая на то, что Бел отказался от совета, когда планировал вселенскую катастрофу, и посоветовал ему в будущем навлекать грех на грешника, а не наказывать весь род человеческий. Наконец Бел был успокоен. Он подошел к кораблю (в который, судя по всему, во время ссоры удалились остатки рода человеческого) и вывел Ут-Напиштима и его жену на

открытое место, где одарил их своим благословением. "Тогда они взяли меня, - говорит Ут-Напиштим, - и вдали, у устья рек, поселили меня".

Такова история потопа, которую Ут-Напиштим рассказал Гильгамешу. Причина уничтожения человеческой расы не называется, кроме вражды, которая, по-видимому, существовала между людьми и богами, в частности богом-воином Бэлом. Но из последней части повествования следует, что в собрании богов большинство рассматривало только уничтожение города Шуриппак, а не всего рода человеческого. Было высказано предположение, что история в том виде, в котором она приводится здесь, состоит из двух отдельных мифов, один из которых относится к вселенской катастрофе, возможно, мифологическому типу периодического наводнения, а другой имеет дело с локальным бедствием, которое могло произойти в результате феноменального разлива Евфрата.

Древность легенды и ее оригинальный характер ясно видны из сравнения с другой версией мифа, начертанной на табличке, найденной в Абу-Хаббе (древнее местоположение Сиппара) и датированной двадцатым первым веком до нашей эры. Несмотря на несовершенную сохранность этого текста, в нем можно уловить много сходства с вариантом Гильгамеша. Бероссус также приводит в своей истории версию мифа о потопе, заменяя Хроноса на Эа, царя Ксисутроса на Ут-Напиштима, а город Сиппар на город Шуриппак. В этой версии бессмертие даровано не только герою и его жене, но и его дочери и пилоту. Один из авторов гениально отождествляет последних с Сабиту и Адад-Эа соответственно.

Вернемся к эпосу: Рассказ об Ут-Напиштиме выполнил свою главную задачу в повествовании, доказав Гильгамешу, что его случай не похож на случай его обожествленного предка. Тем временем герой оставался в лодке, слишком больной, чтобы сойти на берег; теперь Ут-Напиштим сжалился над ним и пообещал вернуть ему здоровье, прежде всего приказав спать в течение шести дней и семи ночей. Гильгамеш послушался совета своего предка, и вот уже "сон, как буря, дышит на него". Жена Ут-Напиштима, увидев спящего героя, тоже прониклась состраданием и попросила мужа отправить путника домой в целостности и сохранности. Тот, в свою очередь, велел жене приготовить волшебное снадобье, состоящее из семи ингредиентов, и дать его Гильгамешу, пока тот спит. Так и было сделано, и на героя наложили чары. Проснувшись (на седьмой день), он вновь обратился к хозяину с настоятельной просьбой открыть ему секрет вечной жизни. Хозяин отправил его к источнику воды, где он мог омыть свои язвы и исцелиться, и, убедившись в действенности волшебных вод, Гильгамеш снова вернулся в жилище своих предков, несомненно, чтобы продолжить поиски жизни. Несмотря на то что Ут-Напиштим уже объявил, что Гильгамешу невозможно обрести бессмертие, он направил его (видимо, по просьбе жены) к месту, где он найдет растение жизни, и поручил Адад-Эа провести его туда. Волшебное растение, дарующее бессмертие и вечную молодость тому, кто его съест, оказалось сорняком, ползучим растением с колючками, которые кололи руки собирателя; и, что весьма любопытно, Гильгамеш, похоже, искал его на дне моря. В конце концов растение было найдено, и герой заявил о своем намерении взять его с собой в Эрех. И вот он отправился в обратный путь, сопровождаемый верным паромщиком не только на первом, водном, этапе своего путешествия, но и по суше до самого Эреха. Пройдя двадцать *касбу*, они оставили подношение (предположительно для умершего), а пройдя тридцать *касбу*, повторили погребальный напев. Повествование продолжается: "Гильгамеш увидел колодец с пресной водой, спустился к нему и совершил возлияние. Змея почуяла запах растения, приблизилась... и унесла растение. Гильгамеш сел и заплакал, слезы текли по его щекам". Он горько оплакивал потерю драгоценного растения, которое, казалось, было предсказано ему, когда он совершал жертвоприношение в конце двадцати *касбу*. Наконец они достигли

Эреха, и Гильгамеш послал Адад-Эа узнать о строительстве городских стен, что, возможно, имеет какое-то мифологическое значение.

XII табличка открывается сетованием Гильгамеша на своего друга Эабани, о потере которого он не переставал сожалеть. "Ты не можешь больше натягивать лук свой на земле; и те, кто был убит из лука, вокруг тебя. Ты не можешь больше носить скипетр в руке своей, и духи мертвых взяли тебя в плен. Ты не можешь больше носить обувь на ногах твоих; ты не можешь больше поднимать воинский клич твой на земле. Не целуй больше жены твоей, которую ты любил; не бей больше жены твоей, которую ты ненавидел. Не целуй больше дочь свою, которую ты любил; не бей больше дочь свою, которую ты ненавидел. Печаль подземного мира овладела тобой".^[4] Гильгамеш ходил от храма к храму, принося жертвы и прося богов вернуть ему Эабани; он ходил к Нинсуму, к Бэлу и к Сину, богу луны, но они не слушали его. Тогда он обратился к Эа, который сжалился над ним и уговорил Нергала принести тень Эабани из подземного мира. В земле открылось отверстие, и дух мертвеца вышел из него, как дуновение ветра. Гильгамеш обратился к Эабани следующим образом: "Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой; закон земли, который ты видел, скажи мне". Эабани ответил ему: "Не могу сказать тебе, друг мой, не могу сказать тебе". Но затем, велел Гильгамешу "сесть и плакать", он стал рассказывать ему об условиях, царящих в подземном мире, противопоставляя участь воина, похороненного должным образом, и человека, чей труп брошен в поле без присмотра. "На кушетке лежит и пьет чистую воду человек, убитый в бою - мы с тобой не раз видели таких: отец и мать (поддерживают) его голову, а жена (преклоняет колени) на его сторону. Но человек, чей труп брошен на поле, - ты и я не раз видели таких, - дух его не покоится в земле. Человек, чей дух не имеет никого, кто бы позаботился о нем, - ты и я не раз видели такого человека, - его пищей являются остатки сосуда, остатки пиршества и то, что выбрасывается на улицу". На этой торжественной ноте эпос завершается.

Доктрина о необходимости служения мертвым изложена здесь совершенно недвусмысленно. Если их тела не будут достойно погребены, а на могилах не будут сделаны подношения еды и питья, их жизнь в потустороннем мире будет крайне жалкой. Также учитывается и то, как они встретили свой конец, а воинам, павшим на поле боя, повезло больше всех. Эабани, очевидно, один из "счастливых" духов; его призрак назван *утукку* - имя, применяемое не только к удачливым умершим, но и к классу благодетельных сверхъестественных существ. Термин *edimtu*, с другой стороны, обозначает разновидность злобных существ, а также блудливых и даже вампирических духов несчастных мертвецов. Таким образом, надлежащее соблюдение похоронных и памятных обрядов - это вопрос, который затрагивает интересы не только умершего, но и его родственников и друзей.

Из вышесказанного мы видим, что эпос о Гильгамеше отчасти исторический, отчасти мифологический. Вокруг фигуры великого национального героя с течением поколений росли и сплетались мифы, которые со временем сплелись в связное повествование, излагающее миф, соответствующий суточному или годовому ходу солнца. Внутри него можно различить другие мифы и фрагменты мифов - солнечных, сезонных и дильuviанских.

Но в эпосе есть еще один важный элемент, о котором уже говорилось, - астротеологический. Зодиакальное значение деления эпоса на двенадцать табличек можно отбросить, поскольку, как уже было сказано, оно, скорее всего, является лишь поверхностным, добавленным к поэме писцами Ассур-бани-пала, а не составляющим ее неотъемлемую часть. В то же время не трудно разделить эпос естественным образом на двенадцать эпизодов, таким образом: (1) Притеснение Гильгамешем Эреха; (2) соблазнение Эабани; (3)

убийство чудовища Хумбабы; (4) ухаживание за Иштар; (5) бой со священным быком; (6) смерть Эабани; (7) путешествие Гильгамеша к Горе Заката; (8) его странствия в области густой тьмы; (9) переход через воды смерти; (10) история потопа; (11) растение жизни; (12) возвращение духа Эабани. На протяжении всего эпоса прослеживается соответствие между подвигами героя и движениями небесных тел. Возможно, например, что Гильгамеш и его друг Эабани имели какое-то отношение к знаку Близнецов, также связанному в древнехалдейской мифологии с двумя формами солнечного божества, как и сам герой и его друг. Знак Льва напоминает об умерщвлении Хумбабы, аллегорической победе света над тьмой, представленной на памятниках фигурой льва (символ огня), сражающегося с быком. После знака Льва ухаживание за героем богини Иштар естественным образом попадает в знак Девы, девы. Знак Тельца представлен убийством Гильгамешем небесного быка Алу. Путешествие героя в Машу и встреча с людьми-скорпионами у ворот заката - это, конечно, мифологические представления знака Скорпиона, как и его странствия в области густой тьмы. В этом отношении примечательно, что вавилонская астрология часто удваивала восьмой знак (Скорпион), чтобы обеспечить седьмой; поэтому нет ничего удивительного в том, что этот знак должен соответствовать двум различным эпизодам в поэме. Первый из этих эпизодов связан со Скорпионом в силу введения людей-скорпионов, а второй, по предположению, со скорпионом, символизирующим тьму. Возможно, морская богиня Сабиту астрологически ассоциируется с рыбохвостым козлом, который является условным изображением Козерога. Тогда помещение истории о потопе в XI табличку, соответствующую одиннадцатому знаку зодиака, Водолею, носителю воды, очевидно, соответствует астрологическому аспекту эпоса. Халдейская мифология связывала дождливый одиннадцатый месяц с потопом, так же как первый месяц весны ассоциировался в мифологии с сотворением мира. Исцеление Ут-Напиштимом болезни Гильгамеша, возможно, символизирует возрождение солнца после зимнего солнцестояния. Наконец, знак Рыб, двенадцатый знак зодиака, соответствующий возвращению Эабани из подземного мира, а также, возможно, возвращению Гильгамеша в Эрех, символизирует жизнь после смерти и восстановление обычных условий после потопа. Было высказано предположение, хотя и не имеющее под собой никаких определенных оснований, что эпос был впервые сложен до того, как зодиак был разделен на двенадцать, то есть более чем за две тысячи лет до христианской эры. Однако его древность опирается не только на эти основания. В более поздние времена вавилонская астрологическая система стала очень сложной и важной, и так придала свой колорит эпосу, что, каким бы ни был первоначальный замысел этого произведения, астральное значение стало в конце концов его самым популярным аспектом.

[1] То есть у нас нет определенных исторических сведений о нем, но из внутренних свидетельств его саги мы можем сделать вывод, что он обладает определенной долей историчности.

[2] Г-н Т. Пинчес обнаружил в одной из лексикографических табличек, что Гисдубар=Гильгамеш.

[3] Несоответствие в деталях вызвано составным характером сказания, которое взято из двух разных табличек.

[4] Эти замечания Эабани, возможно, не следует воспринимать буквально. Они представляют собой совершенно формальную манеру, в которой обращались к любому умершему вавилонянину.

ГЛАВА V: ПОЗДНИЙ ПАНТЕОН ВАВИЛОНИИ

Царствование Хаммурапи - удобный момент для наблюдения за общими изменениями и более поздними введениями в пантеон вавилонских богов. Политические изменения в царстве отразились на божественном круге. Некоторые боги были отодвинуты в холодную тень неизвестности, в то время как новые божества были приняты, а другие, которые до сих пор считались незначительными величинами, были вознесены до высот небесного всемогущества. Поклонение Меродаху впервые стало заметным во времена Хаммурапи. Но его культ настолько выдающийся и важный, что мы сочли нужным рассмотреть его в отдельной, более поздней главе. Пока же мы рассмотрим природу некоторых богов, которые стали важны в эпоху великого законодателя или около нее, и отметим изменения, произошедшие с другими.

Небо

Популярность Небо была вызвана его связью с Меродахом. Его главным местом поклонения была Борсиппа, расположенная напротив Вавилона, и когда этот город стал резиденцией императорской власти, близость Борсиппы очень помогла культу Небо. Связь между божествами двух городов стала настолько тесной, что в конце концов Небо стал считаться сыном Меродаха, что часто подразумевает, что так называемый потомок старшего бога является серьезным соперником или что его культ почти связан с культом старшего. Небо приобрел репутацию бога мудрости, и, вероятно, именно это позволило ему стоять отдельно от Меродаха, не вливаясь в культ великого вавилонского божества. Ему, как и Эа, приписывали изобретение письменности, удел всех "мудрых" богов, и он возглавлял тот отдел знаний, который толковал движения небесных тел. Жрецы Небо были известны как астрологи, а у книжного царя Ассур-бани-пала Небо и его супруга Ташмит были особенно любимы как покровители письменности. К тому времени, когда поклонение Меродаху стало признанным в Вавилоне, культ Небо в Борсиппе укоренился настолько прочно, что даже соседство с величайшим богом страны не смогло его поколебать.

Даже после персидского завоевания храм-школа в Борсиппе продолжал процветать. Но хотя Небо таким образом "пережил" многих великих богов, теперь почти невозможно проследить его первоначальное значение как божества. Независимо от того, солнечная или водная у него природа - а последнее представляется более вероятным, - в период правления Меродаха он считался писцом богов, подобно Тоту, который был амануэсом египетского потустороннего мира, то есть писал под диктовку высших божеств. Когда боги собирались в Палате судеб в храме Меродаха в Вавилоне, он записывал их речи и совещания и вносил их в протокол. У него самого было святилище в этом храме Э-Сагила, или "возвышенный дом", который был известен как Э-Зила, или "крепкий дом". Однажды во время новогоднего праздника Небо был перенесен из Борсиппы в Вавилон в храм своего отца, а затем Меродах сопровождал его часть пути обратно в его собственное святилище в меньшем городе. Странно видеть, как тесно переплетались культы двух богов. Цари Вавилонии постоянно призывают их вместе, их имена и имена их храмов встречаются в непосредственной близости на каждом шагу, а символы лука и стилуса или пера, характерные соответственно для отца и сына, обычно встречаются в одной и той же надписи. Даже дракон Меродаха, символ его победы над темными силами хаоса, приписывается Небо!

Небо как бог зерна

Но, похоже, в характере Небо была и сельскохозяйственная сторона. Во многих текстах он восхваляется как бог, "открывающий подземные источники для орошения полей", а за отказом от его благосклонности следуют голод и бедствия. Это говорит в пользу идеи о его водной природе. Его имя, "провозглашающий", не слишком помогает нам определить его мифологическое значение, если только оно не было присвоено ему в роли вестника богов.

Ташмит

Супругой Небо была Ташмит. Считается, что Хаммурапи, безуспешно пытавшийся подавить культ Небо, преуспел в этом с его супругой. Она, по-видимому, была тождественна богине Эалур, которая слилась с Зарпанитум, женой Меродаха. Это имя может означать, по мнению одних, "слушательница", по мнению других - "откровение", а с учетом характера ее мудрого

мужа, возможно, было одним из первоначальных обозначений самого Меродаха. Таким образом, Ташмит не обладала особой индивидуальностью. Тем не менее, она обладала значительной популярностью. На печати, датированной 3500-4500 гг. до н. э., изображены две фигуры, мужская и женская, предположительно представляющие Небо и Ташмит. У первого широко раскрытый рот, у второй - уши необычайного размера. Оба держат диких животных за рога, и считается, что это изображение типично для силы или власти речи и молчания.

Шамаш и Хаммурапи

Мы видим, что Хаммурапи был очень предан Шамашу, раннему типу бога солнца. Его улучшения и реставрации в Сиппаре и Ларсе были очень масштабными. Позднейшие вавилонские монархи следовали его примеру, а один из них, Мили-Шиху (ок. 1450 г. до н. э.), даже поместил Шамаша перед Меродахом в пантеоне! Ранняя связь между Меродахом и Шамашем, вероятно, была во многом связана с большой популярностью последнего. То, что это было именно так, по крайней мере, в отношении Хаммурапи, очевидно из некоторых его надписей, в которых он в одном и том же предложении упоминает Меродаха и Шамаша и их близкие отношения. Хаммурапи, по-видимому, также был очень привязан к культу богини Иннаны или Нинни ("госпожа" или "великая госпожа"), которая, очевидно, была супругой какого-то мужского божества. Он благоустроил ее храм в Халлаби и говорит о ней, как о передавшей бразды правления в его руки. В Лагаше была еще одна богиня с тем же именем, которой Гудеа поклонялся как "владычице мира", но она, похоже, не была той же самой, что Иннана из Халлаби, близ Сиппара, поскольку она была богиней плодородия и порождения, типа "богини-матери", и нет никаких оснований утверждать, что богиня Халлаби может быть приравнена к ней.

Хадад

ХАДАД ИЛИ РИММОН из книги *"Религиозные верования и обычаи в Вавилонии и Ассирии"*, автор профессор Джастроу. (G. P. Putnam's Sons.)

Рамман или Риммон, отождествляемый с Хададом или Ададом, является божеством более позднего типа и введения. На самом деле Рамман может быть просто вариантом или вспомогательным именем, означающим "громовержец" - довольно распространенное название для нескольких типов божеств. Поклонение Хададу было широко распространено в Сирии и Палестине, он был богом бури или дождя, чьим символом была молния, которую он держал в своей руке, как огненный меч. Но на его одежде изображены солнечные эмблемы, и, похоже, он носит солнечную корону. Однако, судя по всему, у него не было центра поклонения в Вавилонии, и, вероятно, он был богом аморитов, а став популярным среди вавилонян, позднее был принят в их пантеон. В Асхуре в Ассирии ему поклонялись вместе с Ану, с которым у него был общий храм. Это здание, раскопанное в 1908 году, содержит два святилища с одним входом, а дата его основания относится к 2400 году до нашей эры. Можно не сомневаться, что партнерство Хадада с Ану было поздним. Возможно, именно на ассирийскую, а не на вавилонскую землю Хадад впервые попал из чужого мира.

По многим своим характеристикам Хадад очень напоминал Эн-лиля. Как и он, он был назван "великой горой" и, похоже, задумывался почти как аналог старшего бога. Характерно, что если в Ассирии и Вавилонии Хадад имел многие характеристики бога солнца, то на своей старой родине в Сирии он обладал характеристиками бога грозы, который обитал среди гор северной Палестины и Сирии, говорил громом и владел молнией. Но даже в Ассирии бурные черты Хадада не были полностью скрыты. Культ Хадада в Вавилонии, вероятно, не намного старше времен Хаммурапи, при котором впервые упоминается о нем в надписях. Его поклонение укрепилось во времена династии Касситов, так как мы видим, что многие из их монархов включали его имя в свои имена и вообще отводили ему видное место.

Хадад, Дада, Давид и Дидо

В любопытном и интересном отрывке из своих "*Хиббертских лекций*"^[1] профессор Сайс указывает на сходство между именем Хадад, Дада, сокращенной формой имени Абд-Хадада, правившего в Иераполисе в четвертом веке, царицы Дидо из Карфагена, и именем библейского Давида. Говоря о Хададе, он говорит: "Он был, как я уже говорил, верховным Ваалом или богом Солнца; его поклонение распространялось на юг от Кархемиша до Эдома и Палестины. В Дамаске ему поклонялись под ассирийским именем Риммон, а Захария (xii 11) упоминает о культе соединения Хадад-Риммон в непосредственной близости от великой ханаанской крепости Мегиддо. На монетах упоминается имя Абд-Хадада, "слуги Хадада", правившего в IV веке в Иераполисе, более позднем преемнике Кархемиша, а под сокращенной формой Дада Шалманесер говорит о "боге Даде из Алеппо" (Халман). Сокращенная форма была распространена среди северных народов; на юге ее смешивали с семитским словом, которое в ассирийском языке звучит как *dadu*, "дорогой ребенок". Это - слово, которое мы имеем в Бе-Даде или Бен-Даде, "сыне отца", отце эдомитянина Хадада; мы также имеем его в Давиде Ветхого Завета. Давид, или Дод, как следует читать это слово, которое иногда пишется Dodo с вокалическим суффиксом именительного падежа, - это мужской род, соответствующий финикийской богине, чье имя означает "возлюбленная", и которую римские писатели называли Дидо. На самом деле Дидо была супругой бога Солнца, задуманного как Таммуз, "любимый сын", и была главенствующим божеством Карфагена, которого легенда отождествляет с Элиссой, основательницей города. В статье, на которую я ссылался выше, я выразил убеждение, что имена Додо и Давида указывают на поклонение богу Солнца под именем "возлюбленный" в южном Ханаане, а также в Финикии. В то время я не представлял, как скоро моя вера подтвердится. В течение последнего года немецкий профессор Социн и Шменд подвергли тщательному изучению выдавливание из моавитского камня, хранящегося сейчас в Лувре, в результате чего были исправлены некоторые из принятых трактовок и заполнены некоторые лакуны. Одно из важнейших открытий, сделанных таким образом, заключается в том, что израильтяне Северного царства поклонялись Додо или Доду рядом с Яхве, или, скорее, они почитали верховного бога как под именем Додо, так и под именем Яхве. Моавитский царь Меша, описывая победы, которые его бог Хемош позволил ему одержать над израильскими врагами, рассказывает, что он унес из Атарата "*арелу* (или жертвенник) Додо и протащил его перед Хемошем", а из Нево - "*арелу* (или жертвенник) Яхве", который он также "протащил перед Хемошем". Здесь *арелы* или "алтари" Додо помещены в параллель с *арелами* Яхве; поэтому совершенно ясно, что Додо, как и Яхве, был именем, под которым божество поклонялось жителям земли. Я предположил, что Дод или Додо был старым титулом верховного бога в иевусейском Иерусалиме, и поэтому Исая (ст. 1), описывая Иерусалим как башню виноградника, который Господь насадил в Израиле, называет его Dôd-i, "возлюбленный мой". Мы легко можем понять, как подобное имя с таким значением должно было быть перенесено народной любовью с Божества на царя, о котором сказано, что "весь Израиль и Иуда любили его" (I Sam. xviii 16)".

Эа в более поздние времена

Эа развивался с веками, и примерно в эпоху Хаммурапи, по-видимому, достиг высокого уровня божества, вероятно, из-за значительного количества теологической лепки, которую он получил. В поздний вавилонский период мы видим, что он описывается как главный герой человечества, отец Меродаха и, наряду с Ану и Бэлом, член великой триады. Вавилонские жрецы были единственными мифографами в те времена. Это резко отличается от мифографов Греции, которые почти всегда были философами и никогда жрецами. Но они были мифографами лишь во второстепенном смысле, поскольку просто переставляли, редактировали или иным образом изменяли уже существующие сказания о богах, обычно с целью возвеличивания определенного божества или для того, чтобы его история сочеталась с историями других богов. Только после того, как религия или мифологическая система получила более или менее широкое распространение, отношения богов друг к другу становятся фиксированными.

Назначение Меродаха на верховную должность в вавилонском пантеоне, естественно, потребовало перестройки отношений других божеств с ним. Это означало перестройку мифов и традиций в целом для обеспечения последовательности. Люди, способные выполнить такую задачу, были под рукой, ведь эпоха Хаммурапи была плодородна на писателей, ученых и юристов, которые были бы хорошо подготовлены для осуществления изменений такого рода. В прошлом Эа не занимал особо возвышенного положения. Но как главный бог важной страны по соседству с Персидским заливом, древнейшей родины вавилонской культуры, Эа, вероятно, оказал бы большое влияние на антикварное и историческое чувство такого человека, как Хаммурапи. Как бог мудрости он должен был понравиться монарху, вся карьера которого была отмечена любовью к справедливости, пронизательностью и пронизательностью. Из местного бога Эриду Эа стал универсальным божеством мудрости и благодеяния, надежным щитом человека и его благодетелем, дарующим урожай и воду. Цивилизованные и более мягкие чувства, должно быть, начали группироваться вокруг культа этого доброго бога, который, когда разгневанные божества решили уничтожить человечество, заступился за бедное человечество и сумел уберечь его от божественного гнева. Как бог медицины, Эа также гуманен и защищает людей, а все искусства находятся под его покровительством. Он является богом культуры Вавилона *в высшей степени*. Он не мог превзойти Меродаха, поэтому стал его отцом. Так языческой теологии удалось объединить культы божеств, которые в противном случае могли бы стать серьезными соперниками и взаимно разрушительными.

Зу

Зу - бог бури, символизируемый в виде птицы. Он мог олицетворять надвигающуюся грозовую тучу, которая, как казалось древним, должна была парить, подобно огромной птице, над землей, на которую она должна была обрушиться. У североамериканских индейцев подобная мифологическая концепция представлена в образе Громовой птицы, и вполне вероятно, что огромная птица под названием грос, так хорошо известная читателям *"Арабских ночей"*, была похожим чудовищем - возможно, потомком Зу-птицы. Мы помним, как это огромное существо спустилось на корабль, на котором плыл Синдбад, и унесло его. Несомненно, мы можем проследить связь грача или руха с персидским симург, который опять же относится к более древней персидской форме, амру или синамру, птице бессмертия, и мы можем быть уверены, что то, что мы находим в древних персидских преданиях, имеет какое-то основание в вавилонских верованиях. Птица Зу, очевидно, находилась под контролем солнца, и его попытка вырваться из-под солнечной власти описана в следующей легенде.

Легенда о Зу

О боге Зу рассказывают, что однажды честолюбие, проснувшееся в его груди, заставило его бросить завистливый взгляд на власть и суверенитет Бэла, и он решил похитить Скрижали Судьбы, которые были материальными символами величия Бэла.

К тому времени, напомним, Скрижали Судьбы уже имели интересную историю. В легенде о сотворении мира рассказывается, как первозданный Апсу и хаос Тиават, первые родители богов, впоследствии прониклись ненавистью к своему потомству, и как Тиават со своим чудовищным выводком змей и гадюк, драконов и скорпионолюдей, а также яростных гончих, устроила войну с небесным воинством. Сына своего Кингу она поставила военачальником своей страшной армии.

Чтобы он шел впереди войска и вел его за собой,
Подавать боевой сигнал, идти в атаку,
Руководить битвой, управлять боем.

Ему она вручила Скрижали Судьбы, положив их ему на грудь со словами: "Повеление твое не останется без пользы, и слово уст твоих утвердится". Благодаря владению божественными скрижалями Кингу обрел силу Ану и смог вершить судьбы богов. После того как несколько божеств отказались от чести стать защитником неба, был избран Меродах. Ему удалось убить Тиават и уничтожить ее злобное воинство; победив Кингу, ее вождя, он забрал у него Скрижали Судьбы, которые запечатал и положил себе на грудь. Именно этот Меродах, или Мардук, впоследствии стал отождествляться с Бэлом.

Теперь Зу, жаждущий власти и господства, жаждал заполучить эти могущественные символы. Он увидел честь и величие Бэла и от созерцания их обратил свой взор на Скрижали Судьбы, сказав про себя:

"Вот, я овладею скрижалями богов, и все вещи будут подчинены мне. Духи небес склонятся передо мной, оракулы богов будут в моих руках. Я надену корону, символ власти, и мантию, символ божества, и тогда я буду править всем воинством небесным".

Воодушевившись, он направился к входу в зал Бэла, где ожидал рассвета. Текст продолжается:

Когда Бел выливал чистую воду (т. е. свет дня?)
и диадема его была снята и лежала на троне,
(Зу) захватил Скрижали Судьбы,
Он завладел властью Бэла, властью отдавать приказы.
Тогда Зу убежал и спрятался в своей горе.

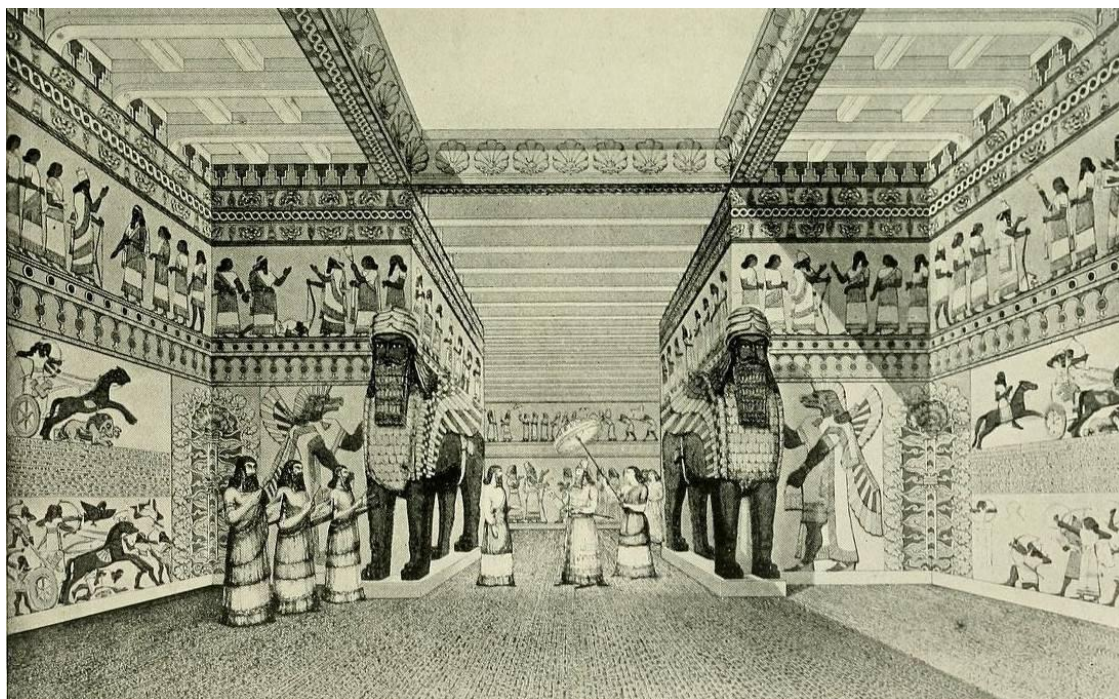
Бел был сильно разгневан кражей, и все боги вместе с ним. Ану, владыка небес, созвал к себе своих божественных сыновей и попросил найти поборника, чтобы вернуть скрижали. Но хотя был выбран бог Рамман, а за ним несколько других божеств, все они отказались выступить против Зу.

Конец легенды, к сожалению, не сохранился, но из отрывка другого сказания, легенды об Этане, мы узнаем, что именно бог солнца Шамаш в конце концов ворвался в горную твердыню Зу и с помощью своей сети сумел захватить самонадеянное божество.

Эта легенда относится к типу прометеевых, но если Прометей (некогда бог-птица) похищает огонь с небес для блага человечества, то Зу крадет Скрижали Судьбы для себя. Разумеется, они должны быть возвращены, если суверенитет небес сохранится, и для придания сказке иносказательности бог солнца снабжен сетью для ловли непокорной птицы Зу. Джастроу считает, что миф был создан для того, чтобы показать, как скрижали власти были первоначально потеряны старшим Бэлом и получены Меродахом, но он сбрасывает со счетов упоминание в легенде об Этане, касающееся их восстановления.

Бел

В поздней вавилонской религии наблюдается большая путаница в вопросе о том, является ли имя "Бел" обозначением старого бога с таким именем или это просто титул Меродаха. Хаммурапи, конечно, иногда использует это имя, говоря о Меродахе, но в другое время он с такой же уверенностью использует его для обозначения более древнего божества, как, например, когда он объединяет это имя с именем Ану. Один из касситских царей также говорит о "Бэле, владыке земель", имея в виду старого Бэла, которому они часто отдавали предпочтение перед Меродахом. Они также предпочитали старый город Ниппур и его храм Вавилону и, возможно, в свое время предприняли попытку сделать Ниппур столицей своей империи.

Зал в ассирийском дворце (восстановлен). По рисунку, сделанному на месте сэром Генри Лейардом.

Некоторые авторитеты считают странным, что Бэл вообще существовал как божество после возведения Меродаха в высший ранг пантеона. Именно его связь с Ану и Эа как одного из триады, управляющей небесами, землей и глубинами, поддерживала его власть. Более того, сам факт, что он был членом такой триады, доказывает, что он считался теологически важным для благополучия вавилонской религии в целом. Создание или медленная эволюция триединства такого рода ни в коем случае не является результатом народных процессов. Это, действительно, работа школы, коллегии жрецов. Как ни странно, Хаммурапи, похоже, ассоциировал Ану и Бэла вместе, но полностью исключил Эа из их числа, и считается, что концепция триединства возникла после его эпохи. Бог земли и бог неба олицетворяют соответственно то, что вверху, и то, что внизу, и напоминают Отца-Небо и Мать-Землю из многих примитивных мифологий, и многое говорит в пользу теории, что Эа, бог глубин, хотя он и существовал задолго до любого подобного объединения, был более поздним включением.

Триада земли, воздуха и моря

Привычка ссылаться на великую триаду стала почти обычным явлением в поздней Вавилонии. Они почти всегда занимают первое место в религиозных надписях, а некоторые монархи даже заявляют, что их царская власть принадлежит им благодаря этой троице. Если необходимо произнести мощное проклятие, можно быть уверенным, что в нем будут фигурировать имена богов стихий.

Даукина

Даукина была супругой Эа и иногда призывалась вместе с ним. Она была богиней довольно древней, и, как ни странно для спутницы водного бога, она, похоже, изначально была каким-то образом связана с землей. Поэтому она была божеством стихий. В более поздние времена ее атрибуты, по-видимому, унаследовала Иштар. По некоторым данным, Бел была сыном Эа и Даукины, причем Бел в данном случае означает Меродах. Ее имя часто упоминается в магических текстах, но ее культ, по-видимому, не был очень распространен.

Ану

Мы уже упоминали о положении Ану в триаде с Эа и Бэлом в поздние вавилонские времена. Когда он выступает один, мы видим, что он принимает более человеческое обличье, чем просто бог стихий в прежние времена. В текстах он часто упоминается отдельно от Эа и Бэла, а иногда и вместе с Рамманом, богом грома и бури, который, естественно, находился в тесной связи с небом. Мы также находим его связанным с библейским Даганом. Но в этом случае Даган представляется эквивалентом Бэла.

Существует также множество низших божеств, большинство из которых не более чем просто имена. Похоже, что они не добились большой популярности, а если и добились, то она была мимолетной. Имена некоторых из них действительно упоминаются лишь один или два раза, и о них известно так мало, что мы почти не знаем об их природе и характеристиках.

[1] Рр. 56 и далее.

Вся религиозная система Вавилонии омрачена Меродахом, ее великим божеством-покровителем. Мы помним, как он узурпировал место Эа, как даже легенды об этом боге перешли к нему, так что в конце концов он стал считаться не только национальным богом Вавилонии, но и творцом мира и человечества. Именно он, по мольбам других богов, противостоял страшной Тиават, а победив и убив ее, создал из ее тела землю, а ее обитателей - из своей крови. Почти наверняка этот космологический миф в свое время был пересказан Эа, а возможно, и более ранним Бэлом. Однако передача власти от Эа к Меродаху была искусно организована жрецами, которые сделали Меродаха сыном Эа, чтобы он естественным образом унаследовал атрибуты своего отца. В этой передаче мы наблюдаем переход главенства над городом Эриду к Вавилону. Эа, или Оаннес, рыбохвостый бог Эриду, олицетворял более древнюю и южную цивилизацию вавилонской расы, в то время как Меродах, бог-покровитель Вавилона, божество совершенно иного типа, представлял более новую политическую власть.

Изначально Меродах был богом солнца, олицетворявшим, прежде всего, солнце весеннего периода. Таким образом, он был подходящим божеством для победы над хаотичным Тиаватом, олицетворявшим тьму и разрушение. Но у него есть и другая сторона - сельскохозяйственная. Как пишет Джастроу (*Религия в Вавилонии и Ассирии*, стр. 38): "В Ниппуре, как мы увидим, был разработан тщательно продуманный ритуал оплакивания для случаев, когда национальные катастрофы, поражения, неурожай, разрушительные бури и мор свидетельствовали о недовольстве и гневе богов". В такие моменты предпринимались серьезные попытки с помощью прошений, сопровождаемых постом и другими символами раскаяния, добиться примирения с разгневанной силой. Этот ритуал, благодаря религиозному превосходству Ниппура, стал нормой и стандартом во всей долине Евфрата, так что когда Мардук (Меродах) и Вавилония практически пришли на смену Эн-лилю и Ниппуру, формулы и призывы были перенесены на солнечное божество Вавилона, которое, представляя собой, в частности, бога солнца весны, было хорошо приспособлено к тому, чтобы рассматриваться как тот, кто приносит благословения и благодеяния после горестей и несчастий бурного сезона.

Как ни странно, хотя он и был богом-покровителем Вавилона, он возник не в этом городе, а в Эриду, городе Эа, и, вероятно, именно по этой причине его сначала считали сыном Эа. Он также напрямую связан с Шамашем, главным богом солнца в позднем пантеоне, и к нему часто обращаются как к "богу каналов" и "открывателю подземных фонтанов". Обычно он изображается с языками огня, исходящими из его лица, что указывает на его солнечный характер. В других случаях он изображается стоящим над водной глубиной, с рогатым существом у ног, которое также иногда символизирует Эа. Примечательно, что его храм в Вавилоне носил то же имя - Э-Сагила, "возвышенный дом", что и святилище Эа в Эриду.

Среди клинописных текстов - копий более древнего вавилонского текста - мы находим интересную поэму, которая показывает, как Меродах привлекал к себе атрибуты других богов.

Эа - Мардук (или Меродах) каналов;
Ниниб - Мардук силы;
Нергал - Мардук войны;
Замама - Мардук битвы;
Энлиль - Мардук суверенитета и управления;
Небо - Мардук владения;

Син - Мардук освещения ночи;
Шамаш - Мардук суждений;
Адад - Мардук дождя;
Тишпак - Мардук воинства;
Гал - Мардук силы;
Шукамуну - Мардук урожая.

Создается впечатление, что Меродах настолько успешно вобрал в себя черты всех других значимых богов, что почти утвердился в качестве единственного божества Вавилонии, и, следовательно, была достигнута определенная степень монотеизма.

Новогодняя церемония

В первый день вавилонского Нового года в Вавилоне проходило собрание богов, когда все главные боги группировались вокруг Меродаха точно так же, как царь был окружен знатью и чиновниками, ибо многие древние верования считали, что земное устройство лишь зеркально отражает небесное, что, как сказал бы Парацельс, земля - это микрокосм небесного макрокосма - "как вверху, так и внизу". Церемония, о которой идет речь, заключалась в том, что низшие божества воздавали почести Меродаху как своему повелителю. На этом совете также решались политические действия Вавилонии на ближайший год.

Считается, что вавилонские жрецы через определенные промежутки времени разыгрывали миф об убийстве Тиавата. Это весьма вероятно, поскольку в Греции и Египте мифы о Персефоне и Осирисе были представлены драматически перед избранной аудиторией посвященных. Мы видим, что такие представления почти всегда делаются в случае божеств, которые представляют кукурузу или растительность в целом, или плодоносящую силу весеннего времени. Имя супруги Меродаха - Зарпанитум - жречество переводило как "производящая семена", чтобы обозначить ее связь с богом, ответственным за весеннее возрождение.

Идеограмма Меродаха - солнце, и существует множество доказательств того, что он был прежде всего солнечным богом. Его имя, первоначально Амарудук, вероятно, означает "молодой бык дня", что, по-видимому, означает утреннее солнце. Его также называли Асари, что можно сравнить с Асаром, египетским именем Осириса. Другие имена, данные ему, - Сар-агагам, "славный заклинатель", и Мерагага, "славный очарователь", оба из которых относятся к тому обстоятельству, что он получил от Эа, своего отца, определенные чары и заклинания, которые восстанавливали здоровье больных и оказывали благотворное влияние на человечество.

Предполагалось, что у Меродаха был свой собственный двор на небе, где ему помогало множество божеств-служителей. Одни следили за его питанием и питьем, другие - за тем, чтобы вода для его рук всегда была готова. У него также были привратники и даже гончие, и считается, что спутники Юпитера, планеты, которая представляла его, могли быть слабо видны тем халдейским звездочетам, которые были одарены хорошим зрением. Этих собак называли Уккуму - "Съемщик", Аккулу - "Пожиратель", Иксуда - "Хвататель" и Ильтеху - "Держатель". Неизвестно, должны ли они были помогать ему в пастьбе стада или в погоне, и их имена кажутся подходящими либо для овчарок, либо для охотничьих гончих.

Пантеон Ассирии, как и подобает религиозной системе народа воинов, был более высоко организован, чем у родственного народа Вавилонии, ранги и взаимоотношения входящих в него богов были более определенными, он был значительно компактнее, чем пантеон южного царства, а его низшие светила были менее многочисленными. Предполагается, что божества ассирийцев были практически идентичны во всех отношениях с вавилонянами, за единственным исключением Асхура, который приравнивался к Меродаху. При всем уважении к практикующим ассириологам студенту, изучающему сравнительную религию, возможно, будет позволено сделать исключение из этого утверждения. Этнологические различия (а они, несомненно, существовали между народами северной и южной культурных групп), климатические условия, иная политическая обстановка - все это, а также другие соображения, не менее важные, хотя и менее очевидные, должны были привести к почти радикальным изменениям в представлениях о богах, как их представляли себе ассирийцы. В чем именно заключались эти изменения, мы, вероятно, никогда не узнаем. Вряд ли о них расскажут надписи или священные писания, которые, несомненно, сохранили для нас не более чем чисто церковную точку зрения, всегда стремящуюся со скрупулезной тщательностью запечатлеть заветные теологические верования давно минувших дней. Но мало что из религиозных верований народа может сохраниться в священнических надписях и трудах священников-переписчиков, да и небезопасно или научно утверждать характер веры какой-либо расы путем сравнения или аналогии с верой соседнего народа. Если бы потребовался яркий пример опасности такого подхода, его можно было бы найти в тщетной попытке обнаружить точную параллель между религиозными системами древней Мексики и Гватемалы и Юкатана. В городах-государствах более северной группы народов для каждого пуэбло или города была разработана отдельная система поклонения, божества которой, за небольшими различиями, были практически идентичны. Но при изучении пантеонов более южного региона выясняется, что, хотя боги, фигурирующие в них, происходят из того же источника, что и мексиканские, и даже обладают именами, которые являются простым переводом имен мексиканских богов, их атрибуты и характеристики глубоко отличаются от мексиканских сородичей. Причину такого несходства следует искать в вариациях климата, культуры и политики - трех неперенных факторах изменения религии. Если мы убедились, что такие различия существовали в религиозных системах двух расовых групп, почти так же тесно связанных между собой, как народы Вавилонии и Ассирии, то не можем ли мы смириться с предположением, что подобные расхождения существовали и между верованиями двух великих рас Халдеи?

В ассирийском пантеоне мы находим множество иноземных божеств, которых ассирийские цари включали в число национальных богов по праву завоевания. О них мы поговорим позже. Пока же достаточно упомянуть Ассур-бани-пала, который говорит о захвате двадцати богов эламитов. Разумеется, только с возникновением отдельной Ассирийской империи религия Северного царства приобрела черты, отличающие ее от религии Вавилонии.

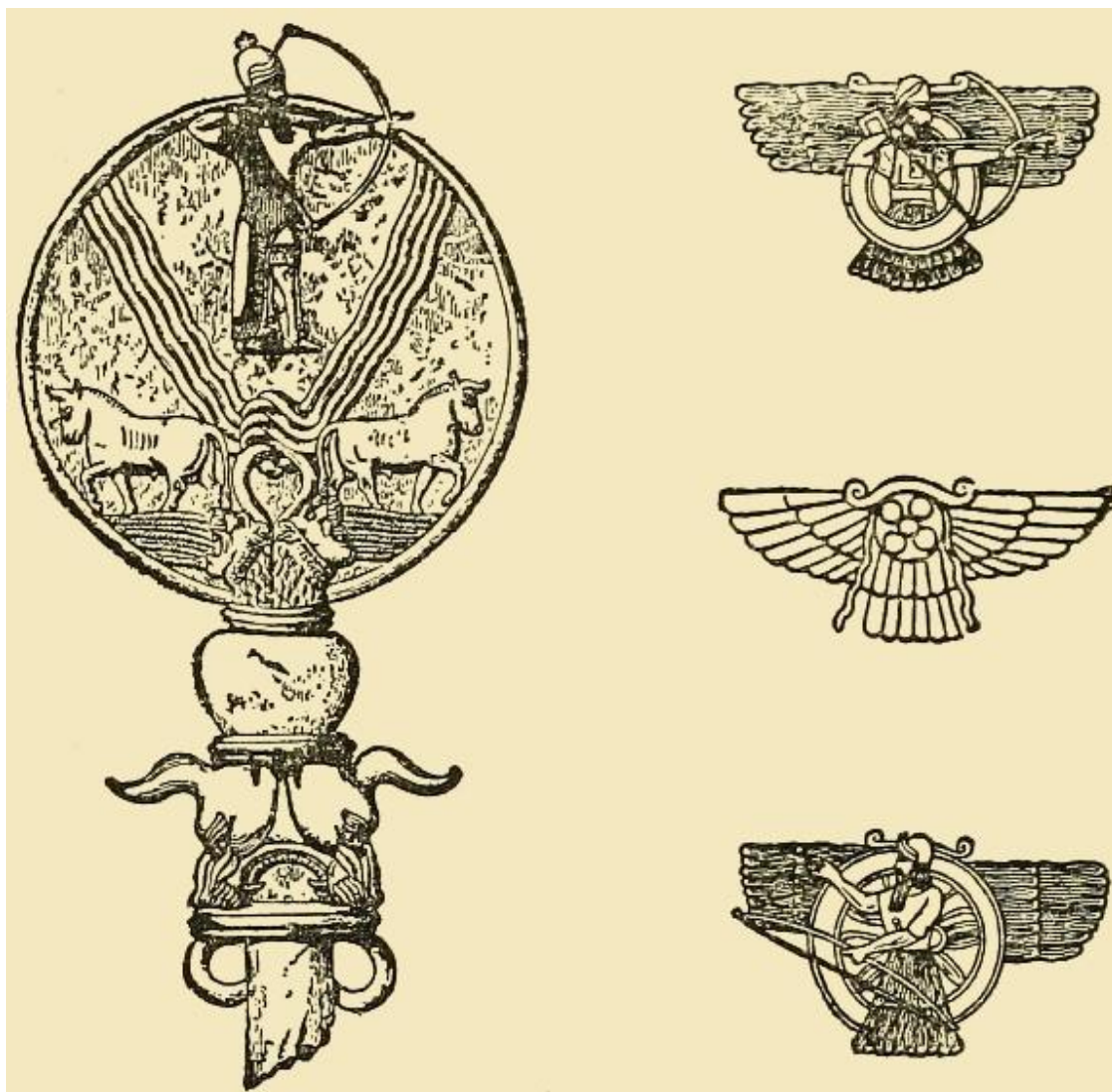
Изложив причины различий, которые, по нашему мнению, существовали между вавилонской и ассирийской религиями, давайте вкратце рассмотрим различия в типах двух народов, которые должны были вызвать это расхождение. Языки двух рас отличались друг от друга не больше, чем диалекты северной и южной Англии - действительно, среди ученых они обозначаются общим названием "ассирийский". Но в ассирийцах была чистая семитская кровь, которая так много сделала для систематизации религий древних и современных.

Семит не может довольствоваться полуправдой. Для его жизни важно, чтобы он чувствовал себя на надежной религиозной почве. Он ненавидит сомнения и презирает сомневающихся. В начале своей древней карьеры он так надежно систематизировал религию, что дал самые ранние образцы чистой догмы. Затем последовало неумолимое отречение от всех тревожных обстоятельств, вызывающих недоверие. Был учрежден кодекс, основанный на камне беспрекословной веры. И в религиозных системах Вавилонии и особенно Ассирии мы наблюдаем часть процесса эволюции, который помог создать узкую, но высоко одухотворенную систему.

Великие боги в Ассирии были даже более всемогущими, чем в Вавилонии. Одной из причин, способствовавших этому, было поглощение мелких местных культов божествами, связанными с великими центрами ассирийской жизни. Ранняя религия чрезвычайно чувствительна к политическим изменениям, и по мере того, как раса выходит из племенного или местного состояния и объединяется в нацию, местные боги становятся национальными и централизованными, вероятно, в великом божестве наиболее политически активного города в государстве. Для этого процесса также не обязательно, чтобы поглощаемые божества имели сходную природу с поглощающим богом. Довольно часто божество принимает имя и атрибуты того, с кем у него было мало общего.

Асшур

Государственная религия Ассирии сосредоточена в Асхуре, и ни одно божество никогда не было так тесно связано с империей, как он. После падения Ассирийского государства Асшур пал вместе с ним. Более того, можно сказать, что все боги Ассирии были объединены в его лице. В Вавилонии Меродах был вождем племен. В Ассирии Асшур олицетворял эти сонмы, то есть другие ассирийские боги стали атрибутами Асшура, и мы можем понять остальных ассирийских богов, только если будем рассматривать их как меньших Асшуров, так сказать, как разбитые огни великого бога битв и завоеваний.

Символы бога Асшура - из книги *"Религиозные верования и практика в Вавилонии и Ассирии"* профессора Джастроу (G.P. Putnam's Sons.).

Асшур возник в городе своего имени, расположенном на западном берегу Тигра, недалеко от места, где нижний Заб впадает в эту реку. Разумеется, только после возвышения этого города до политического превосходства его бог стал считаться всемогущим. Существуют противоречивые оценки относительно его первоначальной природы: некоторые власти считают, что он был лунным, другие - что он символизировал огонь или воду. Факты, однако, указывают на то, что он был солнечным по своей природе.

Меродаху поклонялись в основном в Вавилоне. Когда другие вавилонские территории стали подчиняться этому городу, мы не видим, чтобы они ставили вавилонского бога выше своего собственного местного бога. Но с Асхуром все было иначе. Мы находим храмы ему по всей Ассирии. Действительно, по мере развития ассирийской истории мы видим, что разные города упоминаются как главные центры его поклонения, и он пребывает то в Асхуре, то в Калахе, то в Ниневии, то в Хорсабаде. Везде, где цари Ассирии устраивали свою официальную резиденцию, Асхура обожествляли, и предполагалось, что там он и обитает. Он не символизировался идолом или какой-либо человекоподобной статуей, которая могла бы дать населению представление о его физическом подобию, а изображался штандартом, состоящим из шеста, окруженного диском, закрытым двумя крыльями. Над диском

располагалась фигура воина с изогнутым луком и стрелами на тетиве. Это хорошо символизировало военную природу ассирийской нации и ее божества-покровителя. В то же время есть основания полагать, что этот столб и сопровождающие его символы являются остатками тотемного знака, на который была наложена антропоморфная фигура бога молнии или бури. Шест - излюбленное средство для переноски тотемных символов в битве, и здесь все выглядит так, как будто солнце когда-то считалось тотемом племени. Фигура лучника на вершине, похоже, представляет бога молний или бури - мифический персонаж, часто ассоциирующийся с солнцем, "сильным воином". Благодаря владению стрелой-молнией бог бури часто воспринимается как бог войны.

Этимология имени Асшур не проливает особого света на его характер как божества. Город, получивший его имя, по всей вероятности, первоначально назывался "город бога Асшура". Называть его только по имени бога было бы неестественно. Название происходит от корня, означающего "быть милостивым", и, следовательно, означает "милостивый бог", "добрый бог". Но есть признаки того, что существовала более древняя форма этого имени, и утверждается, что форма Аншар имеет приоритет. Вместе с Кишаром был создан бог Аншар как вторая пара божеств, увидевших свет, и, согласно одной из версий, именно Аншар посылает Ану, Эа и, наконец, Меродаха уничтожить чудовище Тиавата. Этот Аншар, таким образом, предстает как обладающий властью среди богов. Но мы не находим упоминаний о нем в древних текстах и надписях Вавилонии. Версия, в которой упоминается Аншар, конечно, могла быть подделана, и его включение в миф о сотворении мира можно рассматривать как уступку ассирийскому величию. Действительно, в одной из табличек о сотворении мира мы видим Меродаха, вытесненного Асхуром с поста создателя земли!

Секрет ассирийского величия

Асшур упоминается в самой древней из известных нам ассирийских надписей - надписи Самси-Раммана (ок. 1850 г. до н. э.), жреца-правителя Асшура, правившего в те времена, когда должности царя и верховного жреца еще не были разделены. И действительно, когда титул "царь" вошел в обиход примерно 350 лет спустя, монархи Ассирии все еще сохраняли право называть себя "жрецами бога Асшура". Вера в любимое божество и зависимость от него этих ранних ассирийских правителей просто умиляет. Они - его дети и полностью полагаются на него, сначала в защите от своих жестоких врагов касситов, а затем в расширении своей растущей империи. Неудивительно, что с такой верой, стимулирующей ее, Ассирия стала великой. Вера в своего бога-хранителя была, действительно, секретом ее величия. Враги Ассирии - "враги Асхура", ее воины - "воины Асхура", а их оружие - "оружие Асхура". Перед его лицом враги Ассирии трепещут и повержены, с ним прорицательно советуются о ведении войны, он присутствует на поле боя. Однако одиночество Асхура было весьма примечательным. Изначально у него не было "ни родственников, ни братьев", ни жены, ни детей, и неестественность его великолепной изоляции, похоже, поразила ассирийских писцов, которые в одной интересной молитве попытались соединить свое божество с великими богами Вавилонии, найти ему жену, служителей, двор и посланников.

Молитва Асхуру, царю богов, владыке неба и земли,
отцу, создавшему богов, верховному первенцу неба и земли,
верховному мутталу, склоняющемуся к советам,
дарующий скипетр и трон.

Нин-лиль, жене Асхура, родоначальнице, создательнице неба и земли,
которая повелением уст своих...

Сину, владыке повелений, возносящему рога, зрелищу небес,
Богу-Солнцу, великому судье богов, который вызывает молнии,

Ану, владыке и князю, владеющему жизнью Асхура, отца великих богов.
Раммону, служителю неба и земли, повелителю ветра и небесных молний.
Иштар, царице неба и звезд, чье место возвышено.
Меродаху, князю богов, толкователю духов неба и земли.
Адару, сыну великана Мул-лила, первенцу...
Небо, посланнику Асхура (Ансара) ...
Нергалу, повелителю мощи и силы...
За бога, идущего впереди, первенца...
Семи богам, божествам-воинам...
великим богам, владыкам неба и земли.

Асшур как завоеватель

Случай, который хорошо иллюстрирует популярность ассирийской веры в завоевательную силу национального бога, описан в рассказе об экспедиции Саргона против Ашдода, отпечатанном на глиняном цилиндре времен правления этого монарха. Саргон утверждает, что во время своего девятого похода в приморские земли, в Филистию и Ашдод, чтобы наказать царя этого города Азури за отказ присылать дань и за его злодеяния против ассирийских подданных, Саргон поставил на его место Ахимити, племянника Азури, и установил налоги. Но жители Ашдода восстали против марионетки, которую поставил над ними Саргон, и, возведя на престол некоего Ярана, укрепили свои владения. Они и окрестные народы обратились за помощью к Египту, который не смог им помочь. Ради чести Асхура Саргон предпринял экспедицию против хеттов и обратил внимание на положение дел в Филистии (ок. 711 г. до н. э.), услышав о которой Яран, опасаясь Асхура, бежал в Мерок на границах Египта, где бесславно скрылся. Саргон осадил и захватил город Ашдод с богами, женами, детьми и сокровищами Ярана.

Очевидно, что эта карательная экспедиция была предпринята ради личной чести Асхура, что он, как считалось, сопровождал войска в их походе против мятежного народа Ашдода, и что победа должна была быть приписана ему и только ему. Вся дань с покоренных народов становилась собственностью Асхура, которому ее приносили цари Ассирии. Даже великие и гордые монархи этого воинственного царства не стесняются утверждать, что являются созданиями Асхура, благодаря которому они живут и дышат и по воле которого обладают царской властью, символизируемой могучим луком, врученным им их божественным повелителем. То, что эти надменные правители не были лишены не только страха, но и привязанности к богу, которому они поклонялись, видно из того, что они часто называют себя сыновьями Асхура, чьими наместниками на земле они были. Асшур, действительно, в более поздние времена был духом лично завоеванной Ассирии. Мы не видим, чтобы его считали кем-то иным, кроме как богом войны. Мы не находим его окруженным какими-либо более мягкими атрибутами, которые отличают невоинственные божества, и вряд ли его культ, если бы он продлился, превратился бы в культ, отличающийся гуманизирующим влиянием или этической тонкостью. Это был культ бога войны в чистом виде, и когда Асшур был побежден в своем собственном военном деле, он исчез в неизвестности забытых богов так же быстро, как и возник.

Иштар в Ассирии

Рядом с Асхуром в привязанностях ассирийского народа стояла Иштар. Как богиня в Ассирии она была абсолютно идентична вавилонской Иштар, ее любимыми святынями в северном царстве были Ниневия, Арбела и храм Кидмуру, также в Ниневии. Ассирийцы,

похоже, признали ее вавилонское происхождение, или, по крайней мере, признали, что их Иштар изначально была вавилонской, так как Тиглат-Пилесер I делает акцент на том, что святилище, которое он воздвиг в своей столице, посвящено "ассирийской Иштар". Дата правления этого монарха - 1010 год до н. э. или около него, так что вышеприведенное упоминание Иштар в ассирийской истории является сравнительно ранним. Иштар Арбелы и Кидмуру не появляются в ассирийских текстах до времен Эсар-Хаддона (681 г. до н.э.), поэтому ниневийская Иштар была самой почитаемой из трех. Арбела, очевидно, была важным религиозным центром, и была выдвинута теория, что она стала местом расположения школы пророков, связанной с поклонением Иштар. Джастроу в своей *книге "Религия Вавилонии и Ассирии"* (1898, стр. 203) по этому поводу пишет: "Вполне возможно, если не вероятно, что три Иштара имеют независимое происхождение. Царица Кидмура", действительно, смею думать, является коренной Иштар из Ниневии, которая вынуждена уступить свое место так называемой "ассирийской Иштар" после переноса столицы Ассирии в Ниневию, и отныне известна под одним из своих эпитетов, чтобы отличать ее от более грозной соперницы. Культ Иштар в Арбеле, вероятно, тоже имеет древнюю историю, но особые обстоятельства, которые ускользают от нашего внимания, по-видимому, привели к возрождению интереса к их культам в период, когда Ассирия достигла зенита своего могущества. Важно помнить, что ассирийцы не проводили существенных различий между этими тремя иштарами. Их черты и эпитеты схожи, и для всех практических целей у нас есть только одна Иштар в северной империи".

Иштар как богиня войны

Иштар часто оказывалась рядом с Асхуром в качестве богини войны. Еще до того, как она покинула равнины Вавилонии и отправилась в Ассирию, она проявляла определенные воинственные наклонности. В эпосе о Гильгамеше она предстает как божество с разрушительным и злобным характером, если не с воинственной натурой. Но если вавилоняне считали ее прежде всего великой богиней-матерью, то ассирийцы мало обращали внимания на эту сторону ее характера. Для них она была настоящей валькирией, и по мере того как ассирийцы становились все более и более воинственными, она становилась все более богиней войны и все менее матерью-природой любви и земледелия. Она являлась во снах воинственным царям Ассирии, ободряя и вдохновляя их словами бодрости на дальнейшие военные подвиги. Ее одеянием был огонь, и, как и подобает богине битвы, ее появление было потрясающим. Она сжигала врагов Ассур-бани-пала пламенем. Но, как ни странно, в религиозных текстах, на которые, вероятно, повлияли вавилонские источники, она все еще остается в значительной степени мягкой и щедрой матерью природы. Именно в исторических текстах, пестрящих рассказами о завоеваниях и пышными бахвальствами монархов-завоевателей, она предстает как предводительница армий и богиня-воительница, убивающая тысячи и десятки тысяч. Жрец и солдат никогда не могли иметь одинаковое представление о божестве, и это так в современном мире не меньше, чем в древнем. И все же иногда суровые ассирийские цари отступали, и, вероятно, именно в краткий период мира Ассур-назир-пал упоминал Иштар как владычицу, которая "любит его и его жречество". Сеннахериб также говорил о богине в подобных выражениях. Необходимо отметить, что имя или титул Белит, присвоенные Иштар, не означают, что она жена или супруга Бэла, а лишь то, что она "великая госпожа", для которой титул "Белит" является общим термином. Если ее иногда и объединяют с Асхуром, то никогда не считают его женой. Она не супруга какого-либо бога, а самостоятельная богиня, стоящая особняком, равная Асхуру и не зависящая ни от какого другого божества. Но только позже она стала занимать место рядом с Асхуром, и исключительно благодаря своей военной репутации.

Ниниб как ассирийский бог войны

Такое божество, как Ниниб (другое имя Нин-гирсу, бога Лагаша), несомненно, должно было найти расположение среди ассирийцев благодаря тем качествам, которые сделали бы его ценным союзником в войне. Мы находим несколько царей, восхваляющих его доблесть как воина, в частности Тиглат-Пилесер I и Ассур-риши, которые называют его "храбрым" и "могущественным из богов". Его старый статус бога солнца и ветра, в котором он считался ниспровергателем и ровнятелем с землей всего, что стояло на его пути, обеспечил ему репутацию, необходимую для бога сражений. В этом качестве он ассоциируется с Асхуром, и Тиглат-Пилесер называет их "исполнителями его желания". Но главным почитателем Ниниба был Ассур-назир-пал (858-60 гг. до н. э.), который начал свои анналы с хвалебного песнопения в честь Ниниба, которое настолько изобилует пышными восхвалениями, что мы чувствуем: либо он испытывал большую привязанность к богу, либо страдал от религиозной мании. Эпитеты, которые он использует для восхваления Ниниба, - это эпитеты, которыми обычно осыпают только величайших богов. Этот поступок обеспечил Нинибу огромную популярность и придал ему социальную и политическую популярность, которую не могло дать ничто другое, и мы находим Шамси-раммана, внука Ассур-назир-пала, использующего те же самые титулы в его честь.

Великий храм Ниниба находился в Калахе, официальной резиденции Ассур-назир-пала, и в его стенах этот монарх поместил табличку с записью своих деяний и большую статую бога. Он еще больше одарил его культ, чтобы тот продолжал существовать.

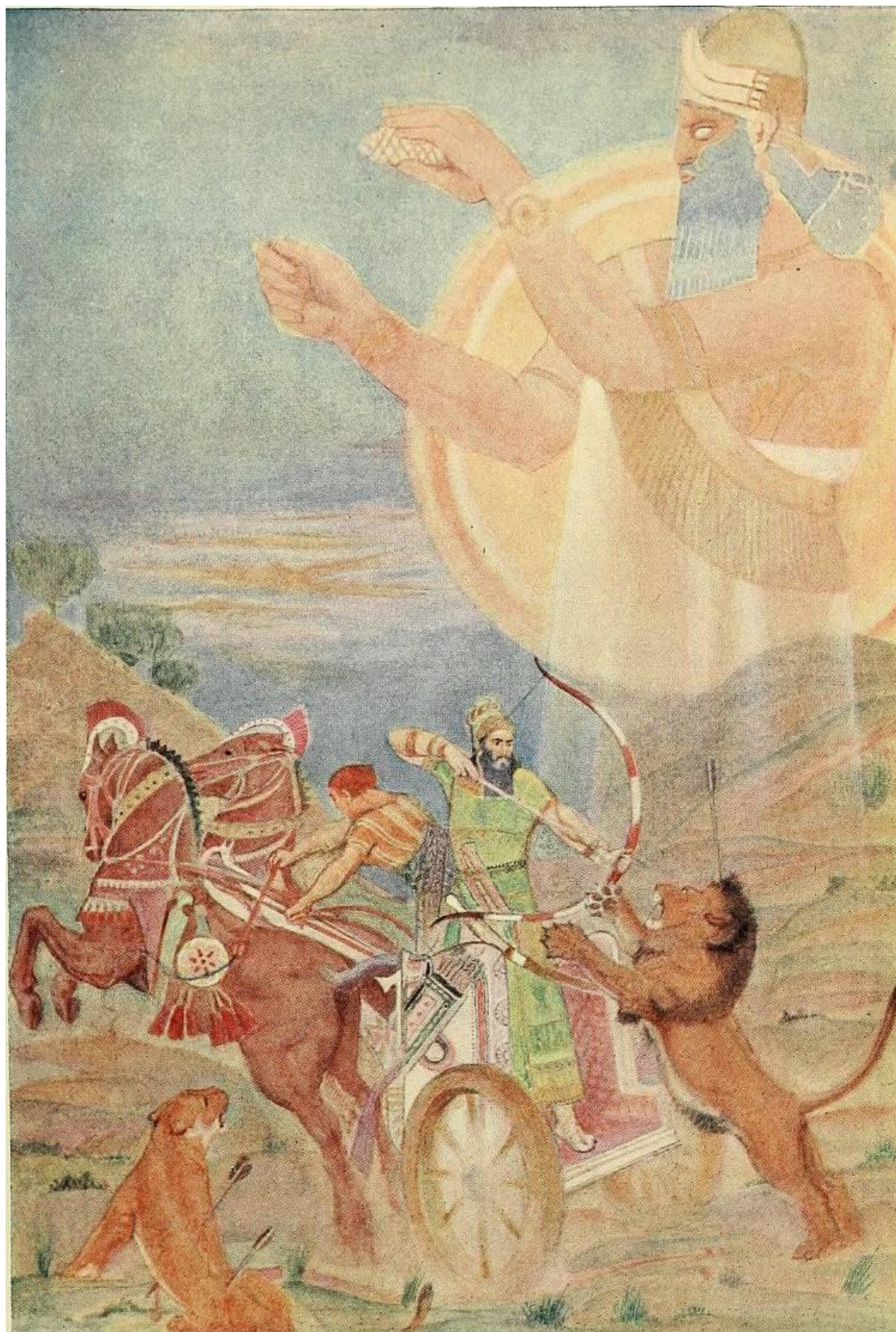
Мы можем легко понять, откуда взялась особая благосклонность ассирийского монарха к такому богу, как Ниниб. Асхур считался слишком популярным и национальным божеством, чтобы выбирать его в качестве личного покровителя. Но еще сложнее понять, какими именно причинами руководствовались ассирийские цари, да и цари любого другого подобного древнего государства, при выборе своих покровителей. Позволяет ли политеистическое состояние религии делать тонкий выбор божеств-покровителей, или же гораздо более вероятно, что искусные услуги церковных и политических "проводочников" имели большое значение для формирования предпочтений царя до и после его вступления на трон? Воспитание монарха, пока он был принцем, почти наверняка было поручено высокопоставленному церковному сановнику, и хотя существует множество примеров обратного, мы можем с уверенностью предположить, что каков бы ни был склад ума воспитателя, ум воспитанника в той или иной степени отражал его. С другой стороны, нельзя не прийти к выводу, что ассирийские цари очень часто были вульгарными парвеню, показными и "невозможными", , как обычно бывает у таких людей, и что, в соответствии с манерой своего рода, они "превозносили" все древнее и, возможно, все вавилонское, подобно тому как поздние римляне превозносили все греческое.

Ниниб как бог-охотник

Но Ниниб удовлетворял как развлечения своих царственных почитателей, так и их воинственные желания. Мы видим, как Ассур-назир-пал взывает к нему перед тем, как отправиться в далекое путешествие в поисках спортивной добычи, а Тиглат-Пилесер I, который был отважным охотником на львов и слонов, приписывает свой успех Нинибу, который вложил в его руки могучий лук.

Йенсен в своей "*Космологии*" указывает, что Ниниб олицетворяет восточное и утреннее солнце. Если это так, то странно видеть бога, олицетворяющего утреннее солнце, в статусе бога войны. Обычно, когда бог солнца достигает зенита небес, он убивает свои тысячи и

десятки тысяч. Как вариант Нин-Гирсу он, конечно же, отождествляется с Таммузом. Его супругой была Гула, которой Ассур-назир-пал воздвиг святилище.

Даган

Бог рыб Даган, который, как мы видели, был тем же самым, что и Оаннес или Эа, как ни странно, занял высокое положение в Ассирии. Некоторые авторитеты считают его филистимлянином или арамейцем и не сравнивают с Эа, который поднялся из вод Персидского залива, чтобы просветить свой народ, и очевидно, что в месопотамско-палестинском регионе существовало несколько версий происхождения этого бога, приписывающих его различным местам. В ассирийском пантеоне он ассоциируется с Ану, который правит небесами, и Даганом, надзирающим за землей. Странно наблюдать, как божество, чьей сферой, должно быть, изначально было море, руководит земной плоскостью, и именно этот перенос стоил Дагану популярности в Ассирии, так как позже он стал отождествляться с Бэлом и почти полностью исчез из ассирийского пантеона.

Ану

Ану в Ассирии существенно не отличался от Ану в Вавилоне, но он, как и другие южные божества, страдал от всепроникающего поклонения Асхуру. У него был храм в собственном городе Асхура, который был восстановлен Тиглатом-Пилесером I через 641 год после его первоначального основания. В Ассирии он считался повелителем Игиги и Ануннаки, или духов неба и земли, вероятно, старых анимистических духов, и этому обстоятельству, а также тому, что он принадлежал к старой триаде вместе с Бэлом и Эа, он, вероятно, был обязан продлением своего культа. Как элементарный и фундаментальный бог оппозиция не могла его вытеснить, а в качестве повелителя духов воздуха и земли он очень прочно закрепился в народном воображении. Боги, обладающие подобными способностями, часто остаются в народной памяти надолго после того, как другие члены пантеона, в котором они находились, полностью забыты, и вряд ли стоит удивляться тому, что Ану задерживается в тени послеассирийского фольклора, если удастся найти какие-либо записи о нем. В Вавилонии Ану часто ассоциировался с Рамманом, но чаще всего с Бэлом и Эаузасом.

Рамман

Рамман пользовался гораздо большей популярностью в Ассирии, чем в Вавилонии, поскольку там он выполнял функции второго Асхура и считался олицетворением разрушения. В одном из старых ассирийских гимнов говорится о Раммане:

Могучая гора, ты одолел ее.
В его гневе, в его силе,
В его реве, в его громе,
Боги небес возносятся к небу,
Боги земли возносятся к земле,
В горизонт небесный они входят,
В зенит небесный они пробираются.

В этих нескольких простых строках мы видим картину пантеона, охваченного страхом и ужасом перед гневом и жестокостью одного из его членов. Мы почти видим, как божественные беглецы толпятся в бегстве: одни - в воздушных высях, чтобы укрыться от гнева разрушителя, другие - в недрах земли, чтобы спрятаться от ярости его лица, грохота его

громов и стрел его молний. Простые, почти лысые, строки обладают удивительной живописностью, представляя нам в нескольких простых словах буйство целого неба.

Оружие Раммана - молния, потоп, голод и смерть, и горе тому народу, на который он обрушивает свой гнев, ибо на него он насыляет потоп и голод. Таким образом, его атрибуты бога бури вступают в игру, когда он предстает в роли военного божества, ибо как бог погоды молнии использует в бою как копье или дротик, так и Рамман как бог бури обрушивает ужасы шторма на преданные головы врагов.

Ассирийские цари так высоко ценили помощь Раммана, что приносили ему жертвы во время напряженной и суматошной кампании в поле. Они уподобляли атаку своих войск его натиску, а если хотели изобразить уничтожение противника, его "съедение", как называли этот процесс зулусы Чака, то заявляли, что их люди пронесли над врагом, как это мог сделать Рамман. Ассур-назир-пал называет Раммана "могущественнейшим из богов", но поскольку в действительности эта фраза использовалась в отношении всех главных божеств в то или иное время царями или жрецами, которые им благоволили, нет оснований полагать, что имеется в виду нечто большее, чем то, что Рамман занимал важное место в ассирийском пантеоне.

Поклонение Рамману в более поздние времена стало очень заметным. Только во времена Хаммурапи он вошел в свое царство, и даже тогда его поклонение не очень прочно укрепилось в Вавилонии. Однако с приходом к власти династии касситов он становится все более популярным, а его имя присваивается вавилонским царям. Похоже, он образовал триаду с Сином и Шамашем, и в гимне Хаммурапи мы находим его обращение к Шамашу как к "божественному владыке справедливости". Навуходоносор I, похоже, высоко ценил его, хотя и был недружелюбен к династии, которая впервые выдвинула его на первый план, и этот монарх объединяет его с Иштар как божество, которое главным образом помогало ему во всех его великих начинаниях. Действительно, Навуходоносор проявлял большую благосклонность к Рамману, возможно, чувствуя, что должен задобрить особенного бога тех, кого он отстранил от власти. Он говорит о нем как о "повелителе вод под землей" и небесных дождей.

Место происхождения Раммана представляется неясным. Мы уже рассматривали его проявления в более примитивные времена, но мнения о первоначальном месте его поклонения расходятся: одни авторитеты считают, что это был Муру в Южной Вавилонии, другие - что за следами его первого поклонения нужно обращаться к Ассирии. Его культ обнаружен в Дамаске и распространен до юга, вплоть до равнины Джезрезль. Как говорит Мильтон:

"... Риммон, чье восхитительное место
В прекрасном Дамаске, на плодородных берегах
Аббана и Фарфара, прозрачных потоков.
Он и против дома Божьего был смел.
Прокаженного он потерял, а царя обрел,
Ахаз, его шотландский завоеватель, которого он привлек к
Божий алтарь, чтобы унижить и сместить.
На сирийский, чтобы сжигать на нем
Свои одиозные жертвы и поклоняться богам.
которых он победил".

Согласно этой более поздней теории, он имеет арамейское происхождение, но его культ, судя по всему, имел весьма значительную древность в Ассирии, и он мог быть зародившимся там. Более того, самое раннее упоминание о его поклонении находится в городе Ашшур. Как уже говорилось, он, вероятно, был богом бури или грома и молнии, но его также ассоциировали с богом солнца Шамашем. Но кем бы он ни был в Вавилонии, в Ассирии он, безусловно, был прежде всего божеством грома.

В одном из вавилонских текстов древности содержится прекрасный гимн Рамману, который можно перефразировать следующим образом, опустив излишества: - "О владыка Рамман!

"О владыка Рамман, имя твое - великий и славный Бык, дитя небес, владыка Каркара, владыка изобилия, спутник владыки Эа. Тот, кто оседлал великого льва, - вот твое имя. Имя твое чарует землю и покрывает ее, как одежда. Гром твой сотрясает даже великую гору, Эн-лиль, и при твоём грохоте трепещет мать Нин-лиль. Сказал владыка Эн-лиль, обращаясь к своему сыну Рамману: "О сын, дух мудрости, с всевидящими глазами и высоким зрением, полный знаний, как Плеяды, пусть твой звучный голос произнесет свое слово. Иди вперед, поднимайся, кто может противостоять тебе? Отец с тобой против хитрого врага. Ты хитер в обращении с большими и малыми камнями града. О, правой рукой своей уничтожь врага и вырви его с корнем! Рамман прислушался к словам отца и вышел из жилища, юный лев, дух совета".

В более поздние времена в Вавилонии Рамман, похоже, олицетворял небесный дождь в его благотворном и оплодотворяющем аспекте. Он не только орошал поля и наполнял водой колодцы, но и отвечал за страшные бури, пронесившиеся над Месопотамией. Иногда он был злобен, заставляя тернии расти вместо трав. Люди, если и считали его в какой-то степени оплодотворителем, то, похоже, также смотрели на него как на разрушительное и львиное божество, вполне способное опустошить сельскую местность и "пожрать землю". Его рев типичен для него, он наполняет все сердца ужасом и означает голод и разрушение. Нет ничего странного в том, что в Месопотамии было так много божеств разрушительной направленности, если вспомнить о неистовых вихрях, которые часто проносятся по земле, поднимая песчаные бури и разрушая все на своем пути. Рамман был уподоблен рыкающему льву, ищущему, что поглотить, и это, по-видимому, символизировало его в глазах крестьянского населения страны. Действительно, ассирийцы, впечатленные его разрушительными наклонностями, сделали из него бога войны, а считали его присутствие необходимым для победы. Неудивительно, что великий бог бури стал хорошим богом войны!

Ассур-назир-пал в сопровождении крылатого мифологического существа. Бас-рельеф из северо-западного дворца в Нимруде. Фото W. A. Mansell and Co.

Шамаш

Култ Шамаша в Ассирии возник по меньшей мере в 1340 году до н. э., когда Пудилу построил храм этому богу в городе Асшур. Он назвал Шамаша "божеством-покровителем", что следует понимать как имя бога справедливости, чей приговор неизменен, и в этом Шамаш несколько отличался от вавилонских представлений о нем. В Южном царстве он, конечно, считался справедливым богом, но не богом справедливости - это совсем другое. Интересно и назидательно наблюдать за процессом эволюции бога справедливости. Так, в Древней Мексике Тескатлипока превратился из племенного божества в бога, который уже начал носить все признаки и знаки бога справедливости, когда испанцы-завоеватели положили конец его карьере. Мы также видим, что, хотя у греков было особое божество, чьим ведомством было правосудие, другие божества, такие как Паллас Афина, демонстрировали признаки того, что со временем они могли бы стать распорядителями весов между человеком и человеком. В египетской небесной иерархии Маат и Тот оба обладали

атрибутами бога справедливости, но, возможно, Маат была более символичной из них. В случае с Шамашем никаких милостей от него нельзя получить ни молитвами, ни жертвоприношениями, если только молящие его монархи, какими бы они ни были, не могут претендовать на праведность. Даже Тиглат-Пилесер I, могущественный завоеватель, каким он был, признавал Шамаша своим судьей и, естественно, судьей своих врагов, которых он уничтожает не потому, что они воюют против Тиглата, а из-за их нечестия. Освобождая пленников, Тиглат позаботился о том, чтобы совершить этот милостивый акт перед лицом Шамаша, чтобы бог увидел, что в груди его царственного слуги живет справедливость. Тиглат, по сути, является наместником Шамаша на земле, и похоже, что он передавал многие дела, в отношении которых у него возникали сомнения, богу, прежде чем вынести по ним окончательное решение.

И Ассур-назир-пал, и Шалманесер II возвеличивали культ солнца Шамаша, и было высказано предположение, что популярность поклонения Ра в Египте отразилась на поклонении Шамашу в Ассирии. Проследить подобные сходства в столь отдаленную эпоху, как девятый век до н. э., всегда крайне сложно, но, безусловно, похоже, что культ Ра каким-то образом повлиял на культ старого вавилонского бога солнца. Саргон продвинул поклонение Шамашу далеко к северным границам Ассирии, поскольку построил святилище божеству за пределами Ассирийской империи - где именно, мы не знаем. Среди народа воинов такой бог, как Шамаш, должен был цениться очень высоко, ведь без его санкции они вряд ли смогли бы начать военные действия против любой другой расы.

Грех в Северной земле

Мы не находим, чтобы Сину, вавилонскому богу луны, широко поклонялись в Ассирии. Ассур-назир-пал основал ему храм в Калахе, а Саргон воздвиг несколько святилищ за ассирийской границей. В Северном царстве он изображался в основном как бог войны, почему, сказать трудно, если только не считать, что ассирийцы превратили в богов войны практически всех божеств, заимствованных ими у других народов. Пока известно, что ни одно лунное божество в других пантеонах не имеет военного значения. Некоторые из них не лишены внушающих страх атрибутов, но они вызваны главным образом тем, что луна у первобытных народов считалась приносящей чуму и бедствия. Но в Ассирии мы находим Сина освобожденным от всех астрологических значений, которые он имел для вавилонян. В то же время он рассматривается как бог мудрости и принятия решений, в этих отношениях полностью совпадая с египетским Тотом. Ассур-бани-пал называет Сина "первенцем Бэла", как и в вавилонских текстах, тем самым давая нам ключ к прямому вавилонскому происхождению Сина.

Нуску о блестящем скипетре

Странно, что, хотя мы знаем, что Нуску был вавилонским богом с ранних времен и фигурировал в пантеоне Хаммурапи, только в ассирийские времена мы получаем о нем сколько-нибудь определенную информацию. Символы, используемые в его имени, - скипетр и стилус, а сам он назван Шалманезером I "Носителем блестящего скипетра". Это обстоятельство роднит его с Набу, для обозначения которого используются те же символы. Однако трудно поверить, что эти двое - одно целое, как считают некоторые авторы, ведь Нуску, несомненно, солнечное божество, в то время как Набу, похоже, изначально был богом воды. Однако нередки случаи, когда одно и то же божество проявляло и солнечные, и водные черты, и их можно найти среди богов американских рас. Так, у майя Центральной Америки бог Кукулькан изображается как с солнечными, так и с водными атрибутами, и подобные примеры можно почерпнуть из менее известных мифологий. Нуску и Набу, однако,

вероятно, каким-то образом связаны между собой, но каким именно образом - неясно. В вавилонские времена Нуску слился с Гибиллом, богом огня, что, возможно, объясняет его фактическое исчезновение в южном царстве. В Ассирии он упоминается как посланник Бел-Меродаха, а Ассур-Бани-Пал обращается к нему как к "высокопочтимому посланнику богов". Ассирийцы, похоже, никак не отождествляли его с Гибиллом, богом огня.

Бел-Меродах

Даже Бел-Меродах был поглощен ассирийским пантеоном. Для ассирийцев Вавилония была страной Бэла, и они называли своих южных соседей "подданными Бэла". Разумеется, под этим следует понимать не древнего Бэла, а Бэла-Меродаха. Они даже называли правителя, которого поставили над завоеванной Вавилонией, правителем Бэла, настолько тесно они отождествляли бога со страной. Только во времена Шалманесера II - в девятом веке до нашей эры - мы находим имя Меродах, используемое для Бэла, настолько всеобщим стало использование последнего. Конечно, было невозможно, чтобы Меродах занял первое место в Ассирии, как он это сделал в Вавилонии, но это дань вере ассирийцев в его величие, что они поместили его в пантеон сразу после Асхура.

Боги-пленники

Ассирийские правители были достаточно политичны, чтобы отдать это место Меродаху, поскольку не могли не видеть, что Вавилония, из которой они черпали свои искусства и науки, а также свои религиозные верования, и от которой они извлекали пользу во многих направлениях, должна быть достойно представлена в национальной религии. И как римляне, завоевывая Грецию и Египет, переняли многие божества этих более культурных и менее могущественных стран, стремясь таким образом теснее привязать к себе жителей завоеванных провинций, так и ассирийские правители полагали, что, если они включают Меродаха в свою иерархию, он станет настолько ассирийским в своем мировоззрении, что перестанет быть полностью вавилонским, и, несомненно, будет работать в пользу более сильного царства. Ни в одной из религий древности, как в ассирийской, не была так сильна идея о том, что бог завоеванного или подвластного народа должен стать фактически пленником в стране завоевателей или, по крайней мере, должен быть поглощен их национальным культом. Некоторые ассирийские монархи дошли до того, что почти всех мелких идолов, с которыми они сталкивались во время своих завоеваний, перетаскивали в великий храм Асшура, и очевидно, что они делали это не с намерением искоренить поклонение этим богам в завоеванных ими областях, а потому что хотели сделать из них политических пленников и поместить их в храм-тюрьму, где они не смогли бы отомстить им или помочь их избитым поклонникам в войне против них в будущем.

Здесь уместно подчеркнуть, насколько сильно ассирийский народ, помимо своих правителей, лелеял древние верования Вавилонии. Оба народа были в основном одного происхождения, и любое движение, целью которого было уничтожение вавилонской религии, встретило бы сильнейшую враждебность со стороны населения Ассирии. Как ацтеки-завоеватели, по-видимому, с огромным почтением относились к поклонению тольтеков, чьи земли они покорили, так и менее культурные ассирийцы считали все, связанное с Вавилонией, особенно священным. Цари Ассирии, по сути, ничуть не гордились тем, что являются правителями Вавилонии, и были чрезвычайно мягки в обращении со своими южными подданными - гораздо более мягки, чем в поведении с жителями Элама или других завоеванных территорий. Мы даже видим, что цари говорили о себе, как о назначенных богами править землей Бел.

Ассирийские монархи старались не нарушать древний вавилонский культ, а Шалманесер II, завоевав Вавилонию, действительно вошел в храм Меродаха и принес ему жертву.

Ассирийские Бел и Белит

Что касается Бэла, чье место Меродах узурпировал в вавилонском пантеоне, то он был признан и в Ассирии, и Тиглат-Пилесер I построил ему храм в своем городе Асхуре. Тиглат приставляет к имени бога прилагательное "старый", чтобы показать, что он имеет в виду Бэла, а не Бэла-Меродаха. Саргон, обладавший античными вкусами, также обращается к Бэлу, которого он называет "Великой горой", причем имя бога следует сразу за именем Асшура. Бэл также упоминается в связи с Ану как дарующий победу. Его супруга Белит, хотя иногда ее соединяют с ним, чаще всего фигурирует как жена Асшура и почти так же часто как вариант Иштар. В храме в городе Асшур Тиглат-Пилесер I сделал Белит подарки, состоящие из изображений богов, побежденных им в различных походах. Ассур-бани-пал тоже считал Белит женой Асшура, а себя - их сыном, называя Белит "Матерью великих богов", что свидетельствует о том, что, как и у большинства ассирийских царей, эгоизм у него преобладал над чувством юмора. В пантеоне Ассур-бани-пала Белит занимает место рядом со своим супругом Асхуром. Но, похоже, между Белит и Иштар была большая путаница из-за общего значения слова "Белит".

Набу и Меродах

Как и в Вавилонии, так и в Ассирии, Набу и Меродах выступали в паре, часто как Бел и Набу. Особенно часто к ним обращались, когда решались дела Вавилонии. В седьмом веке до нашей эры культ Набу был очень популярен в Ассирии, и Рамман-Нирари III, похоже, предпринял попытку значительно продвинуть Набу. Он воздвиг богу храм в Калахе и пожаловал ему множество громких титулов. Но даже в этом случае не похоже, что Рамман-Нирари намеревался возвеличить Набу за счет Асшура. Да и при всем желании это было бы невозможно. Асшур был таким же национальным богом ассирийского народа, как Осирис - египтян. Набу был покровителем мудрости и искусств; он управлял стилусом писца; по этим качествам он очень близок к египетскому Тоту и почти идентичен другому вавилонскому богу, Нуску, о котором говорилось на стр. 224, 225. Саргон называет Набу "Провидцем, ведущим богов", и, судя по некоторым упоминаниям о нем, он также считался лидером небесных или духовных сил. Цари, которые любили эрудицию, очень почитали Набу, и многие таблички в их литературных сборниках завершаются благодарностью ему за то, что он открыл им уши для получения мудрости.

Эа

Эа, конечно, был принят в ассирийский пантеон из-за его принадлежности к старой ассирийской триаде, но он также считался богом мудрости, возможно, из-за его почтенной репутации; мы видим его также покровителем искусств, особенно строительства и архитектуры. В этом отношении его власть была втрое больше. Великие Колоссы, огромные крылатые быки и мифологические фигуры, украшавшие проспекты, ведущие к царским резиденциям, изображения богов и, наконец, величайшие здания - все это примеры архитектурного искусства, покровителем которого он был.

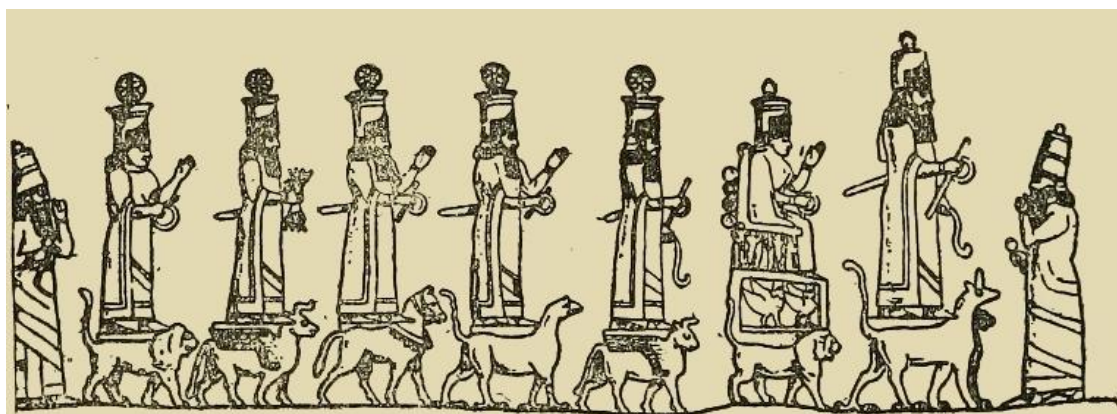
Диббарра

Еще одним вавилонским божеством, вошедшим в число ассирийского пантеона, был Диббарра, бог чумы, которого можно назвать богом лишь из вежливости, поскольку он в гораздо большей степени походил на демонического персонажа и в свое время почти

наверняка был злым духом. Мы уже упоминали о поэме, в которой он своим насилием низлагает людей и армии, и, вероятно, именно на основе одного из ее текстов Ассур-банипал придумал идею, что мирные жители, погибшие в его походах на Вавилонию, были убиты Диббаррой.

Меньшие боги

Некоторые из низших вавилонских богов, такие как Дамку и Шарру-Илу, по-видимому, вызывали к себе мимолетный интерес, но поскольку в вавилонских текстах о них мало что можно найти, вряд ли стоит уделять им много внимания в такой главе, как эта. Скорее всего, ассирийцы приняли вавилонских богов не только на основании их родной репутации, но и на основании встречаемости их имен в древних религиозных текстах, с которыми их жрецы были хорошо знакомы, и хотя в целом они приняли практически всю вавилонскую религию и ее богов целиком, несомненно, что некоторые из них по своей природе и атрибутам привлекали их больше, чем другие, и поэтому имели в их глазах несколько иное значение, чем то, которое придавали им более миролюбивые жители Южного царства.

Шествие богов. Наскальный рельеф в Малатии (хребет Антитавра). Порядок справа налево: Ашшур, Иштар, Син, Энлиль, Шамаш, Адад и Иштар из Арбелы. Из книги *"Религиозные верования и практика в Вавилонии и Ассирии"* профессора Джастроу (G. P. Putnam's Sons).

ГЛАВА VIII: ВАВИЛОНСКОЕ ЗВЕЗДОПОКЛОНСТВО

Древняя Халдея, несомненно, была местом рождения той таинственной науки астрологии, которой суждено было оказать такое влияние на европейский ум в Средние века и которая до сих пор не перестает забавлять любопытных и льстить надеждам легковверных. Изучал ли какой-либо более примитивный народ, чем аккадцы, движение звезд, сказать было бы крайне сложно. Вероятно, аккадцы или вавилоняне были первыми, кто попытался это сделать. Равнина Месопотамии как нельзя лучше подходит для изучения движения звезд. По большей части она ровная, и здесь мало гор, вокруг которых может скапливаться влага, заслоняющая небо. Кроме того, климат значительно облегчает такие наблюдения.

Как и большинство первобытных людей, вавилоняне первоначально считали звезды картинами, нарисованными на небе. В более позднюю эпоху они были названы "письменами небес"; небо представлялось великим сводом, и движения, наблюдаемые древними астрономами, считались делом рук одних только звезд. Конечно, уже на раннем этапе можно

было заметить, что некоторые звезды казались неподвижными, в то время как другие двигались. Между различными звездами и планетами проводились линии, и фигуры, которые получались в результате, рассматривались как предзнаменования. Кроме того, определенные группы или созвездия были связаны с такими линиями, которые приводили к их отождествлению с различными животными, и в этом мы можем наблюдать влияние анимизма. Вавилонский зодиак, за исключением знака Меродаха, был отождествлен с одиннадцатью чудовищами, составляющими воинство Тиавата. Таким образом, похоже, что зодиакальная система в целом зародилась в Вавилонии. Знания халдейских астрономов, по-видимому, были значительными, и вполне вероятно, что они были знакомы с большинством созвездий, известных поздним грекам.

Легенда о происхождении звездопоклонства и идолопоклонства

Маймонид, знаменитый еврейский раввин и друг Аверроэса, в своем комментарии к *Мишне* рассказывает следующую легенду о происхождении астрологии:

"Во дни Еноса, сына Сифа, сыновья Адама заблуждались с великим заблуждением, и совет мудрецов того времени стал грубым, и сам Енос был из тех, кто заблуждался. А ошибка их была такова: они говорили: "Так как Бог создал эти звезды и сферы, чтобы управлять миром, и поставил их на высоте, и воздал им честь, а они - служители, которые служат перед Ним, то подобает, чтобы люди хвалили и прославляли их и воздавали им честь. Ибо такова воля Божья, чтобы мы хвалили и превозносили того, кого Он превозносит и чтит, как царь чтит тех, кто стоит перед ним. А это - честь самого царя. Когда это вошло в их сердца, они начали строить храмы звездам, приносить им жертвы, восхвалять и превозносить их словами и поклоняться им, чтобы, по их злому мнению, получить благосклонность своего Творца. И это было корнем идолопоклонства; ибо со временем среди сынов Адама появились лжепророки, которые говорили, что Бог заповедал им и сказал: "Поклоняйтесь такой-то звезде или всем звездам и приносите им жертвы так-то и так-то; и постройте храм ей, и сделайте изображение ее, чтобы все люди, женщины и дети, могли поклоняться ей". И лжепророк *показал им образ*, который он сделал из своего сердца, и сказал, что *это образ* той звезды, которая была известна ему по пророчеству. И начали они таким образом делать изображения в храмах, под деревьями и на вершинах гор и холмов, и собирались вместе и поклонялись им; и *распространилось это по всему миру*, чтобы служить изображениям, отличающимся одно от другого, и приносить им жертвы и поклоняться им. Так, с течением времени, славное и страшное Имя было забыто из уст всех живущих и из их знания, и они не признавали Его. И не нашлось на земле людей, которые бы знали что-либо, кроме изображений из дерева и камня и каменных храмов, которым они с детства были приучены поклоняться и служить, и клясться их именами; И мудрецы, которые были среди них, жрецы и им подобные, думали, что нет Бога, кроме звезд и сфер, ради которых и *по подобию которых* они сделали эти изображения; а что касается Скалы Вечной, то не было человека, который признавал бы Его или знал Его, кроме нескольких человек в мире, таких как Енох, Мафусаил, Ной, Шем и Хевр. И так мир творил и общался, пока не родился этот столп мира, Аврам, отец наш".

Предположения халдеев

Чтобы правильно понять вавилонские религиозные доктрины, необходимо разобраться в природе астрологических спекуляций древних халдеев. Уже в ранний период они поняли, что вечные и неизменные законы лежат в основе планетарного движения, и, похоже, умели предсказывать затмения. Вскоре они также начали отождествлять несколько небесных тел с богами. Так, путь солнца был известен как "путь Ану", а ход луны и планет они определяли по

эклиптике или пути солнца. Странно, что для слова "звезда" и для слова "бог" они использовали одну и ту же идеограмму, с той лишь разницей, что в случае с богом они повторяли знак три раза. Если солнце и луна по анимистическим законам считаются богами, то вполне логично, что звезды и планеты также должны рассматриваться как меньшие божества. Действительно, поэты до сих пор используют такое выражение, как "воинство небесное", а у классических авторов мы часто встречаем утверждение, что звезды в своих курсах сражались за такого-то и такого-то человека. Это равносильно утверждению, что звезды обладают волей, и даже если по их движениям искали предзнаменования, можно было считать, что они являются результатом воли самих звезд как божеств или божественных личностей. И снова мы видим, как идея о том, что боги обитают на "небесах", то есть на небе, проистекает из ранних астрологических представлений. Боги во многих случаях отождествлялись со звездами, поэтому вполне естественно предположить, что они обитают в небесной области. В наш просвещенный век даже умному и просвещенному человеку очень трудно отделить идею Бога от идеи обитания на небе или "где-то там, наверху".

Идея космоса также должна была способствовать такому представлению о пребывании богов в верхних областях воздуха. Земля была бы недостаточно велика для них, но бескрайний свод над головой предоставил бы им достаточно места для обитания. Кроме того, если солнце и луна - боги, то для других божеств было бы вполне естественно обитать рядом с ними, то есть на "небе Ану", как вавилоняне называли небо. Высказывалось предположение, что концепция пантеона, обитающего на небе, возникла в результате теологических процессов, выдвинутых школой или жречеством, но нет причин полагать, что это было именно так, а возможности легко покрываются обстоятельствами анимистической теории.

Планеты, отождествляемые с богами

Юпитер, самая большая из планет, отождествлялся с Меродахом, главой вавилонского пантеона. В истории о сотворении мира он управляет другими звездами под именем Нибиру. Иштар отождествлялась с Венерой, Сатурн - с Нинибом, Марс - с Нергалом, Меркурий - с Набу. Более чем странно, что боги с определенными атрибутами должны были привязаться к определенным планетам в нескольких странах, и это иллюстрирует глубокое и продолжительное влияние, которое семитская религиозная мысль оказала на эллинскую и римскую теологические системы. Связь слишком очевидна и слишком точна, чтобы не быть результатом тесной связи. Действительно, существуют сотни доказательств в пользу такой теории. Кто, например, может предположить, что Афродита - это не кто иная, как Иштар? Римляне отождествляли свою богиню Диану с покровительницей Эфеса. Действительно, есть следы прямых связей греческой богини с луной, а еще она, как и Иштар, была связана с нижним миром и морем. В далекие времена у греков были многочисленные и процветающие колонии в Малой Азии, которые, вероятно, способствовали распространению азиатских и особенно вавилонских преданий.

Солнце считалось пастухом звезд, а Нергал, бог разрушения и подземного мира, - "главной овцой", вероятно, потому, что из-за румяной природы его света он был наиболее заметным объектом. Ану - Полярная звезда эклиптики, Бел - Полярная звезда экватора, а Эа на южных небесах отождествлялся со звездой в созвездии Арго. Неподвижные звезды, вероятно, были выбраны ими из-за их постоянной и элементарной природы. Солнце они представляли едущим на колеснице, запряженной лошадьми, и мы часто замечаем, что фигуры, изображающие светило на греческих вазах и других останках, носят фригийский колпак, типично азиатский и неэллинский головной убор, что служит доказательством того, что идея

солнца как возницы, возможно, зародилась в Вавилонии. Поклонение луне или, по крайней мере, исчисление времени по фазам луны часто предшествует солнечному культу, и мы находим в вавилонской религии следы бывшего высокого положения бога луны. Луна, например, не входит в стадо овец под руководством солнца. Сам факт того, что календарь регулировался ее движениями, был достаточным, чтобы этого не допустить. Как и краснокожие индейцы и другие примитивные народы, вавилоняне имели сельскохозяйственные названия для каждого месяца, но эти периоды также находились под непосредственным покровительством какого-либо бога или богов. Так, первый месяц, Низан, священен для Ану и Бэла, а второй, Ияр, - для Эа. Сиван посвящен Сину, а по мере приближения летнего сезона солнечные боги распределяются по месяцам. Шестой месяц священен для Иштар, а седьмой - для Шамаша, великого бога солнца. Меродах правит восьмым, а Нергал - девятым месяцем. Десятый, как это ни любопытно, священен для одного из вариантов Набу, для Ану и для Иштар. Одиннадцатый месяц, как и положено, посвящен богу бурь Рамману, а последний месяц, Адар, приходящийся на сезон дождей, управляется семью злыми духами.

Ни одна из богинь не удостоилась звездных почестей. Названия месяцев, вероятно, были весьма популярны по своему происхождению. Так, первый месяц называли "месяцем святилища", третий - "периодом изготовления кирпичей", пятый - "огненным месяцем", шестой - "месяцем миссии Иштар", что означало ее нисхождение в царство Аллату. Четвертый месяц обозначался как "разбрасывание семян", восьмой - как месяц открытия плотин, девятый - как "обильное плодородие", а одиннадцатый был известен как "разрушительный дождь".

В этом раннем поклонении звездам у древних вавилонян мы находим общее происхождение религии и науки. Так же как магия в некоторой степени имеет природу настоящей науки (ведь некоторые авторитеты считают ее псевдонаучной по происхождению), так и религия, или, возможно, правильнее сказать, ранняя наука очень тесно связана с религией. Таким образом, можно полагать, что религиозный интерес к ранней астрономии подтолкнул древних звездочетов Вавилонии к получению дополнительных знаний о движении тех звезд и планет, которые они считали божествами. Боги настолько тесно связаны с древнехалдейской астрономией, что абсолютно отождествляются с ней во всех отношениях. Каждому из главных богов было присвоено число, которое, казалось бы, должно было показать, что они каким-то образом связаны с математической наукой. Так, число Иштар - пятнадцать; число Сина, ее отца, ровно в два раза больше. Ану принимает шестьдесят, а Бел и Эа представляют пятьдесят и сорок. Рамман отождествляется с десятью.

В этом месте было бы бесполезно пытаться изложить астрологическую науку в Вавилонии, о которой наши знания туманны и скудны. Многие еще предстоит исследовать, прежде чем можно будет написать о ней что-то более определенное, и может пройти много лет, прежде чем работники этой сферы будут вознаграждены открытием текстов, касающихся халдейского звездоведения.

ГЛАВА IX: ЖРЕЧЕСТВО, КУЛЬТ И ХРАМЫ

В ранний период вавилонской истории жречество и царская власть были объединены в одну должность, и только спустя несколько веков после начала вавилонской истории, как мы ее знаем, эти две должности были разделены. Действительно, еще долгое время после этого монархи Вавилонии и Ассирии с особым удовольствием называли себя жрецами такого-то и такого-то божества и, по всей вероятности, лично прислуживали у алтарей богов в случаях высокой религиозной святости. Жречество в целом называлось "*шангу*", что может означать "жертвоприношение", и нет сомнений, что поначалу, как и у других народов, вавилонский жрец был практически знахарем. В его обязанности входило защищать людей от нападений злых демонов, вызывающих болезни, и козней колдунов, а также предсказывать будущее и узнавать волю и намерения богов. Вполне понятно, как такого чиновника стали называть "жертвоприносителем", ведь, казалось бы, лучший способ добиться расположения богов - сделать им подношения через уполномоченного посредника. Действительно, раннее жречество Вавилонии, по-видимому, было в равной степени магическим, чем религиозным, и мы читаем о *маху*, или прорицателе, *мушелу*, или некроманте, *асипу*, или колдуне, и *машмашу*, или заклинателе, чьи особые функции, вероятно, изложены в их нескольких названиях.

Но по мере развития цивилизации и формирования теологических взглядов религиозные обряды стали занимать место того, что было мало чем лучше колдовства. Говорят, что магия - это попытка наложить руки на богов, побороть их, в то время как религия - это обращение к их защитным инстинктам. Когда во Вселенной стало утверждаться мнение о существовании такого качества, как справедливость, и когда идея справедливых богов получила признание среди людей благодаря наставлениям мыслящих теологов, более вульгарные практики колдунов-жрецов вышли из употребления если не среди населения, то среди высших классов, и на смену простым заклинаниям пришел более внушительный церемониал. Кроме того, будучи основанной на идее милосердия, а не просто власти, религия неизменно рекомендовала себя, с политической точки зрения, тому классу ума, который стремится к немедленному и практическому прогрессу, в отличие от того, который стремится поощрять простые спекуляции. По мере развития ритуала обнаружилась необходимость в новых ветвях священства. Во главе жреческой организации стоял *шанган-маху*, и каждый класс жрецов также имел своего начальника. Жрецы были кастой, то есть, вероятно, право на вступление в жречество принадлежало определенным семьям, но жрецы воспитали много молодых людей, которые впоследствии не выполняли своих функций, а стали писцами или юристами.

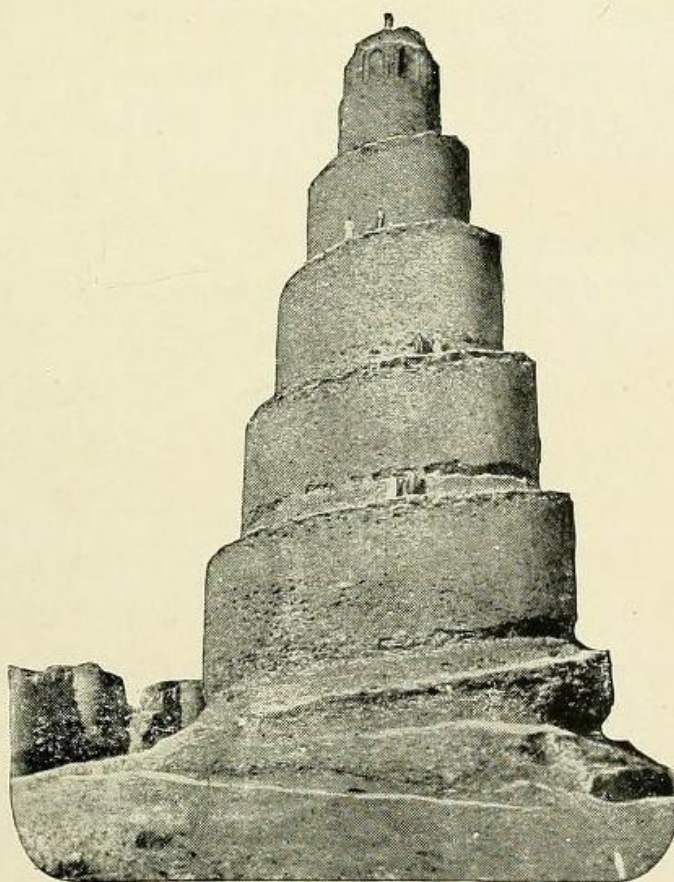
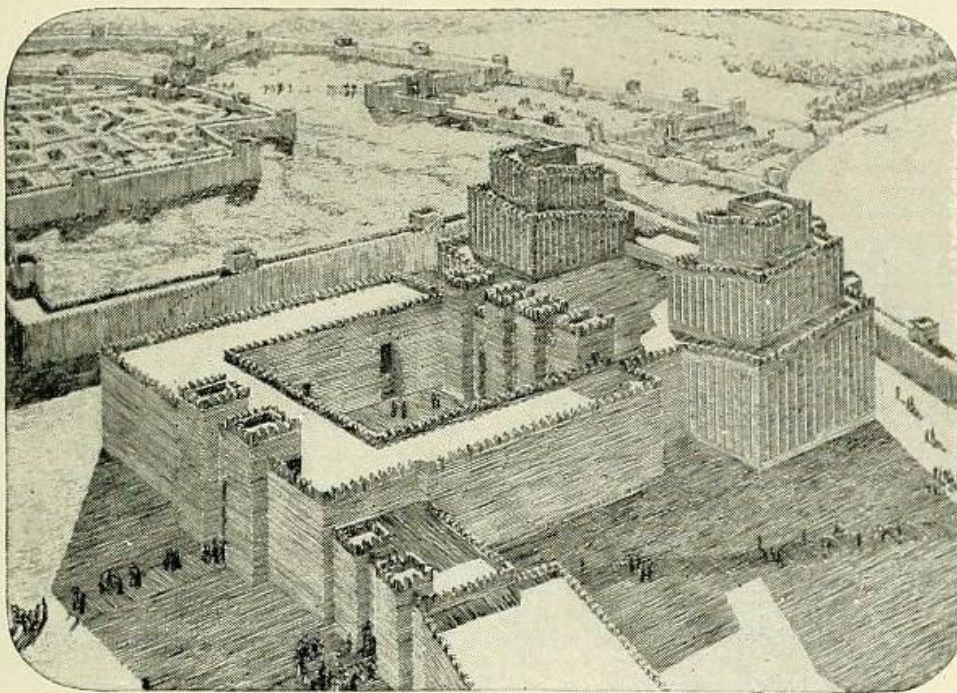
Как и в большинстве примитивных религий, день жреца был тщательно разделен. Он состоял из трех часов, а ночь делилась на такое же количество часов. Таким образом, три эстафеты жрецов выполняли свои обязанности в течение дня и три - в течение ночи.

Жрицы также были известны в Вавилонии, и в текстах есть много упоминаний о "священных женщинах". Некоторые из них были экзорцистками, а другие, подобно греческим питонессам, возглавляли оракулы в святилищах. Особенно много жриц было в культе Иштар, и они были нескольких классов.

Жертвоприношения

Как и другие семитские народы, вавилоняне придавали большое значение вопросу жертвоприношений. Профессор Робертсон Смит в своей книге "*Религия семитов*" утверждает, что жертвоприношение у этой расы рассматривалось как трапеза, которую разделяли между собой поклоняющийся и божество. Такой взгляд на жертвоприношение распространен почти во всем мире среди народов, находящихся на более высоких стадиях варварства, если не на стадиях дикости.

Не существует источника, из которого мы могли бы точно узнать, как именно совершались вавилонские и ассирийские жертвоприношения. По мере развития цивилизации то, что предназначалось богу, почти всегда шло на нужды храма. Некоторые части животного, не пригодные для употребления в пищу, сжигались во славу божества. Однако кровь животного могла считаться более угодной богам, и ее, вероятно, выливали на алтарь. Эта практика имеет явно магическое происхождение. Маг верит, что мертвые, демоны и вообще сверхъестественные существа испытывают особую тягу к крови, и мы помним яркое описание Гомера о том, как после того, как была прорублена траншея и туда вылили кровь жертв, теневые образы мертвых слетались к ней и пожирали пар, исходящий от жертвоприношения. В некоторых культах богам приносят в жертву только кровь, и, возможно, самым ярким примером этого является религия древней Мексики, в которой кровь считалась фабулой или пищей богов, а тело жертвы - церемониальным трупом божества, который должны были съесть его поклонники.

1. Зиккураты Ану-Адада в Ашуре.

2. Сценическая башня в Самарре.

Из книги *"Религиозные верования и практика в Вавилонии и Ассирии"* профессора Морриса Джастроу с разрешения издательства "G.P. Putnam's Sons".

Храмы Вавилонии и Ассирии

Этап строительства храмов характерен для вавилонской религии с самого раннего периода. Более чем за 3000 лет до окончательного угасания культа мы видим, как в долине Евфрата возводятся места поклонения. Даже в более поздние времена эти вавилонские сооружения, по-видимому, строились скорее для практических, чем для эстетических целей, а в начале эпохи храмового строительства они представляли собой грубейшие сооружения из кирпича, без попыток архитектурной проработки. Ранним идеалом было воспроизведение в миниатюре "горы всех земель" - Хурсаг-Куркура, места рождения богов, и для этого храм возводился на горной куче земли. К примитивному одноэтажному зданию стали добавлять другие этажи, пока в погоне за общим идеалом высоты они не превратились в настоящие Вавилонские башни, стремящиеся дотянуться до небес. Эти *зиккураты*, или ступенчатые башни, как их еще называли, строились из кирпича и были четырехугольными по форме, их четыре стороны были обращены на север, юг, восток и запад соответственно. Их мрачный и неприветливый вид в некоторой степени облегчался использованием ярких красок, но ни в форме, ни в цвете не стоит искать ни особого художественного интереса, ни особого религиозного или иного символизма, хотя как в поздневавилонские, так и в наши дни предпринимались попытки найти их астрологическое толкование. Со временем зиккурат стал больше похож на "высокое место", чем на храм, алтари и святилище располагались вокруг его основания.

С этим развитием храмовой территории начался новый этап. Были построены огромные дворы, опирающиеся на кирпичные колонны и заключающие в себе всевозможные постройки, связанные с культом божества, которому был посвящен храм. Эти дворы, по большей части открытые небу, занимали большую площадь - в некоторых случаях, возможно, до десяти или двенадцати акров. Материалом для их строительства по-прежнему служил кирпич, хотя для ворот и крыш небольших храмов использовалось дерево. С течением времени они становились все более богато украшенными, для их отделки импортировались драгоценные металлы и древесина, а драпировки и цветные кирпичи использовались с более или менее эстетскими намерениями. В некоторых ассирийских храмах использовались каменные колонны. Интерьер храма состоял из центрального зала, "святая святых", где устанавливалась статуя бога, в честь которого было построено святилище, и зала собраний, где собирались боги пантеона.

Храмы Вавилонии очень похожи на храмы древней Мексики и Центральной Америки, ведь как халдейский храм развился из идеи "священного холма", так и мексиканский *теокалли*, или "дом Бога". Возникнув, вероятно, в виде грубого земляного кургана, храм в обеих странах прошел через марш цивилизации под влиянием собственно архитектуры. В Америке до сих пор сохранилось множество звеньев в цепи эволюции между грубым земляным курганом и резным теокалли, но в случае с Вавилонией у нас есть только предположения, подтверждающие теорию такого развития. Однако эти умозаключения очень весомы. Начав, вероятно, с одноэтажного строения, мы видим, что и мексиканские, и вавилонские "высокие места" развивают вторую, затем третью, четвертую, пятую и даже шестую стадии в случае Вавилонии, а иногда и четвертую в случае Мексики.

Необходимо провести резкое различие между египетской пирамидой и храмами Вавилонии и Ассирии. Пирамида в стране Нила, несомненно, развилась из могильного кургана, каирна.

Это место захоронения монарха, не имеющее никакого отношения к религиозному культу. Зиккураты Вавилонии и теокаллис Мексики, как следует из их названий, несомненно, имели религиозное происхождение и не имели никакого отношения к погребению.

Но между ними есть одно существенное различие, и заключается оно в том, что если в Мексике теокалли редко имели интерьеры, то в храмах Вавилонии это случалось очень часто. Правда, к мексиканским храмам были пристроены здания, называемые *теопан*, но это, по-видимому, были жилые помещения для жрецов различных рангов. В Вавилонии, напротив, возникло другое описание резиденции. Это был собственно храм, не считая зиккурата или башни. В большинстве вавилонских городов имелся определенный религиозный квартал, и благодаря раскопкам мы в некоторой степени знакомы с их планом и внешним видом. Возможно, самым известным примером является квартал в Ниппуре, площадь которого, судя по всему, составляла около шестнадцати акров. Большой двор был выложен кирпичными колоннами, и при раскопках было обнаружено, что он поддерживал деревянную крышу. Рядом с ним находилось здание, в котором велись храмовые записи. Люди собирались для поклонения во втором дворе из шестидесяти деревянных колонн с опорами и капителями из металла, и там, в специально построенном для этой цели бассейне, они совершали омовение перед жертвоприношением. В восточном конце этого двора был установлен шатер, в котором находился ковчег. Можно сказать, что этот вид двора характерен для семитских культов, так как подобная структура, несомненно, присутствовала в большинстве древнееврейских храмов. Этот двор с колоннами был окружен палатами, которые, вероятно, служили административными помещениями и, возможно, жилищами для жрецов и прислуги, а также киосками для продажи жертвенных приношений. На территории храма находился колледж для подготовки молодых священников, а также астрономические обсерватории, и вокруг них, как и в Иерусалимском храме, собирались ученые округа, чтобы поспорить о религиозных вопросах и разделить теологические разногласия. Вавилонские жрецы были также адвокатами своего времени, и суды правосудия, вероятно, находились рядом с храмом.

Многие из этих религиозных зон, как, например, в Вавилоне, Ниппуре, Сиппаре и Уре, были настолько обширны, что в действительности представляли собой священные города. Вся территория была обнесена крепостной стеной, и даже отдельные части храмовых зданий также были окружены меньшими стенами. Материал, из которого строились эти сооружения, был универсальным - кирпич. В ранние времена использовался кирпич, высушенный на солнце, но поскольку его применение приводило к крошению и быстрому разрушению большинства построек из него, ему на смену пришли кирпичи, высушенные в печи, а поскольку они часто покрывались глазурью, их долговечность значительно увеличивалась. Цементом для их скрепления служил обычный битум, который в больших количествах встречался в Вавилонии, а крыша обычно строилась из дерева, причем излюбленным материалом для плотников были кедры из Ливана.

По планам реставрации, которые нам предоставили несколько исследователей, мы можем судить о том, насколько величественным и поразительным должен был быть интерьер многих вавилонских храмов. Эмалированные кирпичи, отполированная деревянная отделка, блестящие драгоценные камни, инкрустация золотом и серебром на стенах и потолках, должно быть, действительно ослепляли зрителя. Семиты были склонны к использованию ярких цветов, а поскольку целью архитекторов было затмить в своих интерьерах само солнце, мы можем судить об эффекте. Драпировки и ковры, вероятно, также использовались в изобилии. Деревянные ворота были покрыты рельефной бронзой. Проходя через них, верующий, должно быть, испытывал глубокое впечатление от удивительной игры цвета и

тени, сочетающихся в интерьере. Необъятность длины и высоты внушала ему глубокий трепет, а занавес, отгораживающий святая святых, был для него границей между человеческим и божественным. За этим занавесом, вероятно, находилась статуя бога, а камера, в которой она находилась, называлась *"папаху"*, что означает "закрытая". По всей вероятности, туда не имел доступа никто, кроме царя и высших религиозных чиновников. Это действительно была святая святых. На каменной табличке, найденной в Сиппаре, изображен бог Шамаш, сидящий в такой камере. Он сидит на низком троне, а перед ним стоит алтарь с символом бога-солнца. Перед ним стоят монарх и жрец. Украшение такой камеры было чрезвычайно пышным: пол, стены и потолок были инкрустированы драгоценными камнями, а в некоторых случаях, как в случае с Меродахом в вавилонском храме, статуя и алтарь перед ней были из чистого золота.

Великие храмостроители

История храмового строительства в Вавилонии начинается с ранних времен. Мы видим, как Саргон и Нарам-син называют себя "строителями храма Эн-лиля в Ниппуре". Гудеа, вероятно, был первым правителем, достигшим больших результатов в храмовом строительстве. Хаммурапи также был активным строителем святилищ. Но помимо планирования возведения новых храмов, цари Вавилонии и Ассирии, по-видимому, ревностно относились к восстановлению и улучшению старых храмов в стране. Реставрация часто была необходима из-за того, что многие из старых святилищ были построены из высушенного на солнце кирпича, который не обладал такой долговечностью, как глазурованный кирпич, высушенный в печах, используемых в более поздние времена.

Ассирийские завоеватели Вавилонии считали своей политикой и своим удовольствием восстанавливать многие древние святыни покоренных ими земель, и при этом они часто указывали в своих записях возраст храма, над которым они работали, иногда давая нам ключ к дате его основания. Таким образом, мы можем проследить историю некоторых из этих древних зданий на протяжении более чем 3000 лет. Ассирийскому монарху, отстроившему святилище, оно должно было показаться таким же, как нам здание, возведенное во времена Соломона. Таким образом, во времена поздних ассирийских царей некоторые из древних храмов имели бы за собой такую же древнюю историю, как и храм в Иерусалиме в наши дни!

Ассирийские реставраторы этих древних фанз благочестиво ссылаются на их первоначальных строителей. Они бережно раскапывали старые камни фундамента, которые сохраняли, и упорно придерживались ритуала, который совершался в храмах Вавилонии с самых ранних времен.

Существует множество длинных списков храмов, и если предположить, что у каждого бога было свое святилище, сотни храмов должны были быть разбросаны по всей длине и ширине северных и южных земель. Вероятно, в Вавилонии, которая была старше и чей народ проявлял больше религиозных чувств, их было гораздо больше.

Храм Э-Кур

Самым древним из известных храмов Вавилонии был храм Э-Кура в Ниппуре, посвященный Эн-лилю. Вероятно, он был основан где-то около 4000 года до н. э. или даже раньше. До времен Саргона мы видим, как правители Ниппура украшали храм. Климат этого места требовал частых ремонтов, а в результате периодических народных революций храму был нанесен значительный ущерб. Мы видим, как Урбау около 2700 года до н. э. строит зиккурат на территории храма в Ниппуре, а через несколько веков после этого Бур-син ремонтирует этот зиккурат и добавляет новое святилище. В Э-Куре происходили многочисленные

политические изменения, и когда в стране правили иноземные династии, ее значение несколько ослабевало. Но более поздние иноземные правители проникательно увидели выгоду в восстановлении его потускневшего великолепия, и мы видим, что несколько царей из династии Касситов (ок. 1400 г. до н.э.) настолько почтили его, что поместили в его пределы votivный предмет из Элама, который первоначально был помещен в храм Иштар в Эрехе, откуда его вывез эламский завоеватель около 900 лет назад. Это было почти так же примечательно, как если бы Камень Судьбы, Лиа Фейл, в Вестминстерском аббатстве был возвращен на свое прежнее место в Ирландии.

Храм в Ниппуре в это время был посвящен Бэлу, прежде чем это божество было вытеснено Меродахом. Почти каждый из касситских правителей делал более или менее дорогостоящие дополнения к храму в Ниппуре, и по их нескольким надписям мы можем проследить его историю вплоть до ассирийских времен. Примерно в двенадцатом веке до нашей эры Э-Кур уступил свое главенство Э-Сагиле. Он был разграблен и частично разрушен, а затем восстановлен ассирийскими монархами, которые добросовестно украсили его и возвели множество новых зданий на его территории. Но во время нового вавилонского периода он снова был разграблен по приказу южных правителей, и в конце седьмого века до нашей эры его история заканчивается. Однако его место не утратило своей святости, так как использовалось в качестве кладбища и было частично заселено вплоть до двенадцатого века нашей эры.

Блистательный дом

Этот очерк истории Э-Кура послужит для описания истории многих других вавилонских храмов. Храм Шамаша в Сиппаре, который был известен как Э-баббара, или "Блестящий дом", можно проследить еще со времен Нарам-Сина. Он был восстановлен монархами из династии Касситов, но кочевые племена, постоянно угрожавшие миру Вавилонии, совершили вторжение, рассеяли жречество и разрушили великого идола Шамаша. Спустя почти 500 лет после этого "Блистательный дом" был восстановлен Набу-балиддином в прежнем великолепии. Навуходоносор восстановил часть храма, как и последний царь Вавилонии Набонид, который оскандалил вавилонских жрецов тем, что предпочитал поклоняться Шамашу.

Ур, лунный город

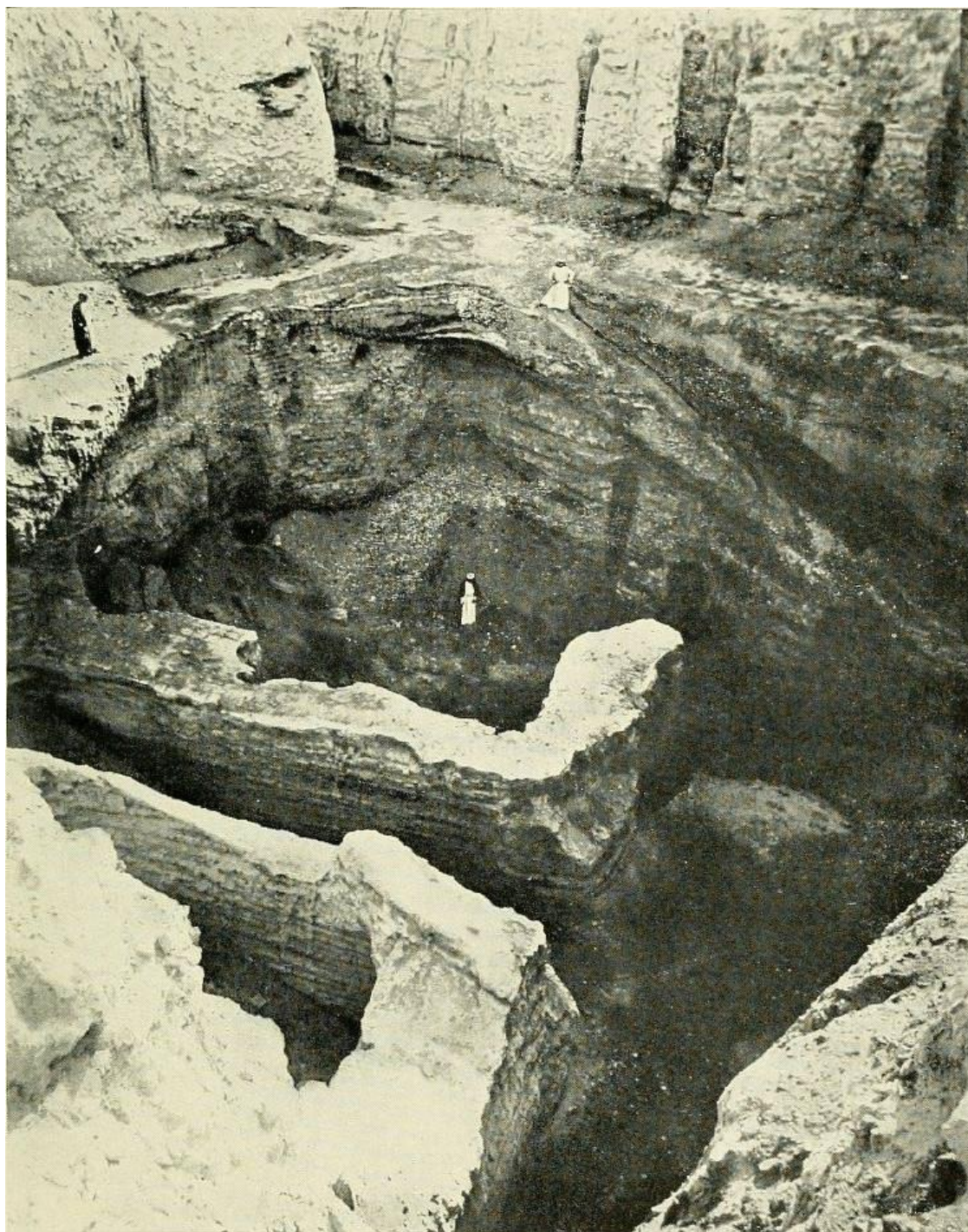
Мы помним, что один из главных центров культа Луны находился в Уре, городе, откуда пришел патриарх Аврам, и вполне вероятно, что он изначально был лунопоклонником. Другим таким центром лунного поклонения был Харран. Эти места считались особенно священными, поскольку культ луны был более древним, чем культ солнца, и поэтому к нему относились с большим почтением. В обоих этих городах были храмы Сина, бога Луны, и в них с энтузиазмом занимались астрологией и звездными наблюдениями. Харран не раз подвергался нашествию свирепых кочевых племен пустыни, но его престиж устоял даже перед их разрушительными наклонностями.

Храм Э-анна в Эрехе, посвященный Иштар, был одним из самых известных святилищ Вавилонии. Он, как и храмы в Ниппуре, упоминается в одной из легенд о сотворении мира как "светлый дом богов".

Храмы-близнецы

Храм Меродаха в Э-Сагиле и храм Набу в Э-Зиде были неразрывно связаны друг с другом, так как посещение одного из них практически влекло за собой посещение обоих. Изначальное

соперничество между богами закончилось неким слиянием, и вместе они, можно сказать, символизировали национальную религию Вавилонии. Действительно, их влияние было настолько велико, что его трудно переоценить. Теологическая мысль страны исходила из школ, которые группировались вокруг них, и они были великими литературными центрами Вавилонии, а значит, и родоначальниками ассирийской культуры.

Раскопанные руины храма Э-Сагилы. Две стены в центре обозначают вход в проход длиной в четверть мили, который соединял Вавилонскую башню с этим храмом. Copyright by Underwood and Underwood, London.

Храмы как банки

Возможно, для этой расы было характерно, что ее культовые сооружения постепенно становились великими финансовыми центрами и ядрами торговли и ростовщичества. Так как храмы были в значительной степени одарены царями Вавилонии и Ассирии и обладали огромными богатствами в виде земель, субсидий и рабов, они также имели в своем распоряжении армию рабочих и служащих. Но их руководители были также банкирами и ростовщиками, скупщиками и перекупщиками всевозможных продуктов и изделий, агентами по продаже недвижимости и вообще людьми, занимающимися торговлей. На территории храмов продавались всевозможные священные предметы: идолы, votivные подношения, амулеты и т. д. С какой целью жречество Вавилонии занималось коммерцией? Вряд ли это была та, в которой большую роль играла личная выгода, ведь безличный храм поглощал всю прибыль. Расходы на содержание таких святилищ должны были быть огромными, а если вспомнить роскошь их интерьеров и дороговизну богатых сосудов и алтарей, которыми они были оснащены, то можно не удивляться тому, что жречество, похоже, занималось униженной и ненужной коммерцией.

Праздники и фестивали

Вавилонские религиозные праздники, как правило, были периодами ликования и радости. У каждого бога был свой день праздника в календаре. Первый день года, или *Заг-муку*, был священным для богини Бау. Гудеа, сделавший Нин-гирсу своим фаворитом, попытался "пристроить" его на этот праздник, соединив его узами брака с Бау, и он преподносит ей брачные дары в день Нового года. Но позже *Заг-муку* был превращен в праздник Меродаха. То обстоятельство, что он отмечался в первый месяц года, говорит о том, что изначально он не принадлежал Меродаху, чей месяц был восьмым - Марчешуан. Но о его популярности красноречиво говорит тот факт, что великий новогодний праздник должен был быть посвящен именно ему. Судя по всему, он продолжался не менее десяти или двенадцати дней. Как уже было описано, торжественно праздновался союз Набу и Меродаха, отца и сына, и Набу с благочестивым визитом посетил святилище своего отца. Предполагалось, что другие боги собрались духом в храме Меродаха, чтобы наблюдать за церемонией, а после этого жрецы Меродаха проводили идола Набу обратно в его святилище, сами неся изображение своего божества.

Чтобы посмотреть на этот праздник, который отмечался со всем возможным великолепием, люди стекались со всех концов Вавилонии. Царь, подходя к статуе бога, брал ее за руки в знак согласия. В более поздние времена ассирийские монархи, чтобы узаконить себя в качестве правителей Вавилонии, проходили через эту церемонию, которая признавалась как должное удовлетворение их претензий на суверенитет в южной стране; но если они проходили через эту церемонию только один раз, то цари Вавилонии праздновали ее ежегодно с величайшей преданностью.

Палата судеб

Считалось, что на восьмой день праздника все боги собираются в "Палате судеб" Меродаха, чтобы выслушать его указ о судьбах людей на предстоящий год. Эта замечательная квартира считалась воспроизведением интерьера великой горы, где боги собирались на совет, так же как и зиккурат, который, как считалось, олицетворял саму гору. Она располагалась в особой части "горы", известной как *Убшу-Кенна*, и среди ее священных названий есть одно, которое можно перевести как "блестящая палата", что свидетельствует о том, что она должна была

быть богато украшена. Убшу-Кенну (или Упшукки-Наку) следует тщательно отличать от собственно "небес" вавилонских богов. Оно расположено на востоке, в Горе Восхода, недалеко от края мира, где его ограничивали воды великой глубины. По сути, это "блестящая палата", где восходит солнце.

Ритуалы оплакивания

По случаю любого национального или народного бедствия, например, поражения в войне, появления моровой язвы или затмения солнца или луны, произносилась определенная формула причитаний, которая, как считалось, должна была ослабить или предотвратить вредоносное влияние злых сил или карательные меры разгневанного бога. Разумеется, эта формула варьировалась в зависимости от божества или демона, который считался причиной бедствия. Многие из этих древних причитаний написаны на шумерском языке, что свидетельствует об их большой древности. Из них следует, что вавилоняне придерживались мнения, что если люди в чем-то согрешили, то боги отвращают от них свои лица и, удаляясь от них, оставляют их в жертву всевозможным бедствиям. Этим формулам сопутствовал определенный ритуал, одним из положений которого был пост, а жрецы также проводили очистительные церемонии весьма изощренного характера, вероятно, надеясь символически смыть грех, который так оскорбил богов.

В этих умиловительных церемониях чаще всего использовалась формула, которая была получена в священном городе Ниппуре, и особенно в храме Э-Кура. Монотонность этих плачей типична для древнесемитского культа. Они описывают произошедшие бедствия и жалобно молят богов об умиротворении. Лишь время от времени при их прочтении яркая строка или живописная фраза привлекает внимание и распаляет воображение. Пересказ одной из них вполне может охарактеризовать всю книгу. Бога Эн-лиля, пастуха темноголового народа, умоляют вернуться в свой город. К нему обращаются под различными именами его божества, такими как "владыка земель", "владыка верного слова", "владыка самосозданного видения" и т. д. Каждая отдельная часть храмовой территории упоминается в просьбе о возвращении - великие врата, хранилище и другие религиозные отделы. Трогательная бытовая картина рисуется в опустевших домах города; там, где женщина могла сказать своему молодому мужу: "Муж мой", где она могла сказать маленькому ребенку: "Дитя мое", где дева могла сказать: "Брат мой", где девочка могла сказать: "Отец мой", - там погибают маленькие, там погибают большие. В ее пиршественном зале ветер устраивает пир, ее улицы пустыньны".

Из некоторых текстов следует, что податели не знали, какой грех они совершили, и сохранилось множество так называемых "покаянных псалмов", в которых страдалец горячо взывает к богам освободить его от бремени неизвестного греха. Он плачет, не в силах сдержать себя. Он искренне плачет и умоляет через священника о божественной милости. Эти мольбы всегда заканчиваются одинаково - благочестивой надеждой на то, что сердце и печень бога будут умиротворены. У вавилонян, как и у современных армян, с которыми они, возможно, связаны, печень считалась местом обитания эмоций.

Иногда с помощью этих молитв достигается более высокая интеллектуальная и этическая плоскость. "Люди, - говорится в одной из них, - слепы: кто из них знает хоть что-нибудь? Они даже не отличают добро от зла". Бог горячо просит не отбрасывать своего слугу. Он находится в глубокой трясине и искренне молится, чтобы божество взяло его за руку, изменило грех на милость и позволило ветру унести его проступки.

Ужас затмения

Ужас перед затмением солнца или луны был очень реален для древних вавилонян. Табличка с историей семи злых богов или духов, хотя и сильно изуродованная, дает нам намек на то, что они нападали на луну. Они обитали в нижней части неба и были мятежны сердцем. В форме леопардов, змей и злобных хищных зверей они носились из города в город на крыльях злого ветра, разрушая и поражая. И ворвались они в небеса Ану, но Бел и Эа, посоветовавшись, поместили луну Син, солнце Шамаш, а планету Венеру Иштар в нижнюю часть неба, чтобы они управляли и контролировали его вместе с Ану. Не успело это свершиться, как семь злых духов яростно напали на бога Луны. Но Бел, видя опасность, грозящую Сину, сказал своему помощнику, богу Нуску: "Донеси весть об этом до океана, до бога Эа". Эа услышал весть и призвал своего сына, бога Меродаха. "Иди, сын мой Меродах, - сказал он, - войди к сияющему Сину, который на небе сильно осажден, и изгони врагов его с неба". По изуродованным остаткам табличек невозможно расшифровать контекст, но мы можем считать, что благочестивые усилия Меродаха были вознаграждены успехом.

Для большинства примитивных народов затмение означает, что бог солнца или луны либо потерпел бедствие, либо отвратил лицо от своих поклонников. Ежемесячное убывание луны заставляло древних верить, что она полностью исчезнет, если бог не будет умиротворен. Поэтому, если затмения не происходило, считалось, что усилия жрецов и людей увенчались успехом; в противном случае считалось, что они потерпели неудачу, и верховодила паника. В одной из молитв Сина просят не скрывать своего лица от народа. День месячного исчезновения луны называется днем бедствия, но с появлением новой луны на следующий день наступает сезон юбилея.

ГЛАВА X: МАГИЯ И ДЕМОНОЛОГИЯ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ

Как и другие примитивные расы, народы Халдеи почти не делали различий между религией и магией. Разница между жрецом и колдуном заключалась в том, что один использовал магию в религиозных целях, а другой - в своих. Литература Халдеи, особенно религиозная, изобилует упоминаниями о магии, а в ее заклинаниях и заговорах мы видим прототипы тех, которые использовали маги средневековой Европы. Действительно, некоторые ассирийские заклинания и магические практики настолько похожи на заклинания европейских колдунов Средневековья и примитивных народов современности, что трудно убедить себя в их независимом происхождении.

В Халдее, как и в Древнем Египте, грубые и неясные магические практики первобытных времен обрели форму и превратились в общепринятый ритуал, подобно тому как ранние религиозные идеи превращались в догмы под воздействием теологических споров и мнений. Как были люди, которые спорили по религиозным вопросам, так были и те, кто обсуждал вопросы магии. Это не значит, что термины "религия" и "магия" имели какие-то четко определенные границы. И совсем не очевидно, что они существуют для нас в двадцатом веке. Они пересекаются, и писатель давно убежден, что их отношения представляют собой лишь два круга, которые пересекаются друг с другом и области которых частично совпадают.

Писатель изложил свои взгляды на происхождение магии в одном из предыдущих томов этой серии,^[1] и ему почти нечего добавить к тому, что он тогда написал, за исключением того, что он хочет сделать акцент на отождествлении ранней религии и магии. Только когда они начинают развиваться, разветвляться, между этими двумя системами появляются различия. Если и есть какое-то обстоятельство, которое подчеркивает разницу больше, чем другое, так это то, что этический элемент не входит в магию так же, как в религию.

О том, что халдейская магия была предшественницей европейской средневековой магии, не считая народного колдовства и чародейства, говорит не только сходство между системами, но и введение в средневековую магию имен вавилонских и ассирийских богов и магов. Снова и снова Вавилон упоминается даже чаще, чем Египет, и мы постоянно встречаем имена Вельзевула, Иштар (как Астарта), Ваала и Молоха, в то время как имена демонов, явно вавилонского происхождения, встречаются почти в каждой работе по этой теме. Часто встречаются ссылки на вавилонских "мудрецов" и некромантов, а также на "звездочетов" из Халдеи. Напрашивается неотразимый вывод, что церемониальная магия, практиковавшаяся в Средние века, во многом обязана вавилонской.

Наши сведения о халдейской магии гораздо полнее, чем те, которыми мы располагаем о магии Древнего Египта. Сотни заклинаний, заклинаний и надписей-знамений были восстановлены, и они не только просвещают нас относительно класса жрецов, которые практиковали магию, но и рассказывают нам о нескольких разновидностях демонов, призраков и злых духов; они подробно описывают вавилонскую ведьму и волшебника, и представляют нам многие магические церемонии, а также сообщают нам названия десятков растений и цветов, обладающих магическими свойствами, магических веществ, драгоценностей, амулетов и тому подобного. Также они говорят о сортилеге или гадании на будущее, о рисовании магических кругов, об изгнании злых духов и демонов.

Корни науки

В этих вавилонских магических записях мы имеем, безусловно, наиболее полное представление о магии древнего мира. Это удивительная история, рассказанная этими кирпичами и цилиндрами из штампованной глины, - история первых попыток цивилизованного человека найти свет. Ведь в этих почтенных трудах мы должны признать первые попытки научного объяснения сил, которыми окружен человек. Наука, как и религия, уходит своими корнями глубоко в магию. Первобытный человек негласно верит в действенность магического ритуала. То, к чему он привел однажды, может привести снова, если будут созданы соответствующие условия. Таким образом, он обладает для варвара таким же элементом уверенности, как научный процесс для химика или электрика. При наличии определенных причин *должны* следовать определенные последствия. Конечно, в таком случае, в варварском сознании магия является псевдонаучной по своей природе.

В магии старой Месопотамии присутствует более глубокий мрак, более зловеющий дух древнего и непонятного, чем в магии любой другой страны. Ее могущественные святилища, ее устремленные в небо башни, похоже, основаны на вере в действенность произнесенного заклинания, повторенного призыва. Тысячи разнообразных и гротескных духов, родичей призраков и гоблинов более позднего времени, обитают в храмах, питаются остатками жертвоприношений (остатками прожорливых богов), порхают по ночным улицам и нарушают покой обитателей домов. Демоны с когтями и когтями, вампиры, упыри - все они здесь. Духи благословенные и неблагословенные, джинны, колдуны, лемуры, скорбящие непогребенные призраки. Ни один вид сверхъестественных существ, похоже, не был неизвестен изобретательным семитам старой Халдеи. Всех их нужно было "уложить", изгнать или

умиротворить, и не стоит удивляться, что в таких условиях ремесло некроманта процветало. Однако ведьма или волшебник, непрофессиональный и отстраненный практик, не имеющий статуса священника, должен был остерегаться. К нему относились с подозрением, и если человек заболел странной хворью или болезнью, которой он не мог дать названия, то ближайший колдун, мужчина или женщина, реальный или воображаемый, с большой долей вероятности был привлечен к ответственности.

Волшебники-священники

Существовало как минимум два класса жрецов, занимавшихся оккультизмом, - *бару*, или провидцы, и *асипу*, или волшебники. Каста бару была очень древней, восходящей, по крайней мере, к временам Хаммурапи. Бару занимались гаданием, исследуя печень животных, а также наблюдая за полетом птиц. Мы видим, что многие цари Вавилонии обращались к этому классу прорицателей. Например, Сеннахериб искал у бару причину насильственной смерти своего отца. Асипу, напротив, снимал всевозможные табу и запреты; он произносил обряды, описанные в магических текстах, и совершал обряд искупления. Это

Тот, кто успокаивает все, кто умиротворяет все.
Благодаря его заклинаниям все обретает покой.

Боги по правую и по левую руку от него, они позади и перед ним.

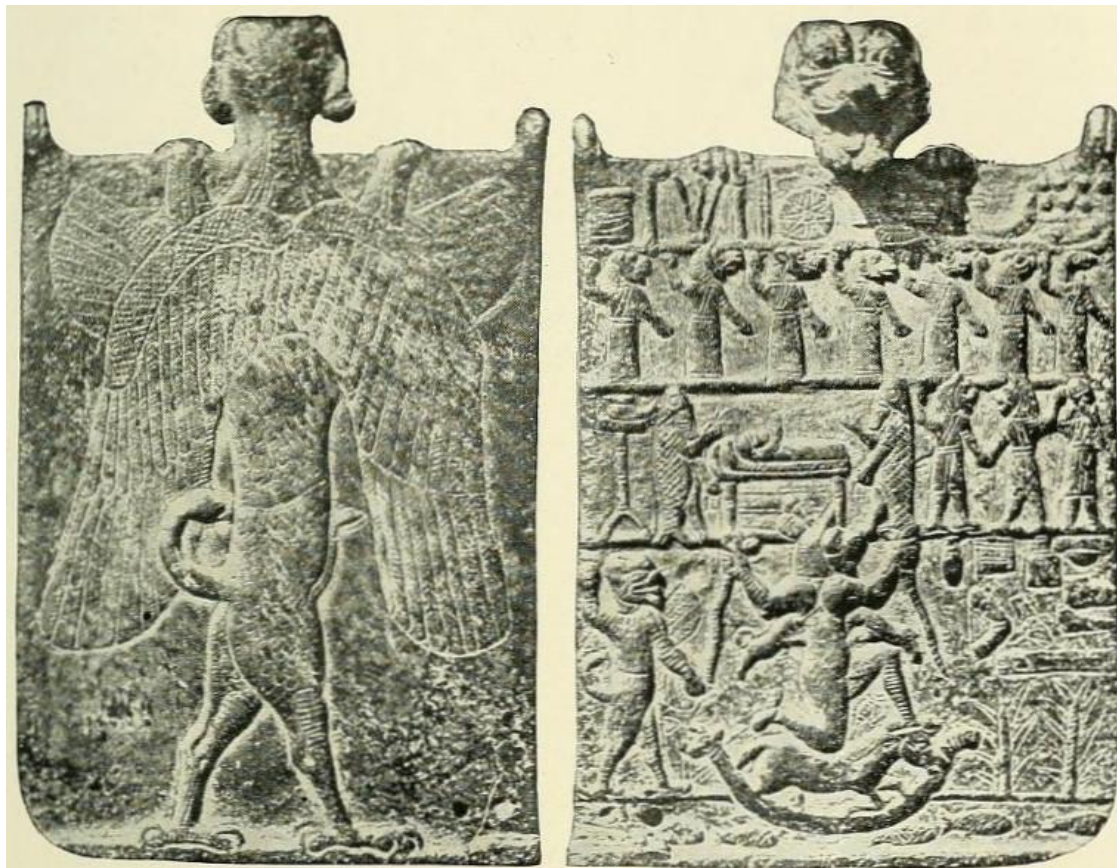
Волшебник и ведьма были известны как *Кассапу* или *Кассапту*. Это были собственно колдуны или маги, и о том, что они считались опасными для общества, свидетельствует то, как к ним относится кодекс Хаммурапи, в котором предписывается, что тот, кто обвинит человека в колдовстве и сможет обосновать обвинение, должен получить дом колдуна, а колдун должен погрузиться в реку. Если же колдун не утонет, то обвинивший его будет предан смерти, а несправедливо обвиненный получит его дом".

Серия текстов, известная под названием "Маклу", дает нам, помимо прочего, поразительное представление о вавилонской ведьме. В них рассказывается, как она бродит по улицам, выискивая жертв, похищая любовь у красивых мужчин и увядая у прекрасных женщин. В другой раз она изображена сидящей в тени стены, произносящей заклинания и создающей образы. Проситель молится, чтобы ее магия обратилась на нее саму, чтобы ее изображение, которое он сделал и, несомненно, передал в руки жреца, было сожжено богом огня, чтобы ее слова были вложены обратно в ее уста. "Пусть ее рот будет жирным, а язык - соленым", - продолжает молитва. Против нее посылают *растение халтаппен* вместе с кунжутом. "О, ведьма, как циркуль этой печати, пусть твое лицо станет зеленым и желтым!"

В одном ассирийском тексте о колдунье говорится, что ее границы - весь мир, что она может пройти через все горы. Автор сообщает, что возле своей двери он поставил слугу, справа и слева от двери он поставил Лугальгирру и Алламу, чтобы они могли убить ведьму.

Библиотека Ассур-бани-пала содержит множество клинописных табличек, посвященных магии, но также сохранилось множество магических табличек поздней Вавилонской империи. Они были известны вавилонянам под каким-то именем или словом, указывающим, возможно, на особую сферу их деятельности. Так, мы имеем серии *Maklu* ("сжигание"), *Surpu* ("потребление"), *Utukki limnûti* ("злые духи") и *Labartu* ("ведьма-колдунья"), а также множество других текстов, посвященных магическим практикам.

Серия Maklu посвящена заклинаниям против ведьм и колдунов, изображения которых должны быть поглощены огнем под аккомпанемент соответствующих заклинаний и молитв. Серия Surpu содержит молитвы и заклинания против табу. В серии "Против злых духов" представлены заклинания, изгоняющие демонов, призраков и вообще воздушные силы, а также налагающие запрет на дьяволов. В других магических скрижалях предохраняют от болезней, которым подвержено бедное человечество, и дают указания, каким образом они могут быть перенесены на трупы животных, обычно свиней или коз.

Изгнание демонов болезней. - Из религиозных верований и практики в Вавилонии и Ассирии, автор профессор Моррис Джастроу. - С разрешения Messrs G.P. Putnam's Sons.

Миф о зубной боли

Ассирийский врач поневоле должен был быть в некотором роде демонологом, поскольку одержимость дьяволами считалась причиной различных болезней, и мы находим заклинания среди рецептов. Время от времени мы натываемся на конец народной сказки или на мгновение погружаемся в миф, как, например, в рецепте от зубной боли, состоящем из перебродившего напитка, растения *сакилбир* и масла - вероятно, столь же эффективного в случае этого недуга, как и большинство современных. История, связанная с этим лекарством, такова:

Когда Ану создал небеса, земля создала реки, реки - каналы, каналы - болота, которые, в свою очередь, создали червя. И пришел червь плакать перед Эа, говоря: "Что дашь ты мне в пищу, что дашь ты мне на съедение?" "Я дам тебе спелые смоквы", - ответил бог, - "спелые смоквы и душистое дерево". "Ба, - ответил червь, - что мне спелый инжир или что мне

душистое дерево? Позвольте мне пить среди зубов и питаться деснами, чтобы я мог пожирать кровь зубов и их силу". Эта история намекает на вавилонское суеверие о том, что черви пожирают зубы.

Слово силы

Как и в Египте, слово силы было в большом почете у магов Халдеи, которые верили, что имя, желательно тайное, бога обладает достаточной силой в одних только слогах, чтобы победить и рассеять полчища зла, которые окружали и преследовали человечество. Имена Эа и Меродаха, пожалуй, чаще всего использовались для того, чтобы нести разрушение в ряды армии демонов. Также необходимо было знать имя дьявола или человека, против которого были направлены его заклинания. Если к этому добавлялся клочок волос или ногти, если речь шла о человеке, то заклинание приобретало особую силу. Но как волосы или ногти были частью человека, так и его имя, и отсюда вытекает огромная сила, приписываемая именам в магии, древней и современной. Имя было как бы средством, с помощью которого маг устанавливал связь между собой и своей жертвой, а вавилоняне при изгнании болезней или недугов любого рода перечисляли длинные каталоги имен злых духов и демонов в надежде, что таким образом им удастся найти того конкретного человека, который был причиной недуга. Даже длинные списки имен людей, умерших преждевременной смертью, часто читались, чтобы гарантировать, что они не вернуться, чтобы мучить живых.

Вавилонские вампиры

Во всех странах и эпохах мрачное представление о вампире прочно завладевало воображением простых людей, и в Вавилонии и Ассирии это происходило не реже, чем в других странах. Не мало было тех, кто считал, что вампиризм присущ только славянской расе, и что народы России, Богемии и Балканского полуострова являются единственными носителями легенды о вампире. Однако последние исследования показали ошибочность этой теории и показали, что эта ужасная вера не является достоянием славян или даже арийских народов, она есть или была практически у всех диких и цивилизованных рас, известных антропологии. Семь злых духов Ассирии - это, помимо всего прочего, вампиры неопределенного типа. Древняя поэма, которую они распевали, начинается так:

Семь их! Семь их!
В глубине океана их семь!
В небесах - семеро!
Рожденные в глубинах океана;
Не мужского и не женского пола они,
но подобны бродячему ветру.
Нет у них ни жены, ни сына;
Не знают ни милосердия, ни жалости,
Они не внимают молитве, молитве.
Они как кони, вздыбленные среди холмов,
Злодеи Эа;
Престолоносцы богов они,
Они стоят на дороге, чтобы преградить путь;
Зло они, зло они!
Семь их, семь их,
Дважды семь - они!

Разрушительные бури и злые ветры - они,

Злой взрыв, предвещающий проклятую бурю,
Злой взрыв, предвестник ужасной бури.
Они - могучие дети, могучие сыновья,
Вестники моровой язвы.
Носители трона Эрескигаля,
Они - потоп, проносящийся по земле.
Семь богов широкой земли,
Семь богов-разбойников,
Семь богов могущества,
Семь злых демонов,
Семь злых демонов угнетения,
Семь на небе и семь на земле.

Духи, что минируют небо и землю,
Которые минируют землю,
Духи, которые минируют землю,
О гигантской силе,
О гигантской силе и гигантской поступи,
Демоны (как) яростные быки, великие призраки,
Призраки, которые проникают во все дома,
Демоны, не ведающие стыда,
Семь их!
Не зная заботы, они перемалывают землю, как кукурузу;
Не зная пощады, они неистовствуют против человечества,
Они проливают свою кровь, как дождь,
пожирая их плоть и высасывая их вены.

* * * * *

Они - демоны, полные жестокости, непрерывно пожирающие кровь.[\[2\]](#)

Последняя строчка ясно указывает на их вампирский характер. Они сродни индийским ракшасам или зороастрийским демонам. Таких демонов также можно увидеть в полинезийских *тии*, малайском *ханту пеньядине*, водяном демоне с собачьей головой, и кефу каренцев, который в виде головы и живота волшебника пожирает человеческие души. Тайлор считает вампиров "причинами, придуманными в духовной форме для объяснения конкретных фактов истощения организма". Афанасий считает их богами грома и духами бури, которые зимой дремлют в своих облачных гробах, чтобы весной снова подняться и черпать влагу из облаков. Но эта теория вряд ли понравится тому, кто хоть немного знаком с мифологической наукой. Аббат Кальмет не верил в вампиров, потому что не мог понять, как дух может покинуть могилу и вернуться обратно с веществом в виде крови, не оставляя следов, свидетельствующих о том, что поверхность земли над могилой была взбудоражена. Но эта проблема может быть решена с помощью оккультной теории "осаждения материи"!

Библия и магия

Самое раннее библейское упоминание о том, что предположительно связано с магией, можно найти в истории Рахили. Вместе со своей сестрой Лией и ее мужем Иаковом она покинула дом своего отца. "Рахиль украла изображения, принадлежавшие ее отцу. Тогда Лаван догнал Иакова... и сказал Лаван... где же ты украд богов моих?.. Иаков отвечал и сказал: у кого найдешь богов твоих, тот да не живет; пред братьями нашими узнай, что твое у

меня, и возьми это к себе. Иаков не знал, что Рахиль украла их. И вошел Лаван в шатер Иакова, и в шатер Лии, и в шатер двух служанок, но не нашел их. Тогда вышел он из шатра Лии и вошел в шатер Рахили. Рахиль же, взяв изображения, положила их на верблюжью мебель и села на них. И обыскал Лаван весь шатер, но не нашел их. И сказала она отцу своему: пусть не огорчает господина моего, что я не могу встать пред ним. И он искал, но не нашел изображений". Этот отрывок вызвал немало затруднений у комментаторов, но большинство из них, похоже, считают эти терафимы или изображения чем-то магическим.

Говорящая голова

Таргум Ионатана Бен Уззиэля дает следующую версию: "И украла Рахиль изображения отца своего; ибо они убили человека, который был первенцем, и, отрубив ему голову, набальзамировали ее солью и благовониями, и написали гадания на золотой пластине, и положили ее под язык его, и поставили ее у стены, и она говорила с ними, и Лаван поклонялся ей. И украл Иаков науку Лавана Сириянина, чтобы тот не обнаружил его ухода".

Персидский перевод дает нам астробии вместо терафимов и подразумевает, что это были инструменты, используемые для судебной астрологии, и что Рахиль украла их, чтобы ее отец не узнал об их пути. В любом случае терафимы были средством гадания как среди верующих, так и среди неверующих; они были известны как у египтян, так и у сирийцев. Что делает чрезвычайно вероятным то, что они не были предметом религиозного поклонения, так это то, что ни из одного другого места Писания не следует, что Лаван был идолопоклонником; кроме того, Рахиль, которая, несомненно, поклонялась истинному Богу, взяла их, похоже, из-за их предполагаемой сверхъестественной силы. Следует, однако, заметить, что некоторые полагают, что эти терафимы были талисманами для лечения болезней, а другие - что, будучи действительно идолами, Рахиль украла их, чтобы положить конец идолопоклонству своего отца. Есть не очень похожий рассказ (Судьи xviii) о Михее и его терафиме, который кажется достаточным доказательством того, что их использование не считалось несовместимым с исповеданием истинной религии.

Боги и демоны

Многие вавилонские боги сохранили следы своих первобытных демонических качеств, и это относится к великой триаде - Эа, Ану и Энлилю, которые, вероятно, превратились в богов из анимистической группы духов природы. Каждого из этих богов сопровождали группы демонов. Так, демоны болезней были "возлюбленными сыновьями Бэла", судьбы - семью дочерьми Ану, а семь демонов бури - детьми Эа. В магическом заклинании, описывающем первобытное чудовище Эа, говорится, что его голова похожа на змеиную, уши - на уши василиска, рога закручены в завитки, тело - рыба-солнце, полная звезд, ноги вооружены когтями, а на подошве нет пятки.

Эа был "великим магом богов"; его власть над силами природы обеспечивалась исполнением магических обрядов, а его услуги получали люди, которые совершали необходимые церемонии и повторяли соответствующие заклинания. Хотя ему можно было поклоняться и умиловать в его храме в Эриду, его также можно было вызывать в глинобитных хижинах. Последние, как и в Мексике, по-видимому, были самыми древними святыми местами.

Легенда об Ура

Рассказывают, что Ура, страшный демон болезней, однажды задумал уничтожить человечество. Но Ишну, его советник, умиротворил его так, что он отказался от своего

намерения и дал человечеству шанс на спасение. Он сказал, что тот, кто будет восхвалять Ура и прославлять его имя, будет править четырем четвертям мира, и никто не сможет ему противостоять. Он не должен умереть от моровой язвы, а его речь должна принести ему расположение великих мира сего. Где бы ни была установлена табличка с песней Ура, в том доме должен был быть иммунитет от моровой язвы.

Как мы читаем в заключительных строках эпоса о Гильгамеше, в Вавилонии мертвых часто оставляли непогребенными, и призраки тех, с кем так поступали, как и в более современные времена, должны были преследовать живых, пока им не дадут надлежащего погребения. Они бродили по улицам и проезжей части, ища пропитания среди мусора в сточных канавах, и искали дома с привидениями, в которых могли бы поселиться, лишенные убежища в могиле, которая считалась истинным "домом" мертвых. Они часто пугали детей до безумия или смерти и горько издевались над теми, кто находился в беде. По сути, они были изгоями земной жизни, злобными и ядовитыми, потому что с ними не обращались должным образом. Современная раса, наиболее приближенная к вавилонской по своему обращению и отношению к мертвым, - это бирманцы, которые крайне осмотрительны в том, как они говорят и ведут себя с обитателями мира духов, поскольку верят, что неуважение или насмешки навлекут на них несчастье или болезнь. В демонологическую систему бирманцев входит бесконечное множество духов-хранителей. Они обитают в домах и являются покровителями деревенских общин и даже кланов. Их должным образом умиляют, на церемониях им подносят рис, пиво и чайный салат. Женщин нанимают в качестве экзорцистов для изгнания злых духов.

Очищение

Очищение водой в значительной степени вошло в вавилонскую магию. Церемония, известная как "заклинание Эриду", столь часто упоминаемая в вавилонских магических текстах, вероятно, была некой формой очищения водой, связанной с домом Эа, морского бога. Другая церемония предписывает смешать воду из бассейна, "которого не касалась ни одна рука", с тамариском, *мастакалом*, имбирем, щелочью и смешанным вином. В него нужно положить блестящее кольцо, а затем вылить смесь на больного. Затем нужно взять корень шафрана, растолочь его с чистой солью, щелочью и жиром *птицы матки*, привезенной с гор, и этой странной смесью помазать тело больного.

Палата жреца-мага

Попробуем описать лечение одного случая жрецом-физиком-магом из Вавилонии. Процедура довольно заумная, но с помощью воображения, а также вавилонских представлений мы можем составить довольно четкую картину. Камера мудреца почти наверняка находится в каком-то уголке одного из тех огромных и внушительных вееров, которые больше походили на города, чем на храмы. Мы задерживаем занавеску и попадаем в довольно мрачное помещение. Здесь царит атмосфера с резкими химическими запахами, а на полках, расставленных по кафельным стенам, стоят многочисленные баночки, большие и маленькие, содержащие страшные составы, которые практикующий применяет к страданиям вавилонского человечества. Асипу, бритый и строгий, спрашивает нас, чего мы от него хотим, и в роли вавилонских граждан мы знакомим его с тем, что нашу жизнь делает несчастной ведьма, которая насылает на нас несчастье за несчастьем, то морок или какую-то столь же трудноизлечимую и ужасную болезнь, то злой ветер, то невыразимые чары, которые мучают нас беспрестанно. В качестве лекаря асипу осматривает наши тела, сморщенные и изможденные лихорадкой или ревматизмом, и, прописав нам лекарство, своими руками готовит смесь и призывает нас к ее регулярному применению. Он смешивает

различные ингредиенты в каменной ступке, шепча при этом свои заклинания и многократно молясь благодетельному Эа и всемогущему Меродаху, чтобы мы вернули себе здоровье. Затем он обещает навестить нас в нашем жилище и серьезно прощается с нами, выразив надежду, что мы будем милостиво способствовать поддержанию религиозного дома, к которому он приписан.

Покидая мрачную обитель асипу, мы выходим на яркое солнце вавилонского летнего дня и поначалу склонны забыть о своих страхах и посмеяться над ужасными суевериями, пережитками варварских предков, которые тяготят нас. Но с наступлением ночи нам становится все страшнее, мы вместе с детьми забиваемся в самый темный угол нашего глинобитного жилища и вздрагиваем от каждого звука. Порывы ветра над головой для нас - это шум Лабарту, демона-колдуна, пришедшего сюда, чтобы вырвать у нас наших малышей, а может быть, крыса, шуршащая в соломе, покажется нам демоном Алу. Призраки мертвецов трепыхаются у порога, и даже сам бледный Уру, повелитель болезней, может заглянуть в крошечное окошко с жутким лицом и жаждущими красными глазами. Нас мучают боли ревматизма. Злая ведьма работает, втыкая шипы в восковые изображения, сделанные по нашему образу и подобию, чтобы мы терпели мучения, вызванные сочувствующей магией, на которую мы скорее сошлемся, чем на то, что живем на болотах у реки.

В дверь громко стучат. Мы снова вздрагиваем, а дети кричат. Наконец-то страшные силы зла пришли призвать нас на последнее испытание, а может быть, сама ведьма, ставшая смелой из-за своей неприкосновенности, пришла, чтобы свершить новую месть. Хлипкая дощатая дверь распаивается, и, к нашему несказанному облегчению, под мерцающим светом факела появляется суровое лицо Асипу. Мы кричим от радости, а дети теснятся вокруг священника, цепляясь за его одежду и прижимаясь к его коленям.

Поиск ведьмы

Священник улыбается нашему страху и, предложив нам сесть в круг, приносит несколько восковых фигурок демонов, которые он расставляет на полу. Заметно, что все эти фигурки связаны миниатюрными веревочками. Взяв одну из них в форме демона Лабарту или карга, жрец кладет перед ней двенадцать маленьких лепешек, приготовленных из особого вида муки. Затем он выливает воду, ставит рядом с ведьмой изображение маленькой черной собаки, кладет на рот фигурки кусочек сердца молодого поросенка, а рядом - белый хлеб и коробочку с мазью. Затем он произносит примерно следующее: "Пусть дух-хранитель будет рядом со мной, когда я приближаюсь к больному, когда я осматриваю его мышцы, когда я вправляю его конечности, когда я окропляю его водой Эа. Избегай ты злого духа или злого демона, злого призрака или злого дьявола, злого бога или злого изверга, карга-демона, упыря, спрайта, фантома или призрака, или любой болезни, лихорадки, головной боли, дрожи, или любого колдовства, заклинания или чародейства".

Произнеся несколько таких слов силы, асипу велит держать фигурку у изголовья кровати три ночи, а затем закопать ее под земляным полом. Но, увы, никакого исцеления не происходит. Ведьма по-прежнему мучает нас днем и ночью, и мы снова обращаемся к жрецу-врачевателю; снова проходим обряд, но здоровье семьи не улучшается. Малыши страдают от лихорадки, а несчастье постоянно преследует нас. После бурной сцены между мужем и женой, которые разошлись во мнениях относительно квалификации асипу, вызывают другого практикующего. Он моложе и предприимчивее предыдущего и еще не понял, что половина дела врача - это "ухаживать" за пациентами, в финансовом смысле этого слова. Если пожилой асипу после того, как выписал нам рецепт, спокойно отправился домой спать,

то этот молодой врач, которому нужно выиграть, после консультации отправляется домой в свою глиняную операционную и находит вероятный способ экзорцизма.

На следующий день, вооружившись этим словесным оружием, он приходит в наше жилище и, поставив на пол восковое изображение ведьмы, обрушивает на него всю силу своей риторики. Когда он уже собрался уходить, из соседней хижины доносятся крики. Одарив нас взглядом, полным глубочайшего смысла, наш асипу бросается к хижине напротив и выводит оттуда древнюю бабу, чей вид - возраст и болезнь - придает ей самый зловещий вид. Мы сразу узнаем в ней негодяйку, которая осмелилась угрожать нашим детям, когда они в невинной игре забрасывали ее соломой горячей золой и пускали в ее бачок горячую болотную воду. В праведном гневе мы наложили руки на это брошенное существо, которое столько месяцев омрачало нашу жизнь. Она восклицает, что ее охватили предсмертные муки, и мы торжествующе смеемся, ибо знаем, что превосходная магия нашего асипу возымела действие. По дороге к реке к нам присоединяются соседи, которые радуются вместе с нами, что мы поймали ведьму. Велико удовлетворение всех собравшихся, когда дьявольская женщина наконец-то бросается головой в поток.

Но не проходит и нескольких секунд, как мы недоверчиво смотрим друг на друга, потому что злая женщина отказывается тонуть. Это значит, что она невиновна! И тут, в ужасный момент, все взгляды устремляются на нас, тех, кто был так счастлив и весел всего мгновение назад. Мы трепещем, ибо знаем, как суровы законы, запрещающие огульно обвинять тех, кто подозревается в колдовстве. Когда древняя корона продолжает парить, в толпе раздается громкий ропот, и мы с дрожащими конечностями и глазами, полными ужаса, хватаем своих детей и бросаемся на свободу.

К счастью, асипу сопровождает нас, так что толпа не смеет преследовать, и действительно, так нелепо изменчива человеческая натура, что большинство из них заняты спасением старухи. Через несколько минут мы оставили позади всю непосредственную опасность преследования. Асипу удалился в свой храм, обогащенный опытом и уроком ложного "рецепта".^[3] После торопливого совета мы покидаем город, огибаем пашни, окаймляющие его, и погружаемся в пустыню. Тот, кто был против найма молодого и неопытного асипу, не улучшает ситуацию, повторяя "я же говорил". А тот, кто был сторонником "второго мнения", наведавшись ночью в город, обнаруживает, что "ведьма" поддалась своему суровому обращению, что его дом перешел к ее родственникам в качестве компенсации, а против него возбуждено судебное дело. Вернувшись к жене, он сообщает ей печальную новость, и, взявшись за руки с плачущими отпрысками, они поворачиваются лицом к пустыне.

Магический круг

Магический круг, использовавшийся халдейскими колдунами, имеет много общего с тем, что описано в средневековых трудах по магии. Вавилонский маг, описывая круг, делал семь маленьких крылатых фигурок, которые ставил перед изображением бога Нергала. После этого он заявил, что накрыл их темной мантией и связал цветным шнуром, положив рядом с ними тамариск и сердцевину пальмы, что он завершил магический круг и окружил их, посыпав известью и мукой.

То, что магический круг средневековья, должно быть, произошел от халдейского, ясно из сильного сходства между ними. Инструкция по изготовлению средневекового магического круга выглядит следующим образом.

В первую очередь маг должен выбрать место, подходящее для этой цели, которое должно находиться либо в подземном хранилище, завешенном черным и освещенном магическим

факелом, либо в центре какого-нибудь густого леса или пустыни, либо на обширной безлюдной равнине, где сходятся несколько дорог, или среди развалин древних замков, аббатств или монастырей, или среди скал на морском берегу, в каком-нибудь уединенном церковном дворе или в любом другом меланхоличном месте между двенадцатью и часом ночи, либо когда луна светит очень ярко, либо когда стихии тревожатся бурями с громом, молниями, ветром и дождем; Ибо утверждается, что в этих местах, в это время и в эти сезоны духи могут с меньшим трудом проявляться перед смертными глазами и оставаться видимыми с наименьшей болью.

Когда назначено подходящее время и место, формируется магический круг, внутри которого хозяин и его помощники должны осторожно удалиться. Причина, по которой маги и другие люди объясняют создание и использование кругов, заключается в том, что земля, благословленная и освященная священными словами и церемониями, имеет тайную силу изгонять всех злых духов из ее пределов, и, будучи окропленной священной водой, земля очищается от всякой нечисти; кроме того, святые имена Бога написаны на каждой ее части, и ее сила становится устойчивой против всех злых духов.

Вавилонские демоны

Вавилонских демонов было множество, и большинство из них были очень злобными. Утукку был злым духом, который обычно скрывался в пустыне, где подстерегал ничего не подозревающих путников, но он не ограничивал свои убежища бесплодными местами, так как его можно было встретить и в горах, и на кладбищах, и даже в море. Злая судьба постигала того, на кого он смотрел.

Рабису - еще один скрывающийся демон, который прячется в безлюдных местах, чтобы наброситься на прохожих. Лабарту, о которой уже говорилось, как ни странно, является дочерью Ану. Предполагалось, что она обитает в горах или в болотистых местах и особенно склонна к уничтожению детей. Вавилонские матери вешали на шею своих детей амулеты, чтобы уберечь их от этой ужасной ведьмы.

Седу, по-видимому, в одних смыслах был духом-хранителем, а в других - существом со злыми наклонностями. К нему часто обращаются в конце заклинаний вместе с Ламасу, духом схожего типа. Эти зловредные влияния, вероятно, были прототипами арабских джиннов, с которыми они имеют много общего.

Многие ассирийские духи были наполовину людьми, наполовину сверхъестественными, и предполагалось, что некоторые из них, подобно арабским джиннам, вступали в союзы с человеческими существами. Потомством таких союзов должен был стать дух по имени Алу, который преследовал руины и заброшенные здания, а также входил в дома людей как призрак, чтобы украсть их сон. Сами призраки, как уже отмечалось, тоже были достаточно распространены, а те, кто не был похоронен, почти наверняка возвращались, чтобы досаждать людям. Опасно было даже смотреть на труп, чтобы дух или эдимму мертвеца не набросился на смотрящего. Ассирийцы считали, что призрак, подобный вампиру, может истощать силы живых, и существовали длинные формулы, содержащие множество имен преследующих духов, одно из которых, как надеялись, будет относиться к мучающему призраку, и они использовались для целей экзорцизма. Для изгнания духа требовались следующие предметы: семь небольших буханок жареной кукурузы, копыто быка темного цвета, мука из жареной кукурузы и немного закваски. Затем призраков спрашивали, почему они мучают преследуемого человека, после чего муку и закваску замешивали в рог быка и выливали небольшое возлияние в ямку в земле. Затем квасное тесто клали в копыто вола и выливали еще одно возлияние с заклинанием, обращенным к богу Шамашу. В другом случае

делали фигурки мертвеца и живого человека, к которому явился дух, и возлияния возливались на них обоих, затем фигурку мертвеца хоронили, а фигурку живого человека омывали чистой водой; вся эта церемония была типична для симпатической магии, которая таким образом предполагала погребение тела призрака и очищение живого человека. Утром перед богом солнца на восходе возносили благовония, сжигали сладкие лесные травы и возливали кунжутное вино.

Если человека беспокоил призрак, необходимо было помазать его различными веществами, чтобы свести на нет результат контакта с призраком.

В одном из старых текстов говорится: "Когда призрак появляется в доме человека, дом этот будет разрушен. Когда он заговорит и услышит ответ, человек умрет, и будет плач".

Табу

Вера в табу была универсальной в древней Халдее. Среди вавилонян оно было известно как *мамит*. Табу существовало на многие вещи, но особенно на трупы и нечистоты всех видов. Табу обычно упоминается в тексте как "барьер, который никто не может пройти".

Среди всех варварских народов табу обычно предназначено для того, чтобы отгородить священную вещь от профанов или простых людей, но оно может использоваться и по санитарным соображениям. Так, плоть некоторых животных, например свиньи, нельзя употреблять в пищу в жарких странах. Пища не должна готовиться теми, кто хоть в малейшей степени подозревается в нечистоте, и эти законы обычно носят самый строгий характер; но если человек нарушал табу, наложенное на определенные продукты, то он сам часто становился табу. Никто не мог иметь с ним никаких сношений. Он был предоставлен сам себе, и, короче говоря, становился своего рода изгоем. В ассирийских текстах мы находим множество примеров такого рода табу, и многочисленные мольбы о том, чтобы они были сняты. Если человек пил воду из нечистой чашки, он нарушал табу. Как и араб, он не мог "вылизать блюдо дочиста". Если он был табуирован, он не мог прикасаться к другому человеку, не мог разговаривать с ним, не мог молиться богам, за него не мог даже ходатайствовать кто-то другой. Фактически он был отлучен от церкви. Если человек бросал взгляд на воду, в которой другой человек омыл руки, или вступал в контакт с человеком, который еще не совершил омовения, он становился нечистым. Целый ритуал очищения полагался любому ассирийцу, который прикасался к мертвецу или даже смотрел на него.

Можно спросить, зачем нужна была эта тщательная чистота, чтобы избежать табу? Ответ, несомненно, таков: из-за веры в силу симпатической магии. Если человек вступал в контакт с человеком, который был каким-либо образом нечист, или с трупом, или с другим неприятным предметом, считалось, что он попадает в радиус действия зла, которое от него исходит.

Народные суеверия

Суеверие о том, что дурной глаз ведьмы или волшебника может навлечь беду на человека или общину, было столь же живучим в Халдее, как и в других местах. В заклинаниях часто упоминается этот глаз как одна из причин болезни, а экзорцизм должным образом

направлен против него. Даже сегодня на месте развалин Вавилона дети защищаются от него, прикрепляя к головному убору небольшие голубые предметы.

Как плесень из могилы считалась колдунами Средневековья особенно действенной в магии, так и храмовая пыль в Ассирии считалась обладающей скрытой силой. Если кто-то обрезал ногти или волосы, считалось необходимым закопать их, чтобы колдун не обнаружил их и не использовал против покойного владельца; ведь колдовство, совершенное над частью, по закону симпатической магии должно было отразиться на целом. Подобное суеверие было связано и с выброшенной одеждой людей, ведь среди варваров и некультурных людей одежда считается неотъемлемой частью человека. Даже в наше время простые и необразованные люди отрывают кусок от своей одежды и вешают его в качестве подношения на кусты вокруг любого из многочисленных целебных колодцев в стране, к которым они, возможно, путешествовали. Это является продолжением обычая жертвовать частью ради целого.

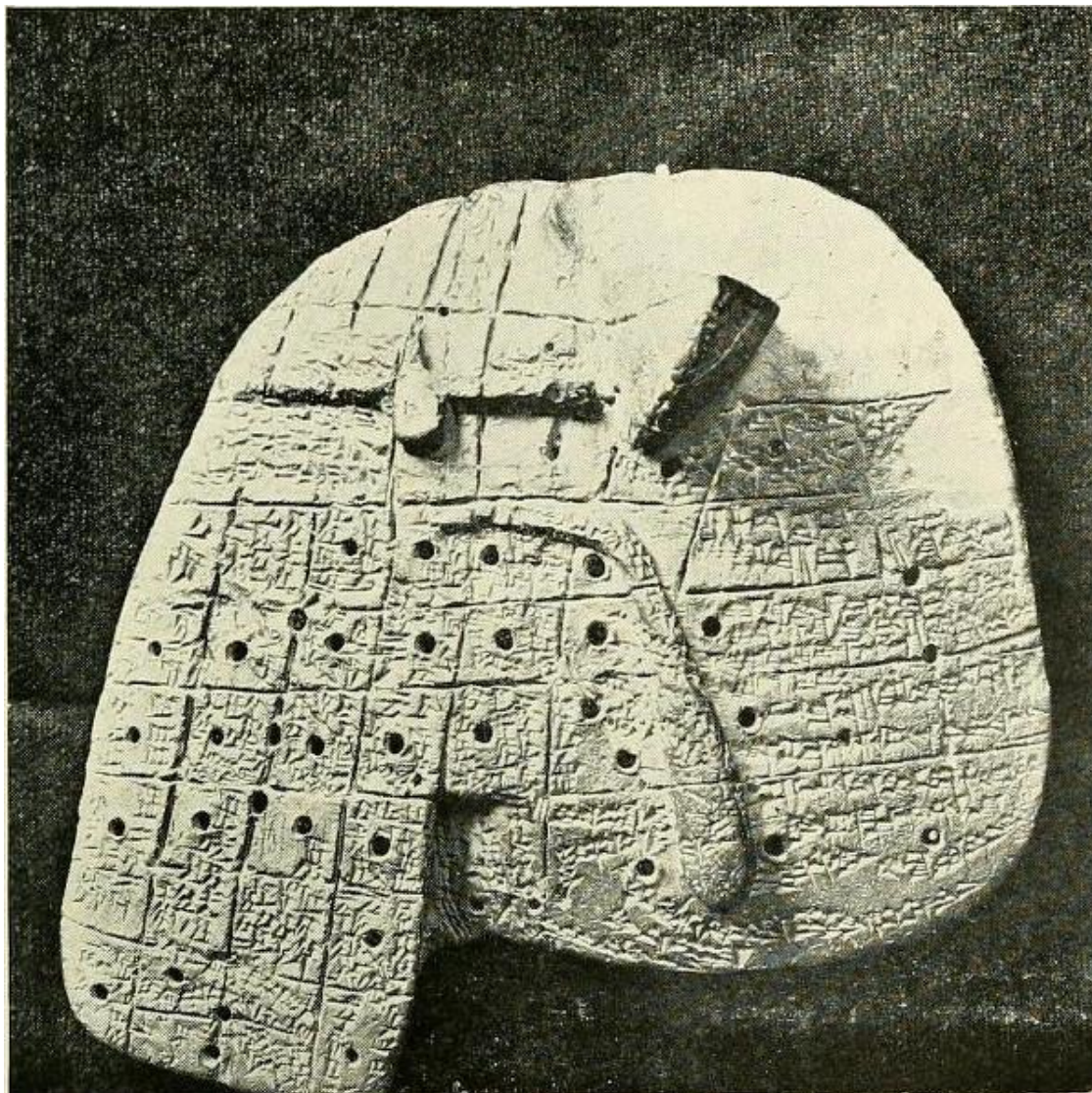
Чтобы избавиться от головной боли, нужно было взять волосы молодого ребенка и отдать их мудрой женщине, которая "расплела их с правой стороны и удвоила с левой", затем связала их в четырнадцать узлов и произнесла над ними заклинание Эа, после чего повязала их вокруг головы и шеи больного человека. Для лечения дефектов зрения ассирийцы сплетали черные и белые нити или волоски вместе, бормоча при этом заклинания, и прикладывали их к глазам. Считалось также, что языки злых духов и колдунов можно "связать", а сеть, благодаря множеству узлов, помогает отгонять злобных магов.

Приметы

Гадание с помощью авгуров было ритуалом первой важности у вавилонян и ассирийцев. Он совершенно отличался от гадания с помощью астрологии. Излюбленным методом предсказаний у древних халдеев было исследование печени убитого животного. Считалось, что когда животное приносится в жертву богу, божество на время отождествляет себя с этим животным, и таким образом зверь позволяет узнать желания бога. Сейчас среди людей, находящихся в первобытном состоянии культуры, считается, что душа почти всегда обитает в печени, а не в сердце или мозге. Печень выделяет больше крови, чем любой другой орган тела, и при вскрытии туши она предстает самой яркой, самой центральной и самой кровожадной из жизненно важных частей. Ранние народы считали печень источником кровоснабжения и, следовательно, самой жизни. Халдеи занимались гепатоскопией или гаданием по печени, чтобы определить, что задумали боги. Душа животного на время становилась душой бога, поэтому, если можно было прочесть знаки на печени принесенного в жертву животного, мысли бога становились ясными, и его намерения относительно будущего были известны. В жертву обычно приносили овцу, печень которой наиболее сложна на вид. Две нижние доли резко отделены друг от друга и отделены от верхней узкой впадиной, а вся поверхность покрыта отметинами и трещинами, линиями и изгибами, что придает ей вид карты, на которой очерчены дороги и долины. Это относится только к свежевырезанной печени, и эти отметки никогда не бывают одинаковыми в двух печенках.

Для практики чтения печени были выделены определенные священники, которые были очень опытными и могли расшифровать гепатоскопические знаки с большим мастерством. Сначала они осматривали желчный пузырь, который мог быть уменьшен или опухшим. По нескольким протокам, форме и размерам долей и их придатков они делали выводы о различных обстоятельствах. Болезни печени, особенно распространенные среди овец во

всех странах, были еще более частыми среди этих животных в болотистых районах долины Евфрата.

Глиняный предмет, напоминающий овечью печень. На нем начертаны магические формулы; вероятно, он использовался в целях гадания и применялся вавилонскими жрецами в их церемониях.

Литература, связанная с этим видом предсказаний, очень обширна, а библиотека Ассур-бани-пала содержала тысячи фрагментов с описанием предзнаменований, полученных в результате этой практики. В них перечисляются основные признаки печени, такие как оттенок цвета желчи, длина протоков и так далее. Доли были разделены на секции: нижнюю, среднюю и верхнюю, и толкование варьировалось в зависимости от наблюдаемых явлений. Отметки на печени носили различные названия, такие как "дворцы", "оружие", "пути" и "ноги", что несколько напоминает нам причудливую номенклатуру астрологии. Позднее в ходе развития этого искусства различные комбинации знаков стали известны настолько хорошо, и существовало так много клинописных текстов, в которых содержались инструкции

по ним, что печень можно было быстро "прочитать" с помощью *barû* или reader, название, которое впоследствии было применено и к астрологам, и к тем, кто прорицал с помощью различных других природных явлений.

Одним из самых ранних случаев гепатоскопии является рассказ о Нарам-Сине, который перед объявлением войны обратился к овечьей печени. Подобным образом поступал и великий Саргон, а Гудеа обратился к своим "инспекторам печени", пытаясь определить благоприятное время для закладки фундамента храма Нин-Гирсу. На протяжении всей истории вавилонской монархии, от ее раннего зарождения до конца, мы видим, что эта система была в моде. Была ли она в силе в шумерские времена, мы не можем знать, но есть все основания полагать, что так оно и было.

Ритуал гепатоскопии

Довольно сложный ритуал возник вокруг чтения предзнаменований по исследованию печени. Бару, который проводил церемонию, должен был прежде всего очиститься и надеть специальную одежду для церемонии. Затем возносились молитвы Шамашу и Хададу или Раммону, которые были известны как "владыки прорицания". Обычно задавались конкретные вопросы. Овца, выбранная для жертвоприношения, должна быть без изъянов, а способ ее забоя и осмотр печени должны быть выполнены с особой тщательностью. Иногда признаки были сомнительными, и в таких случаях в жертву приносилась вторая овца.

Набонид, последний царь Вавилона, однажды пожелал восстановить храм богу луны в Харране. Он хотел быть уверенным, что этот шаг понравится Меродаху, главному божеству Вавилонии, поэтому он обратился к "инспекторам печени" своего времени и убедился, что предзнаменование было благоприятным. Мы видим, что он также хотел изготовить некий символ бога Солнца по древнему образцу. Он поставил модель этого символа перед Шамашем и обратился к печени овцы, чтобы узнать, одобряет ли бог это подношение, но в трех отдельных случаях знаки были неблагоприятными. Тогда Набонид пришел к выводу, что модель символа была воспроизведена неправильно, и, заменив ее на другую, обнаружил, что знаки благоприятны. Однако, чтобы не допустить ошибки, он отыскал в записях прошлого результат проверки печени по аналогичному случаю и, сравнив предзнаменования, убедился в безопасности изготовления символа.

Особые приметы, связанные с важными событиями, особо отмечались в литературе по гаданию на печени и передавались из поколения в поколение прорицателей. Так, ряд предзнаменований связан с Гильгамешем, мифическим героем вавилонского эпоса, а определенное состояние желчного пузыря, как говорят, указывает на "предзнаменование Урумуша, царя, которого убили люди из его дворца".

Плохие и хорошие приметы перечислены в литературе на эту тему. Так, вавилоняне, как и большинство народов, считали правую сторону удачливой, а левую - неудачливой. Любой знак на правой стороне желчного пузыря, протоков или долей должен был относиться к царю, стране или армии, в то время как аналогичный знак на зловещей стороне относился к врагу. Таким образом, хороший знак на правой стороне относился к Вавилонии или Ассирии в благоприятном смысле, плохой знак на правой стороне - в неблагоприятном. Хороший знак на левой стороне был предзнаменованием, благоприятным для врага, в то время как плохой знак на левой стороне был, конечно же, для родного царя или войск.

Здесь было бы неуместно давать более подробное описание чтения по печени у древних халдеев. Достаточно сказать, что эта тема очень сложна в своем глубинном значении и мало интересна для широкого читателя на продвинутых стадиях. Определенные хорошо заметные

состояния печени могут указывать лишь на определенные политические, религиозные или личные события. Будет интереснее, если мы попытаемся представить себе процесс гадания по печени, как это практиковалось в древней Вавилонии, и если наше воображение сломается в процессе, то это не вина очень большого материала, с которым приходится работать.

Пропавший караван

Века катятся назад, как свиток, и я вижу себя одним из великих банкиров-купцов Вавилона, одним из тех князей торговли, чьи контракты и соглашения отпечатаны на глиняных цилиндрах, где когда-то величественные дворцы бартера возникали на кишаших улицах города Меродаха. В то утро я нес свою повозку в руках потных рабов из своего белого дома в лиственном пригороде, лежащем под сенью возвышенного города-храма Борсиппа. Когда я добираюсь до места своей работы, меня охватывает волнение, ибо за финансовыми операциями, которыми я занимаюсь, следят так пристально, что я могу без самохвальства сказать, что представляю собой пульс вавилонской торговли. Я вхожу в прохладную комнату, где обычно веду свои дела, и где пара официозных персидских рабов начинает обмахивать меня веером, как только я займу свое место. Входит мой главный клерк и делает поклоны с выражением лица, красноречиво говорящим о важных новостях. Все так, как я и ожидал, как я и боялся. Караван из Персидского залива, который должен был прибыть в Вавилон более недели назад, до сих пор не появился, и хотя я посылал разведывательные партии вплоть до Ниннура, они вернулись, не принеся мне ни малейших сведений о нем.

Я убежден, что караван с моими пряностями, тканями, редкими породами дерева и драгоценными камнями никогда не придет по большой центральной улице, чтобы сдать свои богатства в мои склады; и эта мысль так раздражает меня, что я резко отстраняю персидских веероносцев и снова и снова проклиная чернобровых сынов Элама, которые, без сомнения, разграбили мои товары и перерезали глотки моим стражникам и слугам. Я возвращаюсь домой в ранний час, полный своих несчастий. Я не могу есть свою вечернюю трапезу. Жена ласково спрашивает меня, что меня беспокоит, но я, нахмурившись, отказываюсь просветить ее о причине моей досады. Однако она упорствует, и ей удается сломить мое угрюмое сопротивление.

"Зачем тревожить свое сердце по этому поводу, когда ты можешь узнать, что случилось с твоим имуществом и твоими слугами? Сходи завтра к бару, и он тебя просветит", - говорит она.

Я начинаю. В конце концов, у женщин есть разум. Нет ничего плохого в том, чтобы повидаться с бару и попросить его рассказать, что случилось с моим караваном. Но тут я вспоминаю, что я богат, а жрецы любят ощипывать хорошо ощипанного голубя. К огорчению моей набожной жены и забаве сына-солдата, я в нескромных выражениях рассказываю о своих подозрениях относительно священнической касты.

Я беспокоюсь ворочаясь на диване и после бессонной ночи чувствую, что не могу вернуться к своим делам под страхом потери. Поэтому, ни словом не обмолвившись жене о своем намерении, я велю своим рабам-носильщикам отвезти меня в великий храм в Борсиппе.

Прибыв туда, я расспрашиваю вождя Бару. Он - один из друзей моей юности, но за долгие годы наши пути разошлись, и он с удивлением встречает меня сейчас. Я рассказываю ему о своей дилемме, и он, сочувственно кивнув, заверяет, что сделает все возможное, чтобы

помочь мне. Несколько успокоившись, я следую за ним в выложенный плиткой двор, в дальнем конце которого стоит большой алтарь. По его знаку два жреца вносят живую овцу и перерезают ей горло. Затем они вскрывают тушу и извлекают печень. Тут же главный Бару склоняет над ней свою седую голову. Долгое время он смотрит на нее с пристальным вниманием. Я начинаю уставать, и ко мне возвращаются старые сомнения относительно касты священнослужителей. Наконец седая голова поднимается после долгого осмотра, и Бару с улыбкой поворачивается ко мне.

"Знамение хорошее, сын мой, - говорит он с веселой интонацией. "Компас и печеночный проток коротки. Путь твой будет охраняться Духом-Хранителем, как и путь слуг твоих. Иди и не бойся".

Он говорит так определенно, а его слова так обнадеживают, что я хватаю его за руки и, горячо поблагодарив, ухожу. Я спускаюсь к своим складам в новом духе надежды и не обращаю внимания на презрительные или жалостливые взгляды, брошенные в мою сторону. Я сижу, не обращая внимания, и диктую контракты и аккредитивы своему писцу.

Ха! Что это? Клянусь Меродахом, это... это звон колоколов! Я вскакиваю, сбиваю с ног жалкого писца, сидящего на корточках, и, попирая еще влажные глиняные таблички, бросаюсь к двери. По улице медленно движется потрепанный караван, а во главе его едет мой верный смуглолицый капитан Баббар. Он вываливается из седла и падает передо мной на колени, но я поднимаю его и заключаю в крепкие объятия. Все мои товары, уверяет он, в целости и сохранности, а причиной задержки стала тяжелая болезнь, разразившаяся среди его последователей. Но все выздоровели, и мой кредит восстановлен.

Когда я поворачиваюсь, чтобы вернуться на склад вместе с Баббаром, мне на плечо кладут руку. Это гонец от вождя Бару.

"Мой брат в храме видел издалека твой караван, - вежливо говорит он, - и он передает тебе, сын мой, что, раз уж ты так удачно вернул себе свое, ты должен отдать десятину от него на служение богам".

[1] *Мифы Древнего Египта.*

[2] From *Semitic Magic*, by R. Campbell Thompson, p. 47 ff. (By permission of Messrs Luzac and Co., London.)

[3] Он освобождается от наказания, предусмотренного кодексом Хаммурапи за ложное обвинение.

ГЛАВА XI: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧУДОВИЩА И ЖИВОТНЫЕ ХАЛДЕИ

Тиавата была не единственным чудовищем, известным вавилонской мифологии. Но иногда ее уподобляют или путают со змеем тьмы, с которым она изначально не имела никакой связи. Однако это существо, как и Тиават, было порождением великой глубины и врагом божественных сил. Во втором стихе Бытия нам говорится, что "земля была бесформенна и пуста, и тьма была на лице глубины", а значит, напоминала бездну из вавилонского мифа.

Нам также сообщают, что змей считался "хитрее всех зверей полевых", и это, как отмечает профессор Сайс, вероятно, потому, что автор или авторы Бытия ассоциировали его с Эа, богом вод и мудрости. Для вавилонских географов, как и для греков, океан представлял собой свернувшуюся, змееподобную штуку, которую часто называли великим змеем, и вскоре она стала считаться источником всех зол и несчастий. Древние, и особенно древние семиты, за исключением финикийцев, похоже, относились к нему с ужасом и ненавистью. Змея, по-видимому, называли Айбу, "враг". Мы видим, как змей тьмы, порождение хаоса и неразберихи, стал древнееврейским символом зла. Сначала он был источником физического, а затем и морального зла.

Крылатые быки

Крылатые быки, столь тесно связанные с древнехалдейской мифологией, вероятно, ассоциировались с Меродахом. Возможно, они представляли собой первоначальные тотемические формы богов, о которых идет речь, но мы не должны путать бычьи формы Меродаха и Эа с теми крылатыми быками, которые охраняли входы в храмы. Эти быки были вовсе не быками, а божественными существами, богами или джинами священных мест. Прикрепленная к ним человеческая голова указывала на то, что существо наделено человечностью, а быкоподобное тело символизировало силу. Когда вавилонянин переводил слово "бык" с аккадского языка, он обычно передавал его как "герой" или "сильный". Считается, что бычьи формы Эа и Меродаха, должно быть, возникли в Эриду, поскольку оба эти божества были связаны с городом. Вавилоняне считали небесную страну двойником равнины, на которой они жили, и верили, что боги в виде планет прокладывают свой путь по лазурным полям воздуха. Так, Солнце было "Быком света", а Юпитер, ближайшая к эклиптике планета, называлась "Планетой Быка света".

Собака в Вавилонии

Как ни странно, собака считалась у вавилонян чудовищным животным, которое следует презирать и избегать. В молитве против сил зла мы читаем: "От собаки, змеи, скорпиона, пресмыкающегося и всего вредоносного... да сохранит нас Меродах". Мы видим, что, хотя вавилоняне владели прекрасной породой собак, они не любили изображать их ни на картинах, ни на барельефах. Собаки изображены на барельефе Ассур-бани-пала, а пять глиняных фигурок собак, хранящихся сейчас в Британском музее, представляют собой гончих, принадлежавших этому монарху. Имена этих животных очень забавны и, похоже, указывают на то, что те, кто их давал, должно быть, страдали от полного отсутствия чувства юмора, или же были благословлены его избытком. В переводе эти имена звучат следующим образом: "Он-ран-и-лает", "Производящий-мистификацию", "Кусаящий-его-друзей", "Судящий-его-компаньонов" и "Избавляющий-от-врагов". Как хорошо эти имена подходят к некоторым собакам, которых мы все знаем или знали! Вот веское доказательство из погребенных веков, что природа собаки, как и природа человека, ничуть не изменилась.

Но почему собака, соратник раннего человека и спутник цивилизованного человечества, должна была считаться злом? Профессор Сейс считает, что четыре собаки Меродаха "не всегда посылались с поручениями милосердия и что первоначально они были разрушительными ветрами".

Легенда о собаках

Существует фрагмент легенды, в которой собака предстает не в самом благоприятном свете.

Жил-был пастух, которого мучили постоянные нападения собак на его стада. Он взмолился Эа о защите, и великий бог мудрости послал своего сына Меродаха, чтобы тот успокоил пастуха.

"Эа услышал тебя, - сказал Меродах. "Когда на тебя нападут большие собаки, то, о пастух, схвати их сзади и повали их, держи их и одолей их. Разбей им головы, пронзи им грудь. Они ушли, и никогда не вернутся. С ветром пусть идут они, с бурей над ними! Возьмите их дорогу и прервите их путь. Захватите их рты, захватите их рты, захватите их оружие! Схватите их зубы и заставьте их подняться, по повелению Эа, владыки мудрости; по повелению Меродаха, владыки откровения."^[1]

Боги газелей и козлов

Газель или антилопа была мифологическим животным в Вавилонии, поскольку она представляла Эа, которого называют "княжеской газелью" и "газелью, дающей землю". Но это животное было также приписано Мул-лилу, богу Ниппура, которого специально называли "богом газелей". Поэтому вполне вероятно, что в Ниппуре этому животному поклонялись тотемически. Десятки ранних цилиндров изображают его принесенным в жертву богу, а барельефы и другая резьба показывают его, сидящим в объятиях различных божеств. Козел, похоже, тоже был особо священным и составлял один из знаков зодиака. Бог по имени Уз имеет аккадское слово, означающее "козел". Г-н Ормузд Рассам обнаружил в храме бога солнца в Сиппаре скульптурную каменную табличку, на которой была надпись, посвященная Сину, Шамашу и Иштар, как "поставленным в качестве спутников на подходе к глубине в виду бога Уза". Этот бог Уз изображен сидящим на троне и наблюдающим за вращением солнечного диска, который помещен на стол и заставляется вращаться с помощью веревки или шнура. Он одет в халат из козьей шкуры.

Культ козла

Культ козла, по-видимому, имеет очень древнее происхождение, и странно, что он попал в средневековую и даже в современную магию и псевдорелигию. Очень мало сомнений в том, что это Бафомет рыцарей-тамплиеров и саббатический козел колдовства Средневековья. Кажется почти несомненным, что во время пребывания крестоносцев в Малой Азии они вступили в контакт с остатками старого вавилонского культа. Когда Филипп Красивый из Франции предъявил им обвинение в ереси, от них было получено множество любопытных свидетельств о поклонении идолу, который они хранили в своих домиках. Его истинный характер они, казалось, не могли объяснить. Говорили, что изображение было сделано по подобию "Бафомета", а это имя, как утверждали, было изменением Махомета, общепринятого христианского названия языческого идола в тот период, хотя другие дают греческое происхождение этому слову. Эта фигура часто описывалась как обладающая головой и рогами козла. В том, что субботний козел Средневековья имел восточное и, вероятно, вавилонское происхождение, вряд ли стоит сомневаться. На оргиях ведьм во Франции и других странах те, кто впоследствии был привлечен к ответственности за свои колдовства, заявляли, что Сатана являлся им в облике козла и что они поклонялись ему в этой форме. В пятнадцатом веке на шабашах в лесу Моффлейн, недалеко от Арраса, в качестве центра выступал демон-козел с человеческим лицом, и подобному извергу поклонялись в Германии и Шотландии. Из всего этого ясно, что субботний козел должен был иметь какую-то связь с Востоком. Элифас Леви нарисовал изображение Бафомета или Саббатического козла для сопровождения одной из своих оккультных работ, и, как ни странно, символы, которыми он его украсил, являются специфически восточными - более того, на рисунке изображены фигуры солнечных дисков. Левый ничего не знал о вавилонской

мифологии, хотя был в меру сведущ в мифологии современного оккультизма, и, похоже, если он черпал информацию из современных или средневековых источников, то они должны были напрямую восходить к вавилонским преданиям.

Адар, бог солнца в Ниппуре, был таким же образом связан со свиньей, которая, возможно, была тотемом города, которым он правил; и у многих других богов были сопровождающие животные или птицы, как у бога солнца Киса, чьим символом был орел.

Предполагалось, что эти чудовища, составлявшие воинство Тиавата, после поражения и гибели своей повелительницы были сброшены, подобно Сатане и его ангелам, в бездну. Мы читаем об их смятии в четырех скрижалях эпоса о сотворении мира. Эта легенда, по-видимому, является первоисточником веры в то, что те, кто восстал против высоких небес, были ввергнуты во внешнюю тьму. В Книге Еноха мы читаем о "великой бездне", относительно которой ангел сказал пророку: "Это место завершения неба и земли", и еще раз, в более поздней главе: "Это звезды, которые преступили повеление Бога, Всевышнего, и связаны здесь, пока 10 000 миров, число дней их грехов, не завершатся... это тюрьма ангелов, и здесь они содержатся до вечности". В вавилонских мифах говорится об одиннадцати огромных чудовищах, составляющих воинство Тиавата, а также о множестве более мелких форм с головами людей и телами птиц. Как ни странно, эти чудовища фигурируют в легенде о раннем вавилонском царе.

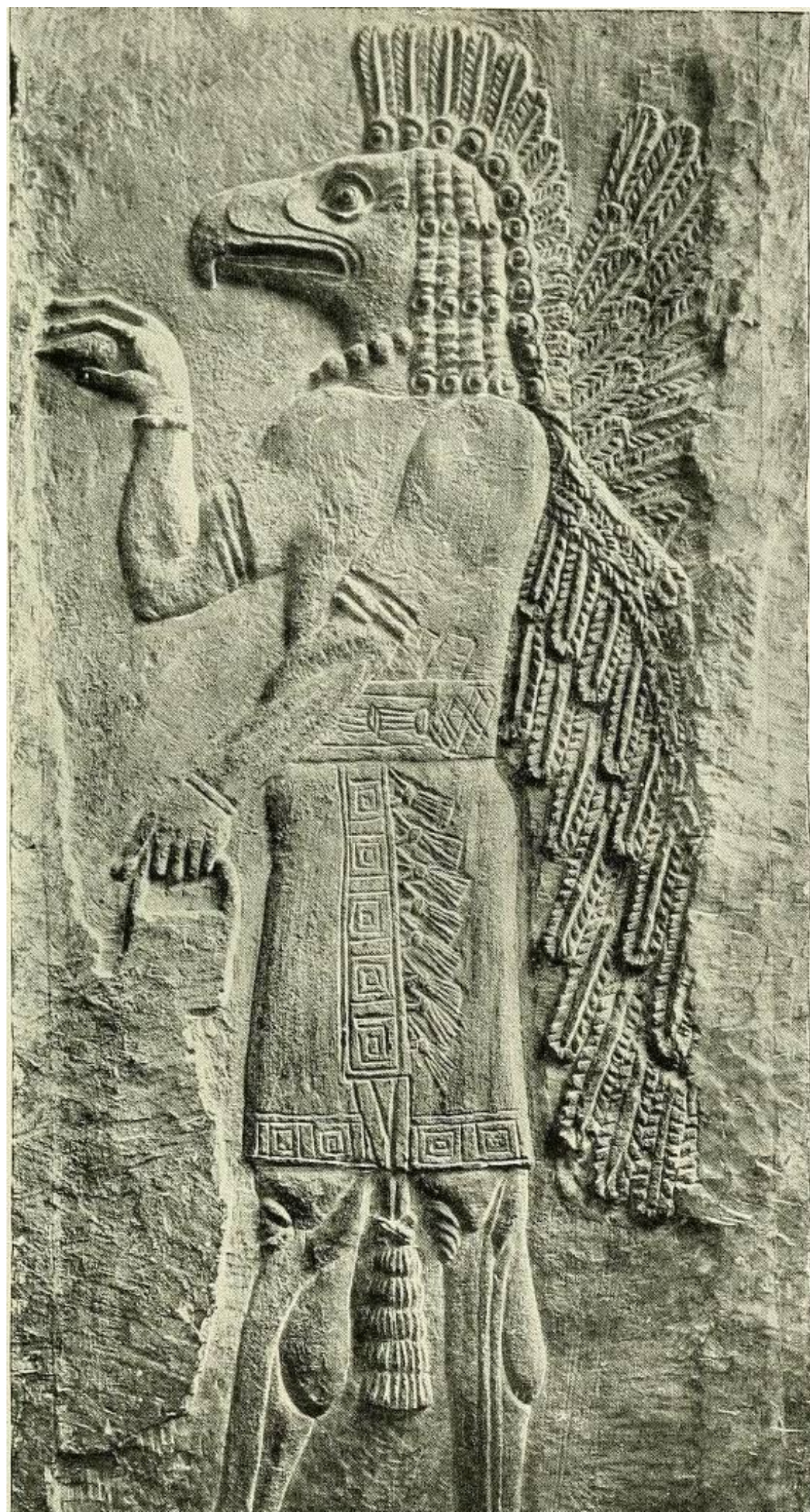
Вторжение чудовищ

Таблички, на которых была запечатлена эта легенда, сначала были известны как "Кутейская легенда о сотворении мира" - неверное название, поскольку эта легенда вовсе не рассказывает о сотворении мира, а повествует о вторжении в Вавилонию расы чудовищ, произошедших от богов, которые в течение трех лет вели войну против легендарного царя того времени. Царь сам рассказывает эту историю. К сожалению, первые фрагменты обеих табличек, содержащих эту историю, отсутствуют, и мы сразу же погружаемся в описание ужасных существ, которые во множестве пришли на народ Вавилонии. Нам говорят, что они предпочитали мутную воду чистой. Эти существа, говорит царь, были лишены нравственного чувства, превозносили свою силу и убивали тех, кого брали в плен. У них были тела птиц, а у некоторых из них - лица воронов. Очевидно, боги взрастили их в каком-то недоступном краю, и, сильно размножившись, они, подобно грозовой туче, обрушились на землю в количестве 360 000 человек. Их царя звали Бенини, мать - Мелили, а вождя - Мемангаб, у которого было шесть подчиненных. Царь в недоумении не знал, что делать. Он боялся, что, дав им бой, он может чем-то оскорбить богов, но в конце концов через своих жрецов обратился к божественным существам и принес им в жертву ягненка. Получив благоприятный ответ, он решил дать бой захватчикам, против которых отправил армию из 120 000 человек, но ни один из них не вернулся живым. Он снова отправил навстречу 90 000 воинов, но и их постигла та же участь, а на третий год он отправил армию почти в 70 000 человек, и все они погибли до единого человека. Тогда несчастный монарх сломался и, громко застонав, воскликнул, что навлек на свое царство несчастье и гибель. Тем не менее, поднявшись из летаргии отчаяния, он заявил о своем намерении выступить против врага лично, сказав: "Гордыню этого ночного народа я прокляну смертью и разрушением, страхом, ужасом и голодом, и всякого рода несчастьями".

Перед тем как отправиться навстречу врагу, он совершил жертвоприношение богам. Как он победил захватчиков, из текста неясно, но, похоже, он уничтожил их с помощью потопа. В последней части легенды король призывает своих преемников не падать духом, когда им грозит большая опасность, а черпать мужество из его примера.

Он начертал табличку со своими советами, которую поместил в святилище Нергала в городе Кутха. "Укрепи стены твои, - сказал он, - наполни цистерны твои водой, принеси сундуки с сокровищами твоими, кукурузу твою, серебро твое и все имущество твое". Он также советует своим потомкам, оказавшимся в аналогичных условиях, не подвергать себя ненужному нападению врага.

Одно время считалось, что эта легенда относится к обстоятельствам сотворения мира, а говорящим был бог Нергал, который вел войну против выводка Тиавата. Считалось, что в соответствии с местными условиями в Кутхе Нергал должен был занять место Меродаха, но теперь стало ясно, что, хотя табличка предназначалась для размещения в святилище Нергала, говорящим на самом деле был ранний вавилонский царь.

Орел

Как мы уже видели, орел, возможно, считался символом бога солнца. В вавилонской басне рассказывается, как он поссорился со змеем и вызвал ненависть рептилии. Почувствовав голод, он решил съесть змеиного птенца и сообщил о своем намерении членам своей семьи. Один из его детей посоветовал ему не пожирать змеиный выводок, потому что в этом случае он навлечет на себя вражду бога Шамаша. Но орел не послушал своего отпрыска и, спустившись с небес, отыскал змеиное гнездо и пожрал его птенцов. Прилетев домой, змей обнаружил свою потерю и в великом негодовании отправился к Шамашу, к которому обратился за справедливостью. Его гнездо, рассказал он богу, было устроено на дереве, и орел налетел на него, разрушил его своими могучими крыльями и пожрал маленьких змеенышей, когда они падали с него.

"Помоги, о Шамаш!" - вскричал змей. "Сеть твоя - как широкая земля, ловушка твоя - как далекое небо по ширине. Кто может спастись от тебя?"

Шамаш, выслушав его призыв, рассказал ему, как можно отомстить орлу.

"Возьми дорогу, - сказал он, - войди в гору и спрячься в трупе дикого быка. Разорви его тело, и все птицы небесные слетятся на него. Орел прилетит с остальными, и когда он будет искать лучшие части туши, ты схвати его за крыло, оторви ему крылья, шестерни и когти, разорви его на части и брось в яму. Пусть там он умрет смертью от голода и жажды".

Змей поступил так, как велел ему Шамаш. Вскоре он наткнулся на тело дикого быка, в которое и скользнул, вскрыв тушу. Вскоре он услышал биение крыльев множества птиц, которые слетелись вниз и стали есть плоть. Но орел догадался о замысле змея и не прилетел вместе с остальными, пока жадность и голод не побудили его принять участие в пиршестве.

"Давайте, - сказал он своим детям, - спустимся и тоже поедим плоти этого дикого быка".

Молодой орел, который до этого отговаривал отца от пожирания змеиных птенцов, снова умолял его отказаться от задуманного.

"Берегись, отец мой, - сказал он, - ибо я уверен, что змея таится в этой туше, чтобы погубить тебя".

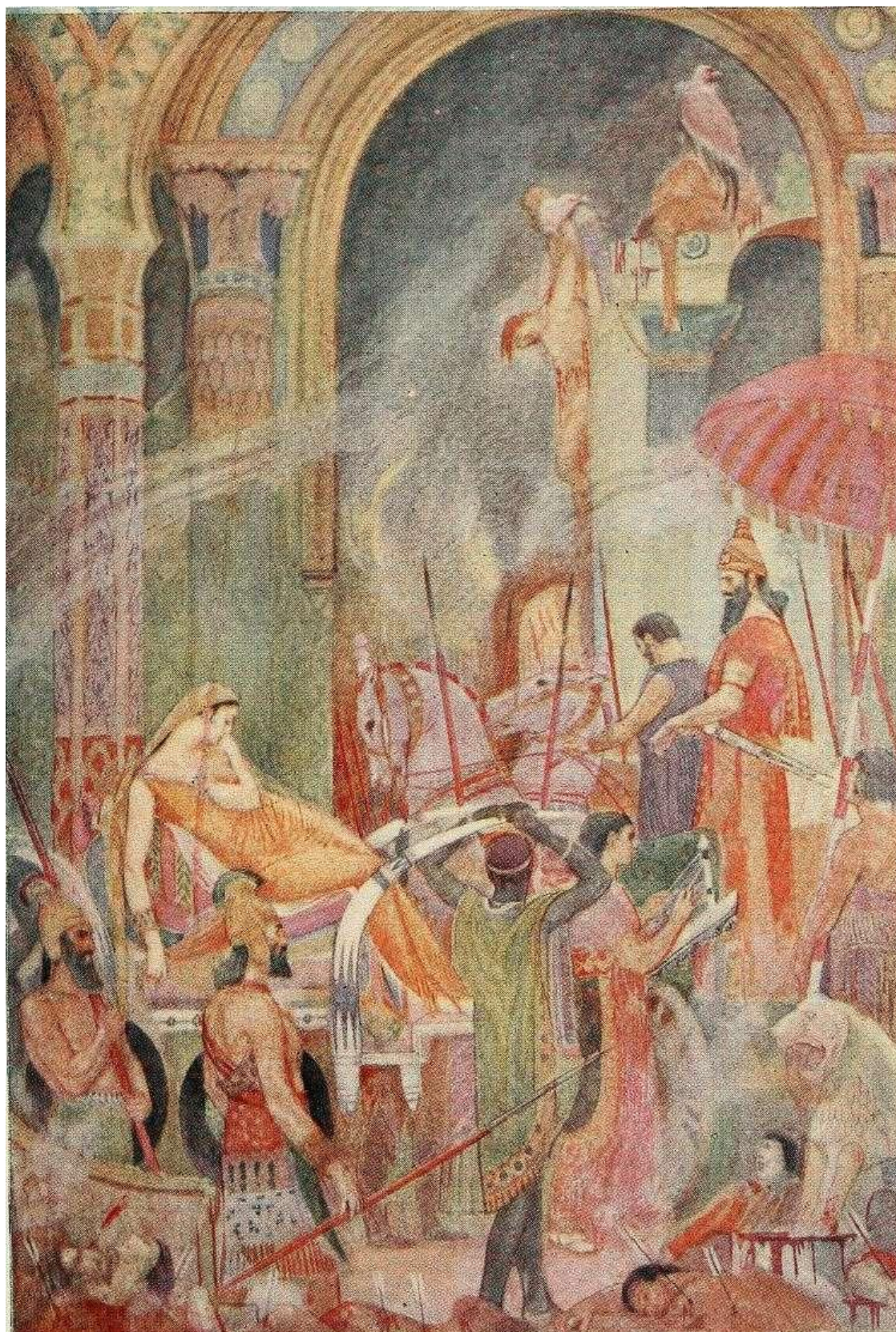
Но орел не внял предостережению своего ребенка, а взлетел на тушу дикого быка. Однако он послушался предписаний своего отпрыска и внимательно осмотрел мертвого быка, чтобы выяснить, не скрывается ли рядом с ним какая-нибудь ловушка. Удостоверившись, что все в порядке, он принялся кормиться им, как вдруг змея схватила его и крепко держала. Орел сразу же начал молить о пощаде, но разъяренная рептилия сказала ему, что обращение к Шамашу бесповоротно и что если он не накажет царя птиц, то сам будет наказан богом, и, несмотря на дальнейшие протесты орла, он оторвал ему крылья и шестерни, разорвал на части и, наконец, бросил в яму, где он погиб, как и было предписано богом.

[1] Sayce, *Hibbert Lectures*, p. 288 (с разрешения господ Уильямса и Норгейта).

Рассказы о вавилонских и ассирийских царях, которые мы приводим в этой главе, ценны тем, что взяты из первых рук, из их собственных исторических записей о великих событиях, произошедших во время их правления. При первом рассмотрении эти таблички кажутся сухими и неинтересными, но при более внимательном и терпеливом изучении выясняется, что они содержат материал, не уступающий самым захватывающим летописям любой страны. Возьмем, к примеру, замечательные надписи Тиглата-Пилесера II (950 г. до н. э.), которые относятся к его различным завоеваниям и были обнаружены Джорджем Смитом в Нимруде в храме Небо.

Тиглат начинает свое выступление с обычным для Востока звуком труб. Он называет себя могучим воином, который, служа Асхуру, растоптал своих ненавистников, пронесся над ними, как поток, и превратил их в тени. Он прошел, по его словам, от моря до земли восходящего солнца и от моря заходящего солнца до Египта. Он перечисляет бесчисленные земли, которые он завоевал. В том числе города Саррапану и Малилату, которые он взял штурмом и пленил их жителей в количестве 150 000 мужчин, женщин и детей, которых отправил в Ассирию. Он получил много дани от жителей завоеванных земель - золото, серебро, драгоценные камни, редкие породы дерева и скот. По-видимому, его обычай состоял в том, чтобы делать своих успешных полководцев правителями завоеванных городов, и примечательно, что после победы он неизменно приносил жертвы богам. Его методы, по-видимому, были в высшей степени радикальными. Раздраженный неповиновением жителей Саррапану, он превратил его в кучу земли и распял царя Набу-Усаби перед воротами его города. Не удовлетворившись этой местью, Тиглат унес его богатства, мебель, жену, сына, дочерей и, наконец, богов, так что от царства несчастного монарха не осталось и следа. Примечательно, что во время всех этих походов Тиглат неизменно отправлял пленников в Ассирию, что свидетельствует, по крайней мере, о том, что он считал человеческую жизнь относительно священной. Вероятно, эти пленники были обращены в рабство. Расы соседней пустыни тоже приходили и преклонялись перед ассирийским героем, целовали его ноги и приносили ему дань, которую везли моряки.

Затем Тиглат начинает хвастаться своей великолепной новой резиденцией со всей вульгарностью *нувориша*. Он говорит, что его дом был украшен, как сирийский дворец, для его славы. Он построил ворота из слоновой кости с досками из кедра и, похоже, выставил своих пленников, покоренных царей Сирии, в дворцовых покоях. У ворот стояли гигантские львы и быки искусной работы, которых он описывает как "хитрые, красивые, ценные", и это место он назвал "Дворцами ликования".

Взятие Саррапану Тиглатом-Пилесером II. Эвелин Пол.

Во фрагменте, повествующем об обстоятельствах его восточных походов, он рассказывает, как построил город Хумур и как раскопал соседнюю реку Патти, которая в прошлом была засыпана, и по ее руслу провел освежающие воды в некоторые из завоеванных им городов. В

одном из текстов он жалуется, что Сардури, царь Арарата, вместе с другими восстал против него, но Тиглат захватил его лагерь, и Сардури был вынужден бежать на кобыле. По ночам он скакал в суровые горы и искал спасения на их вершинах. Позже он укрылся со своими воинами в городе Туруспа. После осады Тиглат сумел его разрушить. После этого он разрушил землю Арарата и превратил ее в пустыню на территории около 450 миль. Диван Сардури Тиглат посвятил Иштар, а его царскую повозку, печать, ожерелье, царскую колесницу, булаву и, наконец, "великий корабль" унес с собой, хотя мы не знаем, как он совершил этот последний подвиг.

Поэт или хвастун?

Странно заметить, в какой раздутой манере Тиглат говорит в этих описаниях. Он говорит о людях, расах и правителях, "грешащих" против него, как будто он бог, но следует помнить, что он, как и другие ассирийские монархи, считал себя представителем богов на земле. Но хотя его язык временами хвастлив и абсурден, в других случаях он чрезвычайно красив и даже поэтичен. Рассказывая о дани, которую он получал от различных монархов, он говорит, что получил от них "одежду из шерсти и льна, фиолетовую шерсть, царские сокровища, шкуры овец с рунами, окрашенными в сияющий пурпур, птиц небесных с перьями сияющего фиолетового цвета, лошадей, верблюдов и верблюдиц с их молодыми детенышами".

По-видимому, он также конфликтовал с царицей Савской или Сабы, некой Самси, которую он отправил в плен в Сирию вместе с ее богами и всем ее имуществом.

Автобиография Ассур-бани-пала

В предыдущей главе мы изложили мифическую историю Ассур-бани-пала или Сарданапала, а в этом месте можно кратко рассмотреть историю его жизни, рассказанную в его надписях. В начале он заявляет, что является ребенком Асшура и Бельтис, но, очевидно, он намерен передать, что он их сын только в духовном смысле, так как он спешит сказать нам, что он "сын великого царя Ридути" (Эсар-хаддон). Далее он рассказывает о своем триумфальном продвижении по Египту, царей которого он сделал своими данниками. "Затем, - обиженно замечает он, - добро, которое я делал им, они презирали, и сердца их измышляли зло. Они говорили коварные слова и делали злые советы между собой". Короче говоря, цари Египта заключили союз, чтобы освободиться от ига Ассур-бани-пала, но его генералы узнали о заговоре и схватили нескольких главарей в самый разгар их работы. Они схватили царских заговорщиков и заковали их в железные оковы. Затем ассирийские генералы обрушились на население восставших городов и перебили всех жителей до единого человека, а правителей Египта привели в Ниневию к Ассур-бани-палу. Чтобы оказать ему справедливость, этот монарх отнесся к Нехо, который описывается как "царь Мемфиса и Сарса", с большим вниманием, даровав ему новый завет и возложив на него дорогие одежды и украшения из золота, золотые браслеты, стальной меч в золотых ножнах, колесницы, мулов и лошадей.

Сон о Гигесе

Далее Ассур-бани-пал рассказывает о том, как Гигесу, царю Лидии, отдаленного места, о котором его отцы не слышали названия, бог Асшур подарил сон о царстве Ассирии. Сон произвел на Гигеса сильное впечатление, и он отправился к Ассур-бани-палу просить его о дружбе, но, отправив однажды посланника к ассирийскому двору, Ассур-бани-пал решил, что ему следует продолжать делать это регулярно, и когда он не проявил должного внимания, ассирийский царь взмолился Асхуру, чтобы тот сгладил его беду. Вскоре после этого несчастный Гигес был свергнут киммерийцами, против которых Ассур-бани-пал часто помогал ему.

Затем Ассур-бани-пал плаксиво рассказывает о том, как Саулмугина, его младший брат, устроил против него заговор. Этого брата он сделал царем Вавилона и, заняв на некоторое время трон этой страны, организовал заговор с целью сбросить ассирийское иго. Один из провидцев рассказал Ассур-бани-палу, что ему приснился сон, в котором бог Син говорил с ним, что он свергнет и уничтожит Саулмугину и его товарищей по заговору. Ассур-бани-пал выступил в поход против своего брата, которого он сверг. Жители Вавилона, охваченные голодом, были вынуждены пожирать собственных детей, и в агонии они напали на Саулмугину и сожгли его до смерти вместе с его имуществом, сокровищами и женами. Как мы уже отмечали, эта история, как ни странно, очень похожа на легенду о самом Ассур-бани-пале. Ассирийский царь быстро отомстил тем, кто остался. Одним он вырезал языки, других бросил в ямы на съедение собакам, медведям и орлам. Затем, установив дань и поставив над ними правителей, он вернулся в Ассирию. Примечательно, что Ассур-бани-пал четко заявляет, что он "закрепил" за вавилонянами богов Ассирии, и это, по-видимому, показывает, что ассирийские божества существовали в отличие от вавилонских.

Во время одного из походов в Элам Ассур-бани-пал увидел сон, посланный Иштар, который заверил его, что переправа через реку Итит, которая была в половодье, может быть осуществлена его армией в полной безопасности. Воины легко преодолели переправу и нанесли врагу большие потери. Среди прочего они вытащили идола Сусина из его священной рощи, и он отмечает, что его никогда не видел ни один человек в Эламе. Его вместе с другими идолами он унес в Ассирию. Он разбил крылатых львов, стоявших по бокам ворот храма, осушил питьевые колодцы и в течение месяца и дня опустошал Элам до предела, так что в нем не осталось ни людей, ни волов, ни деревьев - ничего, кроме дикого осла, змеи и зверя пустыни. Далее царь говорит, что таким образом была осквернена богиня Нана, которая жила в Эламе более 1600 лет. "Эта страна, - заявляет он, - была местом, не подходящим для нее. Возвращение своей божественности она доверила мне. "Ассур-бани-пал, - сказала она, - выведи меня из среды нечестивого Элама и позволь мне войти в храм Анны". Затем богиня отправилась в путь к храму Анны в Эрехе, где царь воздвиг для нее вечное святилище. Те вожди, которые доверяли эламитами, теперь почувствовали душевную боль и начали отчаиваться, а один из них, подобно Саулу, попросил своего оруженосца зарубить его - господин и человек убивали друг друга. Ассур-бани-пал отказался похоронить его труп и, отрубив голову, повесил ее на шею Набу-Куати-Забату, одному из последователей Саулмугины, его мятежного брата. В другом тексте Ассур-бани-пал величественным языком рассказывает о том, как он построил храмы Асхура и Меродаха.

"Великие боги в своем собрании слышали мою славную славу, и над царями, живущими во дворцах, славу моего имени они вознесли и возвеличили мое царство".

Ассур-бани-пал как архитектор

"Храмы Ассирии и Вавилонии, которые начал Эсар-хаддон, царь Ассирийский, фундамент их он построил, но верха их не достроил; заново построил я их: Я закончил их вершины.

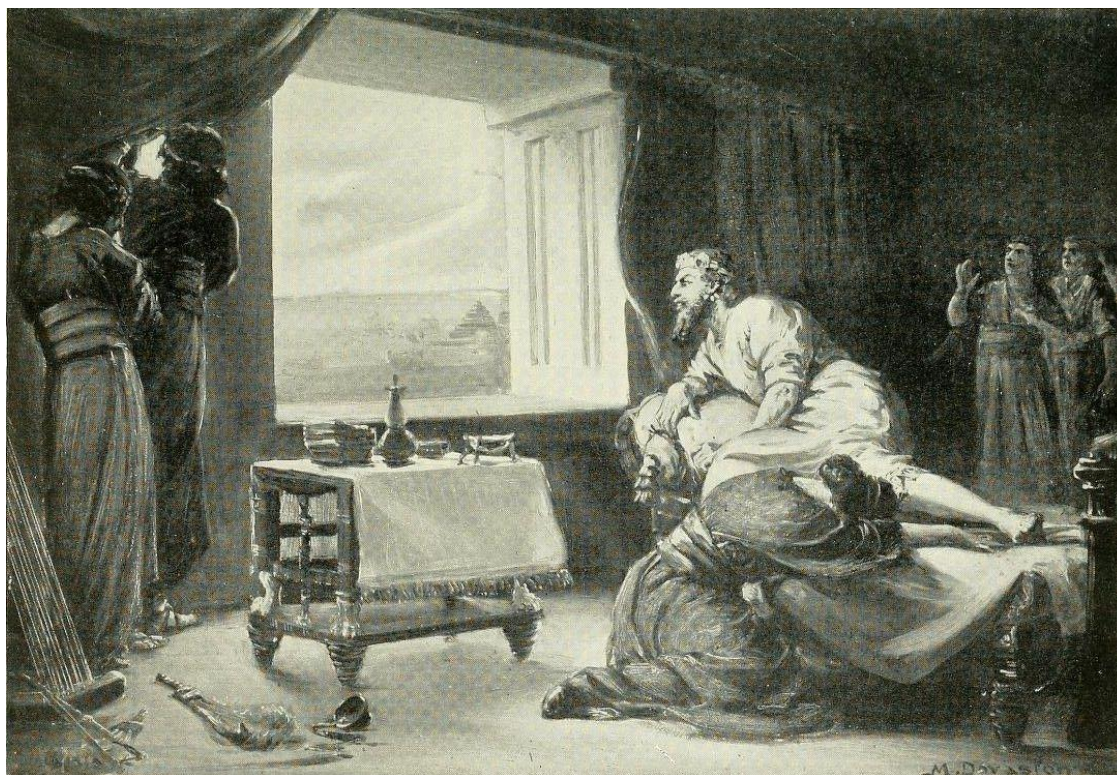
"Сади-рабу-матати (великая гора земли), храм бога Ассура, моего господина, полностью мною закончен. Стены его палаты я украсил золотом и серебром, великие колонны в нем я закрепил, а в воротах его я поставил произведения земли и моря. Бога Ассура в Сади-рабу-матати я ввел, и воздвиг ему вечное святилище".

"Саггал, храм Меродаха, владыки богов, я построил, я завершил его украшение; Бэла и Бельтиса, божеств Вавилона, и Эа, божественного судью из храма ... Я вывел их и поместил в городе Вавилоне. Его благородное святилище великое... с пятьюдесятью талантами... его кирпичную кладку я закончил, и воздвиг над ним. Потолок я сделал из сикоморы, прочного

дерева, прекрасного, как звезды небесные, украшенного битым золотом. О Меродахе, великом владыке, я радовался сердцем, я исполнял его волю. Благородную колесницу, повозку Меродаха, владыки богов, повелителя владык, из золота, серебра и драгоценных камней, я закончил изготавливать. Меродаху, царю всего неба и земли, уничтожителю моих врагов, в дар я преподнес ее.

"Кушетку из дерева сикомор для святилища, покрытую драгоценными камнями в качестве украшений, как кушетку для отдыха Бела и Бельтиса, дарителей благосклонности, создателей дружбы, искусно соорудил я. В воротах... сиденье Зират-банита, украшавшее стену, я поместил.

"Четырех быков серебряных, могучих, охраняющих мой царский порог, в воротах восходящего солнца, в самых больших воротах, в воротах храма Сидды, что посреди Борсиппы, я поставил".^[1]

Роковое затмение (15 июня 763 года до н.э.) - М. Довастон, R.B.A. - С разрешения Messrs Hutchinson and Co.

Симпатичный монарх

Эсар-хаддон, отец Ассур-бани-пала, был назван "самым симпатичным" из ассирийских царей. Он добивался военных завоеваний не только ради славы, но и ради сохранения собственной территории. Он известен как восстановитель Бабу и возродитель его культуры. Он проявлял большое милосердие к политическим преступникам, а его двор был центром литературной деятельности. Ассур-бани-пал, его сын, тепло отзывается о хорошем образовании, которое он получил при дворе своего отца, и именно этому образованию и его просветительскому влиянию мы обязаны бесценными сериями цилиндров и надписей,

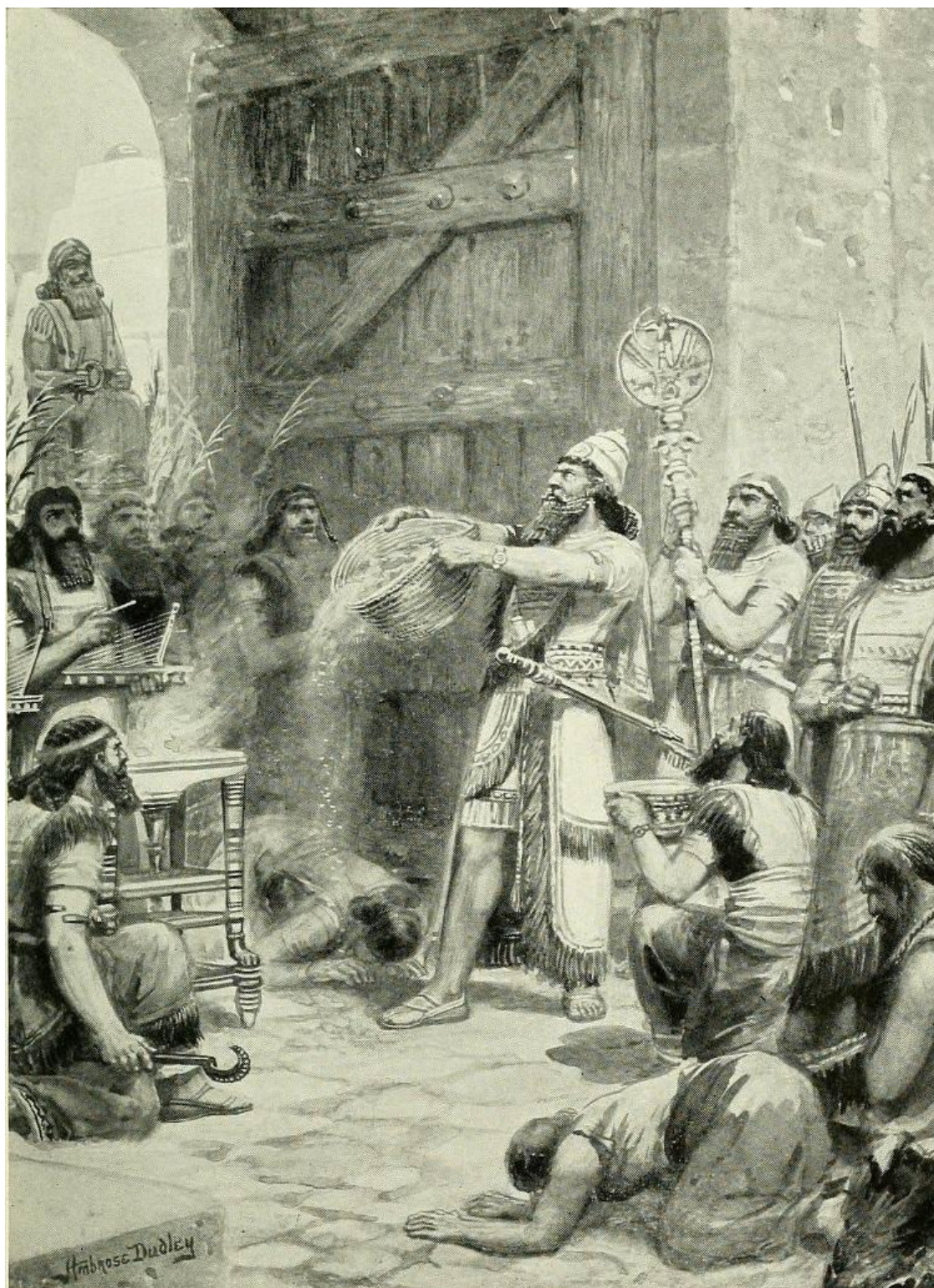
найденных в его библиотеке. Похоже, он не мог контролировать своих довольно буйных соседей и был достаточно слаб (с ассирийской точки зрения), чтобы вернуть богов царства Ариби после того, как он привел их в плен в Ассирию. Похоже, он был добродушным, просвещенным и покладистым, и если он не хвастался так громко, как его сын, то, вероятно, имел для этого больше оснований.

Один из потомков Ассур-бани-пала, Бел-Закир-искун, рассказывает о восстановлении им некоторых храмов, особенно храма Небо, и простецки добавляет: "В последующие дни, во времена царей, моих сыновей... Когда этот дом обветшает и состарится, кто восстановит его разрушение и восстановит его упадок? Пусть тот, кто это сделает, увидит мое имя, написанное на этой надписи. Пусть он вложит ее в сосуд, вознесет возлияние и напишет мое имя своим; а кто осквернит начертание моего имени, пусть боги не утвердят его. Да проклянут они и истребят семя его с земли". Это последняя царская надпись любой длины, написанная в Ассирии, и ее почти пророческие выражения, кажется, предполагают, что тот, кто ее составил, должен был предвидеть гибель цивилизации, которую он представлял. Не является ли эта надпись почти предвосхищением чудесного сонета Шелли на "Озимандиаса"?

Я встретил путешественника из древней страны.
Который сказал: Две огромные и безногие каменные ноги
Стоят в пустыне. Рядом с ними, на песке,
полузатопленный, лежит разбитая фигура, чей хмурый взгляд,
И морщинистые губы, и усмешка холодного приказа,
говорят о том, что его скульптор хорошо знал те страсти.
Которые все же уцелели, отпечатавшись на этих безжизненных вещах,
Рука, насмехавшаяся над ними, и сердце, питавшее их;
И на пьедестале появляются такие слова:
"Меня зовут Озимандиас, царь царей:
Взгляните на мои дела, могущественные, и отчаивайтесь!"
Больше ничего не осталось. Вокруг развалины
колоссальных обломков, бескрайних и голых,
Одинокие и ровные пески простираются вдаль.

Роковое затмение

Правление Ассур-Дана III (773-764 гг. до н. э.) представляет нам живописный случай. Этот ассирийский монарх несколько раз совершал походы в Сирию и воевал с халдеями в Вавилонии. Многочисленные государства были его данниками, а его власть была широко распространена. Но бедствие медленно надвигалось на него, и хотя он неоднократно предпринимал попытки его предотвратить, они были совершенно тщетны. Восстание следовало за восстанием, и, похоже, жрецы Вавилона, считая себя обделенными, присоединились к партии недовольных и способствовали разжиганию розни. В критический момент судьбы Ассур-Дана произошло затмение солнца, и когда черная тень надвинулась на Ниневию, а царь лежал на своем ложе и наблюдал за постепенным затуханием солнечного света, он почувствовал, что на него надвигается гибель. После этого страшного предзнаменования он, похоже, больше не сопротивлялся, а смирился со своей участью. В течение года он был убит, и его сын-мятежник, Адад-Нарари IV, сел на трон убитого отца. Но Немезида пошла по стопам отцеубийцы: в свою очередь, он нашел мятежника в своем сыне, и страну поразил страшный мор.

Шалманесер, высыпаящий пыль из завоеванного города.- Амброс Дадли.- С разрешения господ Хатчинсон и Ко.

Шалманесер I (ок. 1270 г.) был создан в военном и героическом стиле, и из легенд о его завоеваниях и военных подвигах может возникнуть эпос. В его время Ассирия обладала

избыточным населением, которое требовало выхода, и монарх считал своим долгом его обеспечить. Завоевав провинции Митанни к западу от Евфрата, он напал на Вавилонию, и так жестоко расправился со своими южными соседями, что мы видим, как он собирает пыль от их завоеванных городов и бросает ее на четыре ветра небесных. Конечно, более экстремального способа расправиться с побежденным врагом еще не было!

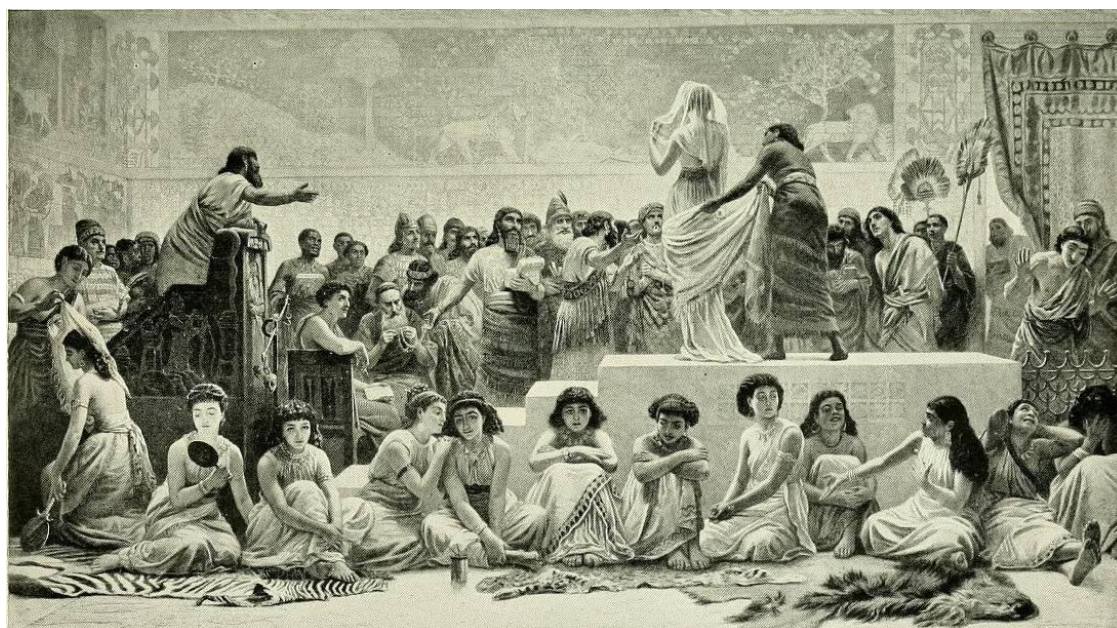
Несмотря на то что жизнь вавилонского или ассирийского царя проходила в полном блеске гласности, ему не приходилось сталкиваться с той критикой своих действий, с которой приходится сталкиваться современным монархам, ведь моральный кодекс народов Месопотамии в корне отличался от того, что существует сейчас. Поскольку монарх рассматривался как наместник богов на земле, из этого следовало, что он не может поступать неправильно. Подчинение его воле было полным. В руках расы людей, неразумно распоряжавшихся этой властью, она могла быть только губительной как для принца, так и для народа. Но в целом можно сказать, что короли этой расы вели себя достойно в соответствии со своим светом. Если их чувство собственного достоинства временами переходило в напыщенность, то лишь потому, что они были так полны чувством делегированного свыше долга. Есть все основания полагать, что до вступления в королевский сан они должны были пройти самое строгое обучение, состоящее из преподавания религиозных дисциплин, истории и привития моральных заповедей. С другой стороны, они отнюдь не были простыми марионетками, ведь мы видим, что они инициировали кампании, председательствовали в судах, сами разрабатывали законы и в целом определяли направление национальной политики. В целом это была сильная и решительная раса, мудрая и воинственная, не чуравшаяся требований своего народа. Но для них боги были превыше всего, и их представление о первоначальной обязанности царя, похоже, сводилось к строительству храмов и проведению религиозных церемоний, особенностью которых был пышный и продолжительный ритуал.

Королевский "день"

Зарисовка одного дня из жизни ассирийского или вавилонского царя может помочь читателю представить себе привычки царской власти в далекую эпоху. Церемонии облачения и омовения после подъема потребовали бы присутствия многочисленных чиновников, а после утренней трапезы последовала бы частная религиозная церемония. Далее следовали дела двора. Возможно, посольство из Элама или Египта займет ранние часы утра, а в остальное время придется диктовать письма губернаторам провинций и городов или далеким правителям. Будучи сам ученым, король, вероятно, внимательно изучал эти произведения. Затем можно было посетить строящийся храм, где архитектор описывал ход строительных работ, а король наблюдал за медленным возведением святыни и башни; или, возможно, вторая половина дня была отведена для удовольствия погони. Поводки больших собак, не похожих на датских борзых, собирались в определенном месте, и, отправляясь в путь на легкой, но прочной колеснице, король вскоре прибывал в ту точку, где, по заверениям избивателей, находились газели, дикие ослы или даже львы. Разумеется, все было бы устроено так, чтобы главные славы этого дня достались царственным особам. Неизвестно, сопровождали ли короля в погоне его придворные, как это было принято в Средние века, или же его сопровождали только профессиональные егеря. Как бы то ни было, при проведении церемонии возлияния над убитой дичью мы не находим никого, кроме короля, арфистов и профессиональных егерей, поскольку короли этой мужественной и воинственной расы не гнушались встречать льва без сопровождения и вооруженные лишь луком, стрелами и коротким фальчионом. Если только надписи, которые они оставили, не являются полной ложью, мы должны поверить, что многие ассирийские цари рисковали

своей жизнью в ближнем бою со львами. Охота на львов сопряжена с большим риском, если спортсмен вооружен современным высокоточным оружием, но риск при личной встрече с этими дикими животными, когда охотник вооружен самым примитивным оружием, кажется ужасающим, согласно современным цивилизованным представлениям.

Или же вторая половина дня может быть занята великой церемонией, закладкой камня в основание храма, открытием религиозного сооружения или празднованием фестиваля. Короля, сопровождаемого блестящей свитой придворных и жрецов, несли в санях к месту празднования, где под аккомпанемент арф и других инструментов пели гимны богу, в честь которого проводилась церемония, возносили возлияния богу, приносили жертвы и молились о постоянной защите.

Брачный рынок с картины Эдвина Лонга, Р.А. - С разрешения Общества изобразительного искусства, Лтд.

Личная жизнь ассирийского или вавилонского царя, вероятно, была не слишком комфортной: его окружали подхалимствующие чиновники, шпионы на службе у его врагов, интриганы и соискатели должностей всех мастей. Как и в большинстве восточных стран, гарем был центром интриг и политических волнений. Его обительницами обычно были принцессы из чужих стран, которые, вероятно, получили предписание покинуть родные края и добиться как можно большего расположения монарха, чтобы поколебать его в политических вопросах. Предполагалось, что многие из этих союзов заключались в надежде на поддержание мирных отношений между Месопотамией и окружающими странами, но мало кто сомневается, что многочисленные жены месопотамских царей слишком часто были не лучше шпионов, в чьи обязанности входило периодически докладывать своим родственникам о состоянии дел в Вавилоне или Ниневии.

Во дворцах кишели рабы, и они занимали более высокое положение, чем в некоторых других странах. Раб, обладающий хорошими способностями, умеющий ткать, делать приправы или

консервы, считался ценным приобретением. Рабы были кастой, но законы в отношении них были точными и не бесчеловечными. Обычно их продавали с аукциона на рыночных площадях крупных городов. Геродот сообщает, что среди вавилонян существовал странный обычай, связанный с браком. Каждая замужняя женщина получала мужа следующим образом: Самые красивые девушки, достигшие брачного возраста, выставлялись на аукцион, а большие суммы, вырученные от их продажи, отдавались в приданое более простым молодым женщинам, которые, получив достаточные средства, легко находили себе мужей. Жизнь месопотамского царя была настолько ограждена церемониями, что на личные удовольствия оставалось мало времени. Иногда они, как в случае с Ассур-бани-палом, принимали форму литературных или античных развлечений, но более распространенной формой отдыха, по-видимому, были пиры или банкеты, на которых столы были обильно уставлены деликатесами, привезенными как из дальних, так и из соседних регионов. За трапезой следовали танцы и музыка, которые исполнялись профессионалами, а вечером царь мог проконсультироваться со своими прорицателями или астрологами по поводу какого-либо предзнаменования, о котором ему рассказали, или сна, который он видел.

Царские семьи Месопотамии, похоже, состояли из людей серьезных, спокойных и осознающих свою власть. Но на тронах Вавилонии и Ассирии сидело мало слабаков, а тех, кто сидел, нередко сметали в сторону, чтобы освободить место для более достойных людей.

[1] Перевод Джорджа Смита. См. его *"Ассирийские открытия"*, с. 355 и далее.

ГЛАВА XIII: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ВАВИЛОНСКОЙ И АССИРИЙСКОЙ РЕЛИГИЙ

Сравнительная ценность религий Вавилонии и Ассирии очень высока, поскольку они представляют собой семитский политеизм в эволюции и в состоянии процветания, хотя вряд ли в упадке. Они, по сути, типичны для семитской религии в целом, а поскольку семитская раса положила начало не менее чем трем великим религиозным системам мира - иудаизму, христианству и магометанству - они заслуживают тщательного изучения со стороны тех, кто хочет специализироваться в религиозной науке. Однако по целому ряду причин мы неизбежно должны чаще всего сравнивать их с религией Израиля - верой, которая в целом наиболее похожа на них, хотя между этикой этой системы и их моральным мировоззрением существовала большая пропасть. Несмотря на это, между вавилонской и иудейской религиями существовал прямой контакт в течение длительного периода, и влияние, которое они впитали, было ускорено расовым родством.

Прежде чем мы займемся этими чисто семитскими и расовыми сходствами, которые так важны для правильного понимания библейской истории и религиозной науки в целом, давайте кратко сравним веру Вавилонии и Ассирии с некоторыми из великих религиозных систем мира. Пожалуй, она более других напоминает составную общеегипетскую религиозную идею (нельзя говорить о египетской религии). Но если в Египте божества почти повсеместно развивались из номов или провинций-покровителей, тотемических или иных, часто объединявшихся в одну форму, то боги Халдеи были обычно богами городов или районов, проявляя в своей конструкции гораздо меньше природы ведомственного божества, чем божества Египта. Египетский тип бога был более точным и четким. Мы редко сталкиваемся с большими трудностями при определении природы египетского бога. Однако часто мы сталкиваемся с огромными трудностями при выяснении того, что представляет

собой месопотамское божество. Вавилоно-ассирийское представление о божестве, похоже, было в основном астральным, земным или водным - то есть большинство вавилоно-ассирийских божеств связано либо с небесными телами, либо с землей, либо с водами. Лишь впоследствии они становятся богами правосудия, письма, подземного мира. Это утверждение, конечно, следует понимать так, что их связь с абстрактными качествами гораздо более свободна, чем в случае с египетскими богами, что их ведомственный характер вторичен по отношению к их первоначальному характеру богов природы. Есть только одно исключение, и оно относится к военному ведомству, в которое некоторые из них были отнесены в ранний период, а затем стали очень тесно с ним ассоциироваться.

В одном обстоятельстве вавилоно-ассирийская религия очень напоминала египетскую, и это было долговременное влияние, оказанное на нее жреческими культами и богословскими школами. Как жрецы Фив, Мемфиса и Он формировали разнообразные культы Египта, дополняли их мифологией и вкладывали в них этическое значение, так и жрецы Ниппура и Эреха формировали вавилонскую веру. У нас есть множество доказательств такого утверждения, и, пожалуй, нигде в древнем мире не было такого буйства теологической мысли, как в Вавилонии и Египте.

Есть также точки соприкосновения с великой мифологической системой Греции - системой, которая была настолько мифологией, что ее едва ли можно назвать религией. То, что Греция во многом заимствовала из Месопотамии, не подлежит сомнению, но мы находим эллинские ведомственные божества очень четко выраженными по своей природе. Например, Паллас обозначает мудрость, Посейдон - море, Арес - войну и так далее. Один бог обычно обладает одним атрибутом, и хотя Зевс имеет ряд второстепенных атрибутов, мы не видим, чтобы он объединял в своем лице столько, сколько Меродах. Как уже было сказано, похоже, что ведомственный характер многих вавилонских богов был чисто случайным или случайным. Формула выглядит следующим образом: берем местного или городского бога, возможно, происходящего из тотемических источников или, возможно, анимистического происхождения, и, завоевав большую прилегающую территорию, возвышаем его до положения бога большого региона, который, будучи снова включен в состав еще более крупной империи, оставляет за ним лишь местный статус. Этот статус он не может занимать в пантеоне, где каждый член должен обладать определенным атрибутом, поэтому возникает необходимость навязать ему какое-то качество, по которому его можно было бы особо распознать. Иногда это качество соответствует его характеру, фактически может указывать на него, но в других случаях оно просто произвольно. Почему, например, Иштар должна была стать богиней войны у ассирийцев?

Это наделение богов Вавилонии и Ассирии ведомственными характеристиками произошло одновременно с возведением этих стран в империи. Ни один пантеон не может существовать на вершине без политического рефлекса в нижнем мире. Как и выделение большинства ведомственных должностей в религиозных системах, эти изменения произошли сравнительно поздно в ходе эволюции семитской религии. Всякий раз, когда мы находим ведомственные божества религиозной системы, более или менее четко очерченные в отношении их обязанностей и статуса, мы можем предположить две вещи: во-первых, что временная власть была приобретена расой, которая их придумала, и, во-вторых, что эта власть имеет сравнительно недавнее происхождение.

Семитский консерватизм

Когда мы говорим о ведомственных божествах такой страны, как Вавилония или Египет, мы должны помнить, что эти земли знали так много династий и имели такую длинную историю, что их религиозные системы должны были от первой до последней претерпеть самые глубокие изменения. В Египте, например, религиозные явления менялись медленно и незаметно. Изменения, произошедшие в течение пятидесяти веков религиозной эволюции, должны были привести к тому, что культы Египта в конце своего развития демонстрировали совсем другие условия, чем, скажем, в середине своего эволюционного пути. Мы видели, как менялись вавилонские и ассирийские верования на протяжении поколений, но при этом в природе семитской религии, по-видимому, было нечто более консервативное, чем в любой другой. Вероятно, ни в одной другой стране один и тот же ритуал и одна и та же религиозная практика не сохранялись на протяжении столь длительного периода, как в Вавилонии, где национальная жизнь была гораздо сильнее и гораздо более централизованной, чем в Египте, и где, если и существовали соперничающие культы, все они были подчинены одному, как это ни в коем случае не было в стране Нила.

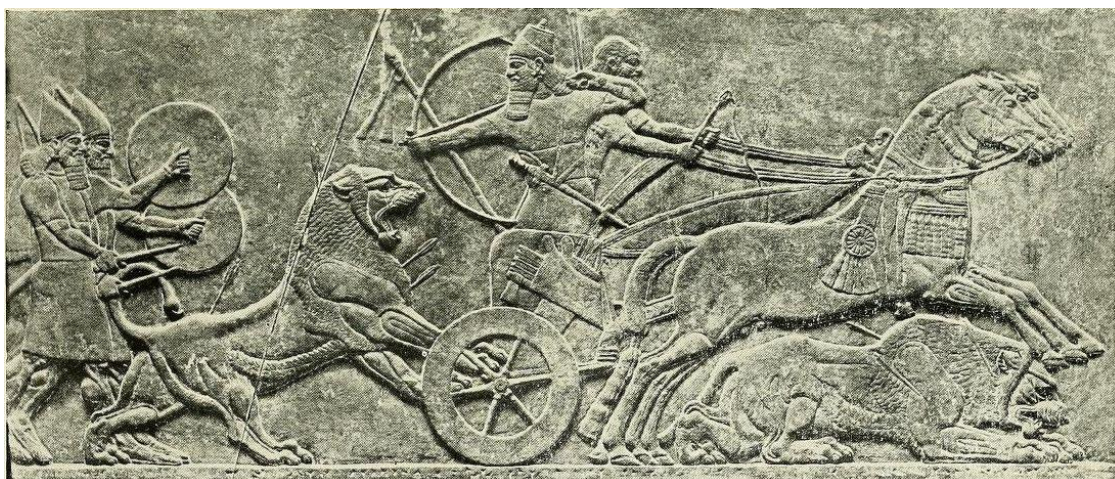
Сравнение тевтонов и кельтов

По сравнению с великой германской религией вавилонская имеет мало сходств. В вере тевтонов ведомственные божества были скорее правилом, чем исключением; фактически ни в одной мифической системе боги не связаны с ведомствами так, как в тевтонской, и это несмотря на то, что тевтонские племена не управляли какой-либо определенной империей. (Была ли тевтонская система остатками религиозной аристократии, выделившей из некий центр политической власти?) Семитские религии также не имеют много общего с кельтскими в том, что касается основы государственного устройства, хотя джентльмены-антиквары, которые были столь распространены полвека назад и еще не исчезли, предпринимали многочисленные доблестные попытки доказать вавилонское влияние на кельтскую веру и историю. Так, нам говорили, что кельтский Биле был так же несомненно связан с семитским Бэлом, как римский Марс с греческим Аресом, и, конечно же, через финикийское влияние, люди из Тира и Сидона были прослежены до Ирландии как колонисты. Эти "теории", конечно, не стоят бумаги, на которой они напечатаны, так же как и предположение о том, что шотландско-кельтский праздник Белтайн имеет какую-либо связь с вавилонским Белом. На самом деле, его возглавлял бог Биле, кельтское божество, которое по другим причинам путают с вавилонским богом.

Вавилонская религия типично анимистическая

Итак, из сравнения вавилонской религии с религиями других древних рас мы узнаем одно обстоятельство, имеющее огромное значение, а именно: если вавилонские боги были столь perfectly прикреплены к отделам, выражающим их функции, и были так тесно связаны со стихиями, что должны были иметь элементарное происхождение, то они действительно первоначально были духами земли, воздуха и воды. Это, конечно, не новый вывод, только то обстоятельство, что вавилонские боги не были строго ведомственными, что они лишь слегка придерживались своих должностей, помогает доказать правильность теории об их элементарном происхождении. Это также представляет интерес для изучающего сравнительную религию, поскольку указывает ему на мифологическую систему, в которой большинство богов, безусловно, имеют элементарное происхождение, а не тотемическое или фетишистское. В спиритуалистической природе вавилонского пантеона мало кто сомневается. Для семитов, в которых так сильно сочетаются воображение и реальность, анимистические влияния, несомненно, будут наиболее привлекательными. По

примитивному разумению, если человек одарен жизнью, то и все остальное тоже, и это убеждение дает воображению полную свободу действий. В Древнем Египте мы не обнаруживаем столь сильных анимистических влияний. Осирианский культ, конечно, в какой-то степени анимистичен, но различные тотемические культы, которые соперничали с ним и которые он в конце концов принял, сохраняли свою силу в течение многих дней.

Королевская охота (см. [с. 310](#)) - фото W. A. Mansell and Co.

Теория матери-богини

Одна из выдающихся особенностей вавилонской религии - поклонение великой матери-земле. Это универсальная религиозная фаза, но лишь в немногих системах мы находим ее столь заметной, как в Вавилонии и во всем Месопотамии. Были предприняты усилия, чтобы показать, что в Месопотамии столкнулись два потока людей с противоположными культами, один из которых поклонялся мужскому, а другой - женскому божеству. У тех, кто поклонялся богу-мужчине - охотников и воинов, у которых женщины рассматривались скорее как носильные животные, чем как что-то еще, - мужчина был высшим существом. Другие люди, поклонявшиеся богу-женщине, не обязательно были более цивилизованными; причиной их поклонения могла быть нехватка женщин в племени. Считается, что там, где эти два потока сливались, возникало поклонение *андрогину*, или богу-мужчине-женщине. Но существовали ли народы, которые отдельно поклонялись мужским и женским божествам? Если можно с уверенностью говорить о таких вопросах, то эти божества, несомненно, были анимистическими, а люди, поклоняющиеся анимистическим богам, поклоняются не одному богу или одному полу, а множеству богов-духов обоих полов. Там, где мы находим мать-землю, мы почти наверняка обнаружим и отца-небо. Культ великой матери-богини возник довольно поздно. Во всех местностях и во всех регионах семитского мира существовали такие божества, и именно их слияние в одно породило Иштар или Астарту, которая, вероятно, также была "Дианой эфесцев". Возможно, лучшую параллель семитскому поклонению матери-земле можно найти в мифологии древних мексиканцев, где каждый пуэбло, или город-государство, обладал своей матерью-землей, несколько из которых после завоевания их поклонников были окончательно объединены в великую мать-землю Мексики.

Вавилонское влияние на еврейскую религию

Но вавилоно-ассирийская религия представляет главный интерес для изучающего сравнительную религию в том, что она проливает свет на ту удивительную иудейскую веру, с которой так тесно связана история нашей страны.

Профессор Сайс^[1] пишет:

"Во все времена существовала одна нация, которая оказывала и продолжает оказывать значительное влияние на нашу мысль и жизнь, и которая тесно соприкасалась с религией и культурой Вавилонии в критический период ее истории. Влияние иудейской религии на христианство, а следовательно, и на расы, сформированные христианством, было продолжительным и глубоким. Иудейская религия была тесно связана с еврейской историей, возможно, более тесно, чем любая другая великая религия мира. Она черпала свои краски из событий, которыми была отмечена политическая жизнь еврейского народа; она развивалась в унисон с его борьбой и успехами, испытаниями и разочарованиями. Его великое набожное изречение, Книга Псалмов, является национальным, а не индивидуальным; человек в ней слил свои собственные чаяния и страдания с чаяниями и страданиями всей общины. На ход еврейского пророчества в равной степени накладывает отпечаток национальная судьба. Оно становится все более ясным и католическим по мере того, как расширяется общение еврейского народа с окружающими его людьми; и в конце концов преподается урок, что Бог евреев - это Бог всего мира. Избранными орудиями для претворения в жизнь этого урока, как нам ясно сказано, были Ассирия и Вавилония. Ассирия была жезлом Божьего гнева, а вавилонское изгнание - горькой карой, постигшей Иудею за ее грехи. Пленники, вернувшиеся в свою землю, вернулись с измененными сердцами и очищенными умами; отныне Иерусалим должен был стать непревзойденным местом обитания "народа праведного, хранящего истину".

"Таким образом, помимо влияния, которое старые религиозные верования Вавилонии могли оказать на греков, и которое, как мы увидим, было не столь уж незначительным, как считалось ранее, их контакт с религиозными представлениями еврейских изгнанников должен был, по меньшей мере, произвести эффект, который нам стоит изучить. До сих пор традиционно считалось, что этот эффект проявлялся исключительно на антагонистической стороне; евреи не унесли с собой из страны своего плена ничего, кроме острой ненависти к идолопоклонству, особенно вавилонскому, а также к связанным с ним верованиям и практикам".

Профессор Игнатий Гольдзихер из Будапешта в одном из отрывков своей книги *"Мифология у евреев"* просветил нас относительно огромного влияния, оказанного Вавилоном на еврейскую религию. Он говорит: "Восприимчивость иудеев вновь ярко проявилась во время вавилонского плена. Здесь они впервые получили возможность сформировать для себя полную и гармоничную концепцию мира. Влияние ханаанской цивилизации тогда не могло быть особенно сильным на евреев; ведь эта цивилизация, высшей точки которой достигли финикийцы, была совершенно ничтожна по сравнению с умственной активностью, проявившейся в памятниках Вавилонской и Ассирийской империи, которыми мы сегодня можем любоваться во всем их величии. Евреи нашли там нечто большее, чем несколько гражданских, политических и религиозных институтов. Обширная и разнообразная литература, которую они там нашли, не могла не подействовать на восприимчивый ум как мощный стимул; ведь невозможно представить, что народ, уведенный в плен, так долго жил в Вавилоно-Ассирийской империи, не приобщившись к ее интеллектуальным сокровищам. Последние публикации Шрадера об ассирийской поэзии позволили нам установить

поразительное сходство между идейным ходом и поэтической формой значительной части Ветхого Завета, особенно Псалмов, и этой новооткрытой ассирийской поэзии. Было бы большой ошибкой объяснять это сходство ссылкой на общее семитское происхождение в первобытные времена; ведь к этому можно прибегать только в случаях, не выходящих за рамки самых примитивных элементов интеллектуальной жизни и представлений о мире, или обозначений вещей внешнего мира. Понятия более высокого и сложного рода, равно как и эстетические моменты, конечно же, не могут быть унесены в туман доисторической эпохи. Гораздо лучше придерживаться более реальной и осязаемой почвы и предположить, что те точки соприкосновения между древнееврейской и ассирийской поэзией, о которых свидетельствуют публикации Шрадера, Ленорманта и Джорджа Смита, являются частью вклада высокоцивилизованных вавилонян и ассирийцев в жизнь евреев в течение важного периода Плена.

"Из этого мы видим, что интеллект Вавилона и Ассирии оказал на интеллект Евреев более чем мимолетное влияние, не просто затронув его, но глубоко проникнув в него и оставив на нем свой собственный след. Только что упомянутая ассирийская поэзия стоит в таком же отношении к древнееврейской, как и простые повествовательные тексты, и как Марсельские жертвенные скрижали к зарождению у древних евреев сакральной конституции. Вавилонское и ассирийское влияние, конечно, гораздо более обширное, беременное и заслуживающее внимания".

Аббат Луази во французской работе *"Вавилонские мифы и первые главы Гenezиса"* (Париж, 1901) говорит несколько вещей о еврейских и вавилонских мифических отношениях, которые стоит перевести:

"Мы больше не можем воспринимать первые одиннадцать или двенадцать глав Бытия как единое целое и рассматривать их как монотеистическую переработку вавилонских мифов..... Библейские рассказы не являются простыми транскрипциями... и пробелы между ними предполагают много ассимиляций и трансформаций, много времени и, вероятно, много посредников для загрузки..... Если связь библейских повествований с халдейскими легендами во многих отношениях менее тесная, чем считалось ранее, то теперь она представляется более общей. Сотворение мира и, в частности, Потоп по-прежнему являются наиболее очевидными точками сходства; но история Адама и Евы, земной рай, пища жизни, объяснение смерти, - все это иногда искали там, где не могли найти, - теперь найдено там, где и не думали искать..... Библейские тексты не имеют литературной зависимости от вавилонских текстов; они даже не находятся с ними в прямой зависимости в случае особых традиций, которые они демонстрируют: но они покоятся на аналогичном - можно сказать, общем - фундаменте халдейского происхождения, древность которого не может быть даже приблизительно оценена..... С другой стороны, представляется несомненным, что период ассирийского господства и Плена ускорил воспоминания о старых традициях и дополнил их свежими материалами, которые легко привить к древнему стеблю..... Мы вполне можем полагать, что метаморфоза была завершена в устной традиции народа до того, как легенда воплотилась в библейском повествовании".

Вавилонское влияние на других семитов

Влияние вавилонской религии на другие семитские культы заслуживает внимания, хотя ее воздействие на еврейскую веру было более заметным, чем на любую другую семитскую форму верований. Тем не менее, через завоевания и другие причины она, несомненно, оказала сильное влияние на окружающие народы, особенно родственные. Мы должны

рассматривать всю Малую Азию, или, по крайней мере, ее наиболее цивилизованную часть, как населенную расами различного происхождения, которые, однако, обладали общей культурой. Некоторые из этих рас, если нам будет позволено использовать устаревшие этнологические обозначения, были "семитскими", как ассирийцы и евреи, другие относились к "урано-алтайскому" или "арменоидному" типу, как хетты, а третьи, как филистимляне, были "арийской" расой, похожей на греков и готов. Но все эти разные расы восприняли общую культуру, их архитектура, керамика, оружие, ремесла и законы, похоже, происходили из общего источника, и, наконец, их религиозные системы были очень похожи.

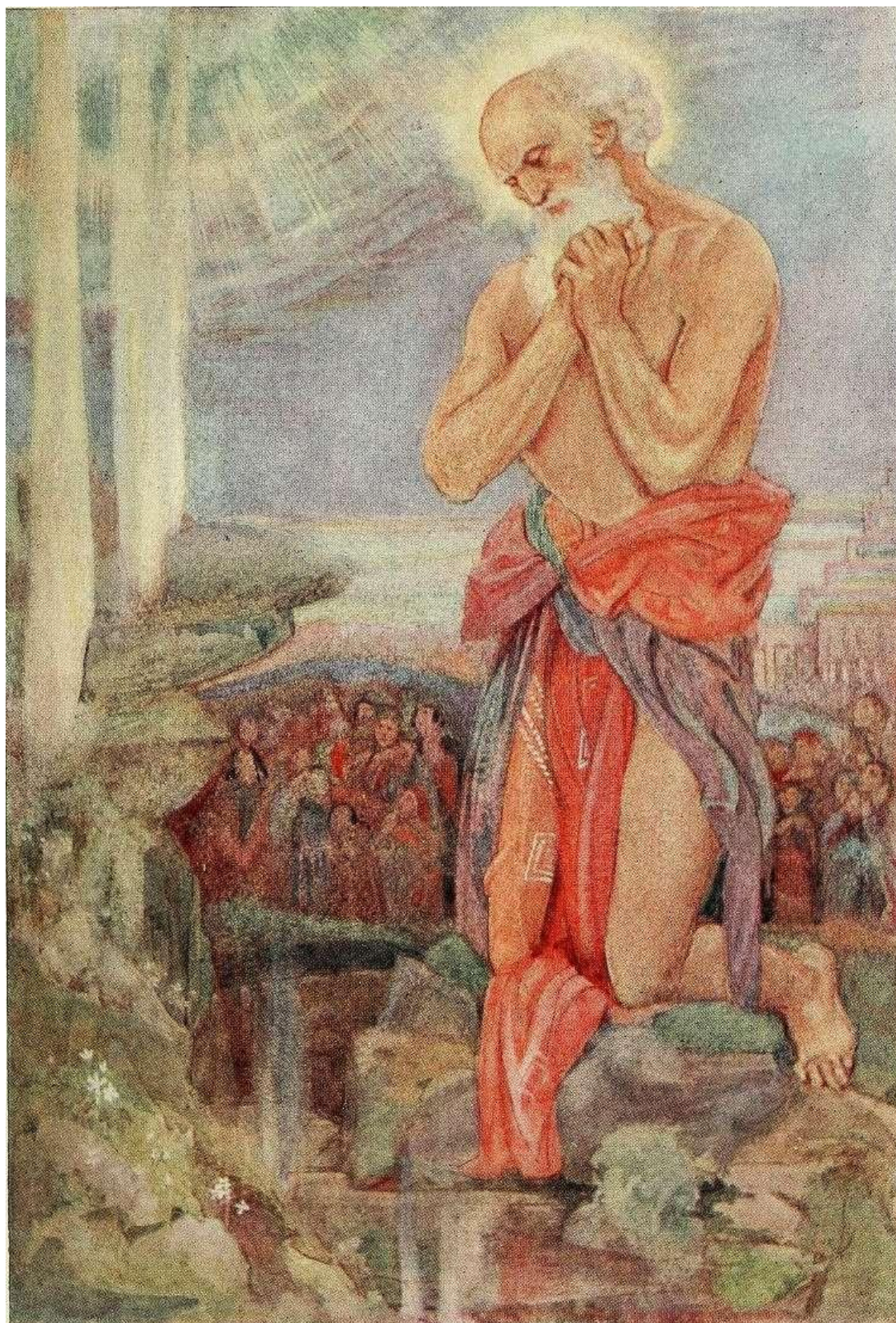
Ханаанеи

Первыми историческими жителями стран, известных сегодня как Сирия и Палестина, был народ под названием ханаанеи. Мы не знаем, произошло ли название Ханаан от земли или от расы, но название "ханаанеи" сегодня используется как общее обозначение доизраильских жителей Палестины. Эти люди, вероятно, были неолитического происхождения и, судя по всему, относились к семитской группе. Во всяком случае, они говорили на языке, очень похожем на иврит. Около 1400 года до н. э. они оказали сильное влияние на Египет, и тысячи из них поселились в этой стране в качестве рабов или чиновников. Они рано вторглись в Вавилонию под именем аморитов, и многие личные имена вавилонских царей времен династии Хаммурапи, похоже, имеют аморитское происхождение. Из египетских записей ясно, что уже в 2500 году до н. э. они вторглись в Палестину, истребили ее жителей, и что это вторжение совпало с вторжением в Вавилонию. Их религия, похоже, была явно семитской по типу, но более ранней, то есть анимизм только начинал перерастать в политеизм. Боги назывались не по личным именам, а скорее по атрибутам. Общим именем для "бога" было "эль", которое использовали и евреи, и которое мы находим в таких именах, как Иезавель, Элькана, и, возможно, в современном арабском "Аллах". Но это слово не использовалось ханаанеями в монотеистическом смысле, оно было родовым и обозначало конкретное божество, обитавшее в определенном месте. Это действительно было слово "бог" - бог, любой бог, но не Бог. Но такой бог, имеющий святилище или возглавляющий общину, назывался "Баал". Это слово могло относиться к любому сверхъестественному существу, от фетиша до полноценного божества, и означало лишь то, что дух или божество установили связь с определенным святым местом.

Среди ханаанейских божеств мы также находим Шамаша, бога солнца, которому так широко поклонялись в Вавилонии, Сина, бога луны, Хадада или Риммона, и Уру, бога света, чье имя встречается в Уру-Салиме или Иерусалиме. Дагон, по мнению некоторых авторитетов, тоже был чисто аморейским божеством. Поклонение животным также было широко распространено: быки, лошади и змеи изображались в качестве божеств. Кроме того, существовало огромное количество безымянных богов или духов, возглавлявших всевозможные физические объекты, которые назывались *баалим*. Они были результатом анимистических представлений. Ранние жители Ханаана, как и многие другие примитивные народы, были поклонниками предков и, похоже, отдавали заметное предпочтение культу мертвых.

Но многие из их ведомственных божеств были либо идентичны, либо сильно напоминали богов вавилонян. Аштар, конечно же, был Иштар. В курганах Палестины найдено большое количество терракотовых бляшек с ее изображением. На них она часто изображена с высоким головным убором, ожерельем, браслетами и поясом в вавилонском стиле. Но в других ее изображениях прослеживается египетское, кипрское и хеттское влияние, и это говорит о том, что, скорее всего, великая богиня-мать Вавилона и Малой Азии была составлена из различных ранних типов, слившихся в один. Если ограничиться теми

божествами, которые более тесно связаны с вавилонской религией, то мы находим имя Ниниба, переведенное ханаанеями как Эн-Машти, и считается, что Ниниб был богом Запада, который перебрался в Вавилонию. Имя Небо, вавилонского покровителя Борсиппы, который также выступал в роли писца богов, встречается в названии города Небо в Моаве в Иудее, а то, что ханаанеи были знакомы с именем Нергала, бога войны, доказывает запечатанный цилиндр ханаанейской работы с надписью: "Атанахели, сын Хабси, слуга Нергала". Решеф также, по-видимому, был известен ханаанеям.

Илия одерживает победу над жрецами Ваала. Эвелин Пол.

Боги финикийцев

Финикийцы, которые были прямыми потомками ханаанеев, переняли многие божества Вавилонии. Как и ранние божества этой великой империи, финикийские боги были связаны

либо с землей, либо с водами, либо с воздухом. Некоторые из них в более поздние времена властвовали более чем над одной стихией. Так, тирский бог Мелькарт имел как небесный, так и морской аспект, а Баал и Аштарт в дополнение к своим земным атрибутам приобрели небесные. Финикийцы называли своих богов в целом *alônim*, так же как израильтяне в ранние времена, должно быть, называли своих, поскольку в первых главах Бытия мы находим слово *elohim*. Затем и те, и другие вернулись к форме единственного числа *el*, общему семитскому имени "бог", добавив к нему семитское окончание множественного числа *im*. Бог местности или святилища назывался "*баал*", и, как и в ранние времена, это не относилось к какому-то конкретному божеству. Хотя у всех их богов были имена, все же они были всего лишь *ба-алимами* Тира, главным из которых был Мелькарт, чье имя означает просто "царь" или покровитель города. Возможно, одним из самых почитаемых богов был Баал-Хамман, которому также поклонялись в Карфагене, финикийской колонии. Одной из наиболее ярко выраженных особенностей религии финикийцев было неизменное добавление женщины к каждому мужскому богу. Аштарт или Иштар была столь же популярна в современной Финикии, как и в древнем Ханаане. Следует помнить, что Тир и Сидон были тесно связаны с Ассирией и что их корабли, вероятно, перевозили ассирийскую торговлю далеко и широко по всему Средиземноморью, обменивая сирийские товары на египетские, кипрские и эллинские. Аштарт или Иштар имела храмы в Сидоне и Аскелоне, и финикийские мореплаватели, похоже, доставляли ее поклонение вплоть до Кипра и даже Сицилии. Действительно, возможно, именно через их посредничество она была введена в греческий мир, но на берегах Малой Азии рано появились греческие колонии, и они могли передать ее культ людям своей расы на греческой родине. Другой богиней, особо почитаемой в Карфагене, была Танит, которую также называли "лицом Баала". Эшмун, бог жизненной силы и исцеления, похоже, почитался прежде всего в Сидоне, но также и в Карфагене. Мелькарт, божество-покровитель Тира, греки приравнивали к своему Гераклу; Решеф, бог молний, был сирийского происхождения, и греки отождествляли его с Аполлоном. Финикийцы также были склонны соединять своих богов одного с другим, так что мы имеем такие сочетания, как Эшмун-Мелкарт, Мелкарт-Решеф и т.д. На религию финикийцев также сильно повлияли египетские идеи, и Плутарх сообщает, что когда Исида отправилась в Библ, ее называли Астартой. Некоторые финикийские поселенцы в Пирее, порту Афин, поклонялись ассирийскому богу Нергалу, и многие их собственные имена состоят из имен вавилонских божеств. Поклонение Молоху было популярно и в Финикии, где его называли Мелк ("царь"), и ему, как и Молоху других семитских народов, приносили в жертву младенцев. Финикийцы также переняли обычай сжигать главного бога города в виде чучела или человеческого представителя в Тире и Карфагене. (См. замечания о Хаммане, с. [142-144](#); и о Сарданапале, с. [31-34](#)).

Мы очень мало знаем о финикийском мифе. Мы не можем доверять тому, что написано о нем Филоном из Библа, поскольку он утверждал, что использовал в качестве авторитета труды некоего Санхуниатона, древнего финикийского мудреца, который, по его словам, черпал свои сведения из надписей на камнях в финикийских храмах. Все, что осталось от Филона (а значит, и от Санхуниатона), сохранилось в трудах Евсевия. Однако было бы несправедливо считать Евсевия изобретателем Санхуниатона. Как мы уже отмечали в параграфах, посвященных легенде об Оаннесе или Эа, некоторые из мифов, которые он цитирует как идущие от финикийского мудреца, явно имеют вавилонское происхождение.

Как и все семиты, финикийцы тесно отождествляли себя со своими богами, в которых, если верить надписям, они, похоже, находили большое утешение. Они были усердными приверженцами нескольких культов и были так же склонны к жертвоприношениям, как и их двоюродные братья из Вавилонии. Вероятно, их путешествия и торговые авантюры

заставили их твердо поверить в действенность предсказаний, и нельзя сомневаться в том, что торговля провидцами в древнем Тире или Сидоне была действительно процветающей.

Религия карфагенян

О религии семитов Карфагена, колонистов из Финикии, поселившихся на северо-западных берегах Африки в ранний период, известно очень мало, и это, вероятно, объясняется тем, что ревность римских завоевателей предписывала стирать все записи, касающиеся их, насколько это было возможно. В *"Энеиде"* Вергилия мы видим, как карфагенская царица Дидо поклоняется римским богам и приносит им жертвы, но объясняется ли эта ошибка недостатком воображения римлян или чем-то другим, сказать трудно. На карфагенскую религию сильно повлияли ассирийские верования. Главными богами, которым поклонялись в Карфагене, были Баал-Аммон или Молох, Танит, богиня неба и луны, Аштарт или Иштар, и Эшмун, божество-покровитель города. Культ Таммуза-Адониса также был очень популярен, как и культ бога Патеха, отвратительного чудовища, которое, возможно, имело египетское происхождение. Широко почитался и тирийский Мелькарт. В надписях мы также встречаем имена божеств, о которых ничего не знаем, таких как Раббат Умма, "Великая мать", Иллат, Сакон и Цафон.

В начале III века до н. э. близкие отношения между карфагенянами и греками Сицилии способствовали внедрению эллинского элемента в пуническую религию, и греки делали взаимные заимствования. На форуме Карфагена находился храм Аполлона с колоссальной статуей, которая позже была перевезена в Рим, а в один из случаев карфагенские поклонники Аполлона действительно отправили подношения в Дельфы. Их богиню Танит также сравнивают с греческой Деметрой. Ее символ - полумесяц, а в ее храме в Карфагене хранилась знаменитая вуаль, которая считалась палладиумом или "талисманом" города, приносящим удачу. Надписи, посвященные Танит и Баал-Аммону, многочисленны, и поскольку они обычно встречаются вместе, вполне разумно предположить, что этим двум божествам поклонялись вместе. Танит, действительно, часто называли "лицом Ваала", чье имя мы находим у карфагенских героев, Ганнибала и Гасдрубала. Карфагенский Ваал-аммон изображается в виде старика с рогами барана на лбу, и это животное часто изображалось вместе с ним. Он также держит косу. В Карфагене ему приносили в жертву детей, а их тела клали на руки колоссальной бронзовой статуи, которая его изображала. Когда они уставали, то проскальзывали сквозь объятия бога в печь внизу под возбужденные крики фанатичных поклонников. Даже римская строгость не смогла положить конец этим ужасам, которые тайно продолжались до сравнительно позднего времени.

Странно думать, что после падения Карфагена богиня Танит стала отождествляться новыми римскими колонистами города с Дидо. Вергилий прославил ее несчастья, и в городе возник общественный культ Дидо, колонисты даже утверждали, что обнаружили тот самый дом, из которого она наблюдала за отъездом Энея.

Не исключено, что через посредничество финикийцев некоторые фрагменты вавилонской религии проникли даже на наши берега. Мы знаем, что они торговали оловом с древними жителями Корнуолла и островов Скилли, и некоторые авторы считают, что филология на их стороне, когда пытаются доказать, что некоторые корнуоллские имена имеют финикийское происхождение. Например, название Маразион, по-видимому, означает на семитском "холм у моря", а Полгарт, говорят некоторые, обязан своим вторым слогом финикийскому слову, означающему "город". Но не стоит быть догматиком в отношении этих названий, которые, в конце концов, могут быть объяснены из корнуэльских или других источников.

Итак, мы видим, что семитская религия распространялась по значительному пространству, что, начавшись, по всей вероятности, в Аравии, она распространилась через Месопотамию на север до озера Ван и на юг через Синайский полуостров в Египет и на север Африки. Странно заметить, что более поздняя семитская религия Мухаммеда следовала почти точно по тому же пути, и что ее раннее продвижение на запад остановилось почти на самом месте древнего Карфагена; что когда она хлынула в Испанию, ее ученики действовали точно так же, как карфагенянин Ганнибал задолго до этого, и что она была отбита европейскими усилиями почти точно таким же образом.

Робертсон Смит в своем ценном труде *"Религия семитов"* упоминает, что, по его мнению, семитская религия не так уж фундаментально отличается от других типов мировой религии, как кажется многим авторам, пишущим на эту тему. Но чем дольше мы размышляем над этим вопросом, тем более значительными кажутся барьеры между семитской и другими религиями и тем четче обозначаются их демаркационные линии. Длительная изоляция, которой подверглись семитские народы, по-видимому, сильно повлияла на их религиозное мышление. Это действительно "особый народ", практичный и в то же время мистический, сильно привязанный к миру, но находящий свое главное утешение в том, что не от мира сего.

Материалов для полного исследования истории семитской религии не хватает, и мы вынуждены заполнять пробелы, которых много, сравнительными методами. Но в этом нам очень помогают многочисленные проявления семитской веры, которая, включая вавилонские, ассирийские, ханаанейские, финикийские, аравийские и магометанские культы, предоставляет нам богатый сравнительный материал.

Религия Зороастра

Вера, которая сразу же вытеснила веру древней Вавилонии и Ассирии, не могла не почерпнуть из нее много нового. Это была зороастрийская вера, религия персов, представленная реформатором Заратустрой, самой ранней формой имени Зороастра, приведенной в *Авесте*. Дата и место его рождения неясны. Греки говорили о нем как о представителе отдаленной эпохи, но современные ученые относят период его жизни ко второй половине седьмого - началу шестого века до н. э. Кажется несомненным, что он был не персом, а медянином или бактрийцем, причем любое из этих предположений подтверждается теми или иными признаками. Из всего содержания Гатх, древнейшей части *Авесты*, мы, по словам доктора Хауга, их переводчика, можем сделать вывод, что он был человеком необыкновенного масштаба, игравшим великую роль на сцене истории своей страны. Заратустра говорит о себе как о посланнике Бога, призванном принести людям благословение цивилизации и уничтожить идолопоклонство. Вокруг его памяти выросло множество легенд: о чудесных знамениях при его рождении, о его необычайной мудрости, благодаря которой он еще ребенком привел в замешательство волхвов, о том, что он был вознесен на самое высокое небо и получил там слово жизни от самого Божества, а также откровение всех тайн будущего. В молодости он удалился от мира, чтобы провести долгие годы в созерцании, прежде чем в тридцать лет приступить к преподаванию, и дожил до семидесяти семи лет. Религия, которую он преподавал, была национальной религией персов со времен Ахеменидов, свергнувших сына Киаксара в 558 году до н.э., до середины седьмого века н.э. Она пришла в упадок после завоевания Александром при Селевкидах и сменившей их династии Арсакидов, но была возрождена правителями Сасанидов и процветала в течение четырех веков 226-651 годов н.э. Затем последовало магометанское завоевание, сопровождавшееся гонениями, перед которыми верные последователи Заратустры бежали в Индию, где их сегодня представляют их потомки, парсы из Бомбея.

Религиозная вера, которой учил Заратустра, основана на двойственной концепции доброго принципа, Ахура Мазды, и злого принципа, Анра Майнью, и главная идея его учения - постоянный конфликт между ними, который должен продолжаться до конца периода, предписанного Ахура Маздой для продолжительности мира, когда зло будет окончательно побеждено; до тех пор власть бога в некоторой степени ограничена, поскольку зло все еще противостоит ему. Учение Заратустры было в основном практическим и этическим; не в абстрактном созерцании, не в отрешении от мира должен был человек искать духовного освобождения, а в активной благотворительности, в полезных делах, в доброте к животным, во всем, что может помочь сделать мир упорядоченным, в мужестве и всеобщей честности. Построить мост или прорыть канал означало помочь уменьшить силу зла. Как лаконично выразился Рейнах, "жизнь, полностью занятая делом, была вечным экзорцизмом".

Две фигуры Ахура Мазды и Анра Майнью, один со своими сопровождающими архангелами и ангелами, а другой со своими арх-демонами и демонами, или дивами, составляют небесную иерархию Заратуштры, как она представлена в ранних священных писаниях; в более поздних в пантеон вводятся другие фигуры. Сохранившиеся священные писания относятся к разным периодам, и за пределами моральной системы религии Заратустры в них можно найти следы возрождения более древнего первобытного культа природы и верований раннего кочевого пастушеского быта, как, например, священность коровы и собаки, а также реминисценции общих индогерманских мифов.

Ахура Мазда был создателем вселенной, для которой он установил определенный срок. Неизвестно, представляли ли персы мир круглым или плоским, но, согласно их представлениям, он был разделен на семь зон, центральной из которых была собственно обитаемая земля. Между этими зонами и во всем мире находилась великая бездна вод. Между землей и небом возвышалась небесная гора, откуда брали начало все земные реки, и на которой хранилась Хаома.

Центральным элементом зороастрийского ритуала было поклонение огню - старинный культ, существовавший еще до времен Зороастра. В древнейший период изображения были запрещены, и священные обряды могли совершаться без храмов - в ход шли переносные огненные алтари. Однако храмы строились довольно рано, и внутри них находилось святилище, из которого исключался всякий свет, и где поддерживался священный огонь, к которому мог подойти только жрец с закрытыми руками и ртом. Персы доводили страх перед осквернением до крайности и имели даже более подробные, чем большинство восточных народов, предписания относительно методов очищения и предотвращения осквернения, как личного, так и священных элементов земли, огня и воды. Даже волосы и ногти нельзя было стричь без специальных указаний о том, как поступать с отделенными частями. Но это постоянное и изнурительное состояние осторожности и защиты от контакта с оскверняющими предметами и строгая система очищения в конечном счете были связаны с великой борьбой, происходящей между добром и злом. Смерть и все, что причастно к смерти или способно причинить вред, были делом рук заклятого врага.

Именно из-за страха загрязнить три вышеупомянутых элемента персы не хоронили и не кремировали своих покойников, а бросать труп в воду считали преступным деянием. Старый способ избавления от мертвых был похож на тот, что сейчас практикуют парсы Бомбея, которые относят тело в одну из Башен молчания. Так и персы выставляли труп на всеобщее обозрение, пока тот или иной пожиратель, хищные птицы или стихии, не превращали его в

скелет. Что касается самого человека, то он считался разумным существом со свободной волей, совестью, душой и духом-хранителем или прототипом самого себя, обитающим наверху, называемым Фраваши - его собственный характер, правда, помещенный в духовное тело, почти идентичное *amei-malghen* или духовным нимфам арауканийских индейцев Чили. Он имел право выбора добра и зла и, соответственно, понес должное наказание за грех. Считалось, что первые три дня после смерти душа умершего витает в своей земной обители.

В течение этого времени друзья и родственники совершали погребальные обряды, их молитвы и подношения становились все более искренними и обильными по мере приближения часа, когда душа должна была отправиться в путешествие в мир иной. Это произошло в начале четвертого дня, когда Сраоша понес ее на руках, атакуемый по пути демонами, желающими завладеть его ношей. На земле делалось все возможное, чтобы сдержать злых духов, зажигались костры, особенно эффективные против сил тьмы. И вот, получив помощь, Сраоша благополучно добрался со своим подопечным до моста, перекинутого между землей и небом. Здесь, у входа на "бухгалтерский мост", Митра и Рашну вели счет души; последний взвешивал ее добрые и злые дела, и даже если добрые дела перевешивали чашу весов, душа все равно должна была немедленно понести наказание за свой проступок, настолько строга была справедливость, предъявляемая к каждому. Теперь мост можно перейти, и выносятся еще один автоматический вердикт: тем, кто годен для рая, мост кажется широким и легким путем; несчастным же, обреченным на гибель, он кажется лишь на волосок, и, ступив на него, они сразу же падают в зияющую внизу пропасть. Блаженных же у небесных врат встречает сияющая фигура, которая ведет их через преддверие, открывающееся в конце концов в вечный свет небесной обители. Это триумф индивидуальной души; но впереди "далекое божественное событие", которое будет возведено знамениями и чудесами. На протяжении 3000 лет перед этим событием чередуются периоды побеждающего зла и покоряющего мира. Наконец великий дракон выпущен на свободу, и наступает злое время, но Мазда посылает человека, чтобы убить его. Затем от девственницы рождается спаситель Саошьянт. Мертвые воскресают, овцы и козы разделяются, и на земле раздается плач. Горы растворяются и заливают землю расплавленным металлом, пожирающим злых, но не причиняющим вреда добрым. Теперь духовным силам предстоит сразиться. Мазда и Сраоша побеждают Аримана и дракона, и "тогда возраст, тление и смерть исчезают, а на их место приходят вечный рост и жизнь".

Вавилонская этика

И, наконец, что можно сказать об этике древнего Вавилона и Ассирии? В целом моральный стандарт этих стран отнюдь не был столь возвышенным, как у нас, хотя религиозное мировоззрение не было низким. Начнем с того, что характер вавилонского мифа был намного чище, чем эллинского или скандинавского. Вавилонские боги выглядят более достойно, чем, например, греки или норманны. Они не опускаются до таких же пакостей, и их послужной список неизмеримо чище. Возможно, это связано с огромным количеством ритуалов, связанных с вавилонской религией, ведь когда народ так огражден религиозными обычаями, как древние халдеи, и со всех сторон ему угрожают табу, одной мысли о проступке и его последствиях достаточно, чтобы удержать его от иных действий, кроме разумных. Со временем грех становится настолько уродливым и отталкивающим в свете наказания, что моральный кодекс получает мощнейший импульс.

Несомненно, вавилоняне свято верили, что их боги требуют неукоснительного соблюдения морального кодекса. Считалось, что несчастья и болезни - это последствия нарушения морали. Но вавилоняне не считали, что только кардинальные грехи являются ужасными,

ведь они включали в проступок такие проступки, как злонамеренность, мошенничество, недостойные амбиции и вредное учение.

[1] *Hibbert Lectures*, pp. 38 ff. (с разрешения господ Уильямса и Норгейта).

ГЛАВА XIV: СОВРЕМЕННЫЕ РАСКОПКИ В ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ

Ни в одной стране раскопки не помогли истории так сильно, как в Месопотамии. В Египте, хотя работы лопатами расширили наши знания о жизни и религии в стране Нила, большая часть того, что мы знаем об этих предметах, была почерпнута из храмов и пирамид, каменных гробниц и мастаб, для надлежащего изучения которых практически не требовалось копать, и в целом можно сказать, что раскопки в Египте позволили нам лучше понять ранние периоды египетского прогресса, его "доисторическую" жизнь. Но в вавилоно-ассирийском регионе практически каждое открытие было сделано благодаря напряженному труду с киркой и лопатой; наши знания о Халдее в период ее расцвета были буквально выкопаны по кусочкам.

Честь начать великую работу по раскопке погребенных городов Месопотамии принадлежит М. Ботта, который в 1842 году был французским консулом в Мосуле. Движимый верой в то, что многие из больших курганов, покрытых песком, которые являются столь заметной чертой месопотамского ландшафта, возможно, скрывают руины исчезнувшей цивилизации, Ботта начал раскопки большого кургана Куюнджик, расположенного недалеко от деревни, в которой он жил. Но он мало чем вознаградил свои труды, и, похоже, не очень-то старательно взялся за раскопки. Один умный туземец обратил его внимание на курганы Хорсабада, где находилась древняя Ниневия, и отправил туда отряд рабочих. Вскоре его настойчивость была вознаграждена находкой нескольких скульптур, и, признав исключительную важность Хорсабада для археологических целей, он перевел свое учреждение в эту деревню и решил посвятить себя тщательному исследованию этого места.

Вскоре хорошо спланированная проходка натолкнулась на одну из дворцовых стен, и последующие раскопки были вознаграждены открытием множества камер и залов, облицованных гипсовыми плитами с мифологическими фигурами, сценами сражений, процессиями и подобными сюжетами. На самом деле он раскопал дворец, построенный в Ниневии Саргоном, царем Ассирии, правившим в 722-705 гг. до н. э., - один из лучших образцов ассирийской дворцовой архитектуры. Он продолжал раскопки в Хорсабаде до 1845 года, и ему удалось обнаружить храм и грандиозное крыльцо, украшенное тремя парами крыльев, под которыми проходила дорога из города во дворец. Многие из плодов его трудов были перевезены в Париж и помещены в Лувр. Его преемник, Виктор Пляс, продолжил работу Ботты в Хорсабаде и обнаружил городские ворота, охраняемые крылатыми быками, спины которых поддерживали арку входа.

Сэр Генри Лэйард

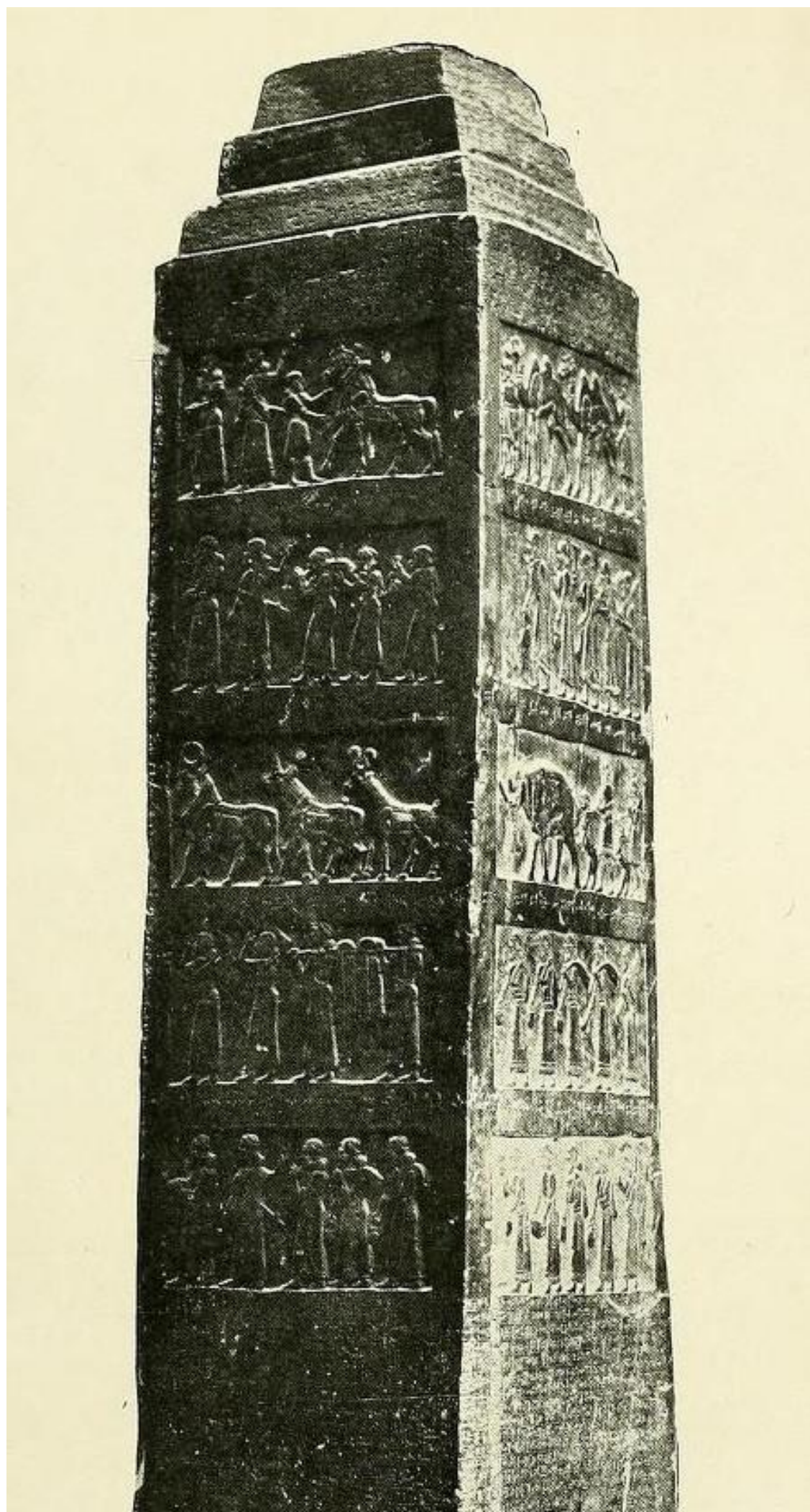
Тем временем мистер, впоследствии сэр Генри, Лэйард посетил страну в 1840 году и был сильно впечатлен работой Ботты и ее результатами. Пять лет спустя, благодаря помощи сэра Стратфорда Каннинга, он смог сам начать раскопки в Нимруде. Вскоре он обнаружил остатки обширных зданий - фактически в первый же день раскопок он обнаружил два ассирийских

дворца! Вначале у него было всего одиннадцать человек, но, опасаясь, что местный турецкий губернатор или приближение зимнего сезона остановят работы, он увеличил штат до тридцати человек. Крестьяне трудились с энтузиазмом, но, к отвращению экскаваторщика, турецкие власти запретили ему продолжать работы. Тем не менее, Лейард обманул власти и сумел обнаружить несколько больших фигур крылатых быков и львов.

РАСКОПКИ В ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ. Из "Путеводителя по вавилонским и ассирийским древностям", с разрешения директора Британского музея.

Вскоре после этого Лэйард провел Рождество с сэром Генри Роулинсоном из Британского музея, с которым у него завязалась теплая дружба, и вместе они смогли преодолеть недружелюбие турецких чиновников. На помощь Лэйярду пришел Ормузд Рассам, умный местный христианин, и в Нимруде снова начались работы. Труды Рассама быстро увенчались успехом, так как он обнаружил большой зал в прекрасной сохранности. Серьезная работа по раскопкам не обошлась без юмора: если удавалось обнаружить резное чудовище с телом быка и головой бородатого мужчины, туземные рабочие бросали свои инструменты и убегали. Турецкий губернатор, узнав от местных жителей, что Нимрод найден, отправил сообщение, в котором говорилось, что "к его останкам следует относиться с уважением и больше не беспокоить их".

Лэйард обнаружил множество ценных скульптур и решил попытаться переправить их в Англию. Роулинсон отправил в Нимруд небольшой пароход "*Нитокрис*", но оказалось, что на этом хрупком судне невозможно перевезти массивные экспонаты, и даже небольшие скульптуры пришлось переправлять по Тигру на плотках. Здоровье Лэйарда к тому времени было не в лучшем состоянии, но двухмесячный отдых в горах Курдистана освежил его, и он вновь приступил к работе в Нимруде, обрадованный новостью о том, что британское правительство выделило грант на продолжение его исследований. Грант, однако, был удручающе мал, и его нехватка вынудила его ограничить свои раскопки самым неудовлетворительным образом. Несмотря на это, новые работы принесли богатые результаты, особенно в здании, известном как "юго-западный дворец". Этот дворец, как он установил по найденным кирпичам, был построен Эсар-Хаддоном, царем Ассирии. В северо-западном дворце также были обнаружены скульптуры, прославляющие царя Ассур-назир-пала (885-860 гг. до н. э.), некоторые из них были очень энергичными, изображая царя в битве, пересекающего реку, полную черепах и рыб, или ведущего свою армию.

Однако именно в центральном здании его ждало одно из самых важных открытий. Это был обелиск Шалманесера II (860-825 гг. до н. э.) высотой почти в семь футов, сохранившийся до наших дней в прекрасном состоянии. Монарх воздвиг его в своем дворце в память о главных военных событиях своей карьеры. Он содержит двадцать небольших барельефов и 210 строк клинописной надписи, упоминающей, среди прочего, о получении дани "Иеху, сыном Омри".^[1] Эта бесценная реликвия является одним из сокровищ, хранящихся в Британском музее.

Первые четыре месяца 1847 года Лэйард посвятил исследованию северо-западного дворца и открыл расписные палаты, на которых были изображены сцены охоты и различные религиозные церемонии, каждый рисунок отделен условным изображением священного дерева. Многие из мелких предметов, найденных здесь, демонстрировали египетское влияние. Здесь же он наткнулся на самую древнюю из когда-либо обнаруженных ассирийских арок.

Теперь он собрал большое количество важных скульптур, и три из них ему удалось отправить на плоту в Басру, откуда они позже были отправлены в Англию. К середине мая 1847 года он закончил свою работу в Нимруде и начал поиски руин Ниневии в кургане Куюнджик, недалеко от Мосула, где до него работал Ботта. Он раскопал платформу из высушенных на солнце кирпичей, которая, как он знал по опыту, составляла фундамент всех больших ассирийских зданий, и, как он и ожидал, наткнулся на нее на глубине двадцати футов, а вскоре обнаружил вход, с флангов которого неслись неизбежные крылатые быки. Но само здание было настолько повреждено огнем, что представляло собой не более чем осыпающуюся кучу извести.

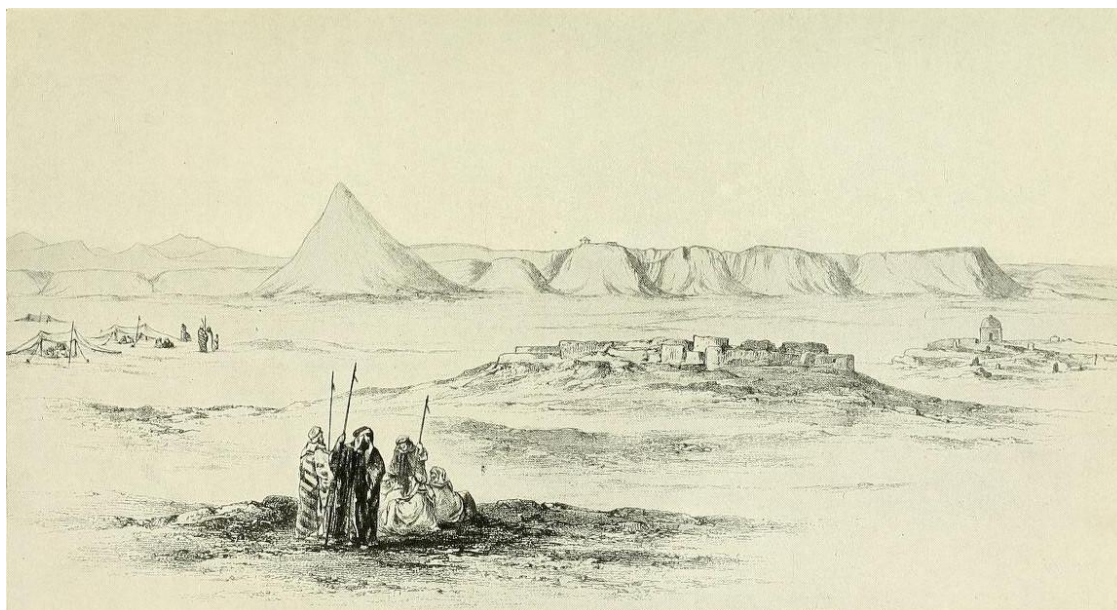
Лейард вернулся в Англию в июне 1847 года и был назначен атташе при посольстве в Константинополе. Тем временем его опубликованные работы произвели необычайное впечатление во всей Европе, а давление общественного мнения так сильно подействовало на правительство, что его попросили возглавить вторую экспедицию в Ниневию.

Где спал Роулинсон

Лучше оснащенный, Лэйард покинул Константинополь в августе 1849 года и прибыл в Куюнджик в октябре. Наняв около сотни человек, он энергично принялся за работу, снимая только столько земли, сколько было необходимо, чтобы показать скульптурные стены. Довольно успешно начав работу в Куюнджике, Лэйард в сопровождении Рассамы вернулся в Нимруд и возобновил работу там. Однажды утром он осматривал траншеи, когда обнаружил Роулинсона спящим на полу раскопанной камеры, закутанным в свой дорожный плащ, "измотанным долгой и утомительной ночной поездкой". Он направлялся домой в Англию, которую не видел двадцать два года.

Богатые находки в расписном дворце Сеннахериба в Куюнджике состояли в основном из настенных росписей и барельефов. О них профессор Хильпрехт говорит:[2] "Сотни фигур покрывают лицевую сторону плит сверху донизу. Мы знакомимся с особенностями типажа и одежды иноземных народов, с характерными чертами и продуктами их земель; нас вводят в самую жизнь и занятия изображенных лиц. Скульптор показывает нам вавилонские болота с их джунглями высоких тростников, посещаемых дикими кабанами, и варварские племена, плавающие по воде в своих легких лодках из плетеной лозы, точно таких, какими пользуются сегодня жители тех же болот; или он переносит нас в высокие горы Курдистана, покрытые деревьями и увенчанные замками, пытаюсь даже передать идею долины, меняя местами деревья и горы на одной стороне потока, который наполнен рыбами, крабами и черепахами. Он указывает на различные головные уборы, которые носят женщины-музыканты или пленницы, привезенные с мужьями и детьми в Ниневию. Одни носят волосы длинными кольцами, другие заплетены в косы или косички, третьи затянуты в сетку; для одних характерны капюшоны, плотно прилегающие к голове, для других - подобие тюрбана; эламитянки носят волосы локонами, спадающими на плечи, перевязанные над висками лентой или филейной частью, а жительницы Сирии носят высокий конический головной убор, подобный тому, который часто встречается в этих краях и сегодня."

Раскопки дворца Сеннахериба с его семьюдесятью комнатами, залами и галереями действительно стали одним из самых поразительных результатов второй экспедиции Лэйарда в Ниневию. Но еще более примечательной была находка знаменитой царской библиотеки Ассур-бани-пала в Ниневии, которая уже была описана. Результаты в Нимруде тоже были благоприятными, возможно, самым интересным было открытие башни Калаха, которую поначалу считали гробницей Сарданапала. Уже во второй раз Лэйард начал ощущать последствия переутомления и облучения, и в апреле 1851 года в сопровождении Рассамы он покинул руины Ниневии "с тяжелым сердцем". Двадцать четыре года спустя ему предстояло стать послом в Константинополе, и в этом качестве он преданно помогал ревностному Рассаму, своему достойному подчиненному.

Контур курганов в Нимруде. По рисунку, сделанному на месте сэром Генри Лэйярдом.

В 1851 году британское правительство поручило Роулинсону раскопки в Ассирии и Вавилонии. Неоценимую помощь ему оказал Рассам в качестве "главного практического экскаватора". Разместив своих рабочих на максимально возможном количестве объектов, он раскопал летописи Тиглата-Пилесера I в Кал'ат Шеркат, обнаружил Э-зиде, храм Небо в Нимруде и "стелу" Самси-Адада IV (825-812 гг. до н.э.). В Куюнджике он наткнулся на дворец Ассур-бани-пала. Был найден прекрасный барельеф, изображающий Ассур-бани-пала в его колеснице на охоте. Также была раскопана "львиная комната", на стенах которой изображена охота на льва, которая, как оказалось, использовалась и как библиотека, и как картинная галерея: в ней были найдены многие тысячи глиняных табличек с книгами.

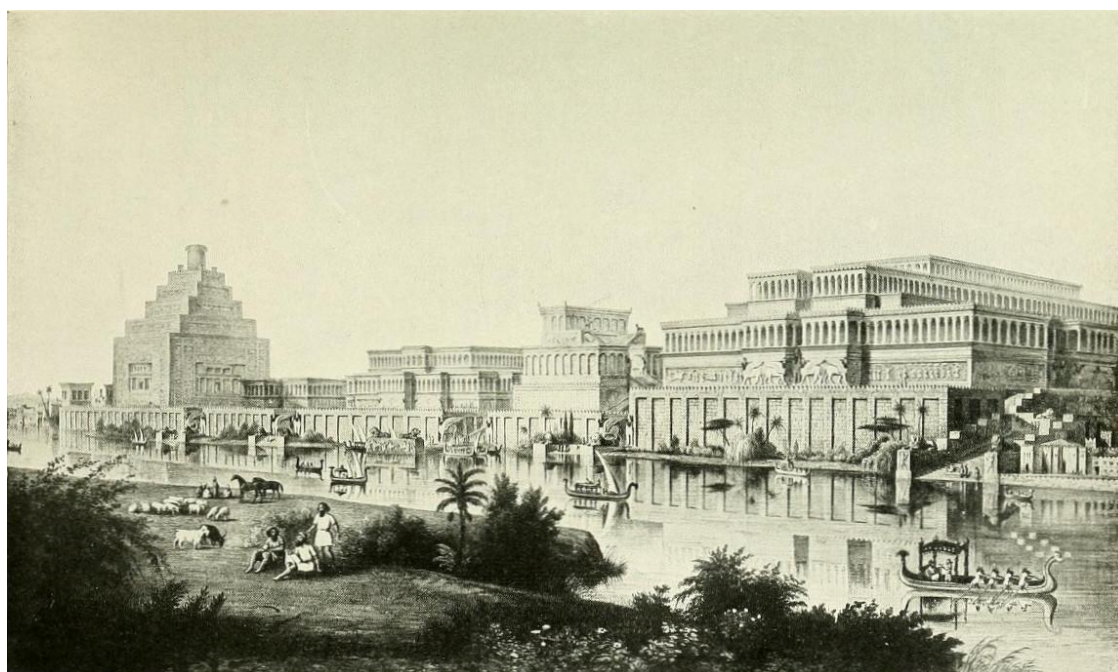
Отказавшись от раскопок ради политического назначения, г-н Рассам последовал за Уильямом Кеннетом Лофтусом, который проделал хорошую работу на руинах Варка в Вавилонии. Тем временем французская экспедиция под командованием Френеля, Опперта и Томеса вела раскопки в Вавилоне, наткнувшись на остатки эпохи Навуходоносора и раскопав курган Бабиль.

Джордж Смит

Теперь в поле зрения ассириологии появился тот, кто должен был оказать ей неоценимую услугу. Это был Джордж Смит, чье имя неизменно ассоциируется с романтической стороной этой науки, которую он так любил. О себе он пишет: "У каждого человека есть какая-то склонность или наклонность, которая, если ей способствуют благоприятные обстоятельства, окрасит всю его дальнейшую жизнь. Мой собственный вкус всегда был связан с восточными исследованиями, и с юности я проявлял большой интерес к восточным изысканиям и открытиям, особенно к той большой работе, которой занимались Лэйард и Роулинсон. В течение нескольких лет я почти ничего не делал, но в 1866 году, видя неудовлетворительное состояние наших знаний о тех частях ассирийской истории, которые влияют на историю Библии, я почувствовал желание сделать что-то для разрешения связанных с этим вопросов".^[3] Смит обнаружил таблички потопа среди десятков фрагментов, присланных в Британский музей Лэйярдом и Лофтусом, и это и другие открытия разожгли в нем желание отправиться в Месопотамию и своими руками раскопать ее сокровища. В связи с большим

интересом, проявленным в то время к этим открытиям, владельцы *The Daily Telegraph* предложили тысячу гиней на новые исследования в Ниневии, с условием, что Смит возглавит экспедицию и будет снабжать журнал отчетами о своих открытиях. Предложение было принято, и Смит, теперь уже сотрудник Британского музея, получил отпуск на шесть месяцев.

Прибыв в Нимруд, Смит приступил к раскопкам, начав их в храме Небо; но он не нашел почти ничего, что могло бы оправдать его труд, поскольку сооружение находилось в разрушенном состоянии и в последнее время использовалось как зернохранилище. По обе стороны от входа стояла колоссальная фигура бога со скрещенными руками в позе медитации, а внутри разрушенного здания были найдены более мелкие его изображения. Причиной раскопок Смита было подозрение, что здесь находятся надписи, которые могут пролить свет на правление Тиглата-Пилесера II (745 г. до н. э.) и, следовательно, на библейскую историю. Его старания были вознаграждены открытием верхней части таблички этого монарха, но дальнейшие находки не имели большого значения.

Дворцы Нимруда (восстановленные). По эскизу Джеймса Фергюсона для сэра Генри Лэйарда.

Дворец Нимруда

Затем Смит начал систематические раскопки в юго-восточном дворце и сделал несколько интересных открытий. Исследуя эту часть кургана, он увидел значительный туннель в южной стороне, начинающийся на наклонной части кургана. Туннель, судя по всему, проходил по центру камеры, пол был прорезан и располагался по одной линии с каждой стороны туннеля. Далее туннель доходил до стены в конце камеры, и ее поверхность была расчищена на небольшом расстоянии; затем, спустившись ниже основания стены, проход уходил на некоторое расстояние в основание кургана. Он начинался с двух сторон этой выемки и расчищался до уровня мостовой, вскоре доходя до стены с каждой стороны. Южная стена камеры опустилась на равнину, так как здесь она находилась близко к краю платформы, и камера начиналась с двух параллельных стен, идущих на север и юг. Правая стена, в том

месте у края, где она была сильно разрушена, показывала три ступени подъема, который, по-видимому, вел в какие-то верхние покои. Далее виднелись два углубления, каждое из которых было украшено с обеих сторон тремя квадратными пилястрами. По левую руку виднелся вход во вторую камеру, идущую с востока на запад, а от нее отходил третий, идущий параллельно первому. Всего в этом месте он открыл шесть камер, все одинакового характера, входы украшены гроздьями квадратных пилястр, а ниши в комнатах - в том же стиле. Стены были окрашены горизонтальными полосами красного, зеленого и желтого цвета по штукатурке; там, где нижние части камер были облицованы небольшими каменными плитами, штукатурка и цвета были продолжены на них. В одной из этих комнат оказалась кирпичная емкость, вделанная в пол, и, подняв кирпич, закрывавший ее, Смит обнаружил шесть терракотовых крылатых фигур, плотно упакованных в емкость. Каждая фигура была полнолицей, с головой, как у льва, четырьмя крыльями, с одной рукой на груди, держащей корзину в другой, и одетая в длинное платье до пят. Эти фигуры, вероятно, предназначались для защиты здания от власти злых духов.

Все восточные и южные части кургана Нимруд были разрушены в результате превращения его в усыпальницу. Руины были раскопаны после падения Ассирийской империи, стены были пробиты, камеры выломаны, а отверстия заполнены гробами.

Затем мистер Смит обратил внимание на руины Ниневии в Куюнджике и Небби-Юнасе. Здесь до него побывали и Лэйард, и даже турецкое правительство. Он начал работы с рытья траншей в юго-восточном углу дворца Ассур-бани-пала. Но сначала ничего интересного не получилось, и он переключился на дворец Сеннахериба, расположенный неподалеку. Здесь он наткнулся на ряд надписей, которые компенсировали его труд. В конце концов раскопки во дворце Ассур-бани-пала принесли свои плоды, поскольку там была обнаружена большая часть семнадцати строк надписи, относящейся к первой колонке повествования о потопе и вписывающейся в единственное место, где в рассказе был серьезный пробел.

Дворец Сеннахериба также постоянно приносил свою дань, включая небольшую табличку Эсар-хаддона, царя Ассирии, несколько новых фрагментов одного из исторических цилиндров Ассур-бани-пала и любопытный фрагмент истории Саргона, царя Ассирии, относящийся к его экспедиции против Ашдода, который упоминается в двадцатой главе Книги пророка Исайи. На этом же фрагменте была часть списка мединских вождей, которые платили дань Саргону.

Владельцы *The Daily Telegraph* посчитали, что с находкой фрагмента потопы цель экспедиции достигнута и что дальнейшие раскопки в Месопотамии должны проводиться под эгидой государства. Поэтому мистер Смит был вынужден вернуться в Англию, но не раньше, чем обнаружил еще один ценный слоговый словарь и две части шестой таблички истории о потопе, а также другие незначительные объекты, представляющие интерес.

Однако в конце 1873 года руководство Британского музея вновь направило г-на Смита в Месопотамию, где он возобновил работы в Куюнджике и обнаружил надпись Шалманесера I, царя Ассирии (1300 г. до н. э.), в которой говорится, что он основал дворец в Ниневии, и упоминается о восстановлении храма Иштар. Здесь же были найдены надписи его сына Тукульти-нинипа, а также посвящения Ассур-назир-пала (885 г. до н. э.) и Шалманесера II (860 г. до н. э.). Отсюда же происходят очень любопытные гонимые изделия, орнаменты на которых нанесены на глину, как на многих образцах керамики майя из Центральной Америки. В то же время были найдены фрагменты скульптурных стен, изображающих марширующих воинов, и несколько табличек, имеющих большое значение, на которых указаны имена

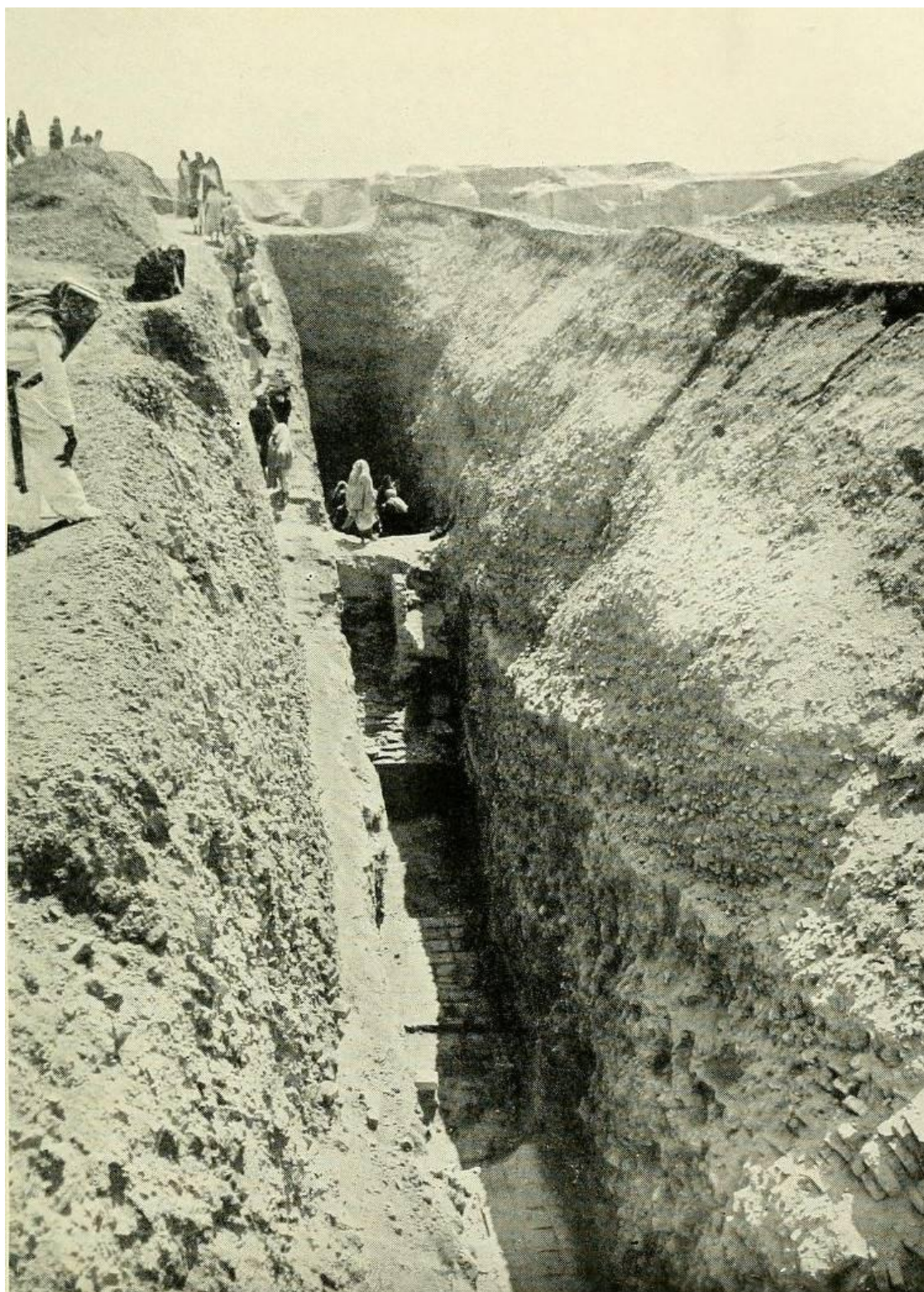
шести новых вавилонских царей, шестая табличка из серии "потоп" и двуязычная табличка прекрасной сохранности.

В юго-западном дворце Смит провел раскопки у парадного входа, чтобы выяснить, не осталось ли под мостовой каких-либо записей, но их не оказалось. Эта часть мостовой была пробита, и все, что находилось под ней, давно унесено. Он прорыл несколько траншей в Большом зале и нашел фрагмент надписи, а дальше во дворце - еще несколько фрагментов. Однако основные раскопки он проводил в том месте, которое Лэйард называл библиотечной камерой этого дворца. Лэйард, который обнаружил библиотечную камеру, описывает ее как полную фрагментов табличек на высоте до фута или более от пола. Эта камера была очищена Лэйардом, и он перевез ее сокровища в Англию, но Смит, изучив коллекцию Британского музея, решил, что не одна половина библиотеки была вывезена, и твердо придерживался мнения, что остальные таблички должны находиться во дворце Сеннахериба. При раскопках он обнаружил около трех тысяч фрагментов табличек в камерах вокруг камеры библиотеки Лэйарда, и по расположению этих фрагментов он пришел к мнению, что библиотека изначально находилась не в этих камерах, а в верхнем этаже дворца, и что при обрушении здания они упали в камеры внизу. Некоторые из палат, в которых он нашел начертанные таблички, не имели сообщения друг с другом, но в них находились фрагменты тех же табличек; глядя на этот факт, а также на положение и распределение фрагментов, он убедился, что таблички были разбросаны на большой территории, и решил провести раскопки на обширном участке дворца.

"В длинной галерее, где находились сцены, изображающие перемещение крылатых фигур, - рассказывает Смит, - я обнаружил большое количество табличек, расположенных в основном вдоль пола; среди них были слоговые таблицы, двуязычные списки, мифологические и исторические таблички. Среди этих табличек я обнаружил прекрасную бронзовую ассирийскую вилку с двумя зубцами, соединенными орнаментальным плечом с валом спиральной работы, вал заканчивается головой осла. Это прекрасный и уникальный образец ассирийской работы, свидетельствующий о достижениях народа в утонченности жизни. К югу от него находились многочисленные таблички вокруг старой библиотеки Лейарда, и здесь я нашел часть любопытной астролябии и фрагменты истории Саргона, царя Ассирии, 722 г. до н. э. В одном месте, ниже уровня пола, я обнаружил прекрасный фрагмент истории Ассурбанипала, содержащий новые и любопытные сведения о его египетских войнах и о делах Гигеса, царя Лидии. Из этой части дворца я также достал плечо колоссальной статуи с надписью Ассурбанипала. В другом месте я получил костяную ложку и фрагмент таблички с историей семи злых духов. Рядом я обнаружил бронзовый штихель, которым, как я полагаю, были оттиснуты клинописные таблички. В другой части раскопок я нашел часть памятника с изображением укрепления. В западной части дворца, у края насыпи, я раскопал и нашел остатки хрустальных и алебастровых ваз, а также образцы царской печати. Две из них очень любопытны: одна - пастовая печать, самый ранний образец такого рода, а другая - глиняный оттиск печати Саргона, царя Ассирии. Недалеко от места, где были обнаружены главные печати, я нашел часть скульптуры с хорошей фигурой мертвого буйвола в ручье. Среди этих скульптур и надписей было множество мелких предметов, включая бусы, кольца, каменные печати и т. д." [4]

К 1 января 1874 года у Смита работало не менее шестисот человек. Но ему пришлось столкнуться с огромными местными трудностями, особенно с требованиями выплатить огромные суммы владельцам земли, на которой он вел раскопки. Вскоре после этого, поскольку сезон был неблагоприятным, он вернулся в Англию. Третье посещение Месопотамии оказалось последним, так как он заболел и скончался в Алеппо в 1876 году, к

всеобщему сожалению не только тех, кто был удостоен его дружбы, но и всех, кто знакомился с его работами и знал о его напряженной жизни и занятиях. С должности гравера банкнот он поднялся до уровня уважаемого ученого, и его доброта сердца и честность намерений, не менее чем выдающиеся способности, делают его одной из самых благодатных фигур в истории науки, которой посвятили свою жизнь многие люди высоких побуждений.

Работа экскаваторов в Вавилоне. Сто рабочих трудились, выкапывая этот разрез глубиной 40 футов. Copyright by Underwood and Underwood, London.

Ормузд Рассам

Оплакиваемая смерть Смита заставила британские власти обратиться к господину Ормузду Рассаму, ушедшему в частную жизнь в Англии, с просьбой занять вакантную должность. Господин Рассам сразу же принял это доверие и в ноябре 1876 года отправился в Константинополь. Сначала возникли серьезные проблемы с турецким правительством, но в январе 1878 года Рассам получил возможность начать раскопки, которые он вел почти непрерывно в течение пяти лет. Лейард, будучи послом в Константинополе, оказал ему хорошую поддержку. Он широко использовал талант местных жителей, который если и не соответствовал европейскому уровню эффективности, то ни в коем случае не казался ему презренным. Но слишком много раскопок велось одновременно. К тому же Рассам был склонен скорее к сенсационным находкам, чем к более солидной и менее показушной работе по раскопкам. Руководствуясь некоторыми указаниями на присутствие предметов эпохи Шалманесера в Куюнджике, он снова начал раскопки и сумел обнаружить бронзовые бляшки, покрывавшие кедровые ворота большого ассирийского здания возрастом не менее 2500 лет, построенного Шалманесером II. На них были изображены воины и конные фигуры, и было установлено, что место, где они были обнаружены, было городом Имгур-Бел. Рассам также извлек другие глиняные таблички из библиотеки Ассур-бани-пала в Куюнджике. С его возвращением в Англию в 1882 году можно сказать, что ассирийские раскопки девятнадцатого века, в отличие от тех, что проводились на вавилонской земле, подошли к концу.

Де Сарсек

С раскопками француза де Сарсека в Телло начался второй великий период халдейских археологических исследований. Эрнест де Сарсек был французским вице-консулом в Басре, но своими частными усилиями ему удалось сделать Телло "Помпеей ранней вавилонской древности". Два основных кургана, раскопанных им, известны ассириологам как "курган А" и "курган Б". Раскопав первый, он вскоре собрал достаточно доказательств, чтобы убедить себя в том, что он стоит на месте большой древности. Он обнаружил, что курган А состоял из платформы из необожженного кирпича, которую венчало сооружение значительных размеров и протяженности. Он раскопал часть большой статуи, на плече которой было выгравировано имя Гудеа (2700 г. до н. э.), патеси, или правителя, Лагаша, с городом которого, как оказалось, идентичен курган А, а позже обнаружил многочисленные большие колонны из кирпича времен Гудеа, "стелу стервятников", воздвигнутую царем Э-анна-тумом, и два больших терракотовых цилиндра Гудеа, на каждом из которых было написано около 2000 строк ранней клинописи.

Во время более позднего визита, в конце 1880 - начале 1881 года, он продолжил раскопки в кургане А и обнаружил девять больших долеритовых статуй, фрагменты драгоценных барельефов и многочисленные надписи. Он также обнаружил слои более древних останков под зданием, которое он раскопал в кургане А.

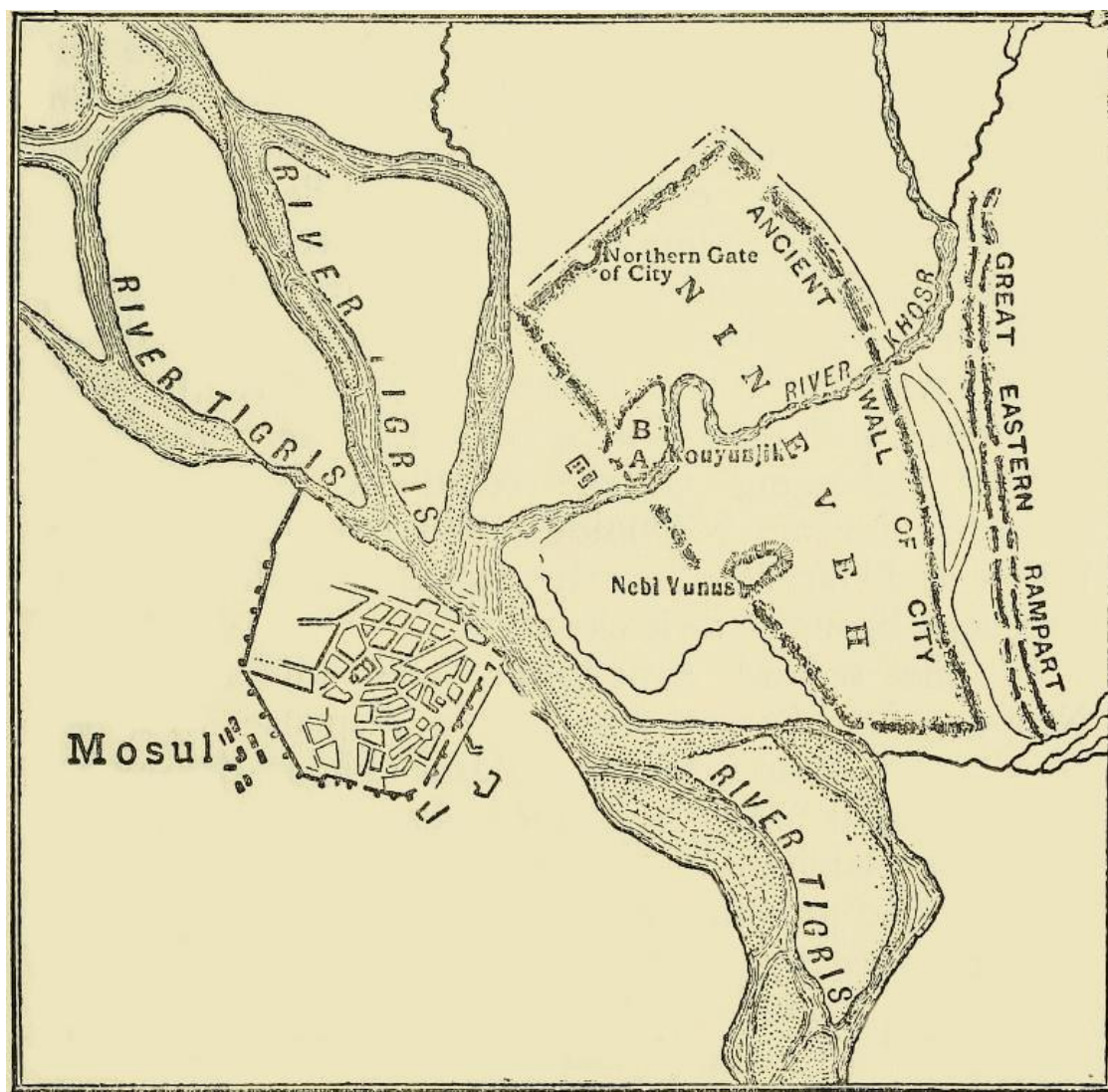
Коллекция ранневавилонских скульптур, восстановленная де Сарсеком, была с восторгом принята в Париже. В Лувре была создана восточная секция, а Леон Юзи начал публикацию монументального труда *"Открытия в Халдее от Эрнеста де Сарсека"* (Париж, 1884, и др.), который заложил основу для методичного изучения древнего халдейского искусства.

Последующие раскопки де Сарзека в Телло и его окрестностях позволили довести историю города по меньшей мере до 4000 г. до н.э., и постепенно была найдена коллекция из более чем 30 000 табличек времен Гудеа.

В 1886-1887 годах немецкая экспедиция под руководством доктора Кольдевея исследовала кладбище Эль-Хибба к югу от Телло, и ей удалось пролить свет на погребальные обычаи древней Вавилонии. Вторая немецкая экспедиция под руководством доктора Андрае, работавшая в Вавилоне в 1889 году, открыла дворец Навуходоносора и великую процессионную дорогу, а впоследствии провела раскопки в Кал'ат Шеркат, месте Асхура.

Американская экспедиция 1889 года

Интерес к вавилонской археологии в Америке возник почти с самого начала серии раскопок, о которых пойдет речь в этом очерке, и это, по всей вероятности, было связано с популярностью библейских исследований в великой республике Запада. Фонд исследования Вавилона был учрежден 30 ноября 1887 года. Раскопки в Ниппуре были начаты в 1889 году, и при первом взгляде на огромную массу курганов, скрывавших руины города-храма, члены экспедиции были не на шутку встревожены. "Даже на расстоянии я начал понимать, что не двадцати, не пятидесяти лет будет достаточно для тщательных раскопок этого важного объекта", - пишет профессор Хильпрехт.^[5] Руины напоминали скорее "живописный горный хребет", чем "последние впечатляющие остатки человеческих построек". Но американцы "сели" перед массой с мужеством своей расы, решив докопаться до ее сокровенных тайн. Сначала они строили догадки о характере зданий, скрытых от их взора. Директор, доктор Петерс, быстро исчерпал свой фонд в 15 000 долларов, не найдя ничего ценного, и, понимая необходимость быстрого обнаружения важных объектов, чтобы успокоить мнение дома, Хильпрехт указал ему на целесообразность нападения на изолированный курган, в котором, по его мнению, находились резиденции жрецов и храмовая библиотека. Петерс согласился с предложением, и почти сразу же была обнаружена важная серия табличек. Курган казался поистине неисчерпаемым, и большая часть его содержимого относилась к 2000 году до н. э., но были и более поздние таблички, относящиеся к временам правления Набополассера, Навуходоносора, Набонида, а также Кира, Камбиса и Дария. Вскоре после этого первая экспедиция была завершена.

План Ниневии (Ниппура) А. Дворец Сеннахериба. Б. Дворец Ассур-бани-пала. С разрешения директора Британского музея.

Во второй экспедиции, также предпринятой в Ниппуре, доктор Питерс решил отказаться от услуг господ Хильпрехта и Филда, экспертов-ассириологов, которые были направлены для его профессионального консультирования. Сам не являясь ассириологом, он оказался в невыгодном положении без помощи этих экспертов. Работа первой экспедиции была сосредоточена на трех заметных точках - храме, холме "скрижалей", который дал такие хорошие результаты, и "Дворе колонн". Теперь главной целью был конический холм Бинт-эль-Амир, где находились зиккурат и храм Бэла. Петерс считал, что храм был построен царем, "не сильно удаленным от Навуходоносора по времени", но многие из его выводов были пропущены Хильпрехтом. "Стремясь добраться до более древних останков до того, как более поздние слои были исследованы хоть сколько-нибудь адекватно, Петерс пробил внешнюю оболочку зиккурата, построенного из "огромных саманных блоков", в полости которого он обнаружил хорошо сохранившееся гусиное яйцо, и понял, что внутри другой башни находится более старая, совершенно другой формы и гораздо меньших размеров. С помощью диагональной траншеи, пробитой через ее центр, он определил ее высоту и характерные особенности вплоть до уровня Ур-Гура и пришел к выводу (который, однако, не подтвердился), что зиккурат этого древнего монарха был самым ранним из возведенных в

Ниппуре. Колодцы и подобные шахты были пробиты и в других местах храма, особенно в северном и западном углах, где он достиг первоначальных построек Ашшурбанапала (668-626 гг. до н. э.) и Ур-Гура (около 2700 г. до н. э.), и обнаружил разбросанные кирпичи... "показывающие, что многие цари многих веков почитали храм Бэла в Ниппуре". [6]

Деловой квартал Ниппура

Вскоре раскопщики пришли к выводу, что они попали в деловой квартал Ниппура, основывая свое убеждение на коммерческом характере найденных табличек, большом количестве дневных ярлыков, пробитых для крепления к мешкам и кувшинам, книгах записей в глине, а также весах и мерах. Однако во время раскопок зданиям был нанесен такой большой ущерб, что невозможно было определить внешний вид и план вавилонских торговых домов и складов.

В августе 1893 года Хейнс начал поиски первоначального русла и набережной реки Хебар, на которые он наткнулся на глубине двадцати футов от поверхности. В высохшем русле реки или канала он обнаружил круглый терракотовый фонтан из трех фрагментов, украшенный птицами, из пасти которых вытекала вода.

Четвертая кампания

Четвертая кампания охватывала 1898-1900 годы и проходила под непосредственным контролем Пенсильванского университета. Раскопки были начаты на крайнем юго-восточном конце западного хребта. Весну и лето Хейнс провел в "нервном поиске" табличек, хотя было предложено провести строго научное исследование Ниппура. Результатом этих поисков стали поздние таблички и гробы; находки старовавилонского характера были скудны. Директор не сошелся во взглядах со своими архитекторами, и один из них, мистер Фишер, ушел в отставку, вернувшись, однако, осенью 1899 года. Комитет в Америке попросил Хейнса ограничить свои усилия исследованием восточной половины храмового двора, и к этой задаче он приступил с рвением, хотя и с частичным успехом. Скрижали, по словам директора, достаточные для создания "отдельной библиотеки", продолжали сыпаться из "Холма скрижалей". Но не хватало технических и экспертных советов. Архитекторы хотели убрать парфянскую круглую башню, Хейнс неохотно согласился, и при ее демонтаже были обнаружены ворота древнего храма.

Возвращение Хильпрехта

Вновь появился профессор Хильпрехт, и его приезд изменил ситуацию. Опытный и эффективный археолог, он сразу увидел, что "Холм скрижалей" представляет собой место расположения храма библиотеки, и решил оставить его раскопки для более поздней экспедиции, а пока решить "более существенные топографические вопросы". Он видел, что, ответив на них, "Комитет сможет сравнительно легко поручить раскопки отдельных курганов один за другим кому-нибудь другому, если возникнет необходимость, кто менее знаком с руинами и историей их исследования". Отныне каждая траншея - а их было великое множество - зарывалась с единственной целью - систематически раскапывать сооружения и собирать необходимые данные для истории и топографии древнего Ниппура. Если эти траншеи одновременно приносили ощутимые музейные результаты, тем лучше; если же нет, - говорит он, - я не беспокоился об их отсутствии". Однако "древностей было найдено так много при реализации описанного плана, что был заново установлен принцип, согласно которому строго научный метод раскопок является в то же время самым выгодным".

Резюмируя свои "объяснения" руин в Бинт-эль-Амире, Хильпрехт пишет: "1. Сценическая башня меньших размеров существовала в Ниппуре до Саргона I (около 3800 г. до н.э.). 2. В досаргоновские времена земля вокруг священной ограды представляла собой огромное кладбище, обычный огненный некрополь. 3. Одно из названий сценической башни Ниппура навело первых жителей страны на мысль о гробнице. Со временем некоторые зиккураты были прямо обозначены вавилонянами как гробницы богов. 4. Башня Бэла занимала не центр огороженной платформы, а ее юго-западную часть, в то время как северо-восточная часть была отведена под "дом Бэла", его главное святилище, которое стояло сбоку от башни. 5. Храм Бэла состоял из двух больших дворов, примыкавших друг к другу: северо-западный двор с зиккуратом и "домом Бэла" представлял собой самое святое место или внутренний двор, а юго-восточный (внешний) двор, похоже, был усыпан святилищами всех различных богов и богинь, которым поклонялись в Ниппуре, включая одно для самого Бэла. 6. Имгур-Мардук и Нимит-Мардук, упоминаемые в клинописных надписях как две стены Ниппура (Дуру и Шалху), не могли окружать весь город. Согласно результатам раскопок, проведенных под моим руководством, двойной стеной был обнесен только храм, а сам город, по всей вероятности, оставался незащищенным. 7. Большой комплекс зданий, покрывающий вершину Бинт-эль-Амира, не имеет ничего общего с древним храмом внизу, а представляет собой огромный укрепленный парфянский дворец, сгруппированный вокруг и на остатках видимой в то время эстрадной башни".[7]

Путем тщательной проходки туннеля Хильпрехт также раскопал юго-восточную сторону досаргонской храмовой башни, но характер раскопок, чреватый внезапным обрушением почвы и кирпичей, был слишком опасен, чтобы позволить дальнейшие работы.

Дом мертвых

До нас дошли строительные записи Ассур-бани-пала, в которых храм-башня Ниппура описывается как E-gigunnû, "Дом гробницы". До этого были найдены другие названия, в которых она называлась "Гора ветра", и считалось, что это местное изображение великой мифологической "горы мира", Харсаг-куркура. Это вызывало недоумение до тех пор, пока Хильпрехт не обнаружил, что башня проникает так далеко в землю, что спускается в "город мертвых", который, согласно вавилонским верованиям, находился прямо под землей и внутри нее.

Библиотека храма

Теперь Хильпрехт обратил свое внимание на храмовую библиотеку на "Холме скрижалей", что привело к важнейшим для науки ассириологии результатам. Это здание, относящееся ко времени Абрама, теперь дало большое количество древних табличек, расположенных пластами толщиной от одного до четырех футов, как будто они когда-то были разложены на деревянных полках.

Вавилонский музей

Важной находкой стал кувшин, содержащий около двадцати предметов с надписями, в основном глиняные таблички, которые представляли собой настоящий маленький вавилонский музей, очевидно, собранный вавилонским жрецом конца 1600 года или кем-то, связанным с храмовой библиотекой. Археология, вероятно, вошла в моду во времена Набонида (556-539 гг. до н.э.), который сам был монархом с антикварными вкусами. Собирателем этого "музея" действительно взял "выжимку" или слепок с надписи Саргона I (3800 г. до н. э.), которому в его время было около 3340 лет, и даже поместил на нее этикетку,

гласящую, что этот предмет является "выжимкой" или "слепком" с камня с надписью, "который писец Набуз-Крлисир видел во дворце царя Нарам-Сина в Агаде".

Хильпрехт говорит об этой замечательной коллекции: "Владелец, или хранитель, маленького музея вавилонских оригиналов, должно быть, получил свои образцы путем покупки или через личные раскопки, проводимые в разрушенных зданиях города Бэла. Он, несомненно, жил в VI веке, примерно во времена царя Набонида, и был человеком, хорошо знающим древнюю литературу своего народа и глубоко заинтересованным в прошлой истории Ниппура. Это следует из того факта, что его ваза была найдена в неовавилонском слое "Холма скрижалей", и из того обстоятельства, что последняя древность его коллекции датируется временем правления Син-Шаришкуна, последнего представителя ассирийской династии (около 615 г. до н.э.)".

На второй год этого похода Питерс довольствовался тем, что "зондировал" как можно больше мест, а не занимался постоянными раскопками, в чем он походил на Рассама. Но его труды увенчались немалым успехом, поскольку он обнаружил большое количество касситских votивных предметов, первую большую коллекцию древностей этой династии, когда-либо найденную, и святилище царя Бур-Сина I, посвященное Бэлу около 2600 года до н. э. Раскопки больших и важных остатков зданий, сгруппированных вокруг башни храма Бэла, были, однако, главной задачей Петерса во время его второго похода. Но его надежда обнаружить множество табличек с надписями при раскопках этих руин не оправдалась. Зато ему больше повезло в треугольном кургане (известном как "Курган IV") к югу от храма, где было найдено около 2000 табличек, научные, литературные и финансовые рукописи и даже школьные упражнения, которые были найдены лопатой. Примерно в то же время раскопки в юго-восточном крыле больших курганов показали наличие тысяч табличек и множества фигурок Бэла и его супруги Белтис. Большинство табличек здесь были торговыми, и датировались примерно 2600-2000 гг. до н. э. В мае труды второй кампании подошли к концу.

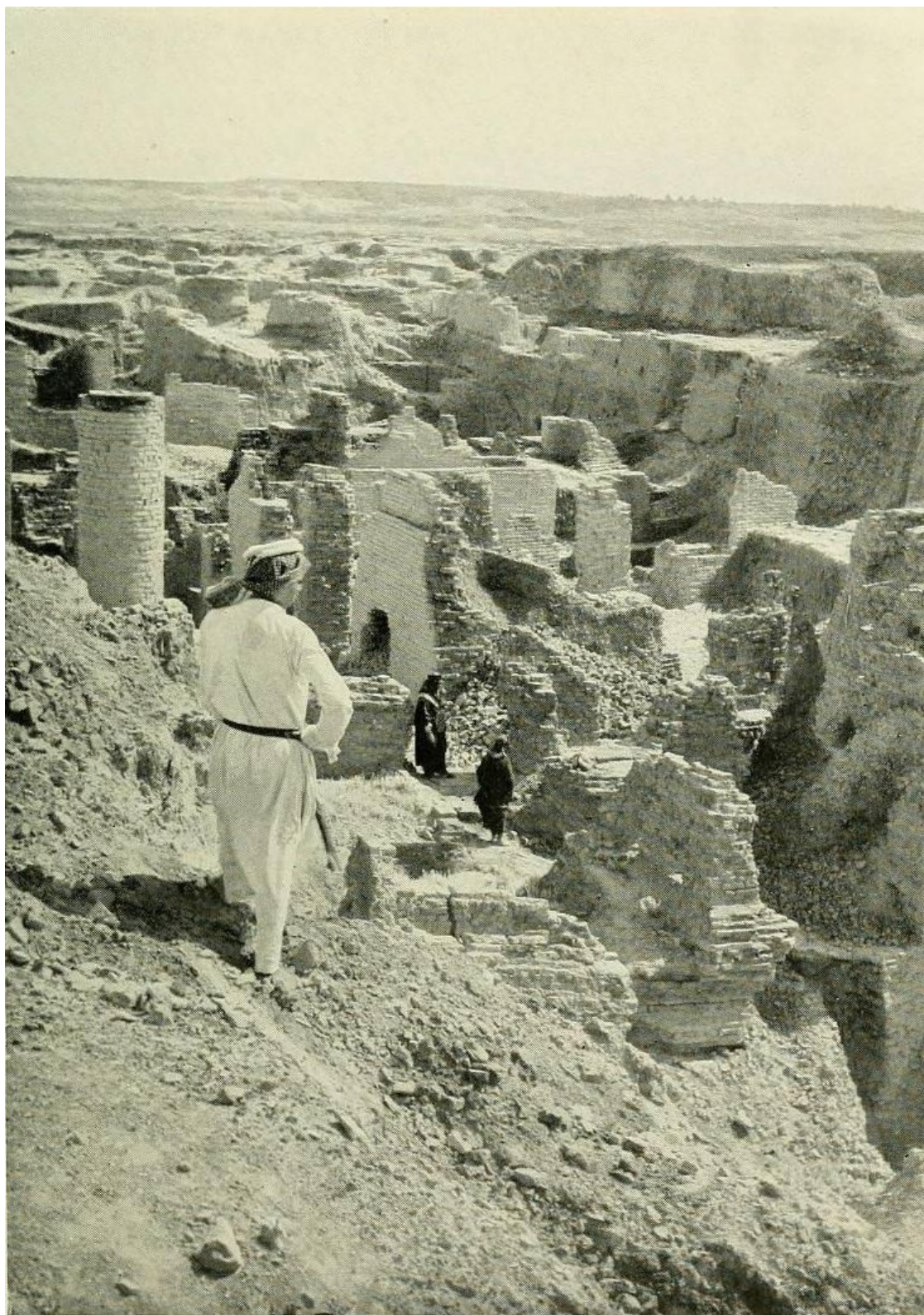
Работа Хейнса в Ниппуре

Третью кампанию (1893-1896 гг.) Питерс поручил Хейнсу, который начал работы в Ниппуре на большом хребте, протянувшемся вдоль южного берега Шатт-ан-Нила, где уже было раскопано множество табличек. Примерно за четыре месяца он собрал около 8000 табличек, а когда их запасы стали иссякать, он переключил свое внимание на храмовый курган, на котором работал раньше и который продолжал исследовать до апреля 1894 года. С помощью Джозефа А. Мейера, молодого американского архитектора, Хейнс сосредоточил свою работу на зиккурате в Ниппуре. К сожалению, Мейер умер в декабре, но не успел оказать Хейнсу неоценимую услугу в качестве архитектора-консультанта. Хейнс, не имея возможности продолжать исследование храма-кургана без совета эксперта, взялся за раскопки достаточного количества табличек, чтобы удовлетворить спрос Питерса на материалы с надписями. Позже он продолжил раскопки в Бинт-эль-Амире, где до него работал Питерс, расчистил там зиккурат Ассур-бани-пала и раскопал двор этого здания до уровня воды. Раскопки огромного фасада этого великого сооружения были огромным трудом, сотни тысяч кубических футов мусора должны были быть удалены, прежде чем была произведена частичная расчистка.

Раскопки юго-западного двора зиккурата Ассур-бани-пала были самой интересной частью работы Хейнса над храмом Бэла. Сначала ему пришлось расчистить парфянские руины, наложенные на участок, пока он не дошел до кирпичной мостовой Ассур-бани-пала. Затем он наткнулся на мостовую саргонского периода, которая проходила через значительную часть кургана в качестве разделительной линии. Мусор, лежавший под ней, был глубиной

около шестнадцати футов и был накоплен в течение более чем трех тысяч лет (3800-350 гг. до н.э.). Самым важным из многочисленных пластов этой мусорной кучи является тот, что лежит между мостовой царя Ур-Ниниба и тем, что находится непосредственно под ней. Здесь было собрано более 600 фрагментов ваз, статуй и плит, и все они, похоже, были намеренно разбиты "кем-то, кто жил между царствованиями Ур-Гура из Ура и Ур-Ниниба из Нисина" - возможно, предводителем эламского набега. Знаменитый текст Лугальзуггиси, царя Эреха, состоящий из 132 строк, был найден здесь и восстановлен Хильпрехтом из шестидесяти четырех фрагментов.

Раскапывая другие места, Хейнс обнаружил на значительной глубине древнейшую в мире арку, дренажные трубы, датируемые примерно 4500 годом до н. э., и досаргонские погребя, содержащие большие кувшины для вина или масла. В одной из камер на глубине двадцати футов были найдены деловые архивы крупной вавилонской фирмы "Мурашу и сыновья", банкиров и брокеров из Ниппура (ок. 464-424 гг. до н. э.).

Руины Вавилона были обнаружены после двенадцати лет работы немецких археологов, которые начали раскопки в 1900 году. Copyright by Underwood and Underwood, London.

Последние исследования

Последние исследования в Месопотамии были сосредоточены вокруг Вавилона, где были получены самые интересные и обнадеживающие результаты. Немецкое восточное общество

начало работы на этом месте весной 1899 года, и после двенадцати лет непрерывного труда под руководством доктора Роберта Кольдевея, опубликовало отчет о своих трудах в 1911 году.

Вавилон времен Навуходоносора II

Часть города, открытая за эти двенадцать лет раскопок, относится ко времени правления Навуходоносора II и Набонида, последнего коренного царя Вавилона, но некоторые части раскопанных руин были построены в гораздо более древнюю эпоху Хаммурапи, великого законодателя, и даже во времена Первой династии. Поздний Вавилон известен нам по страницам Геродота и Ктесия, и исследователи быстро обнаружили, что рассказы этих писателей нисколько не соответствуют реальным топографическим условиям раскопанных и обследованных руин. Геродот говорит о Вавилоне в 53 мили в окружности, а Ктесий не намного скромнее, оценивая его в более чем 40 миль. Городская стена с северо-восточной стороны все еще может быть прослежена полностью, и остается доказать, что город с этой стороны измерялся не более чем 2 3/4 мили, и, исходя из этого, мы получаем приблизительную окружность в 11 миль - цифра, намного меньшая, чем оценка "отца истории".

Внешняя стена

Сами стены представляют значительный интерес. Толщина внешней стены составляла почти двадцать футов, и построена она была из обожженного кирпича с царской печатью Навуходоносора. То тут, то там ее длину нарушали башни, служившие для обзора или обороны. Геродот утверждает, что верхняя часть стены была настолько широкой, что колесница с четырьмя лошадьми могла легко развернуться на ее поверхности, и что у двух таких машин было достаточно места, чтобы проехать одна другой без риска для лошадей и водителя. Во время осады по этому настенному шоссе можно было перемещать отряды людей, чтобы в кратчайшие сроки доставить защитников для охраны любой части оборонительных сооружений, которая находилась под угрозой.

Бабиль как цитадель

Курган Бабиль, о котором мы часто упоминали в этом рассказе о вавилонских раскопках, был признан немецкой экспедицией цитаделью, построенной Навуходоносором в оборонительных целях - местом убежища, куда царь и двор могли перебраться в случае захвата самого города. В ней находились царские склады и казна, большой арсенал и оружейная палата, и есть основания полагать, что монарх проживал там даже в мирное время. Это был действительно миниатюрный город, меньший Вавилон, содержащий все необходимое для царской поддержки и удовольствия.

Водоснабжение Вавилона

Вопрос о подходящем водоснабжении волновал муниципальный Вавилон так же остро, как и любой из наших крупных населенных пунктов, и недавние раскопки проиллюстрировали, как Евфрат использовался для этой цели. Набополассер оставил надписи, показывающие, как он перестроил стены канала под названием Арахту, чтобы провести реку Евфрат за пределы города. Навуходоносор построил массивное укрепление со стенами толщиной от пятидесяти до шестидесяти футов в русле Евфрата, чтобы предотвратить образование песчаных отмелей в реке, которые, возможно, вызвали наводнение на левом берегу выше храма Э-Сагилы. В результате между новой стеной и старой пристанью остался узкий канал, и вполне вероятно, что это грандиозное сооружение вызвало последующее изменение русла Евфрата.

Дворец Навуходоносора

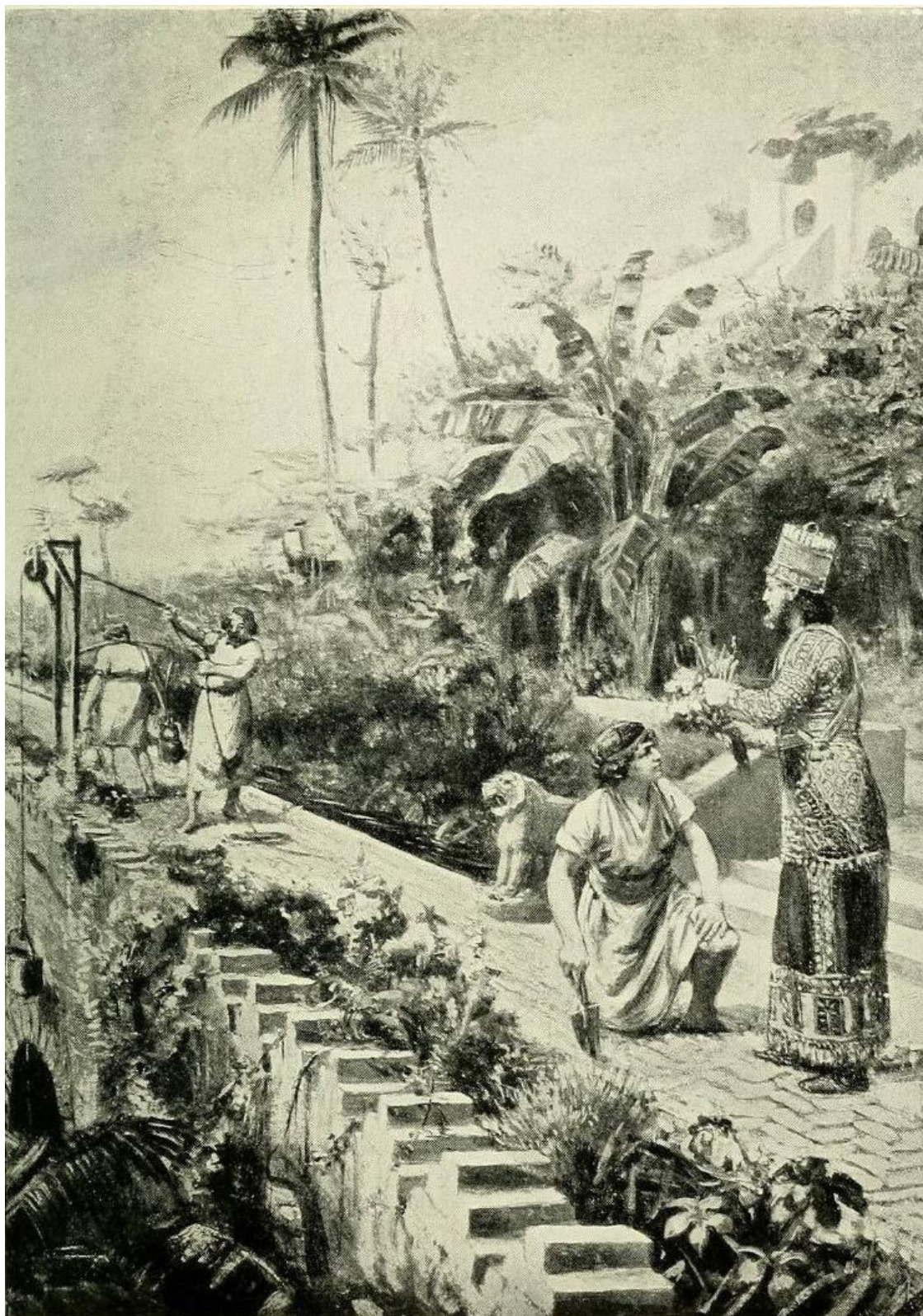
Дворец Навуходоносора находился в южной цитадели на кургане, известном как Каср. На это здание он потратил много времени и средств. Когда он взошел на трон, на этом месте находилась резиденция его отца Набополассера, но, вернувшись из своих победоносных египетских походов, он презрел старое место и, подобно некоторым современным властителям, решил построить себе царское здание, которое символизировало бы силу и величие империи, которую он завоевал для себя. Он превратил дворец своего отца в платформу для возведения своего более вычурного строения и заполнил его комнаты, дворы и пространства обломками.

Дворец без окон

По большей части дворец был построен вокруг открытых дворов, во многом по испанской моде, и в нем нет никаких следов окон - явление, которое постоянно повторяется в древних зданиях на Востоке, в Египте и в Центральной Америке. Но если принять во внимание экстремальную жару в этих широтах, то можно оценить стремление к прохладному полумраку, которое и привело к появлению камер без окон. Плоские крыши также использовались для сна, так что жители не полностью отказывались от свежего воздуха.

Большой тронный зал

Но, безусловно, самым интересным помещением во дворце является Большой тронный зал Навуходоносора, апартаменты, которым он уделял столько внимания и заботы. Он стоит сразу к югу от Большого двора и является самым просторным помещением во дворце. В стене напротив парадного входа со двора находится глубокое углубление или ниша, где, как считается, должен был стоять царский трон, так что не только придворные в Тронном зале, но и более мелкие сановники, толпившиеся во дворе без него, могли видеть монарха Восточного мира, восседающего во всем своем великолепии на императорском троне. Как ни странно, стены этой великой государственной квартиры были просто оштукатурены белым гипсом, а кирпичная кладка внешнего фасада, выходящего во двор, была украшена яркими эмалями, изображавшими самые сложные цветочные и геометрические узоры в синих, желтых, черных и белых тонах. Подобные орнаменты, вероятно, были бы запрещены в Тронном зале из-за сильных отражений от ярко отполированной эмалированной поверхности, а, как мы уже видели, тепло и свет были табу в вавилонских интерьерах.

Висячие сады Вавилона.- М. Довастон, R.B.A. - С разрешения Messrs Hutchinson and Co.

Дренажная система

Двери в стене тронного зала сообщались с личными апартаментами царя. Гарем и другие чисто частные апартаменты располагались дальше к западу, над прежней резиденцией Набополассера, а официальная часть дворца находилась на востоке. В дворце существовала

сложнейшая дренажная система, которая отводила дождевую воду не только с плоских крыш, но и со дворов и стен. Большие водостоки имели крыши в форме карниза, а маленькие были сложены из кирпичей в форме буквы "V" и закрыты сверху другими кирпичами, уложенными плашмя. Также использовались вертикальные шахты и желоба, которые проводились по бокам башен и укреплений.

Висячие сады

Еще одно сооружение было указано как возможное основание знаменитых Висячих садов Вавилона. Оно состоит из нескольких сводчатых камер, по семь с каждой стороны от центрального прохода. Эти камеры перекрыты полукруглыми арками и с севера опираются на дворцовую стену. Известно, что при строительстве этого "чуда света" использовался тесаный камень, и только в трех других местах дворцовых владений (Священная дорога, мост через Евфрат и стена Каср) использовался камень. Это указывает на то, что место, о котором идет речь, относится к Висячим садам, на которые были уложены слои земли и посажены кустарники, деревья и беседки, украшавшие их. Бероссус четко указывает, что эти сады находились внутри зданий, которыми Навуходоносор расширил дворец своего отца. Но размеры этого сооружения не совпадают с теми, что приводят Страбон и Диодор, и воображение восстает от мысли, что эти знаменитые и романтические сады имеют своим основанием этот непонятный и прозаический подвал. Археология должна что-то оставить нам. Во что бы то ни стало, пусть у нас будет истина и просвещение - если только истина сама по себе не уродливее лжи! Профессор Кинг[8] проницательно предположил, что эти подвалы служили дворцовым зернохранилищем, и мы должны быть благодарны ему за это предположение.

Великие ворота Иштар

Именно весной 1902 года доктор Колдевей сделал важное открытие Великих ворот богини Иштар, которые пересекали Священный путь имперского города. Это башенное сооружение, украшенное рельефными фигурами мифических животных из цветного кирпича, было выкопано из земли и представляет собой двойной памятник древним строителям и терпеливым археологам, которые извлекли его из песков древности. Это были главные ворота в северной стене цитадели, перестроенные ревностным Навуходоносором. Они двойные (ведь линия укреплений, на которой они стояли, была двойной), и спереди состоят из двух высоких башен с воротами позади. Фигуры животных расположены таким образом, что глазу приближающегося к городу человека кажется, что они выходят ему навстречу. На воротах было изображено не менее 575 этих существ, любимыми темами которых были быки и драконы, прекрасно и реалистично смоделированные в рельефе.

Улица процессий

Часть улицы Процессий, на которую выходили эти ворота, также была раскопана. Эта магистраль имела внушительную ширину и проходила с севера на юг прямо через весь город. Это была своего рода Via Sacra, так как по ее камням несли изображение Мерадаха в день его высокого праздника. Пользоваться ею могли только пешие пассажиры, колесницам и другим конным транспортным средствам она не разрешалась. Его фундамент выложен из жженого кирпича, на который наложена верхняя плита из брекчии (конгломератной породы).

Храмы Вавилона

Интерес, естественно, сосредоточился вокруг раскопок пяти великих храмов Вавилона, планы четырех из которых были обнажены. Первым был раскопан храм Э-Мах, посвященный богине Нин-Мах. В нем находится один из двух алтарей, найденных в Вавилоне, - сооружение из грубого кирпича, простое и ничем не украшенное, которое стоит перед главным входом. Поскольку единственный другой образец в городе занимает точно такое же место, мы должны заключить, что обычай или ритуал диктовали внешнее место для жертвенного алтаря. Храм Нин-Мах был простым святилищем из глинобитного кирпича, украшенным черно-белыми узорами, наложенными на скудное покрытие из побелки. Нин-Мах (великая госпожа) - один из титулов Иштар. Храм, похоже, был построен вокруг большого двора, а вход в него осуществлялся через ворота, окруженные рядом квадратных массивных башен, по три с каждой стороны. За святилищем есть длинный узкий проход, который, вероятно, открывал доступ к скрытому отверстию в задней стене храма за изображением богини, которая таким образом могла изрекать оракулы. Во внутреннем дворе находился колодец, из которого черпали воду для проведения люстральных обрядов.

Мы не знаем точной формы верхней части вавилонских храмов (кроме *зиккуратов* или башен), поскольку в большинстве случаев до нас дошли только нижние части их стен. Но из некоторых табличек и печатей, на которых изображены храмы, мы можем понять, что они, вероятно, были украшены башнями или кастеллами спереди и, возможно, по бокам, а вход был арочным, и фасад представлял собой картину, не очень похожую на сильно построенный замок норманнской эпохи. Действительно, один неопознанный храм напоминает тюрьму, настолько он грозен в своей почти непрерывной линии башен и подпорных стен. Однако не стоит забывать, что цвет придает красочность этим зданиям, тяжелые фасады которых в противном случае были бы просто унылыми.

Э-Сагила

Храм Э-Сагила, посвященный Меродаху, божеству-покровителю Вавилона, безусловно, является самым важным в черте города. Он не был полностью раскопан в кургане Телль-Амран, но его основная западная часть была обнаружена, и оказалось, что, как и другие вавилонские святилища, он состоял из ряда камер, построенных вокруг открытого двора. В центре каждой стороны находились открытые ворота, где когда-то стояли знаменитые восемь бронзовых змей, по две на каждый вход. Особое святилище Меродаха, до сих пор не раскопанное, находилось на западной стороне, имело возвышающийся вход и украшенный фасад, который, по словам Навуходоносора, он заставил "сиять, как солнце". Он покрыл стены святилища золотом и покрыл его крышей из лучших кедров из Ливана, "благородного леса". Здесь, говорит Геродот, покоилась могучая фигура бога, которая вместе с тронem, помостом и столом перед ней была сделана из чистого золота, весом в 800 талантов. К северу от храма Меродаха возвышался его *зиккурат*, или башня. Пока что раскопки на ней в некоторой степени опровергли рассказ Геродота о том, что она состояла из ступенчатой башни в восемь ступеней с подъемом на вершину, опоясывающей ее снаружи. На первой ступени, которая сейчас открыта, есть тройная лестница, построенная против одной стороны башни, но мы никогда не узнаем, какими были верхние этажи, потому что они уже давно рассыпались в пыль пустыни. Доктор Колдевей считает, что великая башня была построена в один этап, украшена цветными лентами и увенчана святилищем.

Великая башня Набу (Э-Зида)

Фундамент великой башни Набу в Борсиппе, пригороде Вавилона, еще ждет раскопок, но в нынешнем виде она возвышается над пустыней на высоту более 100 футов. Расчистка ее

основания потребует колоссальных трудозатрат, но когда это будет сделано, наши знания об этих храмах-башнях значительно расширятся.

Мост через Евфрат

Мост через реку Евфрат заслуживает упоминания, поскольку он представляет собой самый древний мост, известный археологической науке. Он имеет каменные опоры, построенные в форме лодок, что свидетельствует о том, что он произошел от более раннего моста из лодок. Носы этих опор были направлены вверх по течению и таким образом разрушали силу течения. Ширина реки в том месте, где ее пересекал мост, составляла не менее шестидесяти футов, а проход из дерева был проложен через лодочные опоры и, должно быть, был довольно узким. Это сооружение было делом рук Набополассера.

Старший Вавилон

В первые годы своей работы раскопщики считали, что разрушение старых частей города Сеннахерибом было настолько полным, что в ходе раскопок можно было обнаружить лишь немногие его остатки. Но со временем выяснилось, что реликвии старых кварталов лежат в основном под уровнем воды. В кургане Менкес на глубине около тридцати футов был раскопан квартал древнего города, и четко прослеживались очертания его улиц. Еще ниже были найдены дома, относящиеся к периоду правления Меровдах-баладана I (1201-1189 гг. до н.э.) и Мели-шипока II (1216-1202 гг. до н.э.). Толстый слой пепла показал, что еще более ранняя часть города была уничтожена огнем, и этот архаичный квартал был идентифицирован как город Хаммурапи, царского законодателя (2123-2081 гг. до н.э.), и его ближайших преемников, согласно датированным табличкам, найденным среди обгоревших обломков - немых свидетелей катастрофы, постигшей первую династию Вавилона.

Градостроительство

Заметно, что более поздние улицы в точности повторяют направление и план более древних магистралей, которые, в общем, шли на север и юг, параллельно Священному пути. Профессор Кинг^[9] считает, что здесь мы имеем преднамеренную попытку градостроительства на научной основе! Он приписывает это семитскому элементу в составе населения, поскольку в шумерских городах нет никаких следов градостроительства. И все же Вавилон был странно консервативен. Как она начала, так и продолжила, и ее ранние усилия были превзойдены только по масштабам, но не по качеству целей.

[1] Но ср. 1 Царств хix 16, и далее; 2 Царств ix и x.

[2] *Explorations in Bible Lands* (T. and T. Clark, 1903).

[3] *Assyrian Discoveries*, p. 9 (London, 1875).

[4] *Assyrian Discoveries*, p. 148 (London, 1875).

[5] *Explorations in Bible Lands* (T. and T. Clark, 1903).

[6] Hilprecht, *Explorations in Bible Lands*, p. 232 (T. and T. Clark, 1903).

[7] *Explorations in Bible Lands* (T. and T. Clark, 1903).

[8] *История Вавилона*, с. 50 (1915).

[9] *История Вавилона*, стр. 85.

ГЛАВА XV: СУМЕРКИ БОГОВ

С падением Ассирийской империи в 606 году до н. э. Вавилония вновь обрела свой национальный статус. Это означало, что ее национальный бог Меродах больше не подчинялся ассирийскому Асхуру в политическом смысле и вновь занял место единственного главы вавилонского пантеона.

Велико, должно быть, было удовлетворение вавилонского народа, когда, избавившись от этой сравнительно легкой тирании, он смог поклоняться своим собственным богам, свободный от унижительного воспоминания о том, что его северные соседи считали все вавилонские святыни уделом Ассирийской империи. Набополассер и Навуходоносор, его преемник, осуществили эти изменения, и последний царь поставил Набу на равную ногу с Меродахом. Было ли это причиной его наказания? Только ли из-за того, что он преступил религиозный обряд, ему пришлось подвергнуться тем ужасным наказаниям, о которых мы читаем в Писании? Жречество Меродаха, должно быть, обладало огромной и практически неограниченной властью в Вавилоне, и мы можем быть уверены, что любое вмешательство в их вновь обретенные привилегии, как это предлагается здесь, повлекло бы за собой быстрое наказание. Поверил ли несчастный монарх в то, что на него было наложено заклятие и что он превратился в животное по велению разгневанного божества? Мы не можем сказать. Причина его несчастья навсегда должна остаться одной из загадок древнего мира.

Несчастный Набонид тоже попытался заменить культы Меродаха и Набу культом Шамаша. Это ускорило его гибель, так как жрецы стали его злейшими врагами, и когда перс Кир вошел в ворота Вавилона как завоеватель, его приветствовали как спасителя чести Меродаха.

Последние коренные цари Вавилонии были великими храмостроителями, и эту политику они продолжали до самого конца. Действительно, во времена Навуходоносора произошло возрождение древних и полузабытых культов, а многие местные боги были вознесены на невиданную доселе высоту.

Кир-завоеватель

Затем в 539 году до н. э. пришел Кир-завоеватель, и начался период упадка вавилонской религии. Победитель просто поддерживал культы Меродаха и Набу из политических соображений, и когда греки в свою очередь стали править Вавилонией, они последовали в этом отношении примеру персов. После поражения перса Дария в битве при Арбеле (331 г. до н. э.) путь в Вавилон был открыт для могущественного Александра Македонского. Это стало началом конца. Старая религия влачила жалкое существование примерно до начала христианской эры, а затем медленно, но верно исчезла под ударами эллинского скептицизма, христианской пропаганды и языческих капризов.

То, что вера, столь энергичная, столь древняя, столь укоренившаяся в любви народа, как вера Вавилонии, должна была впасть в такое глубокое забвение, чтобы быть полностью забытой в течение почти девятнадцати веков, является торжественным и впечатляющим напоминанием о быстротечном характере человеческих дел. Они были людьми рук, эти древние месопотамцы, великие богословы, великие строители, великие воины. Однако их могучие дела, их живая вера не оставили после себя "ни единого пятнышка", кроме курганов

мусора, которые при раскопках современными антикварами были обнаружены как жалкие остатки великолепия Вавилона и помпезности города Асшура. Не кроется ли в этом великий урок для современности? Должны ли наша цивилизация, наша вера, все, что принадлежит нам и что мы взрастили, - должны ли они также исчезнуть в тени беспамятства, как и цивилизация Месопотамии?

Великий урок

Ответ на этот вопрос зависит от нас самих - от каждого из нас. Если мы останемся цивилизованными людьми, стремящимися и всегда стремящимися усовершенствовать и очистить свою жизнь, свое поведение, свой интеллектуальный кругозор, одухотворить свою веру, то хотя дела рук наших могут превратиться в пыль, дела ума, души нашей не исчезнут, а останутся в сознании потомков до тех пор, пока длится человеческая память. Вера древнего Вавилона потерпела крах, потому что была построена скорее на поклонении хрупким и зверским богам, чем на любви к истине, - боги, многие из которых были замаскированными дьяволами, но дьяволы ничуть не хуже наших извергов амбиций, жадности, драчливости, несимпатичности. Благодаря поклонению таким богам Вавилон пришел к забвению. Давайте посмотрим на колоссальные обломки этого могущественного творения человека и, окинув взглядом пропасть длиной в десятки веков, где в мираже легенды сверкают его "облачные башни и великолепные дворцы", подготовимся к борьбе, которую человечеству еще предстоит вести с тьмой, болезнями, суевериями. Но, с грустью вспоминая ее падение, давайте будем великодушны и добры к ее мертвому могуществу, к древним усилиям, которые она прилагала, стремясь к своим огням, к ее живописной и многоцветной жизни, и, не в последнюю очередь, к ее достижениям - изобретению тех символов, с помощью которых слова человека могут быть переданы его брату через безмолвный океан времени.

ГЛОССАРИЙ И УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗНОШЕНИЕ АССИРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ассирийский язык во многих отношениях отличается от других семитских языков. В нем мало гуттуральных звуков, которые в основном были сглажены. Так, "ба'л" превратился в "бел", а "хадад" - в "адад". С другой стороны, считается, что в клинописи могли отсутствовать гортанные звуки. Клинописная система письма настолько несовершенна и сложна, что мы должны делать определенные оговорки при принятии транскрипций современных ассириологов, и поэтому следует понимать, что ассирийские имена и слова, как мы их знаем и как они представлены в настоящей работе и указателе, могут быть еще сильно изменены в результате будущих исследований. Ассирийские имена, известные сегодня, произносятся по аналогии с произношением других семитских языков. Так, "Шин'ар" в Писании пишется как еврейское "айн" (гортанное "а"), и нам неизвестно, интерполировал ли автор Писания гортанное или нет. Аналогия в данном случае не является столь ценным руководством, как в случае с египетским языком, где у нас есть коптский язык в его современном виде, и вообще маловероятно, что мы когда-нибудь узнаем гораздо больше, чем знаем о произношении языка, письменные символы которого так неопределенны в отношении их точных алфавитных значений.

Оглавление - расширенное

Гл. 1 - Вавилония и Ассирия в истории и легендах

Аккадцы - семиты-завоеватели - вавилонские завоеватели - первая библиотека в Вавилонии - Гудея - Хаммурапи Великий - убийство при дворе - ТиглатПилесер - Семирамида Великая - Вторая Ассирийская империя - Сарданапал Великолепный - Первая великая библиотека - Последние цари Ассирии - Навуходоносор - Последний из вавилонских царей - История Беросса - Рассказ Беросса о потопе - Аналогии с мифом о потопе - Вавилонская археология - Вавилонская башня - Нимрод, Могучий охотник - Абрам и Нимрод - Персидская версия - "Вавилоника" - Клинопись - Гротефенд - Роулинсон - Происхождение клинописи - Священная литература Вавилонии - Гимн Адару.

Гл. 2 - Вавилонская космогония

Вавилонский миф о сотворении мира - рождение богов - мрачная троика - тип вавилонской космологии - связь с легендой об Ионе.

Гл. 3 - Религия раннего Вавилона

Начало вавилонской религии - Духи и боги - Была ли вавилонская религия семитской по типу? - Тотемизм в вавилонской религии - Великие боги - Бел-Бел и дракон - Бельтис - Храм Бел-Нергал - Дибарра - Шамаш-Эа - Письмена Оаннеса - История Адапы и южного ветра - Ану - Иштар - Сошествие Иштар в Аид - Таммуз и Иштар - У ворот Аралу - Иштар и Персефона - Плач по Таммузу - Аллегорическая интерпретация мифа - Иштар, Таммуз и растительность - Иштар и Эстер-Ланг об истории Эстер-Нин-Гирсу-Бау-Наннар-Наннар в упадке-Аралу, или Эрес-ки-Гал-Дагон-Нириг, или Эну-Ресту.

Гл. 4 - Эпос о Гильгамеше

Рождение Гильгамеша - Эабани - Гильгамеш как тиран - Обольщение Эабани - Гильгамеш встречает Эабани - Чудовище Хумбаба - Любовь Иштар к Гильгамешу - Бык Ану - Смерть Эабани - Поиски Гильгамеша - Гильгамеш и Ут-Напиштим - Миф о потопе - Вавилонский ковчег - Посланцы птиц.

Гл. 5 - Поздний пантеон Вавилонии

Небо-Небо как бог зерна-Ташмит-Шамаш и Хаммураби-Хадад-Хадад, Дада, Давид и Дидо-Эа в поздние времена-Зу-Легенда о Зу-Беле-Триада земли, воздуха и моря-Даукина-Ану.

Гл. 6 - Великий бог Меродах и его культ

Новогодняя церемония.

Гл. 7 - Пантеон Ассирии

Асшур - секрет ассирийского величия - Асшур как завоеватель - Иштар в Ассирии - Иштар как богиня войны - Ниниб как ассирийский бог войны - Ниниб как бог-охотник - Даган - Ану - Рамман - Шамаш - Син в Северной стране - Нуску о блестящем скипетре - Бел-Меродах - боги-заключенные - ассирийские Бел и Белит - Набу и Меродах - Эа-Диббарра - младшие боги.

Гл. 8 - Вавилонское звездопоклонство

Легенда о происхождении звездопоклонничества и идолопоклонства-спекуляции халдеев-планеты, отождествляемые с богами.

Гл. 9 - Жречество, культ и храмы

Вавилонская этика - Храмы Вавилонии и Ассирии - Великие строители храмов - Храм Э-Кура - Блистательный дом - Вавилонская этика - Храмы-близнецы - Храмы как банки - Праздники и фестивали - Царский день - Ритуалы оплакивания - Ужас затмения.

Гл. 10 - Магия и демонология Вавилонии и Ассирии

Вавилонская этика - священники-волшебники - миф о зубной боли - слово силы - вавилонские вампиры - вавилонская этика - говорящая голова - боги и демоны - легенда об Уре - очищение - комната священника - маг - поиск ведьмы - магический круг - вавилонские демоны - табу - народные суеверия - омены - ритуал гепатоскопии - пропавший караван.

Гл. 11 - Мифологические чудовища и животные Халдеи

Крылатые быки - собака в Вавилонии - легенда о собаке - боги Газели и козлы - культ козла - нашествие чудовищ - вавилонская этика.

Гл. 12 - Сказания о вавилонских и ассирийских царях

Вавилонская этика - Ханаанеи - Боги финикийцев - Карфагенская религия - Религия Зороастра - Вавилонская этика.

Гл. 13 - Сравнительная ценность вавилонской и ассирийской религий

Семитский консерватизм - сравнение тевтонов и кельтов - вавилонская религия типично анимистическая - теория матери-богини - влияние вавилонян на еврейскую религию - влияние вавилонян на других семитов - ханаанеев - боги финикийцев - карфагенская религия - религия Зороастра - вавилонская этика.

Гл. 14-Современные раскопки в Вавилонии и Ассирии

Вавилонская этика - Где спал Роулинсон - Вавилонская этика - Вавилонская этика - Ормузд Рассам - Де Сарзек - Американская экспедиция 1889 года - Деловой квартал Ниппура - Четвертый поход - Возвращение Хильпрехта - Дом мертвых - Храмовая библиотека - Вавилонский музей - Работа Хейнса в Ниппуре - Последние исследования - Вавилон Навуходоносора II - Внешняя стена - Бабиль как цитадель - Водоснабжение Вавилона. Дворец Навуходоносора - Вавилонская этика - Большой тронный зал - Вавилонская этика - Висячие сады - Большие ворота Иштар - Улица процессий - Храмы Вавилона - Э-Сагила - Большая башня Набу (Э-Зида) - Вавилонская этика - Вавилонская этика - Планировка города.

Гл. 15 - Сумерки богов

Кир-завоеватель - Вавилонская этика.